СЕМИОТИКА КРИЗИСА

ИМПЕРАТИВЫ ВЫЖИВАНИЯ, ОБНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

В ознаменование Международного десятилетия (2005-2014) образования в интересах устойчивого развития и Международного года (2010) сближения культур

Под редакцией А.В.Бирюкова и В.И. Ионесова

УДК 003+304.2+330+101

С 30 Семиотика кризиса: императивы выживания, обновления и развития». Междунар. науч. конф. (2010; Самара) = Semiotics of Crisis: Imperatives of Survival, Renovation and Development. Материалы Междунар. науч. конф. «Семиотика кризиса: императивы выживания, обновления и развития», 19-20 мая 2010 г. [Текст] / НОУ ВПО «СИ ВШПП»; под ред. А.В.Бирюкова, В.И.Ионесова. – Самара: ООО «Изд-во ВЕК #21, 2010. – 528 с.

Semiotics of Crisis: Imperatives of Survival, Renovation and Development. Collections of Papers of International Scientific Conference (19-20 May, 2010). – Edited by A.V. Biriukov and V.I. Ionesov; Samara Institute "Higher School of Privatization and Enterprise". – Samara: VEK 21#, 2010. - 528 pp.

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор *Т.В. Борисова*;
доктор экономических наук, профессор *С.А. Антипин*

В сборнике представлены материалы Международной научной конференции «Семиотика кризиса: императивы выживания, обновления и развития», объединившей представителей различных областей знания для междисциплинарного изучения сущности и особенностей критических состояний в социальных, экономических и культурных процессах, императивов развития кризисного общества и его символико-знаковых манифестаций. Рассматриваются вопросы по семиотике и феноменологии кризиса, переходной культуры, глобальных трансформаций, риск-менеджмента и антикризисных технологий в контексте вызовов и парадигм развития современной цивилизации.

Рекомендуется преподавателям вузов, научным работникам и всем, кто интересуется теорией и практикой социальных преобразований, устойчивого развития и антикризисного управления в меняющемся обществе.

ISBN 978-5-84270-728-6

© Коллектив авторов, 2010
© СИ – «ВШПП», 2010

SEMIOTICS OF CRISIS

IMPERATIVES OF SURVIVAL, RENOVATION AND DEVELOPMENT

As contribution to UN Decade (2005-2014) of Education for Sustainable Development and International Year 2010 for the Rapprochement of Cultures

Edited by Andrey V. Biriukov and Vladimir I. Ionesov

САМАРСКИЙ ИНСТИТУТ – «ВЫСШАЯ ШКОЛА ПРИВАТИЗАЦИИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА»
ЦЕНТР МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОЕКТОВ

При участии и поддержке:
Самарского культурологического общества
«Артефакт – культурное разнообразие» (Россия)
Международной комиссии по срочным антропологическим исследованиям
(Австрия)
Международного журнала
«Транснациональные перспективы»
(Швейцария)
Самаркандского международного музея мира и солидарности
(Узбекистан)
Journal Donation Project (США)

Редакционная коллегия:
Бирюков А.В.
Ионесов В.И.
Васильева Л.Ф.

Международный научный совет:
Бирюков А.В. (Россия)
Весбауер-Хоэнварт С. (Австрия)
Ионесов В.И. (Россия)
Кошкина М.В. (Россия)
Комса А. (Румыния)
Мартынович С.Ф.(Россия)
Михелькевич В.Н. (Россия)
Остербик Л. (Португалия)
Тромпф Г. (Австралия)
Фоломеев С.Н. (Россия)

Международный координатор:
Ионесов В.И.

Художественное оформление:
Леонова В., Герман А. (обложка), Корнеева А.

Технический редактор:
Васильева Л.Ф.

Перевод английских текстов:
Александрова А., Селькова Т., Савинкова О., Меньшова И., Харитонова Н., Шерстнев А.

Все материалы, представленные в настоящем сборнике, даны в авторской редакции.

**SAMARA INSTITUTE – HIGHER SCHOOL
OF PRIVATIZATION AND ENTERPRISE
CENTRE OF INTERNATIONAL DEVELOPMENT AND PROJECTS**

WITH COLLABORATION AND INFORMATION SUPPORT:
**Samara Society for Cultural Studies
(Russia)
International Commission on Urgent Anthropological Research
(Austria)
Samara Scientific Centre of Russian Academy of Sciences
(Russia)
Transnational Perspective Journal
(Switzerland)
Samarkand International Museum of Peace and Solidarity
(Uzbekistan)
Journal Donation Project
(USA)**

Editorial Board:
Andrey V. Biriukov
Vladimir I. Ionesov
Lubov F. Vasilyeva

International Advisory Board:
Andrey Biriukov, Russia
Alexandra Comsa. Romania
Sergey A. Folomeev, Russia
Vladimir I.Ionesov, Russia
Marina V. Koshkina, Russia
Sergey F. Martynovich, Russia
Valentin N. Mikhelkevich, Russia
Luiz Oosterbeek, Portugal
Garry Trompf, Australia
Stephanie Wiesbauer-Hohenwart, Austria

Design:
Valentina Leonova, Anna German (cover)
Alyona Korneeva

Technical editor:
Lubov F. Vasilyeva

The contents of this edition do not necessary reflect the views or policies of organizers and partners of conference or the Editorial and Advisory Boards, nor are they an official record. Contributions to this volume are the responsibility of the authors.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ
Уадлоу Р. *(Женева, Швейцария)* 15

ВВЕДЕНИЕ
Бирюков А.В., Ионесов В.И. *(Самара, Россия)* 19

ГЛАВА I. СЕМИОТИКА КРИЗИСА В ДИСКУРСЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ЗНАНИЯ 27

Узилевский Г.Я. *(Орёл, Россия)*
СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 28

Буровская Е.В. *(Красноярск, Россия)* 42
СЕМИОТИКА КРИЗИСА

Дмитриева Э.Я., Дмитриева Н.А. *(Самара, Россия)*
СЕМИОТИКА КРИЗИСА: РЕЧЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ДИСКУРСЕ МЕТОДОЛОГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА 53

Овруцкий А.В. *(Ростов-На-Дону, Россия)* 66
КРИЗИС СВЕРХПОТРЕБЛЕНИЯ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И СЕМИОТИКА

Гайкин В.А. *(Владивосток, Россия)* 75
ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В 21 ВЕКЕ И РОССИЯ

Тимошин Н.И. *(Самара, Россия)* 85
СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

Ионесов В.И. *(Самара, Россия)*
КРИЗИС РАЗЛИЧИЙ И ВЫЗОВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЯСНЕНИЯ 102

ГЛАВА II. КРИЗИС И АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЯСНЕНИЯ 143

Найденова Т.А. *(Сыктывкар, Россия)* 144
ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА НА НАЛОГОВУЮ СИСТЕМУ

Бирюков А.В. *(Самара, Россия)*
СТРУКТУРНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ И РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ В ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ 158

Сарак А.Л. *(Бухарест, Румыния)* 184
РОЛЬ ИНВЕСТИЦИЙ В ПЕРИОД КРИЗИСА

Желнина Е.В. *(Тольятти, Россия)* 195
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ПЕРСОНАЛА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Ермолаев К.Н. *(Самара, Россия)*
РОЛЬ ФИКТИВНОЙ ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ КАПИТАЛА В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДПОСЫЛОК ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 203

Вареник В.Н. *(Днепропетровск, Украина)*
ДОСТИЖЕНИЕ ПОЗИТИВНОГО САЛЬДО ТОРГОВОГО БАЛАНСА УКРАИНЫ КАК МЕТОД ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА В ПРОМЫШЛЕННОМ СЕКТОРЕ (МЕТАЛЛУРГИЯ) 214

Пестовская З.С. *(Днепропетровск, Украина)* 227
НАПРАВЛЕНИЯ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ МЕСТНЫМИ ФИНАНСАМИ

Швецова И.Н. *(Сыктывкар, Россия)*
УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСОВЫМИ РЕСУРСАМИ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА (НА ПРИМЕРЕ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ) 242

Тимофеенко Л.П. *(Днепропетровск, Украина)*
АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ПРИВАТИЗАЦИИ В УКРАИНЕ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 254

Кошкина М.В. *(Москва, Россия)*
ФИСКАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА 265

Иванов Н.Ю. *(Якутск, Россия)*
ИМПЕРАТИВЫ МАРКЕТИНГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В АГРАРНОЙ СФЕРЕ 282

Подкопаев О.А. *(Самара, Россия)*
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕХОДА РОССИИ НА ИННОВАЦИОННЫЙ ТИП РАЗВИТИЯ 297

Паух Я.В. *(Самара, Россия)*
МИРОВОЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС И РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ДОЛГОСРОЧНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2020 ГОДА 311

Горохов С.А., Калашникова Е.Б. *(Самара, Россия)*
ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА НА КРЕДИТОВАНИЕ БАНКАМИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА 322

Утина Е.О, Калашникова Е.Б. *(Самара, Россия)* 328
ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В РОССИИ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

ГЛАВА III. КРИЗИС И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ 333

Панов С.В., С.Н. Ивашкин *(Москва, Россия)*
ПРАГМАТИКА СОГЛАСИЯ, СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ И ПРИМИТИВИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА 334

Пераика А. *(Риека, Хорватия)* 345
ЭКСПЛУАТАЦИЯ СМЕРТИ

Мазаева Т.А. *(Грозный, Россия)* 366
ИННОВАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Инкижекова М. С. *(Екатеринбург, Россия)*
СОСТОЯНИЕ КРИЗИСА ЭТНОКУЛЬТУР В АСПЕКТЕ СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА 380

Банзл Д.М. *(Лондон, Великобритания)*
ЭВОЛЮЦИОННАЯ БИОЛОГИЯ И ОДНОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА: ЛОГИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ КАК ЭТАП В НАШЕМ ЭВОЛЮЦИОННОМ БУДУЩЕМ 390

Тонкошкурова Е.А. *(Самара, Россия)* 399
ФОРМА ВЫЖИВАНИЯ КУЛЬТУР: ЗАПАДНЫЙ ДИСКУРС

Стрингер Д.А. *(Фоуэй, Великобритания)* 412
КРИЗИС И ПЕРЕХОД: КАКОВЫ ИХ ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

ГЛАВА IV. КРИЗИС И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ДИСКУРСЕ ИСТОРИЧЕСКОГО И ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ 437

Шошин С.В. *(Саратов, Россия)*
ПРОБЛЕМЫ УВЕЛИЧЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ (МОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ) 438

Бобрышов С.В. *(Ставрополь, Россия)*
КОНФЛИКТЫ КАК ПРОИЗВОДНОЕ И ОТРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА 451

Понятовская А.Г. *(Омск, Россия)* 460
БЕДНОСТЬ В РОССИИ: ПУТИ УМЕНЬШЕНИЯ

Фоломеев С.Н. *(Самара, Россия)*
ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА В ЭПОХУ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ: РОССИЯ МЕЖДУ МОДЕРНИЗАЦИЕЙ И ФИЛОСОФИЕЙ НЕВЕЖЕСТВА 468

Посвятенко О.Н. *(Самара, Россия)*
ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА С ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ И НЕОБХОДИМОСТЬ РАДИКАЛЬНОГО ПЕРЕСМОТРА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ ЕЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ 482

Захарова И.В. *(Ульяновск, Россия)*
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЫНКА УСЛУГ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ 496

Скоблева Э.И. *(Астрахань, Россия)*
СТРАТЕГИЯ КАК МЕХАНИЗМ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ 506

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 520

CONTENTS

FOREWORD
Wadlow R. *(Geneva, Switzerland)* 15

INTRODUCTION
Biriukov A.V., Ionesov V.I. *(Samara, Russia)* 19

CHAPTER I. SEMIOTICS OF CRISIS IN DISCOURSE OF INTERDISCIPLINARY KNOWLEDGE 27

Uzilevsky G.Ja. *(Orel, Russia)* 28
SEMIOTIC SOURCES OF WORLD FINANCIAL AND ECONOMIC CRISIS

Burovskaya E. V. *(Krasnoyarsk, Russia)* 42
SEMIOTIC CHARACTERISTICS OF CRISIS

Dmitrieva E.Ya. , **Dmitrieva N.A.** *(Samara, Russia)*
SEMIOTICS OF CRISIS: SPEECH AND REALITY
IN DISCOURSE OF METHODOLOGY OF OVERCOMING CRISIS 53

Ovrutsky A.V. *(Rostov-Na-Donu, Russia)* 66
RECONSUMPTION CRISIS: PHENOMENOLOGY AND SEMIOTICS

Gaikin V.A *(Vladivostok, Russia)* 75
GLOBAL TRANSFORMATIONS IN 21 CENTURY AND RUSSIA

Timoshin N.I. *(Samara, Russia)* 85
SUBJECTIVE FACTOR AND SOCIAL PROGRESS

Ionesov V.I. *(Samara, Russia)*
CRISIS OF DIFFERENCES И CHALLENGES OF TRANSFORMATIONS: SOME HISTORIOGRAPHICAL AND PHENOMENOLOGICAL CLARIFICATIONS 102

CHAPTER II. CRISIS AND ANTI-CRISIS MANAGEMENT: SOCIAL ECONOMIC CRARIFICATIONS 143

Naidyonova T.A. *(Syktyvkar, Russia)* 144
INFLUENCE OF FINANCIAL CRISIS ON TAX SYSTEM

Biriukov A.V. *(Samara, Russia)*
STRUCTURAL DISPROPORTION OF TRANSITIONAL ECONOMICS AND DEVELOPMENT OF INNOVATIVE CLUSTERS IN HIGH-TECHNOLOGICAL BRANCHES OF RUSSIAN INDUSTRY 158

Sarac A.L. *(Bucharest, Romania)* 184
THE ROLE OF INVESTMENT IN TERMS OF CRISIS

Zhelnina E.V. *(Togliatti, Russia)* 195
PROFESSIONAL TRAINING OF PERSONNEL IN CRISIS TIME

Ermolaev K.N. *(Samara, Russia)*
ROLE OF FICTITIOUS FORM EXISTENCE OF CAPITAL IN CREATE 203
THE NESSARY PREREGUISITES OF GLOBAL FINANCIAL CRISIS

Varenik V.N. *(Dnepropetrovsk, Ukraine)*
ACHIEVEMENT OF POSITIVE BALANCE OF BALANCE OF TRADE
OF UKRAINE AS A METHOD OF OVERCOMING OF CRISIS 214
IN AN INDUSTRIAL SECTOR (METALLURGY)

Pestovskaya Z.S. *(Dnepropetrovsk, Ukraine)* 227
DIRECTIONS OF CRISIS MANAGEMENT OF LOCAL FINANCES

Shvetsova I.N. *(Syktyvkar, Russia)*
THE MANAGEMENT OF FINANCIAL RESOURCES IN THE CASE 242
OF ECONOMIC CRISIS (ON THE EXAMPLE OF TRADE ORGANIZATION)

Timofeenko L.P. *(Dnepropetrovsk, Ukraine)*
ANALYSIS AND PERSPECTIVE OF THE DEVELOPMENT 254
IN CONDITIONS INSTABILITY IN UKRAINE

Koshkina M.V. *(Moscow, Russia)*
TAX METHODS OF STATE MANAGEMENT OF ECONOMICS 265
OF NON-PROFIT SECTOR OF CULTURE AND ART

Ivanov N.Yu. *(Yakutsk, Russia)*
IMPERATIVES OF MARKETING ORGANIZATIONAL CULTURE 282
ARE IN AN AGRARIAN SPHERE

Podkopaev O.A. *(Samara, Russia)*
HUMAN CAPITAL AND GLOBAL ECONOMIC CRISIS: TO THE PROBLEM 297
OF TRANSITION OF RUSSIA TO INNOVATIVE DEVELOPMENT

Paukh Y.V. *(Samara, Russia)*
THE WORLD FINANCIAL CRISIS AND THE REALIZATION
OF CONCEPTION OF A LONG-TERM SOCIAL-ECONOMIC 311
DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION TILL 2020

Gorohov S.A., Kalashnikova E.B. *(Samara, Russia)*
INFLUENCE OF A FINANCIAL CRISIS ON CREDITING 322
OF ENTERPRISE BY BANKS

Utina E.O, Kalashnikova E.B. *(Samara, Russia)*
FINANCIAL CRISIS IN RUSSIA: THE REASONS AND CONSEQUENCES 328

CHAPTER III. CRISIS AND SOCIAL ADAPTATION IN POLYCULTURAL WORLD 333

Panov S.V., Ivashkin S.N. *(Moscow, Russia)*
PROGMATICS OF ASQUESCENCE, SEMIOTHIC TURN AND PRIMITIVIZATION OF HUMAN BEING 334

Peraica A. *(Rijeka, Croatia)* 345
THE EXPLOITATION OF DEATH

Mazaeva T.A. *(Grozny, Russia)* 366
INNOVATIVE CRISIS IN AN ETHNOCULTURAL SOCIETY

Inkizhekova M.S. *(Ekaterinburg, Russia)*
CRISIS OF ETHNICAL CULTURES IN DISCOURSE OF SEMIOTIC ANALYSIS 380

Bunzl J. M. *(London, United Kingdom)*
EVOLUTIONARY BIOLOGY AND THE SIMULTANEOUS POLICY VISION-LOGIC FOR THE NEXT STAGE IN OUR EVOLUTIONARY FUTURE 390

Tonkoshkurova E. A. *(Samara, Russia)* 399
CULTURAL SURVIVAL IN CONTEXT OF WESTERN DISCOURSE

Stringer D.A. *(Fowey, United Kingdom)*
CRISIS AND TRANSITION: WHICH IS THE CAUSE AND WHICH IS THE EFFECT? 412

CHAPTER IV.CRISIS AND SOCIAL REFORMING IN DISCOURSE OF HISTORICAL AND PEDAGOGICAL KNOWLEDGE 437

Shoshin S.V. *(Saratov, Russia)*
PROBLEMS OF INCRESING THE VALUE OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA IN THE FORMATION OF CRISIS MANAGEMENT (THE MORAL ASPECT) 438

Bobrishov S.V. *(Stavropol, Russia)*
CONFLICTS AS DERIVATIVE AND REFLECTION OF THE HUMAN FACTOR 451

Ponjatovskaja A.G. *(Omsk, Russia)* 460
POVERTY IN RUSSIA: REDUCTION WAYS

Folomeev S.N. *(Samara, Russia)*
THE PROBLEM OF CHOICE AT SOCIAL CROSSROAD:
THE RUSSIAN FEDERATION BETWEEN THE MODERNIZATION AND PHILOSOPHY OF IGNORANCE 468

Posvyatenko O.N. *(Samara, Russia)*
EDUCATIONAL WORK AMONG THE TSARIST RUSSIA MILITARY MEN AND THE NECESSITY OF A RADICAL REVISION OF ITS CONCEPTUAL FOUNDATIONS BY THE SOVIET POWER 482

Zakharova I.V. *(Ulyanovsk, Russia)*
PROBLEMS AND PROSPECTS MARKET SERVICES ADDITIONAL EDUCATION IN CHANGING SOCIETY 496

Skobleva E.I. *(Astrakhan, Russia)*
STRATEGY AS THE MECHANISM OF MODERNIZATION OF HIGHER EDUCATION 506

List of Contributors 520

ПРЕДИСЛОВИЕ

FOREWORD

Современный мир устроен таким образом, что всякий раз ставит перед человечеством задачи, решить которые в одиночку никто не может. Сегодня мы все связаны глобальной сетью перемещения людей, идей, товаров, энергии, информации и всё, что происходит в мире так или иначе доходит до конкретного человека и воздействует на его образ жизни, его сознание и духовные ценности. Мы изменяем мир, который в свою очередь изменяет нас. Нам приходится признать, что при всех достижениях технотронной цивилизации человеческий мир остаётся очень хрупким и уязвимым. Глобальный кризис напомнил нам об этом ещё раз и заставил нас по-новому посмотреть на проблемы выживания и будущего человечества. Кризис принуждает нас к объединению и уважению прав и свобод всех участников экономической и социальной жизни. Для меня, очевидно, что экономический кризис в значительной мере начинается не с экономики, но прежде всего с нарушения культурного порядка и социальных связей, с деформации духовных ценностей и гражданской ответственности. Сила человечества в его разнообразии, но и в этом же состоит его уязвимость. Если мы не научимся жить в разнообразии, мы обречены на конфликты и бесконечные кризисы. Современный кризис – это, по существу, как признают многие эксперты, и есть кризис управления разлияиями. Именно поэтому 25 января 2008 г Генеральная Ассамблея ООН на своей Шестьдесят второй сессии в резолюции 62/90 провозгласила 2010 год Международным годом сближения культур. С учетом изменения международной обстанов-

ки ООН придает огромное значение этой теме, которая лежит в основе целей среднесрочной стратегии на период 2008––2013 годов. И проведение в Самарском институте «Высшая школа приватизации и предпринимательства» международной конференции по семиотике кризиса, безусловно, является важным событием в объединении наших усилий, в апробации опыта, междисицплинарных знаний по изучению и преодолению глобальных вызовов современности. Представляется важным, что данный форум инициирован образовательным учреждением, поскольку именно от того, какими знаниями, практическими навыками и мировоззренческими установками будет обладать будущий специалист, во многом будет зависеть жизнеспособность нашей цивилизации. Издание материалов данного форума позволяет каждому из нас присмотреться к тому, что нас беспокоит, что нас отличает, что объединяет и что, может способствовать решению актуальных задач современности.

Рене Уадлоу,
представитель ООН по общественным организациям,
редактор международного журнала
«Транснациональные перспективы»,
директор исследовательского института университета
Женевы по проблемам развития /Женева, Швейцария/

ВВЕДЕНИЕ

INTRODUCTION

А.В.Бирюков,
В.И.Ионесов (Россия)

A.V.Biriukov,
V.I.Ionesov (Russia)

This book is collection of articles on subject of International Scientific Conference "Semiotics of Crisis: Imperatives of Survival, Renovation and Development" (19-20 May, 2010), organized by Samara Institute "Higher School of Privatization and Enterprise" and Samara Society for Cultural Studies and under participation of other scientific and cultural institutions. This book covers the theoretical and practical frameworks of interdisciplinary research of semiotic manifestations of crisis phenomenon, the debates they have triggered, and the way that anti-crisis management has developed in changing culture at global era. Thirty-six articles of this book are divided into four chapters:

- Semiotics of Crisis in Discourse of Interdisciplinary Knowledge
- Crisis and Anti-Crisis Management: Social-Economic Imperatives
- Crisis and social Adaptation in Polycultural World
- Crisis and Social Reforming in Discourse of Historical and Pedagogical Knowledge.

Each section features new essays by scholars and professional working in crisis studies and management of transformation. Drawing from a wide range of theoretical, methodological, and social positions, the contributors offer topical and enduring approaches to study of global transformations and crisis trials. "Semiotics of crisis" indicates in the first place an interest in modes of survival, transformation and communication of changing culture. The semiotic meanings and figurines of crisis are considered as key sociological themes and apply semiotic analysis to area such as economics, education, social practice and historical development.

This collection is dedicated to 2010 UN International Year for the Rapprochement of Cultures and UN Decade (2005-2014) of Education for Sustainable Development. It is hoped that this collection will unveil the effects crisis and its symbolic articulations have on changing culture as well as conditions in which these culture live.

В современной цивилизации практически не осталось «культурных зон» не затронутых трансформациями и кризисом. Глобализация приводит в движение всё, что способно адаптироваться к вызовам меняющейся культуры. Мир становится многоставным и взаимозависимым, но вместе с тем разрозненным и конфликтогенным. Как признаёт вице-президент Всемирного банка Ж.-Ф. Ришар: «Вызревает кризис *усложнённости*». Усложнённость усиливает неопределённость и нагнетает изменчивость и риски в социальной жизни. «Самое время распадается на периоды разной его уплотнённости» [1:45-46]. И всё, что не готово к изменениям в культуре обречено стать жертвой перемен и вызовов глобализации. Представляется, что среди этих вызовов наиболее значимыми являются критические состояния культуры, определяемые как кризис усложнённости, кризис управления, кризис различий и кризис идентичности. Скорость перемен в современной культуре провоцирует усиление частоты смены парадигм, что проявляется отсутствием единой и сбалансированной стратегии выживания и структурного порядка. Сверхкультурализация одних областей современности сопровождается де-культурализацией других. По этой причине фактор культуры выходит на первый план общественных дискуссий и социальных преобразований. Основная проблема видится в том, что современный кризис усложнённости сопровождается ранее начавшимся кризисом *управления*. В этом двойном зажиме культура чрезвычайно активна, изменчива и непредсказуема в поиске конструктивного выхода из нескончаемых переходов и трансформаций. Но, главное, меняющаяся культура становится своего рода «лабораторией» по кристаллизации новых социальных и экономических стандартов, духовных ценностей, символических образов, мировоззренческих установок и управленческих решений. Кризисный социум чрезвычайно насыщен семантическими зна-

чениями, ибо в разломах трансформации находят для себя выход самые глубокие и потаённые сущности культурной реальности. На переходе вся культура будто самораскрывается для критики и структурной перестройки и открыто предъявляет себя суду истории. Здесь, всё глаголет на разных наречиях, но в одном семантическом поле культурного кризиса. Воображение подменяет расколотую реальность, укрощает и мифологизирует её. Традиции сталкиваются с инновациями в жёсткой и непримиримой борьбе за право на жизнь и социальное управление. Кризисная ситуация усугубляется ещё и тем, кризис усложнённости усугубляется скоростью перемен, частота и полиритмия трансформаций значительно опережают возможности своевременного реагирования на вызовы меняющейся реальности. Система принятия решений катастрофически не успевает за экспансией перемен и инноваций. Ещё один вызов системе антикризисного управления обусловлен тем, что кризис управления сопровождается *институциональным* кризисом.

В этих условиях, «институциональные учреждения, более приверженные ритуалам, ещё сильнее противятся переменам, чем отдельные личности. Так что мы имеем дело с двумя кризисами: кризисом усложнённости, порождённым тяготами от направлений развития демографии и новой мировой экономики, и его уродцем-двойником кризисом управления, которые вызывают заскорузлость человеческих учреждений, и очевидная трудность повернуть направление развития институтов человечества на подъём» [1:64]. При этом «по мере того, как будут усложняться социальные проблемы, как от темпа перемен будет воистину дух захватывать, институты человечества всё больше станут проигрывать из-за улиточной скорости собственного развития» [1:209]. Становиться, всё более очевидным, что кризис нельзя преодолеть без опоры на культуру, по-

тому что, всякий кризис, так или иначе, проистекает из диспропорции культурных ценностей и нарушения норм социального порядка. Опасность кризиса в том, что он уничтожает культуру, но средствами самой культуры и потому так важно различать, какая культура поддерживает социальный порядок, а какая нагнетает кризисную стихию. Человек, оставшись один на одни с кризисом без культуры, по существу обречён. В современном обществе налицо усиление культурного фактора в социальном развитии. Чтобы избежать серьёзных ошибок при анализе социального взаимодействия, важно знать и понимать взаимосвязь культуры с социальным поведением и экономическим развитием. Есть громадное число потенциальных ошибок, которые можно не допустить, если люди будут располагать необходимыми знаниями и навыками, позволяющими определить, каким образом культура влияет на глобальные трансформации [2].

Таким образом, возникает необходимость изучения того, что лежит в основании кризисной реальности, что и как кризис порождает, о чём вещают его яркие символические мифологемы и что может послужить формированию стратегии по его преодолению. Нельзя понять кризис без определения и понимания тех образов и семантических артикуляций, которые он неустанно и настойчиво выражает. «Время решений истекает, человечество на самом переломе. Именно в такие времена неупорядоченные концепции сетевого управления и сетей глобальных проблем становятся жизнеспособными: быстродействие и гибкость сетей хорошо подходят для множества злободневных проблем и для той малости времени, что отпущена на их решение» [1:208].

Именно этим была вызвана необходимость развёртывания междисциплинарной дискуссии по семиотике кризиса и антикризисному управлению в рамках специального международного научного проекта Самарского института «Высшая школа приватизации и предпри-

нимательства», материалы которого представлены в настоящем сборнике.

Сборник содержит статьи и доклады Международной научно-практическая корреспондентской конференции «Семиотика кризиса: императивы выживания, обновления и развития», прошедшая в Самарском институте – «Высшая школа приватизации и предпринимательства» 19-20 мая 2010 г. Форум был организован центром международного образования и проектов СИ ВШПП при участии и информационной поддержке ряда образовательных и научных объединений – Самарского культурологического общества – «Артефакт – культурное разнообразие» (Россия), международной комиссии по срочным антропологическим исследованиям (Австрия), Международного журнала «Транснациональные перспективы» (Швейцария) и Самаркандского международного музея мира и солидарности (Узбекистан). Конференция проведена в ознаменование провозглашенного ООН международного десятилетия (2005-2014) образования в интересах устойчивого развития и международного года сближения культур.

В конференции и on-line дискуссии приняли участие учёные, педагоги, деятели культуры, социальные работники и предприниматели 8 стран (Австрия, Великобритания, Россия, Румыния, Узбекистан, Украина, Хорватия, Швейцария) и 24 городов (Астрахань, Бухарест, Вена, Владивосток, Грозный, Днепропетровск, Екатеринбург, Женева, Красноярск, Лондон, Москва, Омск, Орёл, Риека, Ростов-на-Дону, Самара, Самарканд, Саратов, Ставрополь, Сыктывкар, Тольятти, Ульяновск, Фоуэй, Якутск) мира.

Представляемый вниманию читателя сборник включает 36 статей, рассредоточенных в четырёх разделах книги:

I. Семиотика кризиса в дискурсе междисциплинарного знания;

II. Кризис и антикризисное управление: социально-экономические императивы;

III. Кризис и социальная адаптация в поликультурном мире;

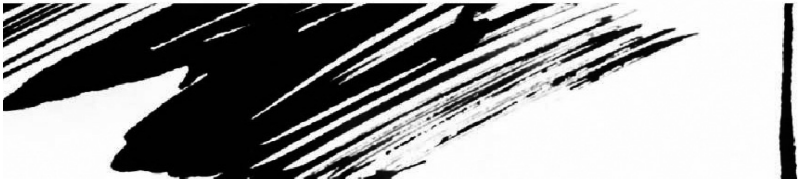
IV. Кризис и социальные преобразования в дискурсе исторического и педагогического знания.

Цель конференции – презентация исследований по семиотике кризиса, феноменологии переходной культуры, антикризисного управления и глобальных трансформаций в контексте вызовов и парадигм развития современной цивилизации. Специальная задача форума – междисциплинарное исследование проблемы приватизации риска в критических ситуациях социального развития и выживания культуры. В связи с этим в сборник включены некоторые дополнительные материалы, в том числе от наших зарубежных партнёров, позволяющие раскрыть сущность и особенности современного кризиса на основе различных профессиональных видений и социальных проектов.

И пусть ничто не будет так сильно способствовать продвижению и апробации, изложенных в книге идей, как их конструктивная критика и возможность их дальнейшего использования в осмыслении того, что кризис нам открывает и того, что мы сами можем сделать для его познания.

1. *Ришар Ж.-Ф. На переломе. Двадцать глобальных проблем – двадцать лет на их решение / Пер. с анг. – М.: Ладомир, 2006. – 240 с.*
2. *Триандис Г.К. Культура и социальное поведение / Пер. с англ. – М.: Изд-во «Форум», 2007. – 384 с.*

ГЛАВА I.
СЕМИОТИКА КРИЗИСА В ДИСКУРСЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ЗНАНИЯ

CHAPTER I.
SEMIOTICS OF CRISIS IN DISCOURSE OF INTERDISCIPLINARY KNOWLEDGE

Г.Я. Узилевский (Россия) **G.Ja. Uzilevsky (Russia)**

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

SEMIOTIC SOURCES OF WORLD FINANCIAL AND ECONOMIC CRISIS

The transition from phenomenological semiotics and post-non-classical period of science evolution to metaphysical semiotics and metaphysical period of science evolution has been discussed. Semiotics sources of world financial and economic crisis, ways of staving the latter off, factors of economy development in the context of metaphysic methodology of scientific research have been outlined.

1. Введение

Разразившийся в 2008 г. мировой финансовый и экономический кризис (МФЭК) свидетельствует о необходимости выявления его сущностных истоков. Достижение этой цели с семиотических позиций обусловливает решение следующих задач в статье:

1) раскрыть переходы от феноменологической к метафизической семиотике и постнеоклассического этапа эволюции науки к метафизическому;

2) определить потенциал метафизической методологии научных исследований;

3) выявить истоки, пути предотвращения МФЭК и факторы развития экономики в новом столетии с позиции новой научной методологии.

2. Сущность перехода к метафизической семиотике и метафизическому этапу эволюции науки

В семиотике XX в. прослеживаются следующие основные направления:

- структурализм (парадигма Соссюра-Емслева-Греймаса);
- когнитивная семиотика (парадигма Локка-Пирса-Морриса);
- биосемиотика (парадигма Уекскюлля-Себеока);
- социосемиотика (парадигма Бахтина-Росси-Ланди);
- семиотика культуры (парадигма Тартуской семиотической школы);
- глобальная семиотика, основанная на синтезе представлений биосемиотики, социосемиотики и семиотики культуры [11:159; 16].

Общим для них является исследование языков, текстов, высказываний, мыслительных актов и т.д. как **явлений**. Отметим, что перечисленные направления соответствовали постнеоклассическому этапу эволюции науки, изучающему объекты чувственного мира (ЧМ) как феномены. При этом не был учтен понятийный аппарат системной лингвистики, созданной выдающимися представителями немецко-русской лингвистической школы (В. Гумбольдт, И.А. Бодуен де Куртене, А.А. Потебня, Г.П. Мельников и др.). Ее методология характеризуется:

1. выявлением надсистемы и системы, внутренних и внешних детерминант естественного языка;
2. установлением его субстрата, структуры, внутренней и внешней форм;
3. противопоставлением и взаимосвязанностью ноуменального умопостигаемого и феноменального чувственного языка и речи/текста, предложения и высказывания, языкового и речевого знаков и др. [5].

На основе данного аппарата нами были исследованы знаковые средства довербального периода (языки движений и действий; иконический язык, мелодический и цветовой коды), естественный язык, эволюционно развивающиеся искусственные языки (библиографический язык, языки волшебных сказок и геометрических изображений и др.). Было установлено, что их структуры состоят из абстрактного (синтаксис и грамматика)

и конкретного (лексика) уровней. Конкретный уровень является посредником между невидимым языком, представляющим УМ, и видимым текстом, отображающим ЧМ. Было выявлено, что эти уровни свойственны фреймам, принципам, методам, способам, приёмам, а также традициям и воспроизводствам. В конкретном человеке (КЧ) абстрактный уровень проявляется в виде моделей будущего, а конкретный – в виде механизмов, которые налагают эту модель на конкретную ситуацию (см., например, [7:11, 23-136]).

На основе приведенной универсалии были подвергнуты анализу пользовательский интерфейс (ПИ) и языки человеко-компьютерного взаимодействия. Было установлено, что последним свойственны те же два уровня. Изучение проектирования человеко-компьютерных систем указало на необходимость различения ПИ и языков человеко-компьютерного взаимодействия как ноуменальных реальностей УМ и конкретного ПИ и конкретных языков как феноменальных реальностей ЧМ и УМ. Данное различение привело к созданию эргономической семиотики [12].

Полученные результаты явились стимулом разработки метафизической антропологической семиотики, так как гуманитарными, общественными и социальными науками человек изучается как явление, текст или как самоорганизующийся текст. Рассмотрение языков, кодов, фреймов, методов, традиций и воспроизводств как эмпирических ноуменальных реальностей УМ показало, что Homo полезно исследовать как совокупность программ, зыков и кодов, на основе проявления которых осуществляется становление, развитие и деятельность людей в онтогенезе.

Это содействовало созданию моделей человеческого рода (ЧР) и родового человека (РЧ). Особую значимость имело наследие И. Канта, рассмотревшего в трактате «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском

плане» ЧР как *эмпирическую реальность,* как *некоторое целостное единение***,** противопоставляемое *эмпирической реальности* отдельных индивидов, групп людей и народов [4]**.**

Это суждение способствовало выявлению видов ЧР и РЧ. К видам ЧР относятся:

1. по этническому признаку – этносы, народы, нации;
2. конфессиональному признаку – конфессиональные группы;
3. профессиональному признаку – профессиональные группы;
4. имущественному признаку – классы или страты.

РЧ свойственны следующие виды:

5. по гендерному признаку – мужчины и женщины;
6. возрастному признаку – поколения, живущие в одно историческое время.

Данные виды обусловливают, кто будет отвечать:

1) за взаимодействие с ЧМ и УМ;
2) сохранение и воспроизводство населения;
3) инновации и обновленные традиции;
4) управление указанными выше процессами.

Первые два процесса стали причиной появления мужчин и женщин. Другие процессы выступили внутренней движущей силой, обусловившей появление:

⇒ молодежи как инновационного поколения;
⇒ представителей «золотого возраста» как поколения, отвечающего за обновление традиций;
⇒ представителей среднего возраста как поколения, ответственного за реализацию перечисленных четырех процессов [11:205-212].

Метасемиотику интересует в РЧ символическая личность (СЛ), программно задающая трансформацию индивидуальности КЧ в социальную личность. СЛ обладает духовной сферой, менталитетом, методологией диагностики состояний КЧ, системой формирования им своего поведения, принятия и реализации решений.

Было установлено, что духовная сфера состоит:

– из высших нравственных принципов (блага и красоты, свободы и ответственности, любви и творчества), которые являют собой гармонию альтруистического начала (АН) и эгоистического начала (ЭН);

– позитивных архетипов, созданных под воздействием этих принципов;

– негативных архетипов, возникших под воздействием социума в процессе эволюции ЧР.

Из изложенного вытекают два вывода:

1) данная гармония есть **внутренняя детерминанта** развития СЛ, РЧ, ЧР, их видов, а также представителей последних;

2) окружающая среда, адекватная природе Homo, есть **внешняя детерминанта** развития РЧ, ЧР, их видов, а также представителей последних.

Выводы подтверждает важное следствие: необходимо создание и **направляемое** развитие такой окружающей среды, которая содействовала бы **проявлению** данной гармонии, обусловливающей проявление творческого полового отбора. Стихийное развитие и функционирование внешней среды обычно приводит к доминированию ЭН, проявлению негативных духовных архетипов и вырожденного естественного отбора [9:37].

Раскрытие видов ЧР и РЧ указало на полезность изучения Человека в плане всеобщего, особенного и единичного. В плане **всеобщего** он исследовался как эмпирическая ноуменальная реальность УМ, в плане **особенного** – как ноуменально-феноменальная реальность УМ и ЧМ, в плане **единичного** – как феноменально-ноуменальная реальность ЧМ и УМ. Одновременно Homo изучался как материально-ментально-духовное образование и сверхсложная система.

Раскрытие всеобщего в Homo содействовало изучению наследия выдающихся русских космистов Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, В.С. Соловьева, С.Л. Франка. В

конце XIX – начале XX вв. они указали на необходимость перехода от изучения явлений к исследованию ноуменов в человеке, космосе и др.

Под влиянием представлений С.Н. Булгакова о родовом характере деятельности [3:135-136; 303] ее природу мы также стали рассматривать в трех планах и в контексте указанных выше родовых понятий. Выяснилась полезность интерпретации ЧР, РЧ, их видов как трансцендентальных субъектов деятельности. Подобным образом изучались технический мир (ТМ) и его институты. В плане всеобщего, особенного и единичного и в контексте тех же родовых понятий исследовались социум и социальные институты (СИ). Очевидно, что метафизическая семиотика вышла на изучение компонентов Универсума, в котором Homo играет роль посредника между ними. Это говорит о том, что процесс изучения объектов УМ и ЧМ должен идти от единичного к особенному и всеобщему, а затем от всеобщего к особенному и единичному. Этим занималась биология во времена К. Линнея. Теперь эти процессы стали постигаться семиотикой.

Результаты исследований свидетельствуют о создании нового научного направления, указывающего, в свою очередь, на начало перехода от постнеклассического этапа эволюции науки к метафизическому.

3. Потенциал метафизической методологии научных исследований

Исследование проблем данного направления содействовало формированию в г. Орле незримого научного коллектива, занявшегося разработкой эволюционного консерватизма, трансрационализма, метафизической кибернетики и метафизической социологии [1:7-10] в приложении к природе и функционированию СИ [13-15].

Синтез и обобщение полученных результатов позволили выйти на создание метафизической методологии научных исследований и выявить ее истоки, исходные моменты, метод (антропо-семиотический синтети-

ческий подход), аксиоматику, принципы и эмпирические обобщения [6]. Рассмотрим, является ли потенциал новой методологии достаточным для решения поставленной во введении третьей задачи данной статьи. Обратимся к некоторым ее исходным моментам:

1. Программная **первичность** объектов УМ по отношению к объектам ЧМ.

2. ЧР, РЧ, их виды, социальный человек и социальная личность являются активными посредниками между такими компонентами Универсума, как природа, социум, ТМ и космос.

3. ЧР, РЧ и их виды **первичны**, социум; СИ, ТМ и его институты **вторичны**.

4. Изучение объектов УМ и ЧМ в плане всеобщего, особенного и единичного в связи с их единством.

5. Всеобщее и особенное суть огромный потенциал Прошлого, познание которого приводит к трансформации его (потенциала) в **ресурс**, необходимый для осмысления настоящего и предвидения будущего.

6. Всеобщее и особенное выступают как эволюционно развившийся потенциал объектов УМ и ЧМ, задающий развитие и совершенствование конкретных объектов ЧМ и УМ.

Изучение первых трех моментов указывает на явную недостаточность исследования экономики как явления ЧМ. Это привело к явной недооценке потенциала ЧР, РЧ и их видов и, как следствие, гиперболизации значимости конкретного экономического человека. Нетрудно прийти к выводу, что три последних момента указывают на выход из создавшегося положения.

В аксиоматике новой методологии нас интересуют следующие положения:

• ЧР, РЧ и их виды являются **исходными моментами** изучения СИ **и критериями оценки** их деятельности.

• Деятельность в плане всеобщего и особенного является **источником и движущей силой** эволюции ЧР,

РЧ, их видов, индивида и индивидуальности, с одной стороны, социума, СИ, ТМ и его институтов – с другой стороны.

• Символическая личность выступает **как источник** и **движущая сила:**

а) трансформации индивида и индивидуальности в активного социального человека и активную социальную личность;

б) эволюционного развития социума, СИ, ТМ и его институтов.

• Индивид и индивидуальность программно заданы на трансформацию в **социального человека и социальную личность**, нацеленных на оптимальное проявление и использование уникального потенциала **символической, физической и биологической составляющих:**

– во благо семьи, страны, мирового сообщества;

– во имя совершенствования человеческого рода, родового человека и их видов.

• Природа в плане всеобщего и единичного оказывает **стимулирующее воздействие** на эволюцию и совершенствование ЧР, РЧ, их видов, индивида и индивидуальности; человечество должно установить с ней субъектно-субъектные отношения, направленные на возрождение уникального потенциала данного образования.

• Космос в плане всеобщего и единичного задаёт возникновение **высших нравственных принципов** и творческого полового отбора в ЧР, РЧ, их видах, в индивиде и индивидуальности, а в природе – естественного отбора**.** Природа и космос являются **системоопределяющими** и **системообразующими** факторами становления и эволюции ЧР, РЧ, деятельности как эмпирической реальности УМ, а также социума, СИ, ТМ и его институтов.

• ТМ и его институты в плане всеобщего, особенного и единичного задают **кардинальные перемены** в СИ,

направленные на верховенство человеческого фактора во всех сферах жизнедеятельности Homo, а также оказывают одухотворяющее воздействие на людей благодаря достижению гармонии между природой, космосом и искусственным миром.

• Социум и СИ целесообразно и продуктивно должны содействовать как проявлению и развитию **огромного позитивного потенциала** ЧР и РЧ, их видов, индивида и индивидуальности, так и возрождению природы в плане всеобщего и единичного.

Анализ представленных положений говорит не только об их **фундаментальной** новизне, но и об их **большой практической** значимости. Данная аксиоматика открывает новые возможности изучения потенциалов СИ, которые в перспективе могут стать человекоориентированными (правовые демократические государства), духовно ориентированными (экономика и экономическая деятельность) и личностно-ориентированными (гражданское общество).

Можно утверждать, что рассмотренные исходные моменты и аксиоматика новой методологии научных исследований указывают на ее потенциал, достаточный для решения третьей задачи настоящей статьи.

4. Семиотические истоки, пути предотвращения МФЭК и факторы развития экономики в новом столетии

Для решения поставленной задачи изложим наши представления о системе, которая изучается новой методологией в двух планах**:** как **эмпирическая реальность УМ** и как **конкретная эмпирическая реальность ЧМ.** Как эмпирическая реальность УМ система представляет:

- естественные сверхсложные эволюционно развивающиеся объекты (природа, космос, человеческий род, родовой человек и их виды);

- сложные объекты социальной природы (социум и социальные институты);

- сложные объекты ТМ.

Суть системы состоит в программной направленности взаимосвязанных компонентов указанных выше объектов на взаимодействие и **взаимосодействие** в целях получения результатов человеческой, в том числе экономической, деятельности[1], полезных для эволюции природы, космоса, СЛ, РЧ, ЧР, их видов, развития социума, СИ, ТМ, а также создания среды, соответствующей природе Homo. В данной связи напомним, что первое аксиоматическое положение метафизической методологии состоит в том, что ЧР, РЧ, их виды являются **критериями оценки** деятельности СИ (см. предыдущий параграф).

Разнонаправленность реального сектора (РСЭ) и виртуального сектора (ВСЭ) мировой экономики говорит о том, что она не является системой. В РСЭ возникли индикаторы новой экономической формации, в то время как ВСЭ вверг человечество в ужасный водоворот дикого капитализма. Анализ аксиоматического положения, раскрывающего сущность социума и СИ, указывает на то, что гармония между присущими Homo АН и ЭН есть **внутренняя детерминанта** развития и функционирования СИ. Среда, адекватная природе человека, есть **внешняя детерминанта** СИ как систем. Можно утверждать, что успешность развития и функционирования социума будет зависеть от того, будут ли его институты, включая экономику, заинтересованы в проявлении потенциала внутренней и внешней детерминант.

Отметим, что выявление этих детерминант содействовало определению в**нутренней детерминанты**

[1] Впервые на полезность и необходимость включения понятия «**взаимосодействие»** в определение **системы** в целях учета и изучения результатов деятельности обратил внимание П.К. Анохин [2:74-78].

МФЭК. Ею является гиперболизация ЭН в деятельности ВСЭ. Неадекватная природе РЧ окружающая среда и соответствующая ей экономическая деятельность, вызывающие возникновение антиномии между РСЭ и ВСЭ, суть в**нешние детерминанты** МФЭК. Можно утверждать, что по своей сути эти детерминанты являются **семиотическими истоками** данного кризиса.

На наш взгляд, при разработке перспектив развития экономики в новом веке необходимо организовать тесное сотрудничество экономического сообщества с мировым сообществом и правительствами разных стран:

1) по созданию экономической **системы** в мире;

2) определению и формированию

– **коридора** направляемого развития Рынка;

– **коридора** направляемого развития СИ в целях формирования окружающей среды в социуме, стимулирующей проявление в людях самости РЧ, выраженной в формуле «**Я + МЫ**», творческого полового отбора и максимального ограничения вырожденного естественного отбора.

Эволюционное развитие экономики в новом столетии представим в виде формулы:

«ЧР и РЧ ↔ экономическая деятельность ↔ социальные институты ↔ новые технологии ↔ одухотворение окружающей среды». Изучение данной формулы привело нас к мысли, что **потенциал** СЛ**,** РЧ, ЧР, их видов выступает как один из **внутренних** факторов развития экономики в новом столетии. В пользу такого утверждения говорит следующее обстоятельство: РЧ, ЧР, их виды выступают:

• как исходный момент изучения экономики как системы;

• критерий оценки ее деятельности и деятельности ее организаций;

• источник обновленных традиций и разработки инноваций;

• средство получения постоянной прибыли;

• источник постоянной прибыли благодаря изучению природы Человека и выявлению его предпочтений.

Будучи *источником и движущей силой развития экономики, потенциал* деятельности как эмпирической реальности УМ также является внутренним фактором, обусловливающим настоящее и задающим её будущее.

Анализ данной формулы содействовал определению двух в*нешних* факторов успешного развития экономики, к которым мы относим:

– **улучшение условий** духовной, интеллектуальной, научной, политической, экономической и т.д. жизни;

– **повышение долголетия** представителей видов ЧР и РЧ.

Возникновение МФЭК позволяет пристально присмотреться к «поведению» конкретных государств, которые ещё не стали материально-ментально-духовными образованиями, поскольку ими не учитываются первичность ЧР и РЧ, вторичность СИ и не осуществляется продуктивное стимулирование проявления и развития огромного потенциала видов ЧР и РЧ, КЧ и его личности. Подчеркнём, что государства не являются **системами**, так как им не свойственно:

- верховенство органической демократии, аристократизма и естественного права;

- стимулирование роста духовности граждан, их самосознания и правосознания;

- стимулирование проявления и развития внутренней и внешней детерминант СИ, включая экономику;

- стимулирование развития ГО, семьи, других СИ, ТМ в контексте аксиоматики новой методологии научных исследований.

Становится очевидным, что МФЭК является системным. Его повторение в будущем можно предотвратить только путем трансформации государств и экономик в реальные материально-ментально-духовные формации и динамично функционирующие системы.

5. Заключение

На основе метафизической семиотики и разрабатываемой нами метафизической методологии научных исследований, обладающей исходными моментами, принципами, методом, аксиоматикой и эмпирическими обобщениями для исследования объектов УМ и ЧМ:

♦ были определены детерминанты развития человеческого рода, родового человека, их видов, а также представителей последних;

♦ выявлены семиотические истоки, пути предотвращения МФЭК и факторы развития экономики в новом столетии.

Библиографический список

1. *Андреев, В. О. Метакибернетика, общая теория развивающихся ноуменально-феноменальных систем и социальные науки. Ст.1. Метакибернетика как результат эволюции представлений о человеке, природе, социальных системах и космосе / В. О. Андреев, Г. Я. Узилевский // Среднерусский Вестник общественных наук. – 2007. – № 2. – С. 7-15.*
2. *Анохин, П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы / П. К. Анохин. – М.: Наука, 1978. – 400 с.*
3. *Булгаков, С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков // Собр. соч. : в 2 т. – М., 1993. – Т. 1. – С. 47-308.*
4. *Кант, И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / И. Кант. // Соч. : в 6 т. – М., 1966. – Т. 6. – С. 5-35.*
5. *Мельников, Г. П. Системный подход в лингвистике / Г. П. Мельников // Системные исследования: Ежегодник, 1972. – М., 1973. – С. 183-204.*
6. *Узилевский, Г. Я. Метафизическая методология научных исследований и природа управления / Г. Я. Узилевский // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – № 4 (в печати).*

7. Узилевский, Г. Я. От исследования языков к разработке семиотического направления эволюционного консерватизма / Г. Я. Узилевский // НТИ. – Сер. 2. – 2009. – № 8. – С. 3-10.
8. Узилевский, Г. Я. Социология личности / Г. Я. Узилевский. – Орел: ОРАГС, 2009. – 80 с.
9. Узилевский, Г. Я. Человек, социум и мировой экономический кризис в контексте эволюционного консерватизма / Г. Я. Узилевский // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – № 2. – С. 36-42.
10. Узилевский, Г. Я. Трансрационализм: истоки, аксиоматика, потенциал, перспективы использования в практике социологов / Г. Я. Узилевский // Альманах. Социология государственного и муниципального управления. – Орел, 2008. – С. 43-50.
11. Узилевский, Г. Я. Человеческий род и индивид в XXI веке: метафизические и феноменологические аспекты / Г. Я. Узилевский. – Орел: ОРАГС, 2007. – 328 с.
12. Узилевский, Г. Я. Начала эргономической семиотики / Г. Я. Узилевский. – Орел: ОРАГС, 2000. – 408 с.
13. Человек и государство: в XXI веке: метафизические и феноменологические аспекты. – Орел: ОРАГС, 2008. – 399 с.
14. Человек и гражданское общество: метафизические и феноменологические аспекты. – Орел: ОРАГС, 2008. – 276 с.
15. Человек и образование в XXI веке: метафизические и феноменологические аспекты. – Орел: ОРАГС, 2009. – 300 с.
16. Sebeok, T. A. Global semiotics / T. A. Sebeok // Semiotics around the world: Synthesis in the diversity. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. – P. 105-130.

Е.В. Буровская (Россия) **E.V. Burovskaya (Russia)**

СЕМИОТИКА КРИЗИСА

SEMIOTIC CHARACTERISTICS OF CRISIS

The concept of «crisis» in Russa language other than vocabulary values burdened with meanings, prirosshimi in the history of the history of its existence, including the moment of transition from the Greek language. His semiotic characteristics: perpedskazuemost, danger, uncontrollability, randomness and irreversibility of the choice. The situation of the crisis requires the rights of certain personality traits and the type of behavior. Analysis of the crisis involves a number of important changes in the positions of the vision of the past and future. There are binary and ternary model of perception of history and crisis points in history. Russian culture more typical binary, polar vision of the processes, it protekayuschih. But ternary model, often working in European culture, make it possible to see the crisis less emotionally and more rationally.

В руссом языке понятие «кризис» помимо словарного значения отягощено смыслами, приросшими за всю историю его бытования, включая и момент перехода из греческого языка. Его семиотические характеристики: непредсказуемость, опасность, неуправляемость, случайность и необратимость. Ситуация кризиса требует от человека определенных свойств личности и типа поведения. Анализ кризиса включает ряд важных изменений позиций видения прошлого и будущего. Существуют двоичные и троичные модели восприятия истории и кризисных моментов в истории. Русской культуре более свойственно двоичное, полярное видение процессов, в ней протекающих. Но троичные модели, чаще работающие в европейской культуре, позволяют увидеть кризис менее эмоционально и более рационально.

Слово «кризис» пришло из греческого со значением «решение, поворотный пункт, исход» и в русском языке его основное значение – «резкий, крутой перелом; тяжелое переходное состояние какого-либо процесса, социального института, сферы общества» [8:318]. Словарь Даля дает значение «перелом, переворот, решительная пора переходного состояния. Кризис или перелом болезни; кризис или переворот денежный. Врачи зовут кризисом внезапный переворот в болезни, например, пот, рвоту, кровотечение, а лизисом – постепенное разрешение» [1:194].

Приведенные значения фокусируются в кризисе как механизме культуры, который в широком культурном контексте рассматривал Ю.М. Лотман в работе «Культура и взрыв». В ней Лотман анализирует постепенные и взрывные состояния, фазы развития подсистем культуры, при этом любой разрыв постепенности, непредсказуемости, открытие новых возможностей развития – это взрыв, а в более универсальной системе представлений (и судя по значениям, приводимым вышеуказанными словарями) – кризис.

Каковы же семиотические характеристики кризиса?

Непредсказуемость, опасность кризиса. Кризис наступает, случается, причем всегда неожиданно, непредстазуемо и пугающе. За ним – неведомое будущее, иное, чем могло бы быть, не случись кризиса. Судя по тому, что в качестве антонимов (частичных) слова «кризис» словари дают «бум и процветание» – эмоциональная окраска понятия «кризис» – резко негативная.

Ю.М. Лотман, говоря о «взрыве», обратил внимание на то, что «в настоящий момент европейская цивилизация (включая Америку и Россию) переживает период генеральной дискредитации самой идеи взрыва..., социокультурные процессы оказались под влиянием образа взрыва не как философского понятия, а в его вульгарном соотнесении с взрывом пороха, динамита или атом-

ного ядра. Взрыв как явление физики, лишь метафорически переносимое на другие процессы, отождествился для современного человека с идеями разрушения и сделался символом деструктивности. Но если бы в основе наших представлений сегодняшнего дня лежали такие ассоциации, как эпохи великих открытий, Ренессанс или вообще искусство, то понятие взрыва напоминало бы нам скорее такие явления, как рождение нового живого существа или любое другое творческое преобразование структуры жизни» [3:19].

Кризис в русском языке ассоциируется с этапом развития болезни, но в большей степени – с крахом, тупиком. Ведь когда говорят, что наша экономика в кризисе – вряд ли предполагают, что наша экономика больна и что она переживает такую стадию течения болезни. Это тупик, такая стадия развития процесса, которая требует нестандартного поведения, «дно», оттолкнувшись от которого, процесс может развиваться в непредвиденном направлении.

Однако при долгом неблагоприятном развитии, состоянии, которое может ассоциироваться с болезнью, кризис может быть ожидаемым, хотя и опасным, так как непредстазуемы его последствия: неизвестно, здоровьем ли разрешится болезненное состояние.

Неуправляемость. Продолжая эту идею, можно сказать, что кризис неприятен своей неуправляемостью. Европейская культура очень многие процессы привыкла считать предсказуемыми и управляемыми, и число таких процессов все растет: развитие, болезнь, даже старость и смерть – мы всем стремимся управлять. Поэтому кризис как потеря управляемости, утрата власти над ситуацией (разрыв связи инициатива-результат) воспринимается как тяжелая, трудная и каждый раз новая ситуация.

Кризис как непостепенное течение изменений. Постепенное предсказуемо и поэтому вполне естественно, что кризис – непредсказуем и непонятен. И наобо-

рот: всякое отсутствие возможности предсказать будущее – кризис. Если течение болезни достаточно изучено врачами – кризис видится предсказуемым, он становится просто фазой развития процесса. А непредсказуемым мы считаем то, что развивается по непонятным для нас закономерностям.

Необратимость выбора. Человек чаще имеет отношение к неповторяющимся процессам, во всяком случае, свою жизнь, судьбу, историю любви и пр. склонен воспринимать как совершенно уникальную.

Человек в кризисе – это человек в ситуации выбора, часто осложненного тем, что приходится выжидать, когда ситуация прояснится и можно будет принимать решения осмысленно.

«Человек выбирающий» – классический персонаж в культуре с древнейших времен. Ю.М. Лотман приводит аналогии между гадательной фигуркой африканцев, описанной В. Тернером в книге «Символ и ритуал», сценическим образом Гамлета и скульптурой Родена «Мыслитель». «Символика жеста подпирания подбородка настолько устойчива, что статуя Родена не нуждается в пояснениях. Это тем более примечательно, что в замысел скульптора входило изображение «первого» мыслителя: ни лоб, ни пропорции фигуры не содержат признаков интеллектуального стереотипа – все значение передается только позой. Интересно при этом вспомнить, что те же жестовые стереотипы, по описаниям, Гаррик использовал для создания «гамлетовского типа» (с поправкой на стоячее положение фигуры, что делает сохранение основного жестового комплекса особенно заметным)...» [3:98].

«Что же общего между гадательной фигуркой Chamutang'a ндебу, Гамлетом и «Мыслителем» Родена? Инвариантным значением будет: человек, находящийся в состоянии выбора. Но для ндебу состояние выбора означает отказ от обычая, утвержденной веками роли. Такой

отказ уже сам по себе оценивается отрицательно. Он связывается или с семантикой нарушений утвержденного порядка, то есть с колдовством (так как ндебу все незакономерное приписывают злонамеренному колдовству или положительному сверхъестественному вмешательству), или с такими отрицательными человеческими качествами, как двойственность и нерешительность.

Гамлет тоже находится в состоянии выбора пути, но выбор здесь приравнивается акту сознания. А само сознание воспринимается как возможность и обязанность выбирать поступок» [3:99]. Таким образом, при всей традиционности самой ситуации, драматичности выбора ею выявляет разные отношения к кризису и к возможности индивидуального поведения в нем.

Умение выждать до нужного момента, определить самым важный момент для рывка, опора на интуицию и неколебимая вера в нее, умение предвидеть или полагаться на высшие силы – все это не рядовые таланты, именно они в критических ситуациях выводят человека из тени на историческую арену или сцену, и именно поэтому в драматические периоды истории так вырастает роль личности.

Типы «антикризисного» поведения. Какой же тип поведения человека оказывается наиболее приемлемым, надежным, полезным или эффективным в ситуации кризиса? Возвращаясь к гадательным фигуркам ндебу, обратим внимание на то, что задумавшийся над своей судьбой человек – сам непредсказуем, он нарушает нормативное для этой культуры поведение. Это соответствие нормам – важная черта в оценке поведения человека. «Человек архаических эпох склонен изгонять из мира случайность. Последняя представляется ему результатом некоторой неизвестной ему, более таинственной, но и более мощной закономерности. Отсюда и вся обширная практика гаданий, в ходе которой случайное возводится в степень предсказания» [3:113].

Известно, что острые моменты в поведении животных подчинены включению их в ритуализованные, запрограммированные действия. «Человеку свойственна способность к проявлению индивидуальной инициативы, то есть переключения из области предсказуемых, отработанных как наиболее эффективные, действий, жестов и поступков в сферу принципиально нового, непредсказуемого действия. Участник боя, соревнования, любой конфликтной ситуации, может вести себя «по правилам», реализуя традиционные нормы. В этом случае победа будет достигаться искусством выполнения правил. Герой такого типа, для того чтобы всегда быть победителем, должен обладать общим для всех типом деятельности, но в количественно-гипертрофированных формах. Это будет герой огромного роста и гигантской силы. Направление фантазии будет развиваться в сторону мира великанов» [3:43].

Другой способ поведения – нарушение норм и правил, выработка своего личного эффективного способа реагирования на ситуацию. Поведение гения – или сумасшедшего?

Лотман рассматривает систему двух противопоставлений в культуре: дурак – умный – сумасшедший. «Дурак лишен гибкой реакции на окружающую его ситуацию. Его поведение полностью предсказуемо. Единственная доступная ему форма активности – это нарушение правильных соотношений между ситуацией и действием. Действия его стереотипны, но он проявляет их не к месту: плачет на свадьбе, танцует на похоронах. Ничего нового он придумать не может. Поэтому поступки его нелепы, но полностью предсказуемы.

«Дураку» противостоит «умный», его поведение определяется как нормальное. Он думает то, что надлежит думать по обычаю, правилам ума или практическому опыту. Таким образом, его поведение тоже предсказуемо, оно описывается как норма и соответствует формулировкам законов и правилам обычаев.

Третий элемент системы – безумное поведение, поведение сумасшедшего. Оно отличается тем, что носитель его получает дополнительную свободу в нарушении запретов, он может совершать поступки, запрещенные для «нормального» человека. Это придает его действиям непредсказуемость. Последнее качество, разрушительное как постоянно действующая система поведения, неожиданно оказывается весьма эффективным в моменты остроконфликтных ситуаций» [3:41].

Таким образом, самыми успешными типами поведения, соответствующими сложности поставленных задач, являются поведение богатыря-героя и сумасшедшего.

Еще одну важную идею Лотман нашел в наследии Белинского – «идея противопоставления гениев и талантов: гении – создатели искусства – непредсказуемы в своем творчестве и не поддаются управляющему воздействию критики. В то же время непонимание читателем гениального творения – не исключение, а норма. Отсюда Белинский сделал смелый вывод: гений, работающий для вечности и потомства, может быть не только не понят современниками, но даже бесполезен для них. Его польза таится в исторической перспективе. Но современник нуждается в искусстве, пускай не столь глубоком и не столь долговечном, но способном быть воспринятым читателем сегодня» [3:59].

По мнению Лотмана, эта идея Белинского хорошо интерпретируется в антитезе «взрывных» и «постепенных» процессов. «Для того чтобы быть освоенным современниками, процесс должен иметь постепенный характер, но одновременно современник тянется к недоступным для него моментам взрыва, по крайней мере, в искусстве...» [3:60]. Стало быть, нормативным, правильным образом справиться с кризисом не представляется возможным.

Случайность выбора. Кризис – точка в развитии системы, когда привычные возможности и пути разви-

тия исчерпаны. Нужно принять решение о направлении дальнейшего развития, взять на себя ответственность за правильность выбора. В момент выбора будущее представляется как совокупность веервозможных состояний. «Настоящее – это вспышка еще не развернувшегося смыслового пространства. Оно содержит в себе потенциально все возможности будущих путей развития» [3:58]. Важно подчеркнуть, что выбор одного из них не определяется ни законами причинности, ни вероятностью: в момент взрыва эти механизмы полностью отключаются. Выбор будущего реализуется как случайность. Поэтому, как подчеркивает Ю.М. Лотман, «... он обладает очень высокой степенью информативности. Одновременно момент выбора есть и отсечение тех путей, которым суждено так и остаться лишь потенциально возможными, и момент, когда законы причинно-следственных связей вновь вступают в свою силу» [3:58].

В момент кризиса появляется целый веер возможностей, которые видятся в одинаковой степени вероятными, важными, приемлемыми, за каждой – свой шлейф последствий. Реализация этой возможности сопровождается нереализацией целого всех остальных. Как лаконично подытоживает Ю.М. Лотман, «путь как отдельного человека, так и человечества усеян нереализованными возможностями, потерянными дорогами» [3:59].

Постепенное развитие и кризисы в синхронном пространстве. Моменты кризиса и периоды постепенного развития могут чередоваться, а могут и разворачиваться в синхронном пространстве. «Культура как сложное целое составляется из пластов разной скорости развития, так что любой ее синхронный срез обнаруживает одновременное присутствие различных ее стадий. Взрывы в одних пластах могут сочетаться с постепенным развитием в других. Это, однако, не исключает взаимодействия этих пластов. И постепенные, и взрывные процессы в синхронно работающей структуре вы-

полняют важные функции: одни обеспечивают новаторство, другие – преемственность». Разные пласты культуры не в одинаковой степени отслеживаются носителями культуры, в разной степени они влияют на обычную жизнь человека. Финансовый кризис, конечно, «заметнее» кризиса в кинематографе.

Имя кризиса. Еще один аспект изучения кризиса – языковой. Мы пытаемся охватить действительность, называя ее. При этом используем имена собственные и нарицательные. Как замечает Ю.М. Лотман, «...Ни мир собственных, ни мир нарицательных имен не могут в своей изолированности охватить реальную действительность. Она нам дается в их диалогическом отношении... Мир нарицательных имен тяготеет к процессам постепенного развития, что неразрывно связано с взаимозаменяемостью его элементов. Пространство собственных имен – пространство взрыва. Не случайно исторически взрывные эпохи выбрасывают на поверхность «великих людей», то есть актуализируют мир собственных имен» [3:116]. Да и сами моменты кризиса часто приобретают имена собственные: Перестройка, Путч, Черная пятница, Великая депрессия и пр. ... Не случайной в этом свете видится американская традиция давать природным катастрофам собственные имена. У глобального финансового кризиса собственного имени, кстати, так пока и не появилось.

Исследование кризиса: построение моделей. Момент исчерпания взрыва – поворотная точка процесса. Начинается не только новый период постепенного развития, но и само направление развития рассматривается как логическое следствие «взрыва», а сам кризис в этой обратной перспективе становится объяснимой реализацией заложенного ранее. Как отмечает Лотман, «...происходит коренная трансформация события: то, что произошло, как мы видели, случайно, предстает как единственно возможное. Непредсказуемость заме-

няется в сознании наблюдателя закономерностью. С его точки зрения, выбор был фиктивным, «объективно» он был предопределен всем причинно-следственным движением предшествующих событий» [3:120].

Мы склонны всерьез рассматривать реализовавшиеся возможности и не придаем значения тому, что могло бы произойти. А ведь от него могли начаться пути, навсегда для нас потерянные.

Конечно, последовательная цепь кризисов и этапов постепенного развития в реальности никогда не существует изолированно. Взаимосвязанные между собой пласты культуры подпитывают наши решения о выборе того или иного пути. Учитываем ли мы состояния и этапы развития других пластов культуры – важный вопрос, именно на нем основывается выбор: в бинарной или тернарной модели мы исследуем кризис. Протекание кризиса в этих системах будет различным: «в тернарных (троичных) системах взрывные процессы редко охватывают всю толщу культуры. Как правило, здесь имеет место одновременное сочетание взрыва в одних культурных сферах и постепенного развития – в других... Для русской культуры, с ее бинарной структурой, характерна совершенно иная самооценка. Даже там, где эмпирическое исследование обнаруживает многофакторные и постепенные процессы, на уровне самосознания мы сталкиваемся с идеей полного и безусловного уничтожения предшествующего развития и апокалипсического рождения нового [3:118].

Диктат полярности в русской культуре, привычка понимать происходящее, опираясь на бинарные оппозиции, даже постепенное развитие заставляет воспринимать и понимать в категориях кризиса, а планировать – исходя из идеала разрушения старого мира «до основанья, а затем...». Интеграция с культурой Европы, возможно, даст и нам возможность мыслить в тернарной системе.

Библиографический список

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Терра, 1994.– Т. 2.
2. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996.
3. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000.
4. Лотман, Ю. М. Тезисы к семиотике русской культуры (Программа изучения русской культуры) / Ю. М. Лотман // Ю.М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994.
5. Мечковская, Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура : курс лекций : учебное пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений / Н. Б. Мечковская. – М.: Издательский центр «Академия», 2004.
6. Нора, Букс. Скандал как механизм культуры / Нора Букс // Семиотика скандала : сборник статей. – М.: Европа, 2008.
7. Руднев, В. П. Метафизика скандала / В. П. Руднев // Семиотика скандала : сборник статей. – М.: Европа, 2008.
8. Современный словарь иностранных слов. – СПб.: Дуэт, 1994.
9. Соловьев, О. Б. Понимание и мышление / О. Б. Соловьев. – Новосибирск: НГУЭУ, 2007.

Э.Я. Дмитриева,
Н.А.Дмитриева (Россия)

E.Ya. Dmitrieva,
N.A. Dmitrieva (Russia)

СЕМИОТИКА КРИЗИСА: РЕЧЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ: ПОИСК МЕТОДОЛОГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА

SEMIOTICS OF CRISIS: SPEECH AND REALITY (SEARCH FOR METHODOLOGY OF OVERCOMING CRISIS)

The problems of analytical philosophy of the XX century are actualized in this article, including such tendencies as classical structure, analytical psychology, semantic logic and philosophy of every day language. The semiotic aspect in the context of analysis of modern informational society provides for finding out ways to help a person overcome the state of crisis on the basis of speech communication in various sociocultural spheres. The experience of philosophical reflexion, that combines historical and logical methods of knowledge, is necessary both for the development of social management methodology and of civil initiative, in order to overcome crisis phenomena.

Семиотический аспект в контексте анализа современного информационного общества позволяет выявлять пути выведения человека и социальных слоев, групп и объединений из состояния кризиса на базе речевого общения в разных социокультурных сферах. В статье актуализируются проблемы аналитической философии XX века таких направлений, как классический структурализм, основанный на анализе языка и текста, аналитическая психология и семантическая логика и философия обыденного языка. Опыт философской рефлексии, сочетающий исторический и логический методы познания, необходим при разработке методологии социального управления и развития гражданской инициативы в целях преодоления кризисных явлений.

Академическое философское знание традиционно носит объясняющий, довольно менторский характер, традиция рождения истины в споре, как и самого диалогового общения, пересекается с публичной ораторской речью, и тем самым обеспечивается общественная функция философии, превращающая ее в идеологию. Марксистская философия подняла научный статус рациональной философии, но подчинила ее идеологическим целям и задачам воспитания и развития нового человека, при этом отделила говорящего как публично выступающего перед «массой» от слушающего индивида и проигнорировала при этом и сам процесс слушания как процесс воздействия, в котором важнейшей целью (а не средством) является сам человек, его сознание, его душа, ум, чувства, сердце, наконец. Тогда как учет слушателя и процесса восприятия слова отдельным человеком делает очевидным тот факт, что наиболее эффективные методы социального воздействия и управления обществом базируются на единых основаниях для социального мышления, коренящихся в индивидуальном психофизиологическом состоянии телесного слушателя.

Социальное развитие идет не по одному какому-либо пути, а по бесчисленному множеству направлений (вариантов). Уже в самой природе, по словам Герцена А.И., развитие бросается во все стороны и никогда не идет правильным маршем вперед. И в направляемом социальном развитии не все происходит «под контролем», не все изменения «охватываются» теорией и не все идеологии указывают «правильный путь». Более того, среди исследуемых тенденций развития выявляются не только ускоряющие и усложняющиеся, но и те, что не сводятся к «восхождению от низшего к высшему ». И само соотношение прогресса и регресса в развитии общества не может быть сведено только к объективному противоречию между позитивом и негативом (среди прочих простых истин, не грех, вспомнить и то, что «луч-

шее - враг хорошего», а это для конкурентных отношений немаловажно).

Процесс познания повторяет пройденные пути, циклы, люди усваивает уроки истории, но без необходимой трансформации «история ничему не учит», а в условиях нынешней обвальной противоречивой информации о самой истории положение обывателя только усугубляется. «Опыт есть хронологически первое в деле знания, но он имеет свои пределы, далее которых он или сбивается с дороги или переходит в умозрение» [5: 110, 97-98]. Кризис является едва ли не основным вопросом при всеобщем осмыслении реальности в настоящее время. Интуитивные суждения, принимающие во внимание жизненный опыт каждого, играют важную роль в познании всех социальных и, непосредственно, социально-экономических процессов. Сама жизнь с ее проблемами, сложностями и противоречиями, так называемые «объективные обстоятельства» принуждают всех и каждого задумываться над тем, что происходит вокруг, с близкими и дальними, обсуждать, делиться своими соображениями, принимать участие, помогать советами.

Семиотика связана с поиском аналогов всем процессам, происходящим в действительности, их смысловых, смысло-значимых выражений, в том числе, и в речевой деятельности: в сфере общения, управления, в политической борьбе, вообще, в борьбе за «место под солнцем», будь то в профессиональном, семейном, компанейском, досуговом кругу или в «туристическом раю». Что касается системы образования, то очевидно, что качество высшего профессионального образования в огромной степени зависит от развития понятийного мышления, то есть, от способности определять понятия и оперировать ими. Проблема логического обоснования идей была так когда-то «оформлена» Аристотелем, что описанные им «эпигенетические правила», которые участвовали в создании человеческого разума,

опосредующего взаимоотношения между биологической и культурной эволюцией, можно считать фундаментом всей общечеловеческой рациональности.

Напомним, что логика Аристотеля еще называется семантической, а это означает, что в естественных языках эти правила обнаруживают себя в речевой, как правило, в разговорной деятельности. Кстати сказать, и корни философии, житейской мудрости, размышления вслух, проросли в сократических беседах, «Диалогах» Платона, «Разговорах запросто» Эразма Роттердамского. Теоретическое научное познание, естественно, пошло по пути создания в каждой области знания аксиоматического (терминологического) базиса понятий, содержание которых, разумеется, углублялось, расширялось, но некая «чистая сущность» все-таки удерживалась; тем самым, рациональное познание на идеалистических основаниях укрепляло и Веру в существование абсолютных духовных сущностей.

В естественных науках, претендующих на открытие объективных законов развития природы, господствовало убеждение в возможности и необходимости сделать логически самодостаточными сами исходные понятия, определения, то есть, создать аксиоматический базис. «Но крайнюю степень фетишизации логического и дедуктивного представляла собой позиция Маха и позитивистов, полагавших, что поскольку невозможно логически удовлетворительно связать используемые эмпирические понятия «вещь», «объективный мир» и т.п. с нашими ощущениями, эти понятия вообще не имеют обычно «наивно» приписываемого им смысла» [2:38]. Но вместе с тем, позитивисты полагали (опять-таки, в связи с философской традицией), что эти понятия должны употребляться лишь в условном смысле (то есть, в субъективно – культурном вербальном соотношении) как свод некоторых наших ощущений. Эта позиция, в свою очередь, также истолковывалась в несколько различающихся вариантах.

Дедуктивная логика, проявляющаяся в речевом общении, «свидетельствует» о единстве логического и интуитивного в познании, в разных формах и на разных уровнях: в науках, искусствах, религиях. Логические и интуитивные, жизненно-смысловые (наивные и рациональные, непосредственные и опосредованные) суждения «разнятся» по форме отправления (трансцендирования) сознания в реальность внешнего мира и трансформирования (воплощения) знания в ту или иную форму «реального» изменения и преобразования объективной действительности.

В преддверии «информационного общества» бурно развивавшаяся математическая логика стала восприниматься как логика вообще, отражающая и диктующая всеобщность связей и законов бесконечно движущегося мира, при этом с наивной предвзятостью допускалось, что «чистая» логика не имеет никаких эмпирических оснований и не нуждается в них, а ее основные правила являются исключительно порождением человеческого ума, свободного от связи с закономерностями, наблюдаемыми на опыте.

Однако было подмечено, что парадоксальность человеческого мышления как раз и проявляется в том, что «реально всегда осуществлялся процесс познания, в котором «бездумно» использовались именно такие логически не обоснованные понятия математики и не жестко установленные аксиоматические основы, которые неизменно подвергались перестройке. И именно такой путь приводил к огромному прогрессу в науке» [2: 39].

Разрешение этого парадокса состоит в том, что, в действительности, внелогическое интуитивное начало является неотъемлемым элементом процесса познания и отнюдь не только при установлении аксиоматического базиса понятий, а исключительно в силу необходимости оформления мысли в языке, обнаружения знаний, полученных в опыте, и непосредственной передачи их от одного другому.

Необходимость создания «неклассических», «нетрадиционных» логик становится очевидной, когда рушится «аксиоматический базис» прошлого (века, жизни, опыта, парадигмы научного знания)

С точки зрения философской (или методологической), на рубеже веков в культурно-историческом и цивилизационном процессах обозначились явления «кризиса», замеченные в науках, в искусствах, но проявленные как кризис западной культуры на психологическом уровне. На уровне обыденного сознания при восприятии грандиозных изменений, происходящих, в действительности, на основе научно-технического прогресса, возникали и с быстротой звука распространялись интуитивные соображения о происходящем в мире, о судьбах народов и человечества в целом.

В западной философии XX века кризис культуры рассматривался в качестве глобального феномена, равно относящегося ко всем социальным системам, как бы ни отличались они друг от друга. На первый план выдвигается научно-технический прогресс, «экспансия техники» не поддается контролю, кризис духовности, в сущности, становится очевидным в феномене «массовой культуры», которая, по справедливому замечанию французского культуролога А.Моля, «формируется в основном не системой образования, а средствами массовой коммуникации» [6:45]. С впечатляющей очевидностью в условиях утверждающейся рыночной экономики в нашем обществе проступают черты, отмеченные западными философами как явления духовного кризиса личности, вступающей в противоречие с обществом, кое, в свою очередь, является проявлением глобального взаимодействия « человек – природа».

Культура является сущностным выражением человеческого, специфически человеческого, осмысленного бытия.

«Человек делает мир своим жилищем, в котором бытие обретает смысл. Вопрос о культуре есть, следо-

вательно, вопрос о значении этого смысла, о том, что означает человеческое пребывание в мире, в чем значение человечности человека» [7:73-74].

Разумеется, культурологи пытаются найти ответ на вопрос о причинах бесчеловечности в культуре и пытаются объяснить, почему « драгоценные послания» потомкам, передаваемые каждым поколением своим преемникам в разных формах культуры, не препятствуют превращению культуры в свое собственное отрицание.

Но культурологичесий анализ, выявляющий феномены духовного кризиса современной цивилизации, характеризуется элитарностью, абстрактным гуманизмом, впадающим в пессимизм и находящим спасение или трагический исход во внутреннем духовном мире индивида. Эмпирические факты «грубой» реальности, так называемые социальные бедствия поначалу , по-видимому, представлялись неуместными в рамках философского анализа кризиса культуры. Вместе с тем, неопределенность и альтернативность исторического развития, невозможность «справиться» с нарастающими объемами научных знаний и известная неприложимость достижений теоретического ума в практической жизни (« если ты такой умный, то почему ты такой бедный») поставили каждого человека в ситуацию мировоззренческого выбора.

Фаза методологической неопределенности в системе российского образования совпадает с явлениями мирового духовного кризиса. Культура постмодернизма, с одной стороны, отражает негативные (собственно кризисные) последствия научно технического прогресса, но с другой стороны, в атмосфере концептуальной растерянности и мировоззренческой неукорененности открываются возможности для действительной свободы творчества. Парадокс культуры заключается в том, что в преодоление «социальных бедствий» каждый входит сам по себе в силу жизненной необходимости, «ис-

ходя» из личных нравственных соображений, и именно таким образом люди включатся включаются в процесс творческого «пересоздания» реальности, в котором очевидно преобладание образного видения над теоретическими конструктивными построениями и «уложениями». Но именно так социальный процесс насыщается эмоционально духовной энергией масс. Вопрос упирается в сложности культурной модификации «живого исторического творчества» и «незаменимость» мудрого управления. Поликультурализм расширяет возможности поиска преодоления кризиса, но и опасность возникновения многочисленных «расстройств» усугубляется при отказе от культурного идеологического монизма, направляющей политической воли. Философия всегда играла особую роль в формировании мировоззренческой культуры человека и в становлении наук о человеке. Тем большую значимость приобретает ее многовековой опыт критически-рефлексивного размышления над сущностными ценностями и жизненными ориентациями в комплексе новейших наук о человеке непосредственно в периоды кризисов культуры при решении вопросов о том, как жить, на что ориентироваться, как вести себя, в общем, о смысле жизни.

Кризис как состояние становится предметом, с одной стороны, психологического, психоаналитического и социально-психоаналитического анализа, с другой - социологического и конкретно-социологического исследования. «Человек, - сказал Вильгельм Гумбольдт, - всегда все ставит в связь с тем, что перед ним имеется». Только не умея заметить непрерывную связь в событиях, люди бывают склонны приходить к идеям о произвольных импульсах, беспричинных движениях воли, о случайности, бессмысленности и неопределенной безотчетности. Мысль о непрерывности цивилизации, содержащаяся в этом выражении, вовсе не какое-то сухое философское положение. Она приобретает совер-

шенно практическое значение в силу простого соображения, что всякому, желающему понять свою собственную жизнь, необходимо узнать последовательные ступени, которые привели его воззрения и привычки к их настоящему состоянию. Огюст Конт едва ли преувеличил эту необходимость, высказав в начале своей «Позитивной философии», что «никакая идея не может быть понята без ее истории» [3: 30].

Выдающийся историк культуры XIX века Э.Тайлор указал на то, что попытка ограничиться наблюдением современной жизни и понять эту жизнь на основании одного своего наблюдения равносильна попытке с помощью логики объяснить то, что выясняется лишь «при свете истории»: «Всегда бывает опасно отрывать какой-либо обычай от связанных с ним событий прошлого, относиться к нему как к изолированному факту и пытаться только путем догадок приходить к некоторому удовлетворительному объяснению» [3: 31].

Поэтому Тайлором были поставлены перед новой в то время областью знания – рациональной этнографией - такие задачи, которые были позднее распространены на культуру вообще. При исследовании причин, породивших явления культуры, и законов, которым эти явления подчинены «нужно, пишет Э.Тайлор, прежде всего выработать, по возможности систематически, схему развития культуры в различных направлениях».

«Наука о языке сделала, быть может, более всякой другой, отстранив от нашего воззрения на человеческую мысль и деятельность все идеи о случайном и произвольном изобретении и заменив их теорией развития, через совместную работу отдельных лиц, посредством рациональных и ясных для нашего понимания процессов, факты которых нам вполне известны» [3:30]. Именно язык является живым свидетельством прошлого, именно посредством речевого общения каждое поколение получает необходимые для жизни знания, «учась и не разучиваясь»,

перенося их с одной стадии развития в другую. Принцип преемственности в культуре скорее поднимает с низшей ступени на более высокую, поэтому и сложился стереотип исключительно позитивного смысла всякого «культурного» определения. Представленные Тайлором очерки теоретического хода цивилизации в человечестве, сообразно фактам и событиям, позволяют выявить способы и средства, синтезирующие исторический и логический методы познания, которые могут быть использованы в условиях глобальных трансформаций и будут содействовать успешному преодолению кризисных проявлений и тенденций.

Даже кажущиеся особенно произвольными и безмотивными явления также должны быть «означены» и помещены в ряду уже определенных причин и следствий, как и факты экономической жизни, уже составляющие предмет политического регулирования и управления.

Средства массовой информации все больше проникают в глубины частной жизни обывателя, так и речевое общение оказалось «задействовано» практически во всех телевизионных проектах. Явления духовного кризиса становятся очевидными уже с появлением на экранах известных лиц и «звезд», не говоря уже о репортажах из горячих точек и из мест обитания, несовместимых с понятием человеческого образа жизни.

В условиях нынешней деградации языка, «свободы» СМИ и некоторой растерянности части гуманитариев в связи с исчезновением требования следовать жестко определенным методологическим принципам весьма актуальными становятся методы аналитической философии XX века. Между различными концепциями помимо общности фундаментального взгляда на мир как на семиотическое образование, то есть на то, что в принципе может быть прочитано или расшифровано, существуют тонкие генетико-типологические связи.

Мощная информационная поддержка нынешней компьютеризированной цивилизации позволяет синте-

зировать, интегрировать и дифференцировать аналитические парадигмы философского анализа языка текстов, речевого общения, публичных выступлений и обращений, рассчитанных на усиление социального познания и воздействия

По сути дела происходит радикальный пересмотр всех прежних методологических принципов и это стимулирует на создание проектов, помогающих преодолевать кризисные (как мы это понимаем и воспринимаем) тенденции, и поиск путей, объединяющих, а не разобщающих людей. Но для этого необходимо единое основание для социального мышления. Таким образом, исходным пунктом для современных размышлений становится кризисное состояние человеческой цивилизации.

«Общественная дезинтеграция – это благословенное зло, ибо оно понуждает нас проснуться… негативные стороны общественной жизни понуждают нас думать, говорить,. писать и изучать, и ничто иное не может нас заставить мыслить реально [4:14]. Для нашего социального мышления особую важность приобретают проблемы сочетания религиозных духовно-нравственных ценностей и социально- политических и научных знаний. В контексте философии рассматриваются проблемы взаимоотношения теологии с системой секулярных категорий.

В европейской культуре традиция «единства и борьбы» науки, религии и искусства практически не прерывалась. Духовная жизнь выдающихся мыслителей прошлого, художников, ученых изобилует примерами и жарких споров и противоборств и величайшими откровениями в шедеврах мировой культуры и явлениями победы Духа над плотью и свидетельствами неисчислимых жертв во имя человека и его свободы.

Сюжетные картины и образы в произведениях искусства обнажают, воплощают и демонстрируют всю полноту жизни в соответствии не только с исторической (бытовой и событийной) правдой, но и с движением «бы-

строй», разумной и последовательной мысли; с неистощимым полетом фантазии, неисчерпаемой и все-таки ограниченной и пределами реальных объективных обстоятельств и телесным плотским состоянием и «рамками» приличий и невидимыми, экстрасенсорными факторами, кои естественно и по законам трансцендентальной метафизики связывают феномен человека с Божьим промыслом и Высшей Необходимостью.

В качестве примера приведем записи из книги Эккермана «Разговоры с Гете» от 7октября 1828 года. («Разговоры с Гете в последние годы его жизни». Ереван, 1988 , с. 253 - 255). Разговор шел и о театре – все оживленно обсуждали «Моисея», последнюю оперу Россини. Одни бранили либретто и хвалили музыку, другим не нравилось ни то, ни другое… присутствовало еще несколько естествоиспытателей…Разговоры, шутки касались то одного, то другого предмета. Гете пребывал в отличном настроении и был очень сообщителен.

Для нас это пример культурного философствования (по меркам медиакультуры – элитного интеллектуального общения). В системе образования, просвещения и духовно-нравственного, эстетического воспитания - это опыт западно-европейской культуры, опыт сочетания естественнонаучных, религиозных и мифологических знаний, религии и искусства, синтеза искусств и жизненной правды, опыт мифотворчества, несомненно, отражающий сокровенные глубины духовных исканий.

В нашей российской истории движение «из огня да в полымя», из крайности в крайность привело Русь православную на площадку строительства атеистического общества. Леса не выдержали без опор и столпов веры, и мы включаемся в процесс духовного Возрождения, и снова опасность впадения в крайность «воцерковления» всех в православное христианство, ну, не всех, так всех «истинно верующих» русских россиян (?!) Осознать эту опасность и предостеречь может и западноевропей-

ский опыт. Понятно, что в современных государствах свои экономические и социально-политические проблемы. И там тоже не справляются со многими «глобальными угрозами». Несмотря на богатый культурный пласт, история , как известно, учит или не учит как-то выборочно, не все уроки усваиваются или, что опаснее, усваиваются не во благо , пусть наивно, но наивное и простодушное хотя бы длит милосердие и милость к падшим, а Зло - намеренно и жестоко(что касается злого насилия, то расчетливость и преднамеренность в принесении жертв, особенно в высокой политике, грозит , вообще, разрушением основ человеческой цивилизации).

Поэтому поддержание Веры, возрождение духовных начал, проповедуемых христианскими пастырями – это путь оздоровления общества и сохранения этнической, национальной государственной целостности России.

Библиографический список

1. *Фейнберг Е.Л. Две культуры, Интуиция и логика в искусстве и науке. – М., 1992.*
2. *Фейнберг Е. Л. Эволюция методологии в XX веке // «Вопросы философии» №7.1995.*
3. *Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.,1989.*
4. *О.Розеншток –Хюсси. Речь и действительность. Пер. с англ. - М.,1994*
5. *Герцен А.И. Собр. соч. В 30-ти т., т.3*
6. *Моль А. Социодинамика культуры. - М.,1973.*
7. *Философия и культура. ХУП Всемирный философский конгресс: проблемы. дискуссии, суждения . - М., «Наука» 1987.*

А.В.Овруцкий(Россия) AlexanderV.Ovrutsky(Russia)

КРИЗИС СВЕРХПОТРЕБЛЕНИЯ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И СЕМИОТИКА

RECONSUMPTION CRISIS: PHENOMENOLOGY AND SEMIOTICS

Economic and social-philosophical beliefs about consumer behavior are considered in article. Global crisis is considered as superconsumption crisis (reconsumption). Superconsumption is understood as destructive process and considered at macroeconomic, microeconomic, social, psychological levels. Superconsumption displays are considered: excess of normal requirements, reduction of value consumed, unattainability of level of satiation, acceleration of consumer rhythms, commodifikation consumption, etc. Reconsumption also is considered as sign system in which the «Goods-Simulacra» retells the sign matter. Creative consumer experts are considered.

Глобальный социо-экономический кризис предстает как принципиально новый феномен для социальных и гуманитарных наук. Кризис стал отражением определенной недостаточности в прогностическом компоненте экономических и социальных объяснительных схем. В связи с этим очевидна необходимость междисциплинарного подхода и системного анализа его детерминант.

Полагаем, что в качестве метонимии этого кризиса можно рассмотреть феномен сверхпотребления. Сверхпотребление или перепотребление рассматривается как чрезмерное, превышающее нормальные потребности потребительское поведение, приводящее к резкому уменьшению ценности потребляемого [1:20]. Авторы также указывают на то, что перепотребление сущностно связано с недопотреблением: оно лишает самого необходимого не только других, но и в итоге – самого перепотре-

бляющего [1:21]. Сверхпотребление предполагает недостижимость порога насыщения. В этой ситуации также происходит ускорение потребительских ритмов, усугубление разрыва между гигантской производительностью и «еще более безумным потреблением» [2:87].

Перепотребление можно зафиксировать не только на уровне отдельно взятой личности, оно поистине глобально, предстает как массовый феномен, характеризующий современное западное общество в целом. Сверхпотребление можно диагностировать на макроэкономическом, микроэкономическом, социальном и психологическом уровнях.

Уже несколько десятилетий социологи отслеживают уровень субъективного минимума для ведения «приличной жизни», и на протяжении всех этих лет эта величина уверенно растет, почти точно отражая общий уровень экономического роста [11:143]. По статистическим данным США доход на душу населения возрос с поправкой на инфляцию между 1965 и 1995 гг. с 14 792 до 26 615 долл., а расходы на личное потребление увеличились соответственно с 9 257 до 17 403 долл. [10:96].

Респонденты, попавшие в верхнюю 20% страту распределения доходов, рассматривают себя более счастливыми, чем те, которые находятся в следующем квинтиле, и так до самого низа, где люди считают себя наименее счастливыми [10:314]. Вместе с тем в потребительском обществе происходит общее снижение уровня удовлетворенности жизнью. Экономисты считают, что когда ВВП достигает примерно 10 000 долл. на душу населения, то дальнейший экономический рост уже не приводит к росту среднего уровня удовлетворенности и такой порог в Северной Америке уже давно пройден [11:123].

По мнению А. Кругина, с определенного уровня развития экономики индивидуальное потребление перестает быть стимулом для дальнейшего развития технологии и экономического роста, вызывая ситуацию «пред-

намеренной консервации» [7]. Если в «допотребительской» экономике можно обойтись без ее планирования и государственного вмешательства, то в потребительском обществе «предустановленная гармония» рынка исчезает и наступает макроэкономический хаос («хронический кризис перепроизводства») [7]. Вероятно, на сегодняшний день в экономике и обществе не созданы эффективные механизмы структурирования и управления процессами гиперпроизводства и сверхпотребления, по крайней мере, технологии маркетинга работают лишь в направлении экстенсивного потребительского расширения.

Феномен перепотребления носит экспансивный характер. А. Кругин отмечает, что максимизация потребления в современном западном обществе является не только движущим мотивом ее участников, но еще и интегральной целью экономики как целого [7]. Для этого, как указывает автор, экономическая система стимулирует избыточное и престижное потребление: людям навязываются завышенные потребительские стандарты, формируются искусственные потребности, появляются невиданные раньше модификации товаров [7].

Сверхпотребление связано не только с избыточным спросом, но также и с экспансией потребления на ранее «непотребительские» сферы. По мнению Ф. Фукуямы, современное капиталистическое общество потребляет больше социального капитала, чем производит [10:340]. В докризисном обществе происходили системные процессы коммодификации – овеществления, экстраполяции потребительского механизма на нерыночные ранее социальные области: спорт, искусство, семья, сексуальная жизнь, образование, медицина, армия и т.д. Например, образование и медицина из базовых социальных институтов постепенно трансформируются в тривиальный экономический сегмент сферы услуг (платный характер, перевод отношений внутри института в ранг отношений между экономическими субъек-

тами – контрактные отношения, потребительские стандарты, экономические критерии эффективности и т.д.).

Потребление становится заменой любой социальной активности. В последнее время исследователи описывают новый потребительский феномен – так называемое «этическое потребление». Такой вид потребления представляет собой покупку или отказ от покупки товара по этическим, политическим или экологическим соображениям [6:76]. Здесь «этическое потребление» предстает не только как особый способ приобретения и расходования ресурсов, а является по своему содержанию современным способом реализации своих политических прав, способом отстаивания своих интересов и т.д.

Такое расширение потребительского рынка привело к неконтролируемому экстенсивному процессу гиперстимуляции социо-экономической системы, созданию пирамиды, которая эффективно действует только при расширении процессов производства, маркетинговой «зарядке» потребительского рынка и его субъектов и, в конечном итоге, процессов потребления в постоянно расширяющейся прогрессии.

Ситуация сверхпотребления создает условия, в которых рыночная конъюнктура теряет всякий объективный, феноменологический базис. Стоимость активов начинает складываться главным образом из стоимости нематериального капитала, а финансовые институты осваивают спекулятивные инструменты повышения стоимости. Пример с деривативами наглядно иллюстрирует, как стоимость финансовых инструментов привязывается в экономике сверхпотребления к факторам неэкономического с точки зрения классической экономической теории порядка: ожидания, динамика бренда, лояльность, эффективный PR, рейтинг экспертных оценок и т.д.

Само перепотребление можно рассмотреть как знаковую систему, когда искусственно созданные и имплантированные посредством маркетинговых технологий

знаки становятся опосредующим звеном во взаимодействии между человеком и вещами. Наивысшее развитие эта идея получила в социально-философской концепции Ж. Бодрийяра, в которой выделяются принципы и механизмы организации «системы вещей». Такая система, по мнению ученого, организована законом меновой стоимости [2:6], когда потребительские товары превращаются в «симулякры» – ложное подобие, условный знак, заменяющий в обществе реальность [3]. А потребление, таким образом, становится потреблением симулякров, образует дискурс, презентирующий мировоззрение владельца вещи и выполняющий функции коммуникации с миром.

В потребительском обществе добродетель не труд, а потребление, и средний класс в качестве способа самореализации получает не «свободный труд», а «свободное и бесконечное потребление». Настает эпоха «радости потребления», в которой быть гражданином – это, прежде всего, быть потребителем [8:101]. Вовсе не обязательно ждать и стремиться к счастью на том свете, его можно получить посредством бесконечного потребления и при земной жизни.

Ж. Бодрийяр указывает, что частная и коллективная потребительская ментальность – это ментальность примитивных народов, верящих во всемогущество знаков и занимающихся «накоплением знаков счастья» [2:12]. По-мнению Е.В. Сальниковой, в основе современного потребления лежит архаичная модель поедание = возрождение, в рамках которой потребление начинает рассматриваться как акт перерождения «энергемы» вещи в потребителе, когда сама вещь в потреблении не исчезает бесследно, а вновь «воскрешается» в своем обладателе [12:127].

Такие знаковые метаморфозы в ситуации гиперпроизводства и гиперстимуляции несут мощный деструктивный потенциал. Например, появление потребительского общества, которое датируется большинством иссле-

дователей серединой прошлого века, совпадает с определенными негативными явлениями Полагаем, что такое совпадение носит не случайный характер. Так, с конца 1960-х гг. западные психиатры и психологи отмечают эпидемию новой болезни – «болезнь множественной личности» – multiple personality disorder (MPD). Этот синдром проявляется в том, что человек перестает существовать как целостный субъект и в определенной последовательности демонстрирует присутствие в себе различных и самостоятельных личностей [9:3,17]. У эпидемии выражены признаки общественного движения, она связана с масс-медиа и шоу-бизнесом [9:3]. Вероятно, знаковое гиперпроизводство и гиперстимуляция сознания посредством маркетинговых технологий оказали фрагментирующее деструктивное воздействие на индивидуальное и массовое сознание.

Интересным представляется рассмотрение механизма знакового потребления. Американский антрополог Грант МакКракен предлагает интерпретировать потребление как процесс трансляции культурных значений, определенных культурных традиций, ритуалов [13:72]. Культурное значение передается от мира к товару посредством рекламы и продуктов дизайна (система моды). А второй трансфер – это перенос культурного значения от товара к потребителю, и инструментами такого процесса, по мнению исследователя, являются четыре ритуала: ритуалы обмена, владения (обладания), ритуалы ухода за приобретенными товарами, а также ритуалы «разоблачения», «стирания значения владения товаром прежним владельцем» [13]. Другими словами, потребление и особенно в ситуации сверхпотребления становится мощнейшим механизмом знаковой циркуляции и маркетинговых знаковых манипуляций.

Вместе с тем, ситуация перепотребления, на наш взгляд, имеет и некоторые позитивные проявления. Считаем, что эта ситуация позволила значительному числу

людей культивировать в себе креативные способности, без коррекции с профессиональной принадлежностью, квалификацией, давлением социума.

Социологи отмечают, что в современном западном обществе идет активное формирование нового «креативного класса» – нового могущественного класса актеров, музыкантов, художников, журналистов и т.д., обладающих большим «экономическим влиянием» и устанавливающим всеобъемлющие нормы для общества в целом [11:235]. Главным образом, это нормы потребления, которые выходят за рамки конформизма и базируются на ценностях «непохожести», «самовыражения», «оригинальности» и «индивидуализма». Креативщики в наше время составляют почти треть всей рабочей силы в США и зарабатывают в среднем вдвое больше, чем рабочие и сотрудники сферы услуг [11: 236].

Полагаем, что именно потребление становится наиболее востребованной социальной сферой проявления креативности в современном рыночном обществе. По мнению В.Е. Бугера, потребление высококачественных продуктов массовой культуры может побуждать к творчеству любых потребителей [4:145]. Это может приводить к созданию креативных потребительских практик. Например, крупные компании по производству товаров массового спроса используют маркетинговую технологию изучения креативных практик потенциальной целевой аудитории, когда специальные сотрудники, так называемые «cool hunters» (охотники за крутизной), занимаются мониторингом мест скопления креативной молодежи для фиксации творческого и потенциально «крутого» решения в одежде, прическе, поведении и т.д. и т.п., а также изменений норм модного стиля [5:3]. В дальнейшем те или иные креативные решения, подсмотренные в Токио, Милане или Нью-Йорке легитимизируются массовым производством аналогичных вещей или включением находки в модную коллекцию. Таким образом потре-

бительский мир увидел джинсы, скроенные специально для ношения ниже бедер или специально порванные.

К креативным практикам также следует отнести новые виды потребления, например, виртуальное потребление или креативные формы покупок, например, покупка мебели, которую можно собирать произвольно как конструктор и т.д. Таким образом, современное потребление предоставляет возможность каждому потребителю реализовать свои креативные возможности, предоставляя максимальное разнообразие в товарах и услугах, местах и способах продаж, практиках потребления.

Обобщая наши размышления, отметим, что кризис сверхпотребления феноменологически и семантически разнообразен, а собственно социально-философский анализ кризисных проявлений позволяет наметить рамки системного рассмотрения социо-экономических факторов кризиса, определить его позитивные и негативные проявления, а также сформулировать теоретические схемы его коррекции.

Библиографический список

1. *Афанасьева, В. В. Общество перепотребления / В. В. Афанасьева, В. Г. Туркина // Потребление как коммуникация – 2009 : материалы 5 международной конференции, 26-27 июня 2009 г. / под ред. В. И. Ильина, В. В. Козловского. – СПб.: Интерсоцис, 2009. – С. 20-23.*
2. *Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – 269 с.*
3. *Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино, 2001. – 212 с.*
4. *Бугера, В. Е. Сущность человека / В. Е. Бугера. – М.: Наука, 2005. – 300 с.*
5. *Клименюк, Н. Просто наклей ярлык / Н. Клименюк // Вещь. – 2001. – №7. – С. 2-4.*
6. *Коос, С. Объясняя этическое потребительское поведение*

в Европе (эмпирические данные по 19 странам) / С. Коос // Экономическая социология. – Т. 10. – № 2. – 2009. – Март. – С. 76-98; . http://www.ecsoc.msses.ru (22.05.09).

7. *Кругин, А. Экономика великой цели или как преодолеть «барьер потребления» / А. Кругин // . http://e2000.kyiv.org/theory/biblio/barrier.htm (10.06.09).*
8. *О' Гуинн, Т. С. Реклама и продвижение бренда / Т. С. О' Гуинн, К. Т. Ален, Р. Дж. Семенник; пер. с англ. – СПб.: Нева, 2004. – 656 с.*
9. *Федорова, Е. Л. Множественная личность в истории западного психологического знания XVIII-XX вв. : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е. Л. Федорова. – Ростов н/Д, 2001. – 22 с.*
10. *Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. – М.: АСТ, 2003. – 474 с.*
11. *Хиз, Дж. Бунт на продажу / Дж. Хиз, Э. Поттер ; пер с англ. – М.: Добрая книга, 2007. – 456 с.*
12. *Чадаева, А. Г. Мифогенез и роль мифа в культуре общества потребления : дис. ... канд. культурол. / А. Г. Чадаева. – М., 2006. – 162 с.*
13. *McCracken Gr. Culture and Consumption: A Theoretical Account of the Structure and Movement of the Cultural Meaning of Consumer Goods // The Journal of Consumer Research. – Vol. 13. – No. 1 (Jun., 1986). – P. 71-84.*

В.А. Гайкин (Россия) **V.A. Gaikin (Russia)**

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В 21 ВЕКЕ И РОССИЯ

GLOBAL TRANSFORMATIONS IN 21 CENTURY AND RUSSIA

Inter-race war at the end of the 21 sentury looks real. As in the main antagonist in this war would be the mongoloids and Europeoids so the main theatre of military operations will be Eurasia. This war will pursue no one aim of the previous conflicts. The principal (and the only) aim of this war will be complete annihilation of the race-antagonist.

It is Russia that must play integration role (the West – the East) for she has got frontier with main mongoloid states and for the Trans-Siberian railroad is going through her territory, that is ready artery, connecting Europe with the Far East.

In the Euroasian system Russia must be the third integrative center (besides the European Community and China) while fastened to her Mongoloid states of the Central Asia, Korea and Japan and so leaving behind China in his natural striving for creation of the union of the Mongoloid states: China, Korea, Japan, Mongolia, the Central Asia.

В прогнозах относительно будущего мира и места в нем России нет недостатка. Это и концепция Хантингтона о войне цивилизаций и сюрреальное предложение академика Примакова о союзе России, Китая и Индии. Если к истории человечества применить известный гегелевский закон «отрицание отрицания», то можно выделить три больших этапа (гегелевская триада). Первый начинается с формирования человечества как биологического вида и заканчивается разделением труда и возникновением первых государств. Второй – «эксплу-

атация человека человеком» и развитие на этой основе производительных сил. Третий этап начнется тогда, когда мир вступит в постиндустриальную эпоху роботизации, полной автоматизации производства, выхода человека из сферы производств. Второй этап является отрицанием первого (первобытного коммунизма), третий (постиндустриальное общество) отрицает второй этап (эксплуатации, классовой борьбы), возвращая человечество к первому на качественно новой основе.

Как известно, конфронтация, борьба есть закон движения (развития) как биологической, так и социальной формы материи. Таким образом, каждому из вышеуказанных этапов должен соответствовать доминантный тип конфликта. Первый этап бесклассовый (классовой борьбы не было по определению). Обычным явлением были межплеменные войны. Но можно ли назвать их доминантным типом конфронтации, влияющим на человечество в глобальном плане, изменяющим его облик, географию расселения? Вряд ли. В основе межплеменных конфликтов, как правило, лежали внеэкономические факторы. Ценного имущества не было (господствовал принцип «все свое ношу с собой»). Захват врагов в плен не имел смысла. Н. Миклухо-Маклай во время пребывания в Микронезии отмечал: «Войны очень часты в архипелаге, и самые ничтожные причины (подчеркнуто мной – В.Г.) считаются достаточными для ведения их». Интересно, что и во время войны «женщины и даже мужчины могут безопасно посещать селения неприятеля и жить в них» [6:128].

В книге «Яноама» описывается жизнь племени южно-американских индейцев (существовавших на уровне развития каменного века), среди которых автор прожила 20 лет (1937-1957 гг.). Это племя постоянно конфликтовало с тремя другими племенами с целью захвата женщин, которых делали женами. Племена вступали друг с другом во временные союзы, распа-

дающиеся и возникающие в другом составе. Довольно серьезные, с многочисленными жертвами войны производят, тем не менее, впечатление детских ссор, не имеющих причин и последствий. Например, в качестве мести вытаптывались посевы табака, банановые плантации враждебного племени [3:7, 21, 40].

Постоянный обмен женщинами означал, что племена не считали друг друга «чужими» в полном смысле этого слова. Их перманентные конфликты, видимо, были формой естественного отбора – внутривидовой борьбой. Действительно, в животном мире внутривидовая борьба представляет собой именно борьбу из-за самок с целью продолжения рода.

Если считать межплеменные войны в рамках одной расы в неолите внутривидовой борьбой, логично предположить, что у людей, еще не оборвавших пуповину, связывающую их с животным миром, существовала и межвидовая борьба. Таковой могла быть только межрасовая конфронтация. Похожего мнения придерживался известный советский этнограф академик В.П. Алексеев: «Столкновения с людьми иного физического типа стали происходить … в процессе далеких миграций. В результате этих столкновений постепенно могло возникнуть у людей ощущение, что те, кто отличается физически, больше враги, чем враги непосредственные, близкие, но похожие на них самих» [1:12].

Межрасовые конфронтации приводили к вытеснению одних рас другими, переделу евразийского материка, заселению Америки, Австралии. Известно, что в эпоху неолита в Минусинских степях на огромных пространствах от Красноярска до границы Хакасии с Тувой обитали европеоиды.

Второй этап (продолжается в настоящее время) в развитии человечества начался с появления первых классовых государств в долинах великих рек. Говоря о доминантном для этого этапа типе конфликта (и исходя

из гегелевского закона), констатируем замещение расового (внеэкономического) антагонизма экономическим – классовой борьбой, межгосударственными конфликтами, преследующими экономические цели – захват рабов, материальных ценностей, колоний, рынков сбыта. То, что это антагонизм, как правило, нерасового характера, подтверждается уже реалиями рабовладельческих государств. В Древней Греции, Древнем Риме отнюдь не расовая принадлежность служила признаком классового разделения на рабов и свободных, ни в одном литературном, правовом документе того времени мы не находим ссылки на физический облик человека в качестве обоснования его рабского состояния.

В процессе дальнейшего развития капитализма цивилизационные различия будут уменьшаться, роботизация промышленности в силу единых закономерностей развития техники приведет к однородности экономических структур и процессов как на Западе, так и на Востоке.

Одновременно человек постепенно освобождается от экономической зависимости, выходит из «сферы собственно материального производства» (роботизация), как когда-то в неолите человечество разорвало путы, связывающие его с природой (перейдя от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству). «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [5:386, 387].

Это будет означать, что человечество вступило в третий этап своего развития, так называемое постиндустриальное общество. Теперь, если исходить из гегелевского закона, на первый план вновь должна выступить расовая конфронтация (доминантный конфликт первобытного общества), ибо третий член гегелевской триады повторя-

ет первый, только на другом качественном уровне (причиной конфронтации может стать рост народонаселения, борьба за ресурсы, питьевую воду и др.). В борьбе за место под солнцем именно расовый фактор разделит человечество на два лагеря для нового передела материков.

В этой возможной расовой конфронтации европеоиды и негроиды будут вместе по одну сторону баррикад, по другую сторону которых окажется монголоидная (желтая) раса. Известно, что белая и черная расы – это, образно выражаясь, ветви одного ствола, в то время как монголоиды – другое древо. Эти два древа: древний австралоид и древний синантроп имели определенные морфологические различия.

Если наша концепция расовых войн – это прогноз развития событий в постиндустриальном мире (с конца XXI в.), то Хантингтон рассматривает судьбу человечества в XXI веке. Прогнозируемые им межцивилизационные войны в современном мире, где доминантный конфликт – экономический, маловероятны. Цивилизация – это религия, культура, традиции, надстроечно связанные с формами экономической жизни, которые в свою очередь определяются географией, климатом. Комплексная роботизация приведет, во-первых, к нивелированию специфики экономических форм, таких как европейская, китайская или японская модели. Во-вторых, «выход человека из сферы собственно производства» (выражение К. Маркса) освободит его от экономической зависимости, а значит, опосредованно и от связей с конкретной цивилизацией повысит его всемирность. Глобализация ведет отчасти к унификации духовной жизни. Ислам в своем консервативном варианте не соответствует идеологии капитализма (с ее индивидуализмом, всемирностью). Поэтому процесс развития рыночной экономики ведет к размыванию строгих очертаний фундамента ислама, отказу от наиболее одиозных его постулатов. (В Алжире исламские фундаменталисты рассматривают-

ся как основное препятствие на пути к прогрессу).

Мусульманский мир отнюдь не «фундаментально» однороден. Большинство ближневосточных стран ориентируются на союз с Западом, даже несмотря на стратегический альянс США с Израилем. Для центральноазиатских стран борьба с исламским фундаментализмом – актуальная проблема. Межцивилизационный конфликт может произойти как локальная реакция (пароксизм) на подавление национальной специфики.

Межрасовая война в конце XXI в. гораздо реальнее. Если глобализация – естественно-исторический процесс, то предупреждение межрасовой конфронтации должно стать системной политикой по созданию единого мира. Первый этап – возникновение межгосударственных союзов (единая Европа – уже реальность). Второй – интеграция этих союзов в единое планетарное образование. Если пустить процесс на самотек, то к концу XXI в. (ко времени выхода человека из сферы производства) возможен вариант создания на планете не единого мира, а двух антагонистических коалиций. Поскольку по времени это совпадает со сменой доминантного конфликта с экономического на расовый, то расовая война будет неизбежна.

Поскольку основными оппонентами в расовой войне будут монголоиды и европеоиды, то соответственно главным театром военных действий будет Евразия. Расовая война обещает стать самым страшным конфликтом, по сравнению с которой Вторая мировая покажется дивизионными маневрами. Главной и единственной целью этого глобального противостояния будет не захват рабов и материальных ценностей, не создание империй или смена общественного строя, а полное уничтожение расы-антагониста.

Именно Россия должна будет выполнить роль интегрирующей силы (Запад – Восток) благодаря тому, что она граничит с основными монголоидными государства-

ми и что по ее территории проходит Транссиб – готовая артерия, связывающая Европу и со Средней Азией, и с Дальним Востоком. Следует приложить усилия к тому, чтобы восстановить грузооборот Транссиба, существовавший в 80-е гг. Это вопрос не столько сегодняшней экономической выгоды, получаемой от эксплуатации магистрали, сколько стратегический, связанный с будущим планеты и проблемой места на ней России. Роль Транссиба будет состоять в «правильной» организации евразийского пространства. Соответственно дезорганизующую роль сыграет так называемый «Евразийский транспортный коридор», который планируется создать в обход России. Этот проект, связанный с проектом «Туманган», протежирует ООН. В докладе ООН по проекту «Туманган» говорится: «Значение этого маршрута в том, что он пройдет по Северо-Восточной и Центральной Азии» [7:42]. На самом деле ничего хорошего в этом нет. Строительство транспортного коридора в обход России объединит в первую очередь монголоидный мир, а не всю Евразию. Евразийский транспортный коридор по мысли разработчиков проекта заканчивается мегаполисом в устье реки Туманган. Однако в результате он может стать столицей монголоидного мира.

В евразийской геополитической системе Россия должна будет стать третьим интегративным центром (наряду с Европейским сообществом и Китаем), привязав к себе монголоидные государства Центральной Азии, Корею и Японию и тем самым опередив Китай в его естественном стремлении создать союз монголоидных государств: Китай, Корея, Япония, Монголия, Центральная Азия. Процесс становления единого мира будет двухступенчатым: первый этап – создание блоков, второй – слияние их в единый глобальный организм. В процессе этой кристаллизации важно помешать возникновению расово однородных союзов, связывая в единые экономические системы расово различные государства. Вели-

колепный пример такого органического союза – бывшая Российская империя, в которой действовали и привилегии местных элит, поддерживавших империю, и практическое равенство всех национальностей, и единое экономическое пространство.

Запад, стремясь изолировать Россию, готовит себе второй «Мюнхен». Доктор Хайнц Тиммерман из Кельнского института исследования Восточной Европы в своей статье-меморандуме откровенничает: «Целью Запада должны быть не легитимизация и укрепление искусственного построения СНГ, а поддержка естественным путем формирующихся в его рамках субрегиональных объединений типа ГУАМ или центрально-азиатского экономического пространства (Казахстан, Киргизия, Узбекистан)»…Таким образом должна быть усилена поддержка проекта Евразийского транспортного коридора» [8:45-46]. Оставив Россию «в дураках», европейцы столкнутся с гораздо более опасным противником – мощным монголоидным блоком, созданным при активном участии ООН. Запад должен понять, что те мнимые выгоды, которые он получит, исключив Россию из системы интеграции Запад – Восток, заведут этот процесс в тупик и ударят бумерангом по тому же Западу.

Превращение России в ядро Евразийского союза более необходимо Европе, чем самой России. В случае расовой войны и обмена ядерными ударами между НАТО и дальневосточным монголоидным блоком у густонаселенной Европы не будет никаких шансов выжить. Почти столь же страшные последствия ждет и дальний Восток. На всем евразийском материке после ядерной катастрофы лишь бескрайние российские просторы (Сибирь) смогут гарантировать жизнь своему редкому населению.

Создание в октябре 2000 г. в Астане Евразийского экономического сообщества не каприз «кремлевской верхушки», а закономерный этап мирового исторического процесса. Логика исторического развития потребу-

ет присоединения к этому блоку Узбекистана (уже присоединился), Монголии, Кореи, Японии. (Не обязательно, но возможно и желательно расширение этого союза за счет Индии, Ирана, Афганистана). Два проекта будут реальным шагом на пути осуществления этой концепции: проект моста на Сахалин и тоннеля между Сахалином и Хоккайдо, в результате чего Транссиб соединится с японскими железными дорогами, и проект соединения Транссиба с Транскорейской железной дорогой (начал реализовываться).

У мирового сообщества нет другого выхода, кроме как совместными усилиями строить структуры будущего безопасного мира. В этом будущем мире Россия «обречена» на роль третьего (разнорасового) силового центра Евразии (наряду с Европейским союзом и Китаем), снижающим до минимума расовое напряжение между европеоидным и монголоидным полюсами планеты.

То, что концепция расовых войн не химера, подтверждают высказывания видных деятелей, главным образом, из стран зарубежного Дальнего Востока. Так, Чу Тыкхэ, губернатор корейского национального округа в КНР, в 1964 г. заявил: «Необходима общая борьба Кореи, Японии, Вьетнама. Для этого нужно изучать способы укрепления связей этих стран. Они имеют общие культурные традиции…Необходимо установить боевую дружбу с Японией» [4:42]. В июне 1998 г. в интервью японской газете «Асахи» известный китайский писатель корейского происхождения Ким Чэкук сказал: «Для преодоления экономических трудностей Япония, Китай и Корея должны объединить свои усилия, и это сотрудничество определит будущее Северо-Восточной Азии» [2].

Увы, такой вариант «будущего», основанного на создании расовых союзов, ведет к расколу мира, хотя, в принципе, возможен (маловероятный) вариант создания расовых союзов с последующей их интеграцией. В этом случае «расовый маятник» может качнуться в сторону

конфронтации). Многое будет зависеть от того, какой из двух процессов завершится раньше – выход человека из сферы производства или приведение мира к единому экономическому знаменателю. Если первый процесс пройдет быстрее, реальна перспектива создания расовых союзов и балансирования на грани войны. Поэтому приоритетной становится задача создания разнорасовых союзов. В такой обстановке большое значение приобретает субъективный (человеческий) фактор, подобно тому, как камень, скатившийся с горы, вызывает сход снежных лавин. Именно поэтому важна направленная системная политика по организации единого мира, в результате которой «расовые лавины» пойдут в нужном, безопасном для человечества направлении.

Библиографический список

1. *Алексеев, В. В поисках предков / В. Алексеев. – М.: Сов. Россия, 1972. – 304 с.*
2. *Асахи. – 1998. – 4 июня.*
3. *Биокка, Этторе. Яноама / Этторе Биокка. – М.: Мысль, 1972. – 206 с.*
4. *Гайкин, В.А. Туманган / В.А. Гайкин // Россия и АТР. – Владивосток, 1994. – № 2. – С. 46-55.*
5. *Маркс, К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 25. – Ч. 2. – 451 с.*
6. *Миклухо-Маклай, Н. Н. Соч. / Н. Н. Миклухо-Маклай. – М.: Наука, 1993. – Т. 3. – 415 с.*
7. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – Владивосток, 1999. – № 2. – С. 39-48.*
8. *Тиммерман, Хайнц. Процессы дезинтеграции и реорганизации в СНГ / Хайнц Тиммерман // МЭиМО. – 1998. – № 12. – С. 45, 46.*

Н.И. Тимошин (Россия) **N.I.Timoshin (Russia)**

СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

SUBJECTIVE FACTOR AND SOCIAL PROGRESS

In this article it is shown the social development by means of explanation of role and significance of individual activity in historical process. The society considers as complicated system of interaction of subjective and objective positions, where choice and acceptance of decisions determined on the base conscious and expedient actions. These endeavors create the conditions for social progress or crisis transformations.

Общество представляет собой сложную систему связей и отношений, в которые люди вступают в процессе своей жизнедеятельности. Эти связи и отношения каждым человеком пропускаются через сознание и имеют целесообразный характер. Безусловно, намечаемые цели связей и отношений и их конкретная реализация могут быть как логически обоснованными, так и ошибочными. Ясно одно, что человеческие связи и отношения в большинстве случаев являются вполне осознанными, следовательно, субъективными по своей природе. Поскольку сознание людей изначально, по мере своего формирования в ходе антропосоциогенеза, носило активный творческий характер, то его субъективное проявление в любых сферах человеческой жизнедеятельности и во все времена, тоже было творчески активным. Поэтому субъективный фактор в человеческой истории всегда был, есть и будет – активным. Это относится и к соотношению субъективного и объективного факторов в истории общества.

Посредством субъективной деятельности люди приспосабливаются к природным явлениям, познавая их за-

кономерности, учатся использовать эти закономерности в интересах создания и совершенствования сферы своего обитания. По этому поводу В.И. Ленин писал: «Законы внешнего мира, природы …суть основа целесообразной деятельности человека» [2:169]. Одновременно на разумной основе шло формирование и развитие всей системы общественных отношений. По мере усложнения материально преобразующей деятельности становилась всё сложнее система общественных отношений, что на определённом этапе общественного прогресса привело к возникновению объективных факторов в сфере этих отношений. Данное обстоятельство не могло не привести к противоречию субъективного и объективного факторов истории.

Фундаментальной основой складывающегося противоречия стал сам процесс становления сущностных сил человека. Со всем живым людей связывают необходимые потребности в пище, воде, свете, тепле и т.п. В живой природе эти потребности остаются неизменными. По мере эволюции меняются лишь способы их удовлетворения. Человек, будучи биологически мало приспособленным к обитанию в естественной среде, но наделённый более сложной нервной системой, оказался способным к переходу к внебиологическому способу жизнеобеспечения. Люди проявили способность к предвидению результата действия. На этой основе стало возможным изготовление и совершенствование орудий труда, с их помощью – решение жизненно важных задач, формирование и развитие трудовой деятельности. Одновременно человек учился думать, строить общественные отношения, развивать целесообразность жизнедеятельности, расширять свободу и проявлять творчество по её осуществлению. Всё это составило сущностные силы человека, высшим проявлением которых стала его свобода. Формирование сущностных сил обеспечило непрерывно возрастающий рост человеческих потребностей. В обще-

стве сложился объективный закон возрастания потребностей и возрастания деятельности по удовлетворению этих потребностей. Данная закономерность явилась внутренним источником общественного прогресса.

На основе методологии сущностных сил человека сложился диалектико-материалистический метод Маркса в объяснении общественных явлений. В своё время В.И. Ленин заметил: «Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники» [3:131]. В целом соответствуют этой методологии современные теоретические модели общества: формационная, цивилизационная и культурологическая. Фундаментальной основой этих моделей служит производство материальных благ и отношения, в которые люди вступают по поводу такого производства. Совокупность всех производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный его базис, который хотя и складывается субъективно, но в дальнейшем приобретает объективное значение в жизни общества. Все остальные общественные отношения продолжают носить субъективный характер и выступать идеологической надстройкой над экономическим и технико-технологическим базисами. Важно учитывать, что идеологическая надстройка, хотя и возникает на основе экономического и технико-технологического базисов, но затем приобретает относительную самостоятельность и активно влияет на весь способ производства материальных благ. Следовательно, субъективный фактор истории всегда сохраняет активный творческий характер.

Субъективный фактор в системе общественных отношений складывался постепенно по мере перехода общества к преимущественно производительному труду. Вызванное этим переходом первое крупное разделение труда, имущественное расслоение и возникновение частной собственности на производительные силы

общества привели к формированию экономических и технико-технологических производственных отношений. Последние, будучи детерминированными активной субъективной деятельностью по укреплению складывающегося способа производства материальных благ, со временем приобрели для новых поколений людей определённое объективное значение. Чем совершеннее становился способ производства и более развитой система производственных отношений, тем со всё более необходимой силой действовали складывающиеся объективные закономерности общественного развития.

Итак, в обществе наряду с субъективным фактором постепенно начал проявлять себя и объективный фактор истории. Будучи детерминированным субъективной деятельностью людей, преследующих свои интересы, объективный фактор оказался тесно взаимосвязанным с субъективным фактором. Оба фактора стали взаимозависимыми и уже далее не могли существовать друг без друга. Иными словами, начиная с эпохи неолитической технической революции, начинается процесс становления диалектического противоречия между субъективным и объективным факторами истории. Этот процесс прошёл ряд исторических этапов в развитии взаимосвязи и взаимозависимости субъективного и объективного факторов. Как и любое становящееся противоречие, по терминологии Г. Гегеля и К. Маркса, формирование противоречия между субъективным и объективным факторами претерпело в процессе истории общества ступени: тождества, двойного существования, различия, противоположности , наконец, в современной истории приобрело значение зрелого противоречия.

Так как активная творческая деятельность людей изначально, наряду с трудом, была обусловлена формирующимся сознанием, то в становящейся и развивающейся системе общественных отношений разумная субъективная деятельность стала их детерминантой.

Создаваемые и укрепляемые активной деятельностью людей экономические отношения собственности, обмена, распределения и потребления в конечном счёте превратились в системообразующие отношения, породившие рабовладельческий, феодальный, а затем и капиталистический способы производства. Экономические и технико-технологические отношения стали всё более превращаться в общественные объективные условия, в которых только и может существовать человеческое общество. Чем выше становился уровень развития общества, тем всё большее значение приобретал объективный фактор. Этот фактор, будучи длительное время неосознанным, действовал в обществе с такой же слепой и разрушительной силой, как и объективные, тоже не познанные, законы природы.

Объективный фактор истории, будучи порождением субъективного фактора, имеет свои специфические особенности, отличные от объективных сил природы. Природные законы действуют стихийно и слепо. Объективные же законы общественного развития начали формироваться и действовать посредством активизации субъективной деятельности. При этом следует учитывать, что субъективный фактор, проявляясь в различных формах общественного сознания и деятельности, может либо активно способствовать укреплению объективных тенденций развития общества, либо оказывать на них тормозящее воздействие. Общественное сознание обусловливается общественным бытием, но, сформировавшись, оно активно воздействует на весь способ производства как материальный базис общества. Возникнув в ходе общественного развития, объективный фактор истории, будучи детерминированным субъективным фактором, по всей видимости, в зрелом обществе найдёт своё разрешение через субъективный же фактор. В этом смысле роль субъективного фактора в историческом процессе будет возрастать.

Осознание людьми объективных закономерностей общественного развития, раскрытие механизма их проявления, нарастание практики по разумному регулированию общественных отношений, научный подход к использованию объективных условий в интересах общества, несомненно, приведут к возрастанию роли субъективного фактора в истории. Развивая свой духовный потенциал, люди просто обязаны научиться использовать объективные законы общественного развития в интересах общественного прогресса.

В зрелом противоречии субъективного и объективного факторов его объективная сторона тяготеет к субстанциальной основе бытия общества, то есть к его материально преобразующей деятельности и общественным отношениям в этой сфере. Однако субъективная деятельность, будучи активной стороной саморазвития общества, только и может способствовать разрешению рассматриваемого противоречия. В обществе, основанном на разуме, разумная же деятельность и способна целесообразно направить общественный процесс. Такая оценка субъективного фактора вовсе не принижает роли объективного фактора истории. Объективный фактор в обществе действует с необходимой силой, и люди не могут отменить его действия. Но сила разума в том и состоит, что он способен познать объективные закономерности и использовать их для блага людей. При этом разум человека не отменяет объективные условия, а использует знания о механизме их проявления в целесообразной деятельности людей. Такова диалектическая роль разума в развитии общества. Объективные условия детерминируют субъективную деятельность, а последняя, будучи активным фактором развития общества, активно же оказывает целесообразное воздействие на сами объективные условия.

Под субъективным фактором, в зрелом противоречии субъективного и объективного, надо понимать осо-

знанную целесообразную деятельность субъектов отношений по направлению объективного общественного процесса в русло оптимизации развития общества. При таком понимании значения субъективного фактора его роль в общественном процессе непременно должна возрастать. Чем глубже и основательней знания людей об объективных общественных явлениях, чем свободнее становится человек в обществе, тем всё более эффективней проявляется роль субъективного фактора в историческом процессе.

Возрастание роли субъективного фактора в современной истории обусловлено многими обстоятельствами: продолжающимся общественным прогрессом, процессами расширения свободы человека, социализации и гуманизации общества, научно-технического прогресса, необходимостью социального прогнозирования и планирования и др. Само возрастание роли субъективного фактора сегодня тоже становится закономерной исторической тенденцией. Причём эта тенденция всё больше проявляет себя не только во взаимодействии человека с природой, но и в самой системе общественных отношений.

Исходя из понимания сущностных сил человека объективным источником общественного прогресса выступает постоянный процесс разрешения противоречия между всё возрастающими потребностями людей и расширением их деятельности по удовлетворению этих потребностей. Это противоречие стало имманентным объективным законом общественного развития. Чем выше ступень общественного развития, тем необратимее становится данная закономерность как основной источник общественного прогресса. В современном обществе бурно нарастает процесс интенсификации роста потребностей людей. Соответственно нарастает и субъективная деятельность по удовлетворению быстро возрастающих потребностей, особенно в информационно-технической сфере.

Однако в силу элитарности современного общества и большого имущественного расслоения в обществе продолжает сохраняться антагонистичность между различными социальными классами, группами и слоями в зависимости от материального положения человека. Именно по этой причине в обществе сложилось основное противоречие между возрастающими потребностями людей и возможностями их удовлетворения. Конечно, эти возможности зависят и от индивидуальных способностей человека, его образа жизни, многих других факторов. Но в основе различия возможностей всё-таки лежит кричащее расслоение людей, порождённое частной собственностью на орудия и средства производства. Поскольку деньги сегодня превратились в главную ценность общества, то от их наличия напрямую зависит удовлетворение потребностей индивида в различных сферах жизни. Этим же во многом обусловлена ценностная ориентация людей как в материальной, так и духовной сферах, а также субъективная деятельность по реализации ценностных ориентаций. Деятельность по добыванию денег становится всё более изощрённой, часто аморальной и противозаконной.

Так как высшим проявлением сущностных сил человека выступает исторический процесс расширения его свободы, то именно состояние свободы человека и общества в целом может являться объективным критерием общественного прогресса. История человечества – это история классового деления, угнетения и порабощения человека человеком. Данная тенденция сохраняется и в современном капиталистическом обществе, основанном на частной собственности. Вместе с тем от эпохи к эпохе нарастала борьба людей за свою свободу и независимость. Эта борьба была полна трагических неудач, взлётов и новых падений. Но деятельность субъектов отношений за свободу постоянно нарастала, что, в конечном счёте, привело к ликвидации отношений личной зависи-

мости (рабство, феодализм) и утверждению в обществе отношений личной независимости. Поскольку же современное общество, кроме стран социалистической ориентации, остаётся элитарным и имущественно поляризованным, то и возможности реализации личной свободы тоже остаются поляризованными. Вместе с тем современное общество крайне нуждается в свободных, интеллектуально развитых и нравственно совершенных личностях. Поэтому субъективная деятельность по расширению прав и свобод граждан выступает неотъемлемым фактором современного общественного прогресса.

С точки зрения роли субъективного фактора в истории важным является понятие «свобода». В экзистенциальной философии под «свободой» понимается некое внутреннее духовное состояние человека, которому противостоит весь остальной объективный мир. Однако общественная практика показывает, чем больше интересы людей и общества совпадают с действием объективных факторов истории, тем результативнее общественный прогресс. Внутренняя свобода человека должна проявиться вовне в виде свободы выбора и свободы воли субъекта отношений. В ином понимании внутренняя свобода человека не имеет смысла, то есть это понятие выступает как пустая абстракция. Прогрессивное развитие общества зависит не от воображаемой «свободы» от объективных условий, а в способности людей выбирать, «…принимать решения со знанием дела» [6:116].

В общефилософском плане понятие «свобода» соотносимо как с необходимостью, так и с ответственностью. При соотношении с необходимыми условиями свобода людей проявляется в форме выбора действий и поступков. Свобода и необходимость диалектически взаимосвязаны. С одной стороны, свобода выбора, будучи детерминантой общественных отношений, приобретающих характер объективности через свободную деятельность прошлых поколений, уже присутствует в необхо-

димости. С другой стороны, необходимость присутствует в свободном проявлении воли людей в виде объективных обстоятельств, которые могут реализоваться не иначе, как через свободную деятельность. Таким образом, субъективный фактор обусловливает и присутствует в объективном факторе, а объективный обусловливает и присутствует в субъективном факторе истории.

В соотношении «свобода» – «ответственность» в проявлении свободы на первый план выходит «свобода воли». Поскольку под свободой воли чаще всего имеется в виду внутренняя духовная самоопределяемость человека по отношению к свободе выбора, то понятие «свобода воли» в истории философской мысли идеализировалось. В действительной жизни людей «свобода воли» есть неотъемлемая сторона «свободы выбора», а последняя не может проявляться без «свободы воли». В понятии «ответственность» тоже присутствуют как свобода, так и необходимость. Без свободы выбора не может быть ответственности, а необходимость есть то, что побуждает к ответственности. При таком понимании категории «свобода», «необходимость», «ответственность» являются диалектически взаимосвязанными. Свобода человека и общества есть явление становящееся, совершенствующееся, развивающееся. Ф. Энгельс ещё на заре современной цивилизации заметил, что общество достигает высшей ступени свободы, когда все причины общественной истории поступают под контроль человека [6:295]. В общественном прогрессе по мере расширения свободы людей все более возрастает и роль субъективного фактора в истории.

Современную эпоху справедливо считают эпохой научно-технической революции. Идёт лавинообразный поток нарастания научного знания о действительности и использования этих знаний в технизации не только сферы производства, но всей жизни и быта людей. Особенно ускоренными темпами развиваются информацион-

ные технологии. Возникли целые информационные системы, в том числе на мировом уровне. Создаются всё более совершенные системы искусственного интеллекта. Идёт бурный процесс автоматизации и компьютеризации как производства, так и сферы быта. Человек оказался в информационном и технологизированном пространстве. Набирает темпы очередная информационно-компьютерная волна цивилизации. В этих условиях, с одной стороны, человек уже не может выйти из этой информационно-технической сферы зависимости, с другой же стороны, дальнейший научно-технический прогресс полностью зависит от всемерной активизации его субъективной деятельности.

Сегодня наука, будучи одной из форм общественного сознания, выступает важнейшим звеном в жизнедеятельности людей. Прежде всего наука – это специфическая духовная сфера познания, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности. В то же время, добытые знания об этой объективной действительности наука направляет на практическое совершенствование сферы человеческого обитания. Только наука позволяет людям проникать в сущностные связи, раскрывать объективные закономерности и использовать их силу в интересах человечества.

Будучи рационализированной сферой человеческой деятельности, наука субъективна по своему проявлению. А так как наука раскрывает объективные закономерности бытия, то в ней налицо объективное содержание. В науке, как ни в какой другой сфере человеческого знания, субъективный и объективный факторы теснейшим образом взаимосвязаны. В конечном итоге любые научные знания необходимы человеку для практической жизнедеятельности. По мере развития общества наука всё более превращается в его непосредственную производительную силу. Особенно, если наука сопряга-

ется с техникой, то она становится доминирующим фактором в общественном прогрессе. Не случайно, науку и технику теперь принято считать специфическими формами практики. Как форма практики выступают не только естественные и технические, но и общественные науки. Как раз общественные науки играют важную роль в раскрытии закономерностей общественного развития и практическом использовании этих знаний в целесообразном регулировании общественных явлений. Современная наука открывает простор для возрастания роли субъективного фактора в истории.

Одним из главных аспектов сущностных сил человека является его целесообразная деятельность. Любое предвидение результата действия и деятельность по достижению этого результата – это разумная субъективная деятельность. Целеполагание является исходным моментом дальнейшего формирования и развития разума. Поэтому разум человека по своей природе обладает творческой силой.

Современный уровень развития науки, особенно общественных наук, остро обозначил проблему социального прогнозирования. К этому всё активнее подталкивают возникшие в XX в. глобальные проблемы современности, социальные, экономические и политические катаклизмы, решение которых становится насущной и неотложной задачей человечества. Без социального, научно-технического, экономического, демографического и других видов прогнозирования теперь оказывается затруднительным строить государственную и международную политику. Научные прогнозы и социально-экономическое планирование общественных процессов всё более становится объективной необходимостью современного общественного развития.

Говоря о необходимости современного социального прогнозирования можно выделить следующие основные аспекты данной проблемы. Надо иметь в виду, что совре-

менная прогностическая наука вполне способна дать достаточно достоверные представления о будущем общества и вывести социальное предвидение из сферы «утопии» в сферу науки. Далее, научное социальное прогнозирование, построенное на обнаружении тенденций развития общества, может, в свою очередь, влиять на формирование этих тенденций общественного прогресса. Социальное прогнозирование тесно связано с социальным планированием и они взаимодополняют друг друга. Кроме того, социальное прогнозирование свидетельствует о расширении свободы человека и общества, возрастании роли субъективного фактора в прогрессивном развитии общества. Нельзя забывать, что целеполагающее планирование является фундаментальной категорией, исходящей из сущности человека и общества. Можно сказать, что социальное планирование, основанное на научном социальном прогнозировании, является магистральным путём разрешения глобальных проблем человечества и дальнейшего социального прогресса. Поэтому социальное прогнозирование не может быть только уделом учёных, оно должно стать основой научного государственного управления обществом. Наконец, предвидение будущего становится возможным лишь на основе комплексных научных исследований, посредством интеграции гуманитарного, естественнонаучного и технического знания. Всё вышесказанное, несомненно, свидетельствует о возрастании роли субъективного фактора в современной истории.

Как уже отмечалось, вся написаная история общества – есть история социального неравенства, господства и угнетения. В основе социального неравенства и эксплуатации человека человеком лежит частная собственность на орудия и средства производства. Поскольку же главным проявлением сущностных сил человека и общества является их свобода, то постепенный исторический процесс расширения свободы людей одновремен-

но является и процессом улучшения условий их жизни, то есть процессом социализации общества. Рабство, как наиболее грубая и жестокая форма эксплуатации, уступило место феодализму, с его не менее жёсткой эксплуатацией, но некоторым улучшением социальных условий жизни. Победивший капитализм освободил человека от пут личной зависимости, но и обрёк его на унижающую человеческое достоинство экономическую зависимость. Современный способ производства, основанный на всесилии рынка и денег, тем не менее, стал всё более нуждаться в свободных индивидуальностях, научно и технически образованных, инициативных и творческих личностях. К этому обязывает, как уже говорилось, нарастающий процесс научно-технического и информационного прогресса. Последовательная и возрастающая социализация общества стала объективной потребностью общественного прогресса.

На современном этапе истории сложились две формы социализации общества: капиталистическая и социалистическая. Современный капитализм объективно заинтересован в расширении социализации общества. Но частнособственническая сущность этой системы, основанная на эксплуатации наёмного труда, не позволяет широко и последовательно осуществлять процесс социализации. Напротив, социалистическая система, основанная на общественных формах собственности, даёт возможность быстро и гарантированно улучшить социальные условия жизни наиболее широких масс населения. Социалистическая система обеспечивает плановую и последовательную социализацию общества во всех сферах жизни человека, что даёт возможность устойчиво повышать уровень жизни людей, создавать условия для наиболее полного самовыражения личности. В самом деле, по К. Марксу, социально справедливым может быть такое общество, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [4:447].

Так как человек сам делает свою историю, то процесс социализации общества может нарастать лишь при активной деятельности всех субъектов общественных отношений. Научившись использовать законы природы для создания и совершенствования сферы своего обитания, люди обязаны научиться использовать и законы общественного развития в интересах освобождения всех членов общества от эксплуатации и угнетения, создания социальных условий для свободной самореализации каждого человека. Именно в этом заключаются высшие цели социализации общества. Однако успех на этом пути возможен лишь при условии возрастания роли субъективного фактора по гуманизации всего общества.

Здесь под гуманизацией имеется в виду формирование таких общественных отношений, когда человек как личность становится главной ценностью в обществе, когда общественной нормой становится признание права любого индивида на свободное развитие и проявление всех своих способностей [5:139]. Идея «гуманизма» прошла длинный и сложный путь своего развития. Однако реальное воплощение в общественную жизнь эта идея начала получать лишь в ходе социальных революций XX в. Под их мощным влиянием процессу гуманизации в определённой мере стала подвержена и капиталистическая общественная система. Но эта система, эксплуататорская по своей сути, не способна обеспечить реальный гуманизм в человеческих отношениях. Подлинная гуманизация общества начинает реально осуществляться там, где активно и последовательно идёт процесс социализации общественных условий жизни. Чтобы в ходе общественного прогресса стало возможным преодолеть тысячелетиями складывающиеся отношения эксплуатации и угнетения, необходима активная субъективная деятельность по гуманному переустройству общества. Здесь уместно применить известный кантовский тезис высшей гуманности: «…поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству …как к цели и никогда не от-

носился бы только как к средству» [1:270]. Вместе с тем, в обществе сегодня действуют и объективные факторы, которые способствуют развёртыванию процесса социализации и гуманизации общества.

К объективным факторам современной истории, способствующим гуманизации общества, можно отнести следующие. Во-первых, современный научно-технический прогресс, с его всеобщей механизацией и автоматизацией производства и быта, фактически ведёт к развёртыванию процесса преодоления различий между физическим и умственным трудом. Умственная деятельность всё более превращается в основную родовую принадлежность людей, что возвышает и гуманизирует человека. Во-вторых, современное общество с его обширными знаниями объективно нуждается в высококвалифицированных специалистах во всех сферах жизни людей. В мире идёт процесс совершенствования системы образования. Правилом становится получение всеобщего среднего и стремление к высшему образованию. Сама система совершенствования образования, несомненно, гуманизирует людей. В-третьих, наблюдающийся в мире объективный процесс расширения свободы человека есть вместе с тем и процесс гуманизации общества. В-четвёртых, в связи с мощным развитием транспортной и информационной инфраструктур в мире нарастает процесс сближения национальных и региональных культур, формирование богатой по своему содержанию единой мировой культуры, которая гуманизирует общество. В-пятых, современный научно-технический прогресс является мощной базой формирования единой мировой цивилизации. Цель цивилизации – всемерное удовлетворение всё возрастающих потребностей человека. А лозунг: «Всё во имя человека и для блага человека» – есть гуманистический лозунг.

Конечно, процесс гуманизации общества в мире идёт неравномерно, с большими трудностями. Данное

обстоятельство обусловлено элитарностью и поляризацией современного общества. Поэтому процесс гуманизации, впрочем, как и процесс социализации общества, нуждается во всемерной активизации субъектов социальной деятельности за права и свободы людей.

* * *

Объективный ход современной истории таков, что возможны противоположные альтернативы дальнейшей судьбы общества. Всё зависит от того, какой направленности субъективный фактор возобладает в обозримой перспективе. Старый строй с исторической арены не уходит сам собой. Современный капитализм ещё силён и субъекты его деятельности будут делать всё, чтобы затормозить прогрессивное развитие общества, сохранить систему элитарного превосходства одной части общества над другой. Но объективный ход истории требует дальнейшей социализации и гуманизации общества. Хочется верить, что субъективный фактор возобладает именно в этом направлении общественного прогресса.

Библиографический список

1. *Кант, И. Соч. : в 6 т. / И. Кант. – М., 1965. – Т. 4. – Ч. 1.*
2. *Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Т. 29.*
3. *Там же.*
4. *Маркс, К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 4.*
5. *Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989.*
6. *Маркс, К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 20.*

В.И.Ионесов (Россия) **V.I. Ionesov (Russia)**

КРИЗИС РАЗЛИЧИЙ И ВЫЗОВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЯСНЕНИЯ

CRISIS OF DIFFERENCES И CHALLENGES OF TRANSFORMATIONS: SOME HISTORIOGRAPHICAL AND PHENOMENOLOGICAL CLARIFICATIONS

The anthropology of crisis and diversity must address the specific conditions under which culture considered as over-biological mode of social survival and complicated semantic system. This article seeks to investigate the effects of global challenges on cultural process and intercultural integration. With increased pressure on the culture, which emerged out of a global transformations grows risks and conflicts in intercultural relations. The world becomes more unsustainable and explosive. Using the concepts of K.Jaspers, S. Freud, A.F.Losev, I.Wallerstein and R.Girard and also a structuralism framework I contend that contemporary crisis is breach of international order and effacing of differences as reaction to structural deformations of world cultural system and crisis of identity. This article explores recent transformations in changing culture and grounds theirs causes, semantic images and articulations in discourse of social-phenomenological knowledge and recent historiography. The article argues the prevailing statement of that crisis is only alien territory and hostile inroad for culture. It contends that crisis has also great resource for creative renovation and requalification of cultural reality. As crisis is social-cultural phenomenon it has not so much economical measure as cultural essence. The crisis unveils the ontological bases of human being, its sense and destination. Crisis has diverse manifestations, but all its reflections come from one general foundation – unfinished anthropological nature of human being, its non-specification (insufficiency) and so-

cial estrangement. But culture stronger the crisis as culture can exist without crisis, whereas crisis don't exist without culture. It means that any crisis has its culture and if people will learn to manage the culture of crisis they could overcome conflicts, valiance and realize the transition from social disconnection to multicultural integration and planetary solidarity.

Кризис как культурная реальность

Цель настоящей статьи представить некоторые размышления по поводу кризиса культуры, императивов выживания и идентификации различий в условиях глобальных трансформаций и мультикультурного развития. Культурологическое сообщество квалифицирует меняющуюся культуру и мировой кризис по-разному, но с общей установкой – необходимо переосмыслить и изменить систему международной интеграции и перейти к новой модели межкультурного взаимодействия. По мнению И. Валлерстайна «мир находится на перепутье» [Валлерстайн, 2004:47]. «Мы переживаем период, непосредственно предшествующий бифуркации. Существующая историческая система находится в состоянии кризиса, завершающего ее развитие. Перед нами стоит вопрос о том, что придет ей на смену» [Валлерстайн, 2004:17-18] [I].

Мировой кризис – понятие не столько экономическое, сколько культурологическое. Поскольку любая экономика - это, прежде всего, способ производства, который зиждется на культурном субстрате, т.е. образе жизни, орудиях труда, хозяйственном укладе, системе принятия решений и способов распределения, социально-правовой регуляции, социальных ролях и статусах, мировоззренческих установках и пр. И хотя отношение экономики и культуры - взаимозависимый процесс, культурная мотивация всегда влияет на систему принятия решений и тем самым определяет направление и содержание экономического развития. Экономика – это всегда соревнование идей и движение чувств, риск, борь-

ба за выживание, стремление к порядку и жажда свободы, то есть своего рода культуротворчество. И, вообще, где была бы экономика без культуры? Экономика не может существовать без культуры, т. е. по существу не может быть ни чем иным как культурой экономики. Сегодня даже самые закоренелые экономисты-технократы вынуждены признать, что причинами мирового финансового кризиса стали алчность, жажда наживы, безудержный эгоизм, социальная безответственность, правовой нигилизм, беспринципность и структурная неупорядоченность социальных связей, т.е. всё то, что по определению принадлежит культуре. Это означает, что понять смысл и природу современного экономического кризиса нельзя без обращения к культуре.

Культура и кризис

Современые мультикультурные трансформации, выражаясь словами Франчески Брей, действительно побуждают всех исследователей мир-культуры становиться антропологами. Но быть антропологом значит *выявлять родовые или общие черты в человеческой истории* (Э.Мейер) и воспринимать культуру как процесс развёртывания и самоутверждения целого. История зиждется на незавершенности человека и достраивании себя до масштабов целостности. «Мы стремимся понять историю как некое целое, чтобы тем самым понять и себя» - пишет К.Ясперс [1991: 240]. Кризис открывает самый короткий, хотя и весьма сложный и драматичный путь к этому пониманию. Принято считать, что обращение к кризисной культуре в поисках ответов на насущные вопросы бытия обусловлено тем, что именно в кризисное время удаётся засвидетельствовать «светлые минуты самопостижения, сущностного откровения». Культура как знаковая система в период кризиса становится необычайно активной в создании разнообразных символических матифестаций - мифообразов, художественных

метафор, имитаций, идеалогем и ритуально-культувых практик. В кризисной культуре запускается механизм семиотических кодов, основная миссия которых переквалификация существующего порядка/беспорядка вещей и конструирование новой, на первых парах, больше воображаемой реальности. Культура выступает в кризисном социуме генератором структурирования и реорганизации связей людей друг с другом. Поскольку кризис сопровождается обессмысливанием и размыванием ценностей, то структурирование возможно лишь посредством привнесения нового смысла и постулатов определённости в меняющуюся культуру. «Кризис цивилизации – это, прежде всего кризис, обессмысливания тех целей, которые сформировали ее целостность, явились движущей силой ее возникновения, воспроизводства и развития. Глубокой причиной обессмысливания является разрушение сложившейся системы детерминации мотивов и поведения человека. Кризис смысла порождается возросшей степенью человеческой свободы» [Дилигенский, 1993].

Нередко переквалификация кризисной культуры осуществляется в виде радикальной сменой жизненных установок («парадигм развития») и оборачивается экспансией мифотворчества или так называемым «семиотическим экстремизмом» (Ж.Делёз, Ф.Гваттари). На это также обращал внимание Ю.М.Лотман в своём исследовании семиотического механизма культуры. Основная «работа» культуры состоит в структурной организации окружающего человека мира. «Смена культур (в частности, в эпохи социальных катаклизмов) сопровождается обычно резким повышением семиотичности поведения (что может выражаться даже в изменении имён и названий), причём и борьба со старыми ритуалами может приобретать сугубо ритуализованный характер. В то же время не только введение новых форм поведения, но и усиление знаковости (символичности) старых

форм может свидетельствовать об определённом изменении типа культуры. Именно определенная внутренняя неупорядоченность, не до конца организованность, обеспечивают человеческой культуре и большую внутреннюю ёмкость, и динамизм, неизвестные более стройным системам» [Лотман,1996]. Кризис – это, прежде всего, кризис структурной целостности системы, её расструктуривание. Но что такое расструктуривание как не разрушение границ, стирание различий и размывание связей между элементами системы? Это означает, что экспансия смысла и семиотическая трансформация происходят в кризисной культуре как нагнетание границ и информационно-знаковая перегрузка системы. «Пересечённость семиотического пространства многочисленными границами создаёт для каждого движущегося в нём сообщения ситуацию многократных переводов и трансформаций, сопровождающихся генерированием новой информации, которая приобретает лавинообразный характер» (Лотман, 1999:188).

Кризис как объект изучения

Культурная реальность кризиса как сфера нагнетания семиотических значений (семиозиса) является наиболее информативным комплексом в исследовании корневых структур культуротворчества и социальных взаимодействий. Кризис радикализирует смысловые и мировоззренческие установки и выводит на поверхность социальной жизни самые глубинные, рудиментарные структуры, подменяя ими остатки распада умирающей культуры. Сегодня «именно кризис … радикальная историчность задает все приоритеты в сфере знания [II]. Предметом объективного познания всегда становятся остатки процесса распада» - пишет Р.Жирар [2000:286]. Никогда в культуре не складываются такие благоприятные условия для смены мировоззренческих парадигм, регенерации давно забытых традиций и принятия инноваций

как в период кризиса. В продуктах распада культивируется новая реальность, и прежде всего, рождаются или переоформляются символы, мифы, образы, ритуалы, всё то, что с помощью воображения компенсирует утраченную реальность. Всякий кризис сопровождается ломкой структур и деформацией связей как внутри системы, так и в её отношениях с внешним миром. Опасность состоит в том, что оказавшись на определённом этапе в «структурном вакууме» кризисная культура становится по существу неуправляемой, она как бы провисает в «бесконечность», где нет различий, приоритетов, целей и движения, нет того, на что обществу можно было бы опереться, от чего можно было бы оттолкнуться. Но именно это *бесструктурность* освобождает культуру от каких-либо обязательств, и, в конечном счёте, вырывает её из давящих и мучительных объятий кризиса. Стены расступаются, развёртывается бескрайний простор и малейшее вторжение в него, становится судьбоносным для будущего развития культуры. То, что в «структурном вакууме» или иначе в точке бифуркации, является бесконечно малым, может стать впоследствии бесконечно большим. Некоторые исследователи рассматривают кризисную культуру как *неопознанный объект,* недоступный для интерпретации, в силу того, что кризисная реальность бесструктурна, неустойчива и непредсказуема. В ней доминирует неопределённость и все различия стёрты. Постструктуралистский взгляд на кризисную культуру (Ж.Делёз, Ж.Деррида и др.) исходит из того, что кризисная реальность лишена структурности и оформленности – она хаотична, бесформенна и размыта. Отсюда апологетика релятивизма, рассеянной произвольности и бесструктурности. По мнению постструктуралистов, в изучении кризисной реальности структуралистский подход малопродуктивен, поскольку мы не можем оперировать структурами, которые расколоты на фрагменты в меняющейся культуре или вовсе отсутствуют в состоя-

нии бифуркации. Кризис не подчиняется каким-либо законам, полагают поструктуралисты. Однако представляется, что точка бифуркация и область, к ней примыкающая, сами по себе уже есть результат структурных изменений. Была бы бифуркация возможной без тех институциональных трансформаций, которые ей предшествовали и которые по существу её породили? То есть сама бифуркационная неструктурированность является бинарной оппозицией стационарно–институциализированного и структурно упорядоченного состояния в бытии культуры и по этой причине, так или иначе, выражает логику развития культурной системы. Следовательно, применительно к кризисной культуре можно утверждать, что закон без закона - самый жесткий закон.

Большинство исследователей считают, что стабильное состояние не продуктивно для интеллектуальных поисков смысла культуры и что именно бесструктурное состояние кризисной реальности может пролить свет на понимание онтологической сущности и функциональной специфики структур. Ничто так не подчёркивает важность структур, как их отсутствие. Так же как ничто так не раскрывает жизненную силу культуры как критическая ситуация с риском и опасностью её разрушения. Вот почему кризис можно считать лучшим временем для культурологического познания. Трансформационный процесс также как и стационарное развитие культуры так или иначе выражает борьбу и единство парных противоположностей – порядка и хаоса, присутствия и отсутствия, согласия и конфликта, постоянства и изменчивости и пр.

Существуют различные классификации/модели трансформации культуры и социального развития. Так, Э.Дюркгейм выделяет две формы социального взаимодействия в историческом движении культуры – *механическую солидарность*, основанную на сходстве взаимодействующих друг с другом элементов социальной системы (ранняя эпоха) и *солидарность органическая*,

проявляющая себя как взаимодействие различающихся, индивидуализированных сущностей, связанных между собой благодаря различиям, а не сходству. М.Хайдеггер предлагает различать два типа мышления – *осмысляющее и вычисляющее*, фиксирующие различные исторические состояния культуры. Осмысляющее мышление свойственна архаической культуре и соотносима с эпохой древности. Вычисляющее мышление является продуктом цивилизации и максимально раскрывает себя в индивидуалистическом мировосприятии капиталистической системы. Трансформация культуры представляется в концепции Г. Померанца как смена двух модусов преломления исторических сил по принципу маятника. В этом движении осуществляется смена бинарных соположенностей: дифференциация - интеграция; «классические» эпохи – «романтические»; рациональное – иррациональное и т. п. [Померанц, 1991]. Сопоставимой с этой моделью можно признать и концепцию А.М.Кантора о сменяющих друг друга структурных кодах - дуалистической и монистической организации культуры [1993]. Монистичнеский код характеризуется предметно-смысловой слитностью и коллективной интегральностью. Монокодическая культура не столько выражаема, сколько переживаема. Дуалистический код - это код дифференцированных социокультруных взаимодействий, наиболее проявляющих себя в ситуации переломных эпох, которые разбивают длительно складывающуюся слитность знаков и представлений о мире и заново конституируют себя с изменившимся миром. «Возрастает семиотичность культуры: знак-символ становится фокусом и фильтром мировосприятия; идентификация мира осуществляется в дуакоде в большей степени через знак, противопоставленный миру, «спасение» целиком ориентируется на некие «единственные», «особые» знаки. Отсюда хорошо знакомая по кризисным периодам общественного сознания ксенофобическая «зна-

комания»: поиск «своих» и отвержение «чужих» знаков» [Кантор,1993].

Социокультурные механизмы циклов культуры обосновываются А.С. Ахиезером [2002]. Им определяются исходные дуальные оппозиции как узловой пункт для понимания механизма воспроизводства динамики культуры. В дуальном оппозиционировании культуры содержится условие её воспроизводства и выживания. Переход и кризис выражают эту дуальную оппозиционность с наибольшей силой.

Следует заметить, что чем выше достижения культуры и уровень ее развития, тем ярче и сложнее выражена способность культуры к воспроизводству ее сущностной оппозиционности как условие поддержания ее многогранной, многосложной целостности. Так, в наиболее продвинутых обществах существует устойчивый интерес к другим культурам и весьма востребовано изучение (и соприкосновение) инокультурных архаических традиций как в географическом плане /по горизонтали/ (цивилизация – архаика, развитые страны – страны третьего мира), так и в историческом (временном) /по вертикали/ (современность – древность, настоящее – прошлое). Тогда как, в архаических обществах больше проявляет себя склонность к сепаратизму и культурной замкнутости. Вектор их дуальной оппозиции не выходит за границы жестко прочерченного мифологического пространства. Та же ситуация наблюдается и в периодической устремленности жителя мегаполиса вырваться хотя бы ненадолго за его пределы – на природу, к противоположному городской жизни полюсу. Чего нельзя сказать о не затронутых, потревоженных цивилизацией жителях деревни, их бинарная оппозиционность весьма локальна и структурно привязана к дуальной стилистике деревенской жизни. Принцип дуальной оппозиционности проявляет себя ярче всего в кризисных ситуациях, в которых сам кризис выступает проявлением бинарно-

сти – кризисная культура живет, спасается антикризисным (стационарным) мифотворчеством. Образно говоря, когда на *земле* (в культуре повседневности) царит хаос, на *небесах* (в мифо-символическом творчестве) утверждается идеальный порядок. Человек спасается от разрушительной стихии изменчивой реальности в имагинативном (воображаемом) мире неизменного и идеального порядка. Октябрьская революция 1917 года демонстрирует нам еще одну ситуацию бинарного (парного) противопоставления в динамике культурных трансформаций: голос революционно настроенной интеллигенции устремлен к наиболее забитой, придавленной и необразованной части социума – крестьянам и пролетариату, которые, в свою очередь, видят свое спасение в условиях тотального хаоса и ломки традиционной жизни на другом противоположном им социальном полюсе, а именно в интеллектуальных вождях революционного толка. Феномен революционера – интеллигента служит здесь образом законченного воплощения дуальной самотождественности - ибо то, что порождает оппозиционность само себя и отрицает. В революционере-интеллигенте эти оппозиционные крайности смыкаются. Здесь идея, рассудительность, духовность раздуваются до своего самоотрицания – идея отрицается Сверхидей, религия – атеизмом, порядок – Сверхпорядком (репрессиями), духовность – идеологией и пр.

В ситуации глобального перехода возрастает амбивалентность оценок происходящего и обостряется мифосимволическое восприятие меняющейся культурной реальности. Амбивалентность выражает себя как реакция на смысловую размытость и *обезразличивание*. Двойственность значений привносит различия и, тем самым, пытается удержать культуру от сползания в бесконечный водоворот обессмысливания. В кризисной культуре о себе заявляют самые разные силы, звучат самые противоречивые призывы и соединяются ранее не сое-

диняемые сущности. На переходе приобретения и утраты, радость и горе, примирение и конфликт, порядок и хаос, опасно сближаются и образуют одну трудно различимую данность. «Нас настойчиво убеждают в том, что так произошел возврат к индивидуализму – пишет И.Валлерстайн. На деле же – это возрождение коллективизма. Нас настойчиво убеждают в том, что так произошел возврат к оптимизму. На деле же - это поворот к глубокому пессимизму». [2004:207].

Как отмечает И.Валлерстайн: «В настоящее время мы переживаем процесс глубокой трансформации нашей миро-системы, но пока не знаем, повлечет это за собой фундаментальные социальные изменения или нет. Если нас интересуют фундаментальные социальные изменения, следует пытаться обнаружить длительные периоды и отличать их от циклических ритмов, а также прогнозировать, до каких пор эти долговременные тенденции могут набирать силу, не нарушая равновесия, лежащего в основе системы. Сегодня, как и в другие моменты упадка исторических систем, мы стоим перед историческим выбором, на окончательный итог которого может реально повлиять наш личный и коллективный вклад. Однако сегодняшний выбор в одном отличается от предыдущих. Это первый выбор, в который вовлечен весь мир, поскольку историческая система, в которой мы живем, впервые охватывает всю планету» [Валлерстайн, 2004:181-183]. В глобальных трансформациях наблюдается ситуация, когда периоды равновесия всё более сокращаются, тогда как, неравновесия – обретают перманентный характер. «Нельзя сказать, что равновесия не существует, просто оно является состоянием временным и исключительным» - полагает И.Валлерстайн [2004:223].

Кризис различий и императив разнообразия

Одним из условий продуктивного и устойчивого взаимодействия системы является наличие в ней согла-

сованного единства разнообразия функций и оптимизация структурного порядка. Любое разнообразие возникает на основе идентификации сущностей. Идентификация позволяет определить тождественность структурного местоположения элемента и выполняемой им функции. Сбой и отклонения в идентификационном процессе чреваты стиранием различий и приводят культурную систему к дезорганизации. Подмена функций элементов в условиях нарушенной идентификации неизбежно деформирует культуру и серьёзно ослабляет её жизнеспособность. Поэтому кризис следует рассматривать и как кризис идентичности. Идентификация служит способом выстраивания границ и бинарного оппозиционирования культурных сущностей. «…Бытие этого… мира заключается в его непохожести.– утверждает К.Леви-Строс. О мире нельзя сказать, что он просто есть; он существует в форме первичной асимметрии, которая проявляется различным образом в соответствии с перспективой его восприятия: между верхом и низом, небом и землёй, твёрдой землёй и водой, близким и далёким, левой и правой странами, мужским и женским и т.д.» [2007: 571]. Бинарные противопоставления обусловлены фундаментальной или генеральной оппозиции культуры и природы. Человек предопределён к оппозиционированию в силу своей дуалистической био-социальной сущности. Эта изначальная онтологическая раздвоенность порождает все бинарные манифестации культуры и принуждает человека с их помощью до-определять реальность. В этом плане разнообразие выступает фактором и условием выживания и развития культуры.

Если мы рассматриваем человечество как родовую потенцию, которая актуализирована во многих индивидуумах, существующих на протяжении всей истории, тогда становится ясным, что богатство этой власти/потенции может быть понято только во множестве и раз-

нообразии деятельности, которую выполняют индивидуумы и все общество. Гомогенизация культуры представляет потерю для всего человечества. Гомогенизация действительно представляет сокращение/ущемление нашей человеческой природы [Gallagher,1999]. Целое, если это действительно целое, а не просто куча/груда, должно иметь единство в порядке. Разнообразие обогащает, но только тогда, когда оно проявляется внутри границ порядка. Без порядка оно ведет к хаосу. Без гармонии различных элементов целое не способно иметь разнообразие своих частей. Д.Галлахер определяет это структурное состояние как *функциональное разнообразие*. В случае функционального разнообразия отсутствует напряжение между единством и разнообразием. Разнообразие здесь (в этом контексте) полностью относящаяся к достижению функция, введенная для завершения [для достижения конечности цели]. Следовательно, все разнообразие осуществляет себя как обогащение [только тогда, когда порядок управляет целым]. Общее действие требует единства в границах конца. Общее действие требует часто унификации. Разнообразие должно быть пожертвовано к требованиям общего действия. Это почти всегда становится неизбежным источником печали [Gallagher,1999]. Но одновременно служит необходимым условием для поддержания стабильности системы. Культурная идентификация сущностей, формирующая их множественность и разнообразие индивидуальностей – удел продвинутых и сильных (структурированных) обществ. «Множественность становится не поблажкой для слабого или невежды, а рогом изобилия возможностей сделать мир лучше» [Валлерстайн, 2004: 326]. Однако при отсутствии механизмов сцепления и согласования функций разнообразие может обернуться для системы тотальной конфронтацией и конфликтами.

Таким образом, разнообразие через идентификацию сущностей делает различия узнаваемыми, фор-

мирует смыслообразы и обеспечивает взаимосвязь части и целого. «Ведь культурный порядок – не что иное, как упорядоченная система различий; именно присутствие дифференциальных интервалов позволяет индивидам обрести собственную «идентичность» и расположиться друг относительно друга» [Жирар,2000:64]. Однако для познания истоков самой культуры нужно, чтобы культурный порядок начал распадаться, чтобы избыток различий рассосался. Стирание различий приводит к пагубному, деструктивному равновесию системы, и ее энтропии. Там где нет различия - там *без-различие,* а там где различия – там *небезразличие*. Р.Жирар считает, что именно различие является «отцом» стабильности [Жирар, 2000]. «В целом, современный кризис, как и всякий жертвенный кризис, следует описывать как стирание различий: их стирает качание антагонистического маятника, но это качание никогда не осознается в своей истинной сути – то есть как все более трагическая и бесплодная пульсация больного различия, которое вроде бы постоянно растет, а на самом деле исчезает в попытках каждого его присвоить» [Жирар,2000:248].

Единичность и целостность

Содержанием современной эпохи является соприкосновение и переплетение индивидуалистических и унификационных тенденций культурного развития. Усложнение структурных связей и нагнетание мультикультурной мозаичности радикально меняет ландшафт постиндустриальной цивилизации. В межкультурных отношениях всё активнее проявляет себя синтез, интерференция и диверсификация. Культурная гибридизация является процессом, который становится типичным для большинства современных культур [Švob-Đokic, 2004]. Разнообразие помогает распределить роли и функции в межкультурном диалоге, и содействует осознанию того, что каждая культура в отдельности является носи-

телем лишь ограниченного знания. У каждой культуры свой модус самовыражения, своя конфигурация. Истинное понимание насущных задач развития складывается через диалог культур и интеграцию знаний. У каждой культуры своя наблюдательная площадка, позволяющая ей видеть и слышать лишь то, на что она направлена. Поэтому каждой культуре необходимо также настроить себя на частоту восприятия других культур, со стороны которых вещает иной голос, простирается иной взгляд, предлагаются иные ценности. Глобализация делает всё более очевидным тот факт, что смысл происходящего не может быть достоянием лишь одной культуры, но он есть результат сотворчества различных культурных традиций. Обретение смысла достигается через многообразие культур. Смысл разбросан по разным культурам, чтобы его обрести (прочитать) нужно собрать его части у разных народов. Но это собирание и постижение смысла осуществляется посредством мультикультурной транспликации (сцепления) различных видов знания - эпохальных парадигм и культурных канонов, т.е. как во времени (культурно-исторически), так и в пространстве (культурно-топологически). Вот почему так важно в изучении глобальных трансформаций опираться не на отдельные и разрозненные культуры (единичности), их индивидуальные траектории развития, а на мультикультурную целостность, историческую всеобщность как единство в разнообразии. Целостное осмысление необходимо поскольку «каждая отдельно взятая линия развития, типический образ, все фактические данные о единстве различного рода – это упрощение в области истории, ложность которых становится очевидной, как только с их помощью пытаются увидеть историю в ее целостности», - считает К.Ясперс. «Задача состоит в том, чтобы постигнуть всю многогранность этих линий, образов, единств, оставаясь открытыми тому, что находится за пределами всего этого, в чем заключены эти

феномены, оставаясь открытыми для человека и всегда существующей целостности человечества, для всеобъемлющего, которое несет в себе то, что при всем своем великолепии есть лишь явление в мире явлений. Всеобщая история стоит перед нами как задача» [1991:267].

Вопрос о соотношении части и целого актуализируется в ситуации перехода и структурных пертурбаций. В кризисное время происходит утрата целостности, когда человек предоставлен самому себе – всё становится пограничным, переходным, изменчивым. Время как бы рассыпается на части, пространство сжимается, событийность культуры возрастает. В этих условиях человек как никогда восприимчив к истории, он сопричастен с ней. Он её творец и повелитель и он жаждет единства и понимания того, что и каким образом вокруг него меняется. «Единство вырастает из смысла, к которому движется история, - отмечает К.Ясперс, смысла, который придает значение тому, что без него было бы в своей разбросанности ничтожным… Единство смысла возникает там, где человек в пограничных ситуациях наиболее полно осознает самого себя, где он ставит наиболее глубокие вопросы, находит творческие ответы, способные направить и определить его жизнь» [Ясперс, 1991:262-263]. Кризис и пограничность способствуют осознанию того, что человек есть незавершённое существо, его гнетёт онтологическая недостаточность и эта дефициентность его бытия открывается ему в крупном плане именно на переходе, где история заглядывает человеку в лицо. Переход – это способ открытия бытия в человеке. История выражает незавершённость человека, его обособленность от других, но и его устремлённость к объединению и единению. Незавершённость человека – исторический императив и объединяющее человечество качество. «Именно потому, что человек конечен, незавершен и не может быть завершён, он должен в своём преобразовании во времени познать веч-

ное. Незавершённость человека и его историчность - одно и то же» [Ясперс, 1991:242]. Но человек до тех пор не сможет объединиться с другими и соподчинить себя им, пока не поймёт, каким ужасно одиноким и беспомощно отстранённым он может быть в этом мире. Обрести свою единичность, значит найти себя, свой образ, свою часть и осознать то, что жизнеспособность отдельной части определяется её связями с целым. Именно поэтому человек «во всей его разновидности есть движение к единому» [Ясперс,1991:254]. Следовательно, ничто не может сравниться с человеком по силе его тяги к единению, и особенно во время его пребывания в ситуации перелома и трансформации культуры.

Таким образом, история культуры подчинена движению к целому - тому целому, которое сначала называли Провидением, а позже стали мыслить как закон. По этой причине нельзя постигнуть смысл культуры без целостного взгляда на её историческое движение и конфигуративное единство в многообразии культурного мира. Методологическая установка на целостное осмысление в свою очередь предполагает признание того, что в каждой отдельно взятой культурной сущности, части целого, так или иначе, это целое отражается. Так же как необходимо признать, что целостность системы образуется из согласованного единства разнообразных частей, и именно эти части придают системе качество значащей целостности. По существу, закон развития культуры складывается из нескольких постулатов: идентификация частей (единичностей), их самораскрытие (обретение своей индивидуальной самобытности и функциональной упорядоченности) и их устремление к интеграции, синтезу и всеединству. Всякая целостность есть всегда идеальный шаблон, мысленное соединение ряда оптимально согласуемых связей, в непротиворечивый, но односторонний комплекс, абстракт усиливающий образ реальности до предела. Целостность по сво-

ему определению всегда субъективна и условна. Но без признания целостной картины происходящего, пусть и в гипотетическом виде, без заведомого упрощения действительности нельзя разглядеть её границы, зафиксировать её формы, определить направленность, понять движущие силы и причинно-следственные связи культурного процесса. История никогда не выдаёт себя целиком, она процессуальна и событийна и принуждает исследователя постигать эту целостность через согласование форм – изгибов, выступов, разломов на культурном полотне человечества. «Если мы и не располагаем устойчивой, законченной картиной целого, то у нее есть формы, в которых мы видим отражение целого – указывает К.Ясперс. История рассматривается в рамках ценностной иерархии, в ее истоках, в ее решающих этапах. История как целое единична, собственно исторична, а не есть просто явление природы. Остается идея упорядоченности целого, в котором все имеет свое принадлежащее ему место. Это не просто случайное многообразие, но все свойства случайного включены в одно великое основное свойство истории» [1991:268]. Целостность удерживается структурой и поиск этих структур, выявление связей и опосредований элементарных сущностей внутри системы может способствовать её наиболее полному охвату. Структура формирует устойчивость целого в силу того, что структура обладает свойством «гравитации», предопределённости и поддерживает необходимое постоянство (гомеостазис) внутренней среды системы. Но там, где есть *удерживаемое*, всегда присутствует то, от чего удерживают, предохраняют, т.е. давящий на систему поток внешних импульсов, Культура как структурированное целое всегда граничит со своим антиподом – природной стихией и противостоит ей, перманентно ощущая угрозу раскола и вторжение хаоса. К.Ясперс специально подчёркивает, что в постижении единства истории в образах целого, «историчность чело-

вечества выступает в качестве эмпирически обоснованных структур. …Смысл нашей собственной жизни, определяется тем, как мы определяем своё место в рамках целого. …Мы находимся внутри незавершенной, а лишь возможной постоянно распадающейся обители исторической целостности» [1991: 269, 272]. В обосновании целостного подхода к изучению культуры К.Ясперс также отмечает, что постижение логики её развития в истории «решается в поисках этого единства, этого смысла, структуры мировой истории, а она может быть связана только с человечеством в целом. В одном случае я отступаю, вижу в истории нечто противоположное, подобно далекому горному хребту, в ее целостности, в ее основных линиях и особенных явлениях. В другом – полностью погружаюсь в настоящее в его целостности, а данное мгновение, которое есть, в котором нахожусь я, в глубинах которого история становится для меня настоящим, тем, что есть я сам» [Ясперс,1991:275].

Современный кризис даёт возможность всем нам понять, насколько сильно в условиях глобализации люди связаны друг с другом, но одновременно какими беззащитными они могут быть перед лицом глобальных трансформаций [III]. Мир культуры в ситуации перехода всё более расщепляется, индивидуализируется, оппозиционируется на части, фрагменты, капсулы. Но при этом демократизация и информатизация делают возможным включение каждого индивидуума/культуру в общечеловеческий диалог и взаимообмен. В социальных системах идёт постоянная борьба за построение лучшего общества, непрекращающийся поиск своей идентичности и обретение своей «ниши» в глобальных преобразованиях. В социальных науках – предпринимаются попытки обозначить и до-определить быстро меняющуюся культурную реальность, выявить причины современного кризиса и обосновать способы его предотвращения или укрощения в будущем. Очевидно, что гло-

бализация бросает человечеству фундаментальный вызов, ответ на который определит жизнеспособность постиндустриальной цивилизации и мультикультурной интеграции. **Мир разбросанных и обособленных культур становится всё больше миром одной, но многосоставной и иерархически-дифференцированной культуры.** Одним из интеллектуальных проектов, вызванных глобальными трансформациями, сменой жизненных парадигм и стремлением объяснить суть нарастающих изменений стала концепция мир-культуры или миро-системного анализа. И.Валлерстайн так определяет содержание своей концепции: «Миро-системный анализ настаивал на рассмотрении всех элементов миросистемы в качестве частей «мира», которое невозможно понять или изучить по отдельности. Характеристики любого общества в некий момент времени Т2 рассматривались не как результат каких-то изначальных условий, существовавших в момент Т1, а считались результатом процессов, происходивших внутри системы, внутри миро-системы. В этом заключен смысл знаменитой формулы Гюнтера Франка о «развитии недоразвитости»» [2004:261]. Человечеству не дано единство изначально, в силу того, что человеческий род удерживает в себе онтологическую незавершенность и открытость. Эта нехватка единства коренится не столько в отдельно взятых сущностях, сколько во всей системе антропосферы. Нарушения связей между культурами обусловлены онтологическим *сбоем* общечеловеческой интеграции и потому эти нарушения носят системный характер и их корректировка, до-развитие может осуществляться не по частям, а целиком. Требуется обустроить структурный порядок во взаимоотношениях части и целого, и этот процесс должен происходить при участии всех субъектов (культур) планетарного объединения.

Проблема состоит в том, что глобализация по своей природе слепа и бездуховна, она не различает куль-

туры, а унифицирует их, что порождает межкультурную напряженность и обостряет конфликты.

Можно согласиться с тем, что в основе мирокультурной модели человеческого развития лежит принцип так называемой «сущностной рационализации». Как разъясняет И.Валлерстайн: «Концепция сущностной рациональности предполагает, что все принимаемые в обществе решения опосредованы – конфликтами – как между различными ценностями, так и между различными группами, зачастую выступающими защитниками противоположных ценностей. Она предполагает, что не может существовать системы, способной одновременно удовлетворять требованиям каждого из этих наборов ценностей, даже если мы ощущаем, что все они того заслуживают. Сущностная рациональность предполагает выбор оптимального соотношения» [2004:118]. В определённом плане «сущностная рационализация» И.Валлерстайна сопоставима с концепциями «альтруистического эгоизма» Г.Селье и «органической солидарности» Э.Дюркгейма.

В современном мире растёт взаимозависимость глобального и локального, они всё больше образуют одну взаимодополняющую связку в пространстве межкультурной коммуникации. Нарастающая сложность общественной системы, требует постоянного усиления роли управления, что в свою очередь приводит к интенсификации и расширению сети коммуникаций и образованию мирового общества в единой глобально объединяющей информационной взаимосвязи локального, универсального, исторического и современного [Хабермас, 1995]. Перегрузка системы возникает вследствие нарушенного взаимодействия и сбоя мультикультурной трансплика-ции. Эти нарушения порождают структурную напряженность и кризис идентичности. Новая глобализированная реальность вынуждают искать новые формы интеграции мир-культурных образований. «Лишь в синтезе всех явлений в качестве общих, различных только по степени

развития возможностей открывается целостность человеческой природы» [Ясперс, 1991:254] [IV].

Кризис как *искупление*

В меняющейся культуре, так или иначе, всегда сохраняются «островки постоянства», то, что удерживает культуру от полного распада и исчезновения. У каждой эпохи свои постулаты. Смена постулатов лишь подчёркивает незыблемую общечеловеческую способность (потребность) их воспроизводства. Эта способность ярче всего проявляется в религиозно-мифологическом творчестве. И это не случайно. Сакральные и мифологические константы культуры утверждают опорные пункты жизнедеятельности общества. Через эти константы прорываются и вещают своего рода «голоса истины», т.е. незыблемые постулаты мировоззренческих исканий. В этой связи, совершенно не случайно именно религиозно-мифологические сюжеты являются в культуре самыми живучими, и пронизывают всю историю человечества. Что же есть в этих мифо-символических образах, знаках, сюжетах такого, что поддерживает их незыблемость, делает их недоступными для критики и ниспровержения? Какие феноменологические установки скрываются за способностью религиозно-мифологических постулатов снова и снова воспроизводить себя (хотя и в различных «одеяниях») и захватывать умы и сердца людей разных народов и поколений? Вероятно, мифологемы сакрального выходят за рамки самого сакрального, религиозного. Ведь если бы механизм мифотворчества был подчинён только религии и был её частью, он бы менялся вместе с изменением религии. Однако мы видим, что в истории культуры есть мифологемы, которые, имея самые разные этно-традициональные манифестации, воспроизводят при этом нечто общее, объединяющее и не меняющееся, включая то, что в современной культуре, именуется общечеловеческими ценностя-

ми. Следовательно, механизм мифотворчества выражает проблему не столько социально-историческую, сколько антропологическую или даже онтологическую. Быть может, мифо-символические константы через свои разнотональные метафоры и аллегории и разноцветные образы и сюжеты выявляют, озвучивают и освещают моменты истинного бытия и обеспечивают культуру способностью сохранять себя даже в ситуациях тотального кризиса и структурного распада. Наиболее яркими, очевидными и распространёнными мифо-символическими сюжетами в культуре являются мифологемы *грехопадения, искупления, воскресения, страшного суда, конца света.* Все эти сюжеты по-разному представлены в мировоззренческих традициях исторических эпох и культур. Но всегда выражают некий побуд к культуре, т.е. узловые или опорные пункты родовой онтологической устремлённости людей навести порядок, экранизировать мир, маркировать реальность, или иначе «разглядеть, что истинно, что ложно», «что такое хорошо и что такое плохо». Очевидно, что в основе всех мифотворческих исканий лежит родовая недостаточность человека. С помощью мифо-символической экранизации люди пытаются (и надо признать небезуспешно!) укротить разрушающий культуру хаос и минимизировать онтологический «ожог об реальность» (Г. Марсель). Человек предопределён к мифотворчеству, в силу отсутствия своей изначальной биологической специфицированности, т.е. по причине своего антропологического отчуждения от природы. Мифологическая традиция связывает это отчуждение с *грехом* и последующим *изгнанием* человека из Сада Эдема. Всё началось с непослушания и вкушения плодов с древа познания. Знания позволили человеку увидеть различия. Но одновременно обретя разум, человек увидел слишком большой для его понимания мир, мир без границ и порядка, без тепла и света, без согласия и защищённости, ставших после изгнания (отделе-

ния от природы) такими необходимыми для его выживания. В этом мире разум видел только изменчивость и неопределённость, но одновременно именно разум воззвал человека к поиску того, на что можно опереться, и предопределил его к созиданию и творчеству. Изгнание обусловило принуждение человека в поте лица своего непрестанно бороться за право на жизнь, искать и обустраивать своё «место под солнцем». Человек обрёл разум, но вместе с ним обрёл открытость, незавершенность, недостаточность и порыв к достраиванию самого себя и своего дома в природе. Разум «отделил» человека от природы, но и позволил ему увидеть мир со стороны. Теперь он как бы не в прежнем и привычном для себя мире природы, но в стороне от него, т.е. человек – это своего рода посторонний природы. Обретя разум, человек, в известном смысле, одновременно лишился своего покровительства в лице природы или, в мифологическом понимании, Бога. «В человеке лишь часть природы» (А.Ф.Лосев) или часть Бога. То, что было свойственно лишь Богу (Природе) теперь стало возможным делать и человеку. Но обладание разумом порождает амбивалентность возможностей. То, что человек разумный видит, всегда граничит с тем, что он не видит. Осознание своего могущества сомкнулось с осознанием своего бессилия, отчаяния. Разум нуждался в новой реальности и для этой реальности требовался новый человек. История человека разумного – это вопрос об истории сотворения человеком самого себя, очеловечивание или вхождение в природу, путём её опредмечивания, окультуривания. «Человеческое предназначение, - пишет М.Мамардашвили, есть следующее: исполниться в качестве Человека. Стать Человеком. Предназначение человека состоит в том, чтобы исполниться по образу и подобию Божьему. Образ и подобие Божье – это символ, соотнесено с которым человек исполняется в качестве Человека. Человек не создан природой и эволюцией. Че-

ловек создается, Непрерывно, снова и снова создается. Создается в истории, с участием его самого, его индивидуальных усилий. И вот эта его непрерывная создаваемость и задана для него в зеркальном отображении самого себя символом «образа и подобия Божьего». То есть, Человек есть такое существо, возникновение которого непрерывно возобновляется. С каждым индивидуумом и в каждом индивидууме» [1988].

Мифологема искупления выражает способ преодоления греховности или биологической недостаточности и отчуждённости от природы. Искупление – это, своего рода, наказание природой человека за овладение им способности с помощью мысли выходить (абстрагироваться) за пределы видимой реальности. Но в искуплении звучит и тема спасения. Не будучи биологически специфицированным к природе существом (человек, в отличие от животных, не может выжить без опоры на разум и культуру), Homo Sapiens принуждён природой к ограничению и воздержанию (люди не имеют всего набора необходимых биологических средств (инстинктов) для автономного существования). Биологическая неспецифицированность человека т.е. отсутствие предназначенной для него экологической ниши в природе (рыбы живут в воде, птицы – летают в воздухе, пингвины живут в Антарктиде и пр., но человек освоил пустыню, море и воздух, он везде, а, следовательно, нигде) предопределило то, что эту нишу ему необходимо обустроить самому, но уже с опорой не столько на инстинкты, сколько на разум и культуру. То есть человек принуждается в силу своей биологической неспецифицированности к целенаправленному труду и через него ищет спасение, т.е. примирение с природой. Показательна этимология слова «труд» имеющего первоначальное значение «страдать», «быть в затруднении» или буквально «быть поеденным молью». Труд предполагает сообщество индивидуумов, способных объединяться для

поддержания своей жизнедеятельности, но одновременно и жертвовать значительной частью своих индивидуальных, в том числе, биологических побуждений. Следовательно, принуждение к общественному труду предполагает ограничение индивидуальной свободы и обрекает человека на воздержание и жертвоприношение своих личных устремлений во благо общественных задач. Эта ситуация прописывается З.Фрейдом в его концепции генезиса культуры в виде двух онтологических императивов – принуждения к труду и силе любви, объединяющих людей для преодоления своей биологической недостаточности (незавершенности) [Фрейд,1992].

Искупление через воздержание, точнее удержание себя в трансформациях меняющейся жизни, ибо расслабившись в безудержных телесных прихотях и дав «свободу» инстинктам, человек ввергает себя в пучину хаоса своей биологической неупорядоченности (неспецифицированности). Через искупление, т.е. посредством труда и культуротворчества («трудиться в поте лица своего») человек обретает шанс на спасение и ре-интеграцию себя в природу. В преодолении тягот, нужды и страданий человек обретает то, чего ему онтологически недоставало – порядка, согласия, миролюбия. Действительно, где было бы культуротворчество без страдания человека? Разумеется, сами по себе страдание и нужда не ведут к порядку и гармонии. Более того, не подготовленный к страданию человек – бывает социально опасен, им часто овладевает агрессия, насилие и нетерпимость. К страданию человек должен быть интеллектуально, т.е. культурно подготовлен. Также как он должен быть духовно подготовлен к достатку и роскоши. Интеллектуальная ограниченность, как правило, обуславливает социальную распущенность, вседозволенность и безответственность как в ситуации страдания и лишения, так и в ситуации достатка и роскоши. Чем выше уровень освоенной человеком культуры, чем выразитель-

нее и сильнее его способность к состраданию и социальной отзывчивости. На взаимосзязь высокой духовности и сострадания обращали внимание в своих публицистических и культурфилософских сочинениях Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьёв, М.Ганди, А.Гелен, А.Ф.Лосев, Д.С.Лихачёв. Культура структурирует отношения между людьми и благодаря этому структурированию делает возможным чувствовать взаимосвязь части и целого. Отсутствие личностной культуры и социальная отчуждённость, порождает бесчувственность и апатию, ибо нарушена связь индивидуума с обществом (часть отделена от целого). Страдания, так или иначе, прокладывают путь к культуротворчеству дабы с его помощью человек преодолел страдания. Отсюда мифологема искупления равна идеям культуротворчества, благообразия и миропорядка. Радость приобретения чего-то важного для человека изначально обуславливается тем, чего он лишён, и что ему необходимо найти. Если ты нашёл то, что у тебя уже есть в достатке, ты не будешь этому сильно радоваться. Радость обретение почти всегда обусловлена горечью утраты и потери. И связь здесь онтологическая. Человек предопределён к страданиям и лишениям лишь для того чтобы обрести возможность стать счастливым. Неудовлетворённость движет культурой и развивает вкус жизни. Животные не предопределены своей биологической организаций к страданиям, но они также лишены, присущих только человеку, представлений о радости, красоте, любви и миропорядке. Поскольку всё их существо пребывает в гармонии с природой, а не в противостоянии с ней. Человек - это, прежде всего, страждущее и принуждённое к труду существо. Фольклорная традиция фиксирует эту особенность человека в словесном творчестве: «Без труда и рыбку не вытащишь из пруда» и многие другие пословицы, крылатые фразы и поговорки, соединяющие труд с двумя социальными установками – труд как необходимость, нужда, наказание и страдание,

и труд как спасение, радость, достаток, миропорядок и благополучие. Трудом вознаграждают («Ударник социалистического труда», «Ветеран труда» и пр.), но и наказывают («трудовые повинности», «искупить трудом своим» и пр.). Эта амбивалентность понятия «труд» ярко просматривается в марксистских трактовках роли и места труда в общественной жизни людей. С одной стороны, «труд создал человека» и «труд облагораживает». Овладение трудом рассматривается как маркер перехода от животной жизни к человеческой. С другой стороны, именно Марксу принадлежит тезис о том, что «труд необходимо уничтожить». Однако вопреки этому марксистскому положению именно в советскую эпоху произошла сакрализация труда. Мифологемы «Слава труду!», «Советский народ – великий труженик», «Трудовой подвиг» и пр. стали по существу государственными лозунгами. Разумеется, в тезисе «труд необходимо уничтожить» речь не идёт о том, что труд не нужен. Понятно, что трудовая деятельность лежит в основе человеческой культуры. Но эта лишь основа или первичная форма освоения действительности, обусловленная борьбой за выживание, нуждой, и в силу этого объективно имеющая принудительный и ограничительный характер. Труд является лишь одним из способов адаптации человека к природе. Но именно труд создаёт необходимые предпосылки для перехода к другому, более совершенному виду деятельности, а именно к *творчеству*. В отличие от труда, выражающего нужду, нехватку чего-то, внешнее давление на человека и принуждение, творчество проистекает больше из внутренних побуждений и этимологически связывается со значениями «творить», «оформлять», «обустраивать», «охватывать», «огораживать» и даже «иметь». Труд проистекает из недостаточности («то, чего у меня не хватает, я беру извне»), тогда как творчество – это, прежде всего, то чем ты располагаешь, для того чтобы изменить мир, т.е. овладеть им. Но где

было бы творчество без труда и принуждения? В этом ряду и творчество не есть завершающий момент самореализации человека. Вершиной творчества является искусство, именно в нём обретают свою идеальную завершенность и самораскрытие все развитые человеком родовые и индивидуальные способности, примиряющие его с природой и в известной мере искупающие «грех непослушания».

Если благодаря труду человек начинает чувствовать, то благодаря творчеству – сочувствовать и благодаря искусству – любить. Если труд развил мышление человека, а в творчестве мышление обрело качество сознания или самосознания, то в искусстве – сознание стало знанием или доступной для человека истиной. Труд как коллективная обязанность определяется властью общественного мнения или морали, тогда как творчество побуждается, прежде всего, совестью, которая в искусстве воплощается в истинный гуманизм и миропорядок.

Таким образом, мифологема искупление может быть понята как своего рода искупление человеком своей отчуждённости от природы посредством культуры. Показательно, что глагол «искупить», этимологически отождествляется со значениями «купить», «выкупить, «откупиться», что позволяет постулировать: посредством труда, творчества, искусства, т.е. культуры, человек «выкупает» у природы своё «право на жизнь» и на своё «законное место под солнцем».

Кризис как разрушение границ и *обезразличивание*

Ни одно сколь-нибудь значительное достижение культуры на пути преобразования природы невозможно без мифотворчества. Посредством мифотворчества культура экранизирует мир, делает его видимым, узнаваемым, доступным и событийным. Всякое испытание есть нагнетание неопределённости (стирания границ)

или сверхпределённости (сжатия границ). Стирание границ означает потерю образа, размытость смысла и нивелирование различий. Сжатие границ, напротив, обуславливает диктатуру образа/формы, нагнетание смысла, абсолютизацию различий. Однако и в том и в другом случае нарушается порядок, который понимается как оптимальное соответствие функциональных возможностей культуры и её насущных потребностей что-либо изменить. При любом нарушении порядка и структурного равновесия происходит перераспределение или вымывание границ культурной реальности. Стирание или сжатие границ сопровождается образованием безымянных, т.е. обескультуренных территорий. Культура уходит оттуда, где она была ранее, оставляя людей в обессмысленном и обезразличенном, т.е. не имеющего границ мире. Кризис – это, прежде всего, лиминальный (от лат. limen – порог, граница) шок. В этих условиях мифотворчество служит единственным способом маркирования границ, привнесения смысла, разграничения и доопределения культуры, т.е. реорганизации структурного порядка. Эта реорганизация осуществляется через символизацию культуры. Именно символ является оплотом любого трансформационного процесса, ибо он обеспечивает необходимые «островки» незыблемости, идейной ясности в окружении тотальных преобразований и обезразличивания. Причём, чем сильнее ломка старого порядка, тем острее необходимость в новых символах и мифотворчестве. Не случайно, ни одна революция или коренная смена общественного порядка не обходиться без всплеска языкового символизма и социальной имагинации. В силу своей воображаемой, сверхидеализированной (мифологизированной) сущности, символ неизменен и, тем самым, сдерживает натиск разрушительной стихии, бьющей изо всех щелей кризисной культуры. Символ приходит туда, где человеку недостаёт смысла и где зияет пугающая неопределённость хаоса. Но всту-

пив на почву ускользающей от человека действительности, символ до-определяет (мифологизирует, одомашнивает) её и по существу возвращает её культуре. С помощью символа люди освещают путь, по которому идут, проясняют его и тем самым обосновывают и оправдывают своё существование. Как отмечает М.Мамардашвили: «символ (не знак!) всегда есть то, что мы не до конца понимаем, но что есть мы сами как понимающие, как существующие. Мы всегда должны мыслить посредством тех вещей, которые помещаем на границу, сопрягая на ней реальные события, и никогда не помещать их внутрь мира, не ожидать их внутри мира, в составе его событий. Просто от этого возможны такие-то события и невозможны какие-то другие. Сознание наше живет в напряженном поле, очерченном предельными границами смыслов, и ясность в нем возможна тогда, когда мы владеем языком этих смыслов, то есть, понимаем их ответственность, их граничную природу, умеем читать то, что они нам говорят о наших возможностях и природе и когда сами достаточно развиты для этого» [1988]. Опасность кризиса в том, что он размывает различия, т.е. границы между сущностями, ценностями. Разрушение границ приводит к стиранию различий и, в конечном счёте, к деструктурации культуры. Но не будь этого, культуре просто нечего было бы делать - её предназначение пребывать на границе, за которыми начинается открытость, неоформленность, безымянность. Ведь для того, чтобы выстраивать границы культуре необходимо иметь открытое пространство, то, что ещё в ней отсутствует и что необходимо доопределить и дополнить. «Культура, по определению, создана для открытого существования и существует только на открытом пространстве. На обзоре. Ничего не поделаешь – это в природе культуры» - замечает М. Мамардашвили [1988]. Но именно эта открытость и принуждает человека обустраивать онтологический горизонт своего существования, нумеровать реальность,

идентифицировать её, выстраивая всевозможные границы и посты в пространстве окультуривания (опредмечивания) бытия, дабы не затеряться и не сломиться в бесконечной дали и в безудержном поиске смысла. Разграничение (маркирование) действительности удерживает культуру от обессмысливания, делает её жизнеспособной, доступной для трансформаций, помогает ей управлять изменениями и преодолевать самые сложные кризисы. Там, где нет границ, нет формы, а, следовательно, нет структурообразующей связи элементов культурной системы, нет необходимого постоянства внутренней среды. Это влечёт за собой раскультуривание общества и «поглощение» внешней средой (хаосом) опредмеченных сущностей культуры (порядка). Кризис – это также де-институционализация и де-сигнификация культуры. Структурная ломка приводит к деформации связей и границ, что, в конечном счете, оборачивается нагнетанием неопределённости и бесформенности. «Стенки» культуры мельчают и лопаются, усиливаются дегенеративные процессы и возникает структурный спазм. В период кризиса природа возвращает себе всё то, что человек у неё взял и переработал для нужд культуры. По-существу кризис – эта завоевание природой культуры, т.е. ломка границ онтологического постоянства и вторжение стихии бесконечной изменчивости. Для того, чтобы культура сохраняла жизнеспособность и постоянство своего бытия, она должна всё время что-то менять, непрерывно перерабатывать хаос в порядок и укреплять границы своего онтологического горизонта. В этом смысле, бытие человека предопределенно к обустройству границ, бесконтрольное переступание (*пре-ступление*) которых чревато угрозой саморазрушения социума. Человек выступает аскетом жизни, он стоит на посту завоёванной им действительности, его стихия борьба за право быть первым, но именно это позволяет ему быть восприимчивым к радости, жаждать счастья, ощущать свою сопри-

частность к миру, прокладывать путь к межкультурному единению, стремиться к воссоединению и примирению с природой. Культура есть лабораторный процесс опредмечивания природы, т.е. перевода продуктов природы в артефакты культуры или другими словами путь ре-интеграции человека в природу. Но человек может реинтегрировать себя в природу только на уровне своей родовой целостности, а не сепаратно, по частям, в одиночку. Нельзя быть счастливым в одиночестве, в отрыве от людей, от культурных ценностей, пребывая в несогласии с природой. Отрываясь от людей, человек отрывается от самого себя, от своей связи с миром. Недостаточность человека состоит в его отчуждённости от своей родовой сущности. Человечество расколото и этот раскол «живёт» в каждом из нас и заставляет нас тянуться друг к другу, верить, надеяться, любить и страдать, т.е. непрерывно достраивать, дозавершать, доопределять себя, т.е. развивать свою способность объединяться с другими людьми и включаться в диалог со всем миром. В условиях глобализации поворот к природе проявляется в виде «постепенной смены установок разъединения установками воссоединения …под воздействием интуиций о всеобщей связанности мирового целого, о тесной взаимозависимости всех частей и сторон здешнего бытия – пишет С.С.Хоружий. Совокупность подобных интуиций складывается в то, что именуют глобальным или экологическим мышлением (подходом). В основе его – образ здешнего бытия как единства в многообразии, как разноукладной высокоструктурированной цельности, пронизанной всевозможными связями. … Глобальное мышление подводит, толкает к замене философии рассечения к философии цельности» [1993].

Кризис как переквалификация культуры

Таким образом, кризис – это всегда переквалификация реальности или новое открытие человеком само-

го себя в природе и в обществе, заглядывание в пучину бесконечности и цепкое хватание за всё, что может тебя спасти. Ничто так не испытывает человека, не будоражит его чувства и мысли как кризис. Но одновременно ничто так сильно не подчёркивает значимость человеческой жизни как кризис. В этом смысле, как признал в своём пастырском выступлении в Калининграде (22.03.2010) патриарх Кирилл: «кризис не только проклятие, но и благословение». Именно поэтому культура никогда так сильно о себе не заботиться как в период острых социальных испытаний. Кризис приводит в движение все элементы культурной системы. В кризисе культура саморазоблачается - всё подчиненно тому, чтобы выжить. В самом деле, «трудно назвать силу, которая бы влияла на группы людей сильнее, чем стремление к культурному выживанию» [Херлихи,1983]. Кризис выражает протест против стереотипизации, унификации, избыточного постоянства и служит напоминанием о сущности и предназначении человека, позывом к переменам и обновлению. Человек никогда не чувствует себя таким покинутым и одиноким как в ситуации кризиса. Кризис в известном смысле есть творческий акт истории, откровение о человеке и его принуждение к сотрудничеству и объединению. Только через культуру и её наследие возможно преодоление человеческой отчуждённости и переход от единичного, отстранённого существования к всеобщему и целостному социальному объединению. Человек в силу своей антропологической сущности не может не быть единичным, но он способен с помощью культуры дополнить, достроить эту единичность до масштаба всеобщности. К.Ясперс отмечает: «Человек, и единичный человек, изначально по своим возможностям есть все, в действительности же он – нечто единичное. Человек не есть существо законченное или способное быть завершенным. В истории, в единичных творениях, прорывах, осуществлениях выступает то, что неповто-

римо и незаменимо. …Они служат основой человеческому бытию, которое за ними следует. В них человек обретает своё знание и волнение, свои идеалы и их противоположность, свои масштабы, свой образ мышления и свои символы, свой внутренний мир. Они - этапы на пути к единству [1991:257].

Для животных отличие от рода губительно. Его заклюют, растерзают. Животные «созданы Богом/Природой по виду своему». Они уже есть целостность и всякая привнесённость в их биологическую организацию, природную самость – излишня и губительна. Тогда как для человека путь спасения – в достраивании, в очеловечивании самого себя. Природа *наказала* человеку быть другим. Спасение в том, чтобы стать иным, другим. Это, по сути, императив выживания. Человек предопределён к поиску другого, к стремлению дополнить и изменить себя другим. И единственный способ обретения себя и других лежит для человека через культуру. Отсюда заповедь: «Возлюби ближнего своего». Но «возлюбить человека *как самого себя*, по заповеди Христовой, - невозможно. Закон личности на земле связывает. *Я* препятствует…. Между тем… – замечает Ф.М. Достоевский, высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего *я*, - это как бы уничтожить это *я*, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это высочайшее счастие. Таким образом, закон *я* сливается с законом гуманизма. …Тут-то и равновесие земное. Иначе земля была бы бессмысленна» [Достоевский, 1980:172,174]. Но возлюбить можно лишь сопричастившись с другим. Замкнутый на себя человек – обречён, и оттого отстранённость от страданий ближнего – греховна. Человек изначально в силу своей антропологической природы (родового свойства) не принадлежит себе самому. Человек онтологически пребывает вне себя, ему всё время не достаёт человеческого. Не случайно, когда мы хотим обла-

горазумить поведение кого-либо мы часто говорим ему «Будь человеком!» или «Не выходи из себя!». Каждое живое существо пребывает в самом себе, в своём родовом единстве, т.е. собака тождественна собаке, слон – слону, заяц – зайцу и пр. и лишь человек пребывает вне себя самого, на стороне. Человек в себе – это только предпосылка, возможный результат. По словам Ф.М. Достоевского: «Человек, целиком положившийся на свои силы, рискует оказаться в руках потусторонних. Человек не может всё время полагаться только на самого себя. Целиком в себе, значит в руках дьявола. Часть должна быть у общества, по ту сторону себя». Кризис и есть ситуация когда отчуждённость части от целого достигает критических значений. Именно поэтому в ситуации кризиса пробуждается желание преодолеть эту отчуждённость индивидуума от рода, части от целого, индивидуального от универсального. «Это есть вожделение общего. Это есть страсть утверждать свой род , утверждать себя не в своей отдельности, но в своей общности с родом. Это есть осуществление родовых заданий. Это есть не что иное, как именно утверждаемость себя общим в отдельной особи. …Когда всё отдельное, изолированное, специфическое, личное, особенное утверждает себя только лишь на лоне целого, на лоне общей жизни» [Лосев, 1990 б]. Ничто не связывает людей так сильно как согласованные между ними различия. *Друг*ом может быть только *друг*ой. Не случайно эти разные по значению слова имеют один и тот же этимологический корень (ср. «друг друга», «друг другу», «один другого», «один другому» и пр.). Через историю отдельных культур и всех народов прочерчена единая линия растущего приобретения, где самобытность одной культуры прирастает посредством самобытности другой культуры [Ясперс,1991:258]. «Я есть другой» (Руссо). «Многообразие того, что дано природой, множественность народов и стран … способствует тому, что племена объеди-

няются в народы, народы, в группы народов, страны в континенты, а затем вновь распадаются… Все это будет продолжаться до тех пор, пока не наступит время сознательной фактической взаимосвязи всех со всеми и общение… не станет беспрерывным… Тогда начнется история человечества, которую можно определить как взаимный обмен в единстве общения. Люди все время сближаются, … в процессе единения планеты создается единство в сознании, а потом и в деятельности людей. В древней истории нет единства культурного развития. Повсюду … мы видим разбросанность людей многочисленные попытки к единению» [Ясперс,1991:260-261].

Таким образом, кризис является социокультурным феноменом с повышенной трансформационной активностью и который выступает способом реорганизации социальной реальности и переквалификации культурных ценностей. Ничто так не катализирует социальный процесс как кризис и одновременно ничто так не раскрывает онтологические значения культуры как угроза её разрушения. По-существу кризис возвращает нас к тому пониманию, что есть человек, в чём смысл и назначение его культурного развития. Разрушая прежние структуры, кризис никогда не уничтожает их полностью, но трансформирует их в новый «строительный» материал, высвобождает и расширяет площадку для инновационных преобразований. У кризиса множество семантических проявлений, но все они, так или иначе, проистекают их одного онтологического основания – незавершенности человека и его родовой недостаточности и социальной отчуждённости. Ничто так открыто и настойчиво не напоминает человеку, а в условиях глобализации, и всему человечеству, о его уязвимости, зыбкости и неустойчивости как кризис. Но кризис также открывает культуре путь к разрешению критических ситуаций, который состоит в необходимости преодоления разобщённости посредством выстраивания системы сбалансированных структурных от-

ношений и межкультурной интеграции. При этом можно утверждать, что культура выше кризиса, ибо она способна существовать (хотя и краткосрочно) и без кризиса, тогда как кризис невозможен без культуры. Поскольку у любого кризиса есть своя культура, именно через умение управлять этой культурой, общество обретает возможность управлять кризисом, разрешать конфликты и преодолевать самые суровые испытания и вызовы. Следовательно, поддерживая и укрепляя культуру – структурируя (идентифицируя) её сущности, расширяя и углубляя связи и взаимодействия между её частями, мы тем самым способствуем преодолению кризиса и переходу от социальной разобщённости к единораздельной общечеловеческой солидарности.

Примечания

I. *Представляется эффективным так называемый миро-системный анализ культурных трансформаций в исследовании императивов и возможностей взаимодействия традиций и инноваций в быстро меняющемся обществе. Обстоятельный анализ традиционных и инновационных тенденций в современной культуре даётся в работах И.Валлерстайна. Выводы, вытекающие из мир-системной концепции меняющейся культуры И.Валлерстайна следующие: - прогресс не является неизбежной функцией культуры; - вера в определённость – обманчива и вредна; - в социальных системах идёт постоянная борьба за построение лучшего общества; - в периоды перехода от одной исторической системы к другой, внутрисоциальная борьба обретает наибольшую остроту и значение; - неопределённость прекрасна, поскольку она открывает будущее для творчества, побуждает идти открыто навстречу возможностям, а значит – к лучшему миру [2004, 5-9]. По мнению И.Валлерстайна: «Современная миро-система как система историческая вступила в стадию завершающегося кризиса и вряд ли будет существовать через пятьдесят лет… Но что мы действительно знаем – это то, что переходный период будет грозным временем изменений,*

поскольку цена перехода крайне высока, его перспективы предельно неясны, а потенциал воздействия небольших изменений на итоговый результат исключительно велик» [2004:5-6].

II. *«Кризис современной цивилизации и поиск путей выхода из него выступает сегодня знамением, точкой отсчета любой системы знания» [Карасев, 1994:173].*

III. *А. Гидденс определил «глобализацию» как уплотнение сети всемирных связей, которое имеет своим следствием взаимовлияние местных и отдаленных событий [1990:64; 1994:78]. «Равноправное сосуществование различных этнических общностей, языковых групп, конфессий и жизненных форм не должно покупаться ценой фрагментирования общества. Мучительный процесс отсоединения не должен разрывать общество на множество отгороженных друг от друга субкультур» [Puhle,1995]. В этой «борьбе за признание», как показал А. Хоннет, артикулируется коллективный опыт нарушенной целостности [Honneth, 1992]. «Целостность отдельного субъекта права, с нормативной точки зрения, не может быть гарантирована без охраны того интерсубъективного разделяемого контекста опыта и жизни, в котором он был социализирован и сформировал свою тождественность» [Kymlicka, 1989].*

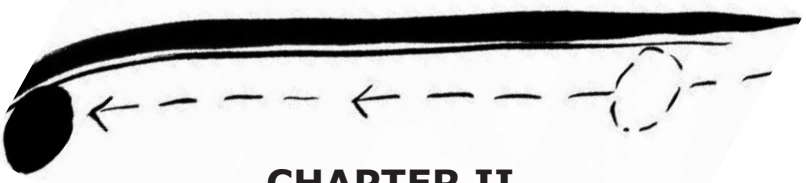
IV. *«Нам необходимо воссоединить разрозненные фрагменты» - заявляет И.Валлерстайн [2004:331]. По мнению Н.А. Хренова: «Для новой культурной ситуации определяющим является культурный синтез…, который и сделает реальной идентичность новой культуры» [2002]. «…Синтез служит инструментом, методом и ведущей формой переходности» [Непомнин, Меньшиков, 1999:3]. Исследователи определяют различные виды синтеза в ситуации перехода: «гетерогенный синтез» [впервые Л.И. Райснер и Н.А. Симония], «межцивилизационный синтез» [Б.С.Ерасов, О.Е.Непомнин, В.Б.Меньшиков], «межформационный синтез» [Е.М.Жуков]«структурный синтез» [К.Леви-Строс]. Гетерегенный синтез понимается как «единство переходного типа». Как полагают О.Е. Непомнин и В.Б. Меньшиков, межцивилизационный синтез (не только на уровне прямых заимствований) сыграл, играет, и будет играть (чем дальше, тем во все большей степени) особую роль в истории человечества [1999:13-15].*

Библиографический список

1. *Ахиезер А.С. Социокультурные механизмы циклов культуры // Искусство в ситуации смены циклов. Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. - М.: Наука. 2002. - С. 116-135.*
2. *Ванеян С.С. Середина без центра. К определению настоящего искусства и истории искусства // Искусство в ситуации смены циклов. Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. - М.: Наука, 2002. - С. 187-191.*
3. *Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. - Под редакцией В.Л. Иноземцева - М.: Логос, 2004. – 365 с.*
4. *Дилигенский Г.Г. Конец истории или смена цивилизаций? // Цивилизации. Вып. 2. Отв. редактор М.А. Барг - М :. Наука, 1993. - С.42-62*
5. *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. – Л.: Наука, 1980. – Т.20*
6. *Жирар Р. Насилие и священное. - М.: Новое литературное обозрение, 2000. - 400 с*
7. *Кантор А.М. О кодах цивилизации // Цивилизации. Вып. 2. - Отв. редактор М.А. Барг. – М.: Наука, 1993. - С.148-157*
8. *Карасев В.И. Общество, государство, цивилизация: к теории становления социумов. - М.: НПО «МОДЕК», 1994. – 224 с.*
9. *Леви-Строс К. Мифологики: Человек голый. – М.: ИД «Флюид», 2007. – 784 с.*
10. *Лосев А.Ф. Жизнь // Юность, №5, 1990 а. – С.78-93*
11. *Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 464 с.*
12. *Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры // Антология культурологической мысли. Авторы – составители С.П. Мамонтов, А.С. Мамонтов. - М.: РОУ, 1996. – С. 323-327*
13. *Мамардашвили М. Философия – это сознание вслух // Юность. № 12, 1988. – С. 9 -13.*
14. *Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б.. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох.- М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.- 334 с.*

15. Померанц Г. Квадратура исторического круга // Знание – сила, №4, 1991
16. Фрейд З. Недовольство культурой / З.Фрейд. Психоанализ. Религия. Культура. – М.: «Ренессанс», 1992. – С. 65-134
17. Хабермас Ю. О субъекте истории. Краткие замечания по поводу ложных альтернатив // Философия истории. Антология. - Под редакцией Ю.А. Кимелева, - М.: 1995. – С. 283-289
18. Херлихи Д. Биология и история: к постановке проблемы // Цивилизации. Вып. 2. - Отв. редактор М.А. Барг. – М.: Наука, 1993. - С.34-44
19. Хоружий С.С. Исихазм и история // Цивилизации. Вып. 2. - Отв. редактор М.А. Барг. – М.: Наука, 1993. - С.172-196
20. Хренов Н.А. Теория искусства в эпоху смены культурных циклов // Искусство в ситуации смены циклов. Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. - М.: Наука, 2002 . - С.432 – 465
21. Ясперс К. Смысл и назначение истории». - Перевод с немецкого М.И. Левиной. -М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
22. Giddens A. The Conseguences of Modernity. - Cambridge, 1990
23. Giddens A. Beyond Left and Right. - Cambridge, 1994
24. Gallagher D.M. The Uses of Diversity: Some Philosophical Reflections. // Razon Practica y Multiculturalismo, Actas Del 1-er Simposio International de Filosofia y Ciencias Sociales / Enrique Banus — Alejando Lbano (eds.). – Pamplona: Newbook Ediciones, 1999. - P. 51 – 62.
25. Honneth A. Kampf um Anerkennung. - Frankfurt am Main, 1992
26. Kymlicka W. Liberalism, Community and Culture. - Oxford, 1989
27. Puhle H. J. Vom Burrgerrecht zum Gruppenrecht? Multikulturelle Politik in den USA // Baade K.J. (Hg.). - Menschen uber Grenzen Herne, 1995. – P. 134-149
28. Švob-Đokic N. Cultural Contexts in Transition Processes // Cultural Transitions in Southeastern Europe. - Edited by Nada Švob-Đokic / Culturelink, Institute for International Relations. - Zagreb, 2004. - P.7-18

ГЛАВА II.
КРИЗИС И АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЯСНЕНИЯ

CHAPTER II.
CRISIS AND ANTICRISIS MANAGEMENT: SOCIAL AND ECONOMICAL CLARIFICATIONS

Т.А. Найденова (Россия) **T.A. Naidyonova (Russia)**

ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА НА НАЛОГОВУЮ СИСТЕМУ

INFLUENCE OF FINANCIAL CRISIS ON TAX SYSTEM

In article influence of crisis on receipt of taxes in budgetary system of Russia is considered. The analysis of receipt of taxes in budgetary system of the Russian Federation is carried out. Measures on perfection of tax administration in the conditions of crisis and to overcoming of negative influence of an economic crisis on receipt of taxes in budgetary system are offered.

Для любого государства, на какой бы ступени своего социально-экономического развития оно ни находилось, обеспечение доходов бюджетов является одной из актуальнейших задач. Налоги служат основным инструментом, с помощью которого образуются государственные и муниципальные денежные фонды и, соответственно, создаются материальные условия для функционирования публичной власти. Мировой экономический кризис, обернувшийся для России падением цен на энергоносители и оттоком капиталов, привел к резкому снижению поступлений в бюджеты всех уровней бюджетной системы РФ. Это обусловило необходимость корректировки всех сфер экономической жизни, в первую очередь внесения изменений в сферу налогообложения.

Налоговая система существенно пострадала в условиях финансового кризиса. В совокупности со снижением объемов производства и цен сократились налоговые базы, что привело к резкому снижению налоговых доходов бюджетов всех уровней бюджетной системы как в целом, так и по отдельным налогам. За 10 месяцев 2009 г. снижение поступления налоговых доходов в бюджетную систему РФ, включая государственные внебюджет-

ные фонды, по налогам, администрируемым Федеральной налоговой службой, по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года составило 21,2%, в консолидированный бюджет РФ – 24,9%, при этом налоговые поступления продолжают снижаться [2].

Лидер снижения налоговых поступлений – налог на прибыль организаций. В федеральный бюджет за 10 месяцев поступило 23,1% налога по сравнению с уровнем предыдущего года, а в консолидированные бюджеты регионов – 56,7% [2].

Факторами, оказавшими негативное влияние на поступления налога на прибыль организаций в бюджетную систему РФ явились:

1) снижение ставки налога на прибыль, зачисляемого в федеральный бюджет, с 6,5 % до 2%;

2) увеличение числа убыточных предприятий и снижение прибыли, полученной прибыльными организациями;

3) рост цены заемных средств и увеличение объема заимствований у тех налогоплательщиков, которые ранее обходились собственными ресурсами или имели возможность использовать краткосрочные дешевые кредиты, а сегодня вынуждены брать дорогие долгосрочные кредиты;

4) включение в состав затрат всех экономически обоснованных расходов налогоплательщиков по обучению, лечению, пенсионному обеспечению работников в рамках социальных обязательств;

5) изменение амортизационной политики. В 2009 г. методика расчета амортизации в целях налогообложения существенно отличается от расчетов по правилам бухгалтерского учета. Теперь налогоплательщики имеют возможность отказаться от пообъектного начисления амортизации и перейти к начислению амортизации методом убывающего остатка по укрупненным амортизационным группам. Это создает стимулы для инвестиций, которые были утрачены после отмены инвестиционной налоговой льготы, но уменьшает сумму налога на прибыль.

Поступления налога на добавленную стоимость (НДС) от реализации товаров и услуг на территории РФ за 10 месяцев 2009 г. составили 104,8% в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года, однако темпы поступлений последовательно снижаются, так как продолжается падение объемов производства [2].

Изменен порядок уплаты НДС. Теперь налог уплачивается в бюджет не единовременно 20-го числа месяца, следующего за налоговым периодом, а ежемесячно в размере одной трети платежа в течение трех последующих месяцев. Это связано с тем, что в условиях финансового кризиса действующий механизм уплаты налога способствует дефициту оборотных средств у налогоплательщика и ухудшает его финансовое положение, что приводит к снижению налоговых поступлений.

Существенные сбои налогового механизма НДС связаны с применением нулевой ставки налога. Срок сбора документов, обосновывающих применение нулевой ставки, увеличен до 270 дней. При этом на 2009 г. для подтверждения применения льготы предоставлено право подавать в налоговые органы не копии таможенных деклараций, а реестры таможенных деклараций. Был принят также ряд частных решений, упрощающих уплату НДС в отдельных ситуациях.

Поступления акцизов немного выросли (на 3,4%), но при этом в федеральный бюджет по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года поступление снизилось на 35,2%, а поступления в региональные бюджеты увеличились на 28,9%. Это связано с ростом поступлений акцизов на нефтепродукты, которые полностью зачисляются в бюджеты субъектов РФ. Следует отметить, что реализация нефтепродуктов на территории РФ практически не сократилась, а цены если и упали, то незначительно [2].

В 2009 г. Были сохранены без изменения ставки акцизов на автомобильный бензин, дизельное топливо и

моторное масло, однако существенно увеличена ставка акциза на прямогонный бензин, что позволяет создать невыгодные условия для получения автомобильного бензина путем смешения прямогонного бензина с присадками, повышающими октановое число бензина, поскольку чаще всего в результате получается автомобильный бензин низкого качества.

Акцизы на автомобили целиком поступают в федеральный бюджет, однако сокращение выпуска отечественных автомобилей и падение показателя реализации импортных автомобилей обусловили снижение соответствующих поступлений на 26%.

Поступления налога на доходы физических лиц в консолидированные бюджеты субъектов РФ уменьшились на 1,4% [2].

Снижение поступлений налога на доходы физических лиц явилось следствием:

1) сокращения контингента плательщиков налога за счет роста числа безработных;

2) снижения доходов, полученных налогоплательщиками в виде дивидендов от долевого участия в деятельности организаций в результате принятия мер по ограничению в условиях кризиса размеров выплачиваемых дивидендов;

3) уменьшения поступления налогов с доходов, полученных в виде всевозможных выигрышей, поскольку резко сократилось число рекламных акций и кампаний;

4) появления новаций социального характера, выразившихся в увеличении налоговых вычетов по НДФЛ:

– пороговое значение дохода, дающего право на вычет 400 р. увеличилось до 40 000 р. Эта мера вызвала существенное выпадение доходов бюджетов регионов, но практически не повлияла на материальное положение налогоплательщиков, поскольку налоговая выгода составляет только 52 р. в месяц.

– стандартные налоговые вычеты на детей увеличились с 600 до 1000 р., пороговое значение дохода, дающего право на вычет, составило 280 000 р., вместо 40 000 р. Однако эта мера на демографическую ситуацию не повлияет, 130 р. экономии на налогах не помогут родителям вырастить ребенка. На доходы бюджета указанная мера оказывает крайне негативное влияние.
– имущественный налоговый вычет в связи с приобретением или строительством) жилого дома, квартиры, комнаты или доли в них увеличился с 1 000 000 до 2 000 000 р.

Поступления налога на имущество физических лиц остались на уровне прошлого года, хотя рыночная стоимость имущества за последние годы резко выросла. Отсутствие методики оценки реальной стоимости имущества делает этот налог неэффективным и несправедливым.

Доходы местных бюджетов от поступлений земельного налога выросли благодаря достаточно современному механизму его определения.

Проблема введения налога на недвижимость и создания реестра имущества взамен ныне действующих налога на имущество физических лиц и земельного налога в настоящее время решается, но в 2010 г. налог не введен.

Растут поступления транспортного налога (на 20%), поскольку автомобилей с каждым годом становится больше и растет их мощность, которая является объектом налогообложения и от которой зависит величина налоговой базы.

Крайне сложная ситуация сложилась с поступлениями платежей за пользование природными ресурсами: они сократились на 45 %, при этом основная часть средств поступила в федеральный бюджет. Налоговая база налога на добычу полезных ископаемых резко уменьшилась как за счет падения цен, в основном на нефть, так и за счет сокращения объемов добычи. В ре-

зультате поступления налога от добычи нефти сократились в наибольшей степени – на 47,8% [2].

С 2009 г. «налоговые каникулы» по НДПИ распространяются на участки недр, расположенные на территориях севернее Северного полярного круга, Ненецкого автономного округа, полуострова Ямал, на континентальном шельфе РФ, Азовском и Каспийском морях. Одновременно отменено условие применения прямого метода учета количества добытой нефти, а также сверхвязкой нефти и нефти на участках недр с высокой степенью выработанности.

Расчет налога на добычу полезных ископаемых по нефти отличается тем, что для определения налоговой базы применяется специальный коэффициент $К_ц$, в механизме расчета которого заложен необлагаемый минимум, который повышается с 9 до 15 долл. с целью учета роста себестоимости тонны добываемой нефти. Это негативно повлияло на размер налоговых поступлений.

Произошло достаточно резкое падение налоговых поступлений от водного налога – на 33,7%. Сократившиеся объемы производства и банкротство многих крупных предприятий предопределили сокращение объема использования воды. На размер поступлений водного налога оказывают влияние низкие ставки налога, которые не меняются и не индексируются с учетом роста стоимости водных ресурсов и уровня инфляции. Для России, которая владеет огромными водными ресурсами, крайне незначительный объем налоговых поступлений (0,5% налоговых доходов федерального бюджета) недопустим. При этом нельзя игнорировать тот факт, что размеры существующих ставок водного налога обеспечивают поступления средств, составляющих менее 30% от суммы затрат, необходимых для содержания и развития водного комплекса.

Несмотря на то, что в 2009 г. ужесточилось законодательство, регулирующее размеры сборов за пользова-

ние объектами водных биологических ресурсов, поступления по этому налогу снизились.

За 10 месяцев прошлого года наметился резкий спад налоговых поступлений от налогоплательщиков, работающих в условиях специальных налоговых режимов и эта тенденция продолжается. На спад налоговых поступлений от предпринимателей повлияли две главные причины:

– спад производства, приведший к снижению налоговых баз и закрытию предприятий, уход предпринимателей в теневую экономику;

– резкое смягчение налогового законодательства, в том числе и касающегося налогового администрирования, в частности, предоставление права законодательным органам субъектов РФ уменьшать ставку налога при упрощенной системе налогообложения в случае, если объектом налогообложения выступают доходы, уменьшенные на величину произведенных расходов, с 15 до 5%.

Рассмотрим ситуацию с поступлением налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ, которая сложилась за 2008-2009 гг. в Республике Коми (таблица 1).

Таблица 1

Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ по Республике Коми, тыс. р. [3]

Показатели	Январь-октябрь 2008 г.			Январь-октябрь 2009 г.		
	Всего	Федеральный бюджет	Консолидированный бюджет	Всего	Федеральный бюджет	Консолидированный бюджет
Всего	90 528 911	59 995 983	30 532 928	57 463 878	29 921 718	27 542 160
В т.ч. налоговые доходы	90 489 994	59 979 464	30 510 530	57 425 683	29 904 615	27 521 068

Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ по Республике Коми за 10 месяцев 2009 г. по сравнению с аналогичным периодом 2008 г. сократились на 33 065 033 тыс. р. или на 36,5%. Сокращение произошло за счет снижения поступления налоговых платежей на 36,5%. Тенденция снижения налоговых поступлений имела место и в ноябре и декабре 2009 г.

Снижение налоговых поступлений в бюджеты разных уровней бюджетной системы свидетельствует о том, что налоговая система РФ не является гибкой и эффективной.

В Основных направлениях налоговой политики РФ на 2010 и на плановый период 2011 и 2012 гг. по большинству налогов прослеживается дальнейшая либерализация налогового законодательства.

Предполагается решить проблему трансфертного ценообразования, влияние которого на величину налоговой базы наблюдается почти по всем основным налогам. Если будут четко определены параметры взаимозависимости лиц, определения рыночных цен и их применения, методы контроля за использованием трансфертного ценообразования, то можно будет надеяться на положительные результаты законодательных изменений.

Вызывает серьезные сомнения целесообразность введения института консолидированной отчетности по налогу на прибыль. Однако консолидация отчетности нескольких налогоплательщиков чревата негативными последствиями с позиций определения общего финансового результата и соответственно скажется на налоговой базе по налогу на прибыль негативно. В качестве аргумента можно отметить тот факт, что в тех странах, где действует механизм консолидации отчетности по налогу на прибыль (или доход), это используется для оптимизации налоговых платежей вполне законно, что в наших условиях не представляется целесообразным.

В сложившейся ситуации необходимым условием функционирования налоговой системы выступает эффективное налоговое администрирование. Значимость налогового администрирования вытекает из того, что оно является составной частью процесса управления. Управление и постоянный мониторинг налоговых поступлений напрямую влияет на величину доходов бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ.

Налоговые органы в определенной степени активизировали свои контрольные функции, поскольку эффективность взыскания задолженности повысилась с 24% в 2008 г. до 38% в 2009 г. В то же время принимаемые налоговыми органами меры по реструктуризации задолженности не дают соответствующих результатов. Из всей урегулированной задолженности реструктурированная задолженность составляет 9,5%. Большую часть урегулированной задолженности составляют задолженность, приостановленная к взысканию в связи с введением процедур банкротства (40,6%) и задолженность, взысканная судебными приставами (31,8%).

Основным инструментом налогового администрирования выступает налоговый контроль, проводимый в форме камеральных и выездных налоговых проверок (таблица 2).

Количество проведенных камеральных проверок за период 2007-2008 гг. выросло на 59685 в связи с увеличением числа налогоплательщиков. Число проверок, выявивших нарушения сократилось. Это связано с повышением налоговой грамотности налогоплательщиков. Количество проведенных выездных налоговых проверок в 2008 г. по сравнению с 2007 г. изменилось несущественно. При этом сумма дополнительно начисленных налогов и сборов, включая штрафы и пени, по результатам проверок увеличилась с 2 904 225 р. в 2007 г. до 3 288 427 р. в 2008 г. Число выездных проверок, выявивших нарушения, сократилось. Это свидетельствует о по-

Таблица 2

Результативность налоговых проверок, проводимых УФНС России

по Республике Коми [4]

Показатели	2007 г.		2008 г.	
	Камеральные налоговые проверки	Выездные налоговые проверки	Камеральные налоговые проверки	Выездные налоговые проверки
Проведено налоговых проверок-всего	365 001	404	424 686	402
В т.ч. выявивших нарушения	20 349	398	25 512	384
Доначислено по всем видам налогов (сборов), включая пени и другие санкции	1 430 884	1 473 341	1 039 929	2 248 498
в т.ч. налогов	664 624	254 659	511 961	1 524 900

вышении качества проводимых налоговых проверок, а также об улучшении аналитической работы. Суммы доначислений по выездным налоговым проверкам значительно превышают суммы доначислений по камеральным налоговым проверкам. Это свидетельствует о том, что выездные налоговые проверки являются наиболее эффективным инструментом налогового контроля.

При проведении выездных налоговых проверок использовались различные методы налогового контроля, в том числе информация из внешних и внутренних источников, к которой относится информация о налогоплательщиках, полученная налоговыми органами в соответствии с действующим законодательством или на основании соглашений по обмену информацией с контролирующими и правоохранительными органами, органами государственной власти и местного самоуправления, а также иная информация, в том числе из общедоступных источников – СМИ, Интернет.

Относительно источников информации немаловажно отметить опыт стран Евросоюза, где налоговые органы наделены правом доступа к информации о движении денежных средств по счетам налогоплательщика, отсутствует понятие банковской тайны. Для России введение в практику аналогичного правовых норм позволило бы эффективно оценивать реальную налоговую нагрузку на налогоплательщиков, а также повысило бы качество проводимых выездных налоговых проверок.

Таблица 3

Анализ методов налогового контроля, применяемых налоговыми
органами Республики Коми [4]

Методы налогового контроля	**2007**		**2008**	
	Количество, ед.	Удельный вес, %	Количество, ед.	Удельный вес, %
Инвентаризация имущества	2	0,3	0	0
Осмотр помещения и территорий	46	7,0	52	6,6
Выемка документов	20	3,1	17	2,2
Привлечение эксперта	11	1,7	14	1,8
Допросы свидетелей	163	25	192	25
Привлечение специалистов	14	2,2	12	1,5
Истребование у контрагентов и иных лиц документов (информации) о налогоплательщике	395	60,7	479	62,9
Всего	651	100	766	100

Основным методом налогового контроля при проведении выездной налоговой проверки является истребование документов у контрагентов и иных лиц, поскольк-

ку оно помогает получить дополнительную информацию о налогоплательщике. Однако не в полной мере используется предусмотренный законодательством о налогах и сборах арсенал мероприятий налогового контроля. При проведении выездных налоговых проверок в 2008 г. ни разу не проводилась инвентаризация имущества, в 2007 г. этот метод применялся только 2 раза. Это объясняется трудоемкостью данного мероприятия. Достаточно редко к проведению проверок привлекались специалисты. Не всегда в ходе выездных проверок осуществляется осмотр производственных, складских, торговых и иных помещений и территорий, не во всех случаях осуществляется истребование документов у контрагентов. Все это работало не в пользу налоговых органов, снижало эффективность налогового контроля.

Таким образом, для нивелирования негативного влияния финансового кризиса в сфере налогообложения с целью обеспечения доходов бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ целесообразно:

1) дальнейшее совершенствование законодательства о налогах и сборах, в частности, индексация ставок водного налога с учетом роста стоимости водных ресурсов и уровня инфляции, повышение ставок сборов за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов, что обеспечит более эффективное использование ресурсов и рост поступлений в бюджет;

2) введение регионального налога на недвижимость, основанного на методике оценки реальной стоимости имущества;

3) совершенствование системы налогового администрирования:

– путем повышения эффективности налогового планирования и прогнозирования, реализующего не только фискальные задачи, но и закладывающего основы оптимизации тактики и стратегии налогового регулирова-

ния и контроля. Актуальной задачей, по мнению автора, является внедрение стратегического налогового планирования на региональном уровне. Результатом станет не только определение научно обоснованных подходов к совершенствованию и повышению эффективности налогово-бюджетной политики регионов, правильное решение сложных задач, в частности, предоставление налоговых льгот.

– обеспечения роста результативности налоговых проверок как основного инструмента налогового администрирования путем улучшения качества аналитической работы, применения эффективных форм, приемов и методов налоговых проверок, основанных на прочной законодательной базе, предоставляющей налоговым органам широкие полномочия в сфере налогового контроля для воздействия на недобросовестных налогоплательщиков;

– создания эффективной системы отбора налогоплательщиков для проведения выездных проверок, дающей возможность выбрать наиболее оптимальное направление использования ограниченных кадровых и материальных ресурсов налогового органа, добиться максимальной результативности налоговых проверок при минимальных усилиях и затратах, за счет отбора для проверок таких налогоплательщиков, у которых вероятность обнаружения налоговых нарушений представляется наибольшей.

– наделение налоговых органов правом доступа к информации о движении денежных средств по счетам налогоплательщика, что позволило бы эффективно оценивать реальную налоговую нагрузку на налогоплательщиков, а также повысило бы качество проводимых выездных налоговых проверок.

Реализация предложенных мер в сложной экономической ситуации, вызванной экономическим кризисом, ослабит его влияние на налоговую систему и выведет ее

на новый уровень, который позволит обеспечить поступление налогов, сборов и иных платежей в бюджетную систему РФ в размере достаточном для выполнения органами государственной власти публично-правовых образований возложенных на них функций.

Библиографический список

1. *Малис, Н. И. Вопросы налогообложения в условиях кризиса / Н. И. Малис // Финансы. – 2009. – № 8. – С. 23-26.*
2. *Отчет о поступлении администрируемых ФНС России доходов в Федеральный бюджет РФ в январе-октябре 2009 г. // URL.htth: www. nalog.ru.*
3. *Отчет о начислении и поступлении налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ // URL. htth: www. r11.nalog.ru.*
4. *Отчет о результатах проверок соблюдения законодательства о налогах и сборах // URL.htth: www. r11.nalog.ru.*

А.В. Бирюков (Россия) **A.V. Biriukov (Russia)**

СТРУКТУРНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ И РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ В ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

STRUCTURAL DISPROPORTION OF TRANSITIONAL ECONOMICS AND DEVELOPMENT OF INNOVATIVE CLUSTERS IN HIGH-TECHNOLOGICAL BRANCHES OF RUSSIAN INDUSTRY

The article reviews the transitional economics as system of structural disproportion in industrial sectors of contemporary Russia. It is given the interpretations the innovative clusters in context of possibilities for transformations of new technological branches and "generation of knowledge".

Проблемы функционирования сферы «генерации знаний», низкой инновационной активности и технологического отставания в российской экономике и ее оборонно-промышленном комплексе во многом носят объективный характер и обусловлены серьезными структурными диспропорциями переходной экономики, сложностью и длительностью формирования новой институциональной среды. В то же время субъективная недооценка глубины проблемы органами управления всех уровней, а также не всегда рациональный выбор приоритетов и инструментов стимулирования инновационного развития в ряде случаев усугубили кризис в научно-технической сфере, привели к нерациональному использованию значительных объемов ресурсов, ослаблению кадрового потенциала научного и технологического развития.

Развитие инновационных кластеров в системе высокотехнологичного оборонного производства – важ-

нейшее направление решения накопившихся проблем. Современная кластерная политика должна базироваться на сочетании двух ключевых факторов: мобилизации высокого экономического потенциала ключевых инновационных кластеров и повышения эффективности функционирования инновационной инфраструктуры создаваемого кластера. Однако действие этих факторов внутри самих кластеров будут значительно менее эффективными без позитивных преобразований деловой среды во всей экономике государства.

Мы полагаем, что стратегии инновационного развития в масштабах всей экономики государства с кластерными элементами выглядят несколько ограниченными. Как правило (не вдаваясь в специфику самого кластера), они ограничиваются общими теоретическими рассуждениями о мерах, принимаемых на уровне правительства. Это не приводит к быстрым и конкретным результатам, так необходимым большинству инновационных структур. Кроме того, они создают весьма непродуктивную среду государственных мер, не позволяющих отдельным предприятиям и организациям повысить конкурентоспособность отраслей народного хозяйства и экономики государства в целом.

В то же время формирование инновационных кластеров означает вмешательство в конкуренцию, возврат к доказавшим свою бесперспективность методам административного планирования. Однако более пристальный взгляд на эту проблему свидетельствует об обратном: кластерная политика может быть основана на открытой интенсивной конкуренция между компаниями и отраслями. В то же время государство должно играть значительную роль в определении конкретных мер, направленных на поддержку современной инновационной инфраструктуры. Кроме того, государству нужна помощь и поддержка в разработке конкретных кластерных программ.

Как представляется, концентрация на конкретных инновационных кластерах, в том числе в сфере высокотехнологичного производства, – это рациональное решение, позволяющее сфокусировать энергию, а не философские размышления об абсолютной важности финансовых и иных преференций для кластеров.

В этой связи остановимся на концептуальных основах формирования инновационных кластеров в отечественной оборонной промышленности. Возможности государственной системы всегда ограничены как в плане бюджета, так и, что еще важнее, в плане объема внимания, уделяемого ключевым инновационным кластерам. Высокотехнологичные отрасли промышленности России, несомненно, выиграли бы и от эффективной работы правительства, и от усилий со стороны создаваемых кластеров в определении наилучшего пути развития. Важно подчеркнуть, что инновационные кластеры имеют решающее значение для процветания страны, и долг государства – сосредоточить свое внимание именно на них.

Требования экономического развития и технического прогресса в ситуации, когда далеко не все отрасли и сферы национального хозяйства являются конкурентоспособными, диктуют необходимость формирования специфической формы сопряжения государственных интересов с интересами производителей по отношению к интеграционной тактике инновационных **кластеров**. В нашем представлении это не что иное, как агрегированные научно-производственные конгломераты, включающие такие структуры, как технополисы, технопарки и другие аналогичные образования – структуры инновационного типа.

Их преимущество заключается в синтезе двух важнейших элементов промышленной стратегии: модернизации производства путем инъекции новых знаний, преобразующих технологии, и договорных обязательств, обеспечивающих создание **конкретного инновационного продукта**.

Построение инновационных кластеров может и должно базироваться на постепенном, выборочном протекционизме со стороны правительства, в том числе в отношении высокотехнологичного производства России, а также конкретных концептуальных схемах и моделях построения кластеров инновационного типа.

Сложности с реализацией перспективных инновационных проектов в высокотехнологичных секторах экономики России, проблемы коммерциализации результатов научных исследований во многом обусловлены отсутствием эффективных и конкурентоспособных инновационных кластеров, интегрированных в международные инновационные процессы.

Полагаем, что современным инструментом создания инновационного кластера являются свободные экономические зоны технико-внедренческого типа. В связи с тем, что это является новым инструментом для России и ее оборонно-промышленного комплекса, требуется системная проработка концептуальных схем их создания.

Опыт экономически развитых стран, достигших успехов в усилении своей конкурентоспособности, показывает, что конкурентные преимущества достигаются и удерживаются путем борьбы за инновационность в производстве, усиления акцента на актуальных для производства областях знаний.

Инновационность производства трансформируется в политику формирования конкурентоспособных кластеров, вошедшую в национальные программы экономического развития многих стран. Развитость кластеров коррелирует с конкурентоспособностью компаний, уровнем производительности труда и заработной платы, а также уровнем качества жизни в целом.

Инновационный кластер является сетевой структурой, при которой предприятия, входящие в основную технологическую цепочку создания добавленной стоимости, связаны общими экономическими интересами

и определенной корпоративной культурой взаимодействия, дополняют друг друга с целью усиления конкурентных преимуществ и взаимодействуют с поставщиками, потребителями, научными, образовательными и общественными организациями посредством обмена товарами, технологиями, информацией, услугами и т.д.

Кластерная политика, основанная на инновациях, опирается на эффективное взаимодействие промышленных предприятий, предприятий малого и среднего бизнеса, организаций науки и образования с непосредственным участием системы государственной поддержки, что приводит к конкурентоспособности предприятий на глобальном рынке.

Основополагающим фактором привлечения инвесторов является фактор спроса. Поэтому реализацию концептуальной схемы формирования инновационного кластера в сфере военного производства необходимо начинать с анализа перспективных рынков сбыта. Для этого принятые на федеральном уровне программы и проекты анализируются с точки зрения их реализации в инновационном кластере. В нашем случае – проводится оценка национальной программы модернизации армии и флота, ее основных направлений реализации. Для достижения максимального эффекта деятельности оборонно-промышленного инновационного кластера должен применяться междисциплинарный подход, выявляться новые рынки, анализироваться возможности технологий (военное, гражданское и двойное назначение).

Благодаря такому подходу объединяются усилия федеральных, региональных и местных органов исполнительной власти, научно-исследовательских учреждений, а также оборонных отраслей и предприятий в сфере предвидения в инновационных областях.

Концептуальная схема формирования инновационных кластеров должна обеспечивать полный цикл сопровождения инновации от идеи до международного марке-

тинга. Она должна соответствовать всем элементам существования эффективной коммерческой организации – от подготовки кадров, устойчивого финансового обеспечения, производственной инфраструктуры до элементов комплекса маркетинга, в том числе международного.

Инновационный кластер должен объединить участников на долгосрочной основе в рамках единой неразрывной технологической цепочки, интеграционных и технологических взаимосвязей, в которых участники – поставщики и потребители услуг. Для снижения издержек на основе дробления функций и бизнес-процессов экономически целесообразен аутсорсинг вспомогательных производств по контрактам подрядчиков.

Важно при этом подчеркнуть, что оборонно-промышленный кластер – это гибкая и динамичная структура в результате непрерывных процессов формирования, развития и распада, адаптации к меняющимся требованиям рыночной среды, появлению новых производств, расширению ассортимента продукции, инновационности производства.

Исходя из представленных характеристик инновационного кластера, принципами функционирования подсистемы формирования оборонно-промышленных наукоемких кластеров являются: межотраслевое взаимодействие; осуществление процессов на основе аутсорсинга, комплексности использования ресурсов, комплементарности технологий; динамичность и гибкость формирования кластера; соответствие компетенции органов управления и лиц, принимающих решения, уровню принятия решений по отдельным мероприятиям и проектам; прозрачность и публичность системы управления оборонно-промышленными наукоемкими кластерами; государственная поддержка интеграции отечественного ОПК в глобальный рынок; сохранение государством ответственности за развитие кластерной инфраструктуры; государственная поддержка коммерческих проектов

«переходных» продуктов и стимулирование создания «прорывного продукта; общность корпоративной культуры предприятий, входящих в кластер.

Разработку инновационных направлений развития оборонной промышленности на основе существующих фундаментальных исследований целесообразно осуществлять в создаваемом оборонно-промышленном инновационном кластере (рис. 1).

При этом государство осуществляет финансирование науки и фундаментальных разработок, предназначенных для использования в интересах оборонно-промышленной политики. Результатом деятельности сферы науки является фундаментальные разработки, которые можно представить в виде инновационных зон. Не все разработки в дальнейшем могут найти применение, и в блоке «инновационные зоны» определяются приоритетные направления инноваций, которые в дальнейшем могут стать основой для разработок инновационных продуктов и технологий, то есть перейдут на стадию коммерциализации инноваций.

Блок «Образование» отражает систему, которая является кадровым ресурсом для создания малых инновационных предприятий. Блок «Инновационные предприятия ОПК» включает действующие оборонные предприятия, которые обладают инновационными ресурсами, возможностью участвовать в создании инновационных продуктов и технологий.

Анализ инновационных процессов в сфере военного производства выявил основные факторы, препятствующие внедрению инноваций на оборонных предприятиях. Среди них указаны: высокие ставки по кредитам коммерческих банков, недостаток кадров требуемой квалификации для реализации инновационных проектов, проблемы обеспечения наукоемкого производства необходимыми комплектующими материалами и сырьем. В то же время многие оборонные предприятия не обладают

Рис. 1.
Создание и продвижение инновационных продуктов при участии оборонно-промышленного инновационного кластера

достаточной информацией о современных отечественных и зарубежных технологиях, перспективных для использования в инновационной деятельности, это во многом связано со снижением уровня развития отраслевой науки.

Инновационные кластеры, использующие базисные инновации помогут создать основу для перехода оборонного производства к новому технологическому укладу. При этом роль академических институтов как источника инноваций для ОПК должна возрасти, хотя их связь с оборонной промышленностью в настоящее время недостаточно эффективна.

Основными причинами низкой инновационной активности оборонных предприятий по-прежнему остаются: отсутствие стимулов для осуществления инновационной деятельности; старение технологической и иссле-

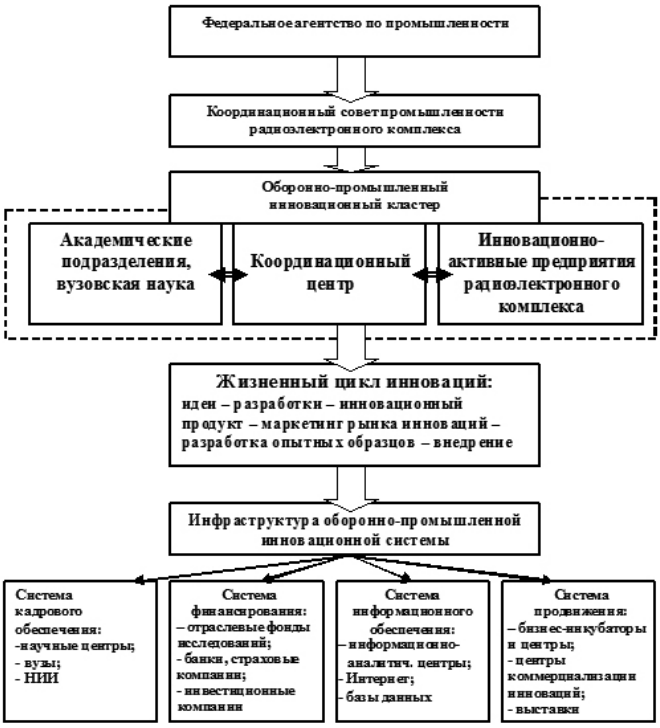

Рис. 2.
Модель оборонно-промышленной инновационной системы на основе инновационного кластера

довательской базы оборонно-промышленного производства; неразвитость системы страхования инвестиционных и инновационных рисков; несбалансированность и недостаточная диверсифицированность структуры оборонного производства; износ производственных мощностей и др.

На основе промышленного радиоэлектронного комплекса нами предложена модель отраслевой инноваци-

онной системы кластерного типа для конкретных звеньев оборонно-промышленного комплекса России (рис. 2).

Данная модель отраслевой научно-инновационной системы включает органы отраслевого управления, межотраслевой координационный совет, блок инновационного кластера, объединяющий усилия научных учреждений, вузовского сектора науки, инфраструктуру инновационной системы, а также инновационно-активные оборонные предприятия.

Реализация данной модели инновационного кластера обеспечит благоприятные условия для интеграции науки и вузов с оборонной промышленностью и системой отраслевого управления, создаст основу для экономического и инновационного развития оборонных отраслей промышленности.

Полагаем, представленная модель оборонно-промышленной инновационной системы на основе инновационного кластера является органичной составной частью формирующейся научно-инновационной системы России, направлена на создание благоприятных правовых, организационных, экономических и финансовых условий для развития активной инновационной деятельности всех субъектов оборонной промышленности с учетом их отраслевых особенностей.

Основным преимуществом кластерного управления экономикой и отраслевыми комплексами является усиление роли экономических факторов развития и снижение административных. Кроме того, основными аргументами в пользу использования кластерного метода управления отраслями промышленности являются:

1) высокая согласованность с характером конкуренции и источниками достижения конкурентных преимуществ;
2) эффективное обеспечение функционирования межотраслевых связей, распространение технологий, навыков и информации;

3) возможность осуществления внутренней специализации и стандартизации и, как следствие, увеличение производительности труда;
4) минимизация затрат на внедрение инноваций, наличие в структуре кластеров гибких предпринимательских структур – малых предприятий, способствующих формированию инновационных точек роста за счет высокой степени специализации при обслуживании конкретного промышленного производства;
5) возможности эффективного обмена идеями между резидентами инновационного кластера, следовательно, быстрого формирования конкурентной среды.

Кластерный анализ может послужить основой для конструктивного диалога между предпринимателями и властью с целью выявления общих проблем, инвестиционных возможностей, корректировки промышленной и формирования инновационной политики.

На рис. 3 представлена концептуальная схема формирования отраслевых инновационных кластеров. Основываясь на классической экономической теории, экономическом и отраслевом анализе, учитывая доказанный факт высоких показателей объема производства продукции, занятости и производительности труда в отраслях, предлагается использование коэффициентов, характеризующих объемы производства, занятость, производительность труда, инвестиции в основной капитал, иностранные инвестиции, экспорт и импорт.

При этом необходимо определить значение отрасли для федерального уровня и региональной экономики: экспортоориентированная, импортозамещающая или для региональных нужд на основе значения коэффициентов локализации. Так, если значение коэффициента локализации более 1,25 – отрасль федерального значения, если значение коэффициентов локализации менее 0,25 – регионального уровня.

При формировании кластеров и выборе из них наиболее приоритетных необходимо оценить значения по-

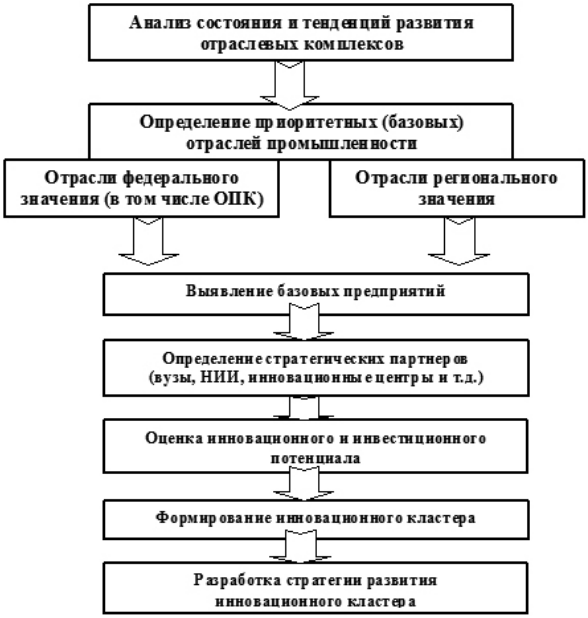

Рис. 3.
Схема формирования отраслевых инновационных кластеров

казателей в динамике, что позволяет сделать вывод о возможных дальнейших перспективах роста кластеров.

Следующим этапом является выявление базовых предприятий, производящих товары, имеющие стратегическое значение для экономики государства. После выявления базовых предприятий необходимо изучение предприятий-партнеров, поставщиков и смежников для включения в кластер. Важно определить, какие именно предприятия необходимы для формирования инновационного кластера, изучить возможность перепрофилирования убыточных предприятий в соответствии с нуждами формирующегося кластера.

Оценка инновационного и инвестиционного потенциала предполагает анализ следующих составляющих:

– наличие и качество имеющихся и привлекаемых ресурсов;

– качество и степень специализации факторов производства;

– условия для конкуренции и стратегического развития;

– научно-техническая и технологическая база отрасли и др.

На основе проведенного анализа происходит формирование инновационных кластеров, а также разрабатывается стратегия их развития. В качестве примера создания инновационного кластера следует привести создаваемый Нижегородский кластер, имеющий важнейшее значение в укреплении оборонного потенциала России, так как его функциональные элементы и основные программы связаны с разработкой ядерных программ мирного и военного назначения, а также реализацией проектов создания современных информационных технологий, в том числе оборонного профиля. Структурная схема Нижегородского инновационного кластера представлена на рис. 4.

Особого внимания также заслуживает и то, как развивается научный, образовательный и производственно-технический потенциал Самарской области, который последовательно структурируется в инновационно-внедренческий кластер. Ему отводится ведущая роль в налаживании эффективных взаимосвязей между промышленностью региона (в том числе сферы военного производства) и разработчиками инновационных технологий. Значимость его для оборонно-промышленного комплекса России также высока, так как в данном регионе функционирует достаточно большое количество оборонных предприятий, имеющих стратегическое значение в укреплении обороноспособности государства.

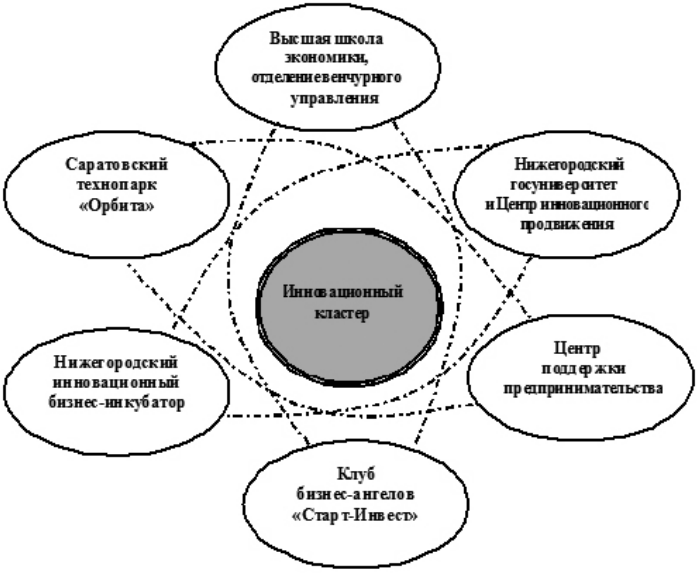

Рис. 4.
Структура Нижегородского инновационного кластера

По своему инновационному потенциалу регион занимает лидирующие позиции в Приволжском федеральном округе.

Важно подчеркнуть, что стратегия развития инновационных кластеров заключается в создании условий для их эффективной работы. Деятельность федеральных органов власти в этом направлении должна сводиться, по нашему мнению, к созданию системы стимулирования инновационной деятельности. Система мер регулирования должна разрабатываться в зависимости от конкретного кластера, ситуации, сложившейся в промышленном производстве (в том числе оборонно-промышленном); перспектив производства конкурентоспособных товаров. Такая система должна включать меры:

– льготному кредитованию и налогообложению предприятий, входящих в инновационные кластеры;

– стимулированию производства высокотехнологичной продукции и созданию условий для сокращения выпуска продукции с низкой долей добавленной стоимости;

– разработке системы мер перепрофилирования убыточных предприятий на производство импортозамещающей продукции;

– разработке механизма государственных гарантий под внешнее финансирование, а также страхования;

– содействию в продвижении продукции инновационных кластеров, посредством осуществления выставочно-ярмарочной деятельности;

– формированию информационной инфраструктуры, содействующей расширению связей между кластерами, работающими в смежных отраслях.

Представленные механизмы и концептуальная схема создания инновационных кластеров в оборонно-промышленном комплексе России, а также обоснованная модель оборонно-промышленного инновационного кластера позволяют получить практический инструментарий инновационного кластерообразования в системе отечественного военного производства и максимально задействовать инновационный и инвестиционный потенциал ОПК Российской Федерации.

Благоприятные факторы внешней среды, в том числе предоставляемые льготы, позволяют проранжировать виды инновационной деятельности и производимую инновационную продукцию, выявить максимально мотивированных участников для вхождения в кластер. Например, для экспортной ориентации и военно-технического сотрудничества инновационный кластер типа технико-внедренческой зоны должен быть расположен неподалеку от крупного аэропорта, главных автомагистралей и иметь хорошие средства телекоммуникации и связи.

Следует также оценивать стратегические соответствия инновационных проектов потенциальных участников кластера, степень их конкуренции между собой, корреляция с приоритетными направлениями развития науки и техники, критическими технологиями, национальным проектом модернизации армии и флота (и др. национальными проектами), задачами развития отраслей ОПК (например, для модернизации оборонных предприятий).

Кроме того, необходимо представить универсальную концептуальную схему формирования каждой подсистемы инновационного кластера. Как представляется, она должна состоять из 5 этапов:

1) выбор приоритетных направлений развития с учетом национальных приоритетов (при этом используются результаты ранее проведенных исследований для оценки тенденций и перспектив в отечественных и зарубежных инновационных процессах, долгосрочные потребности в передовых технологиях и высокотехнологичных продуктах);

2) оценка научно-технологического задела;

3) оценка критических технологий;

4) выработка требований для подсистем;

5) формирование проектов внедрения.

В процессе реализации концептуальной схемы создания технико-внедренческой зоны должна проводиться постоянная итерационная связь между блоками, оценка социально-экономической эффективности деятельности кластера по критериям соответствия результатов поставленным целям и формулировать дальнейшие цели стратегического развития кластерной структуры.

В данных концептуальных схемах, безусловно, должны увязываться национальные приоритеты и социально-экономическое развитие государства с инновационными стратегиями отечественного ОПК и крупного бизнеса, обеспечиваться сочетание научно-технических и со-

циальных интересов федерального уровня и отраслей оборонной промышленности. В результате применения концептуальной схемы инновационного кластера создается правовая, маркетинговая, консалтинговая инфраструктура, позволяющая от идеи перейти к инновации, то есть новой разработке, внедренной на рынке в виде нового продукта (технологии).

Система формирования кластера позволяет выпускать инновационную продукцию через соединение интеллектуальных активов, инновационного капитала и услуг поддержки инновационной деятельности.

В обеспечение технико-внедренческой деятельности инновационная инфраструктура получит дальнейшее развитие. Инфраструктурные проекты по развитию сети дизайн-центров, центров коллективного пользования современным оборудованием и новейшими технологиями, центров целевого инкубирования инновационных компаний, научно-образовательных центров в совокупности обеспечат условия для осуществления прорывных разработок и производства на их основе конкурентной научно-технической продукции.

Несмотря на наличие некоторого механизма создания инновационного кластера в оборонной промышленности, необходимо отметить, что в настоящее время очевиден недостаток финансовых ресурсов для разработки инновационных продуктов на предприятиях ОПК. Инновационные проекты предприятий сферы военного производства главным образом финансируются государственными фондами и организациями инфраструктуры поддержки инновационной деятельности. Полноценного рынка венчурного финансирования в России в настоящее время нет, поэтому поддержка инновационной активности оборонных предприятий в большей мере осуществляется государством.

Кроме того, не все предприятия ОПК способны подключаться к доработке инновационных продуктов. В

данной связи именно инновационные кластеры помогут преодолеть инновационную пассивность. В этом контексте они представляют собой основу масштабной кооперации оборонной промышленности с научно-исследовательским сектором. Чтобы обеспечить успешное продвижение результатов исследований и разработок, необходима активная деятельность органов государственной власти по выявлению зарождающихся и частично уже сложившихся сетей и кластеров, а также разработка и реализация стратегии их развития, расширения и интенсификации взаимодействия в образующих их организациях.

Следует обратить внимание на важное отличие России от промышленно развитых стран Запада, состоящее в наличии нерациональной структуры инновационных затрат в связи с высокой степенью износа производственной базы, что требует осуществления капитальных вложений, в первую очередь в обновление основных фондов.

Целями стратегии развития оборонно-промышленного комплекса на период до 2015 г. являются обеспечение перспективных потребностей Вооруженных сил Российской Федерации в вооружении, военной и специальной технике и расширение производства и экспорта гражданской высокотехнологичной продукции.

В результате реализации стратегии ожидается приведение научно-производственного потенциала оборонно-промышленного комплекса и его организационной структуры в соответствии с задачами по обеспечению обороноспособности страны и модернизации Вооруженных сил Российской Федерации.

Решение задач развития оборонно-промышленного комплекса на основе использования его конкурентных преимуществ во многом может быть достигнуто на основе разработки и реализации инновационной стратегии в формирующихся кластерах. Несомненно, кластерная ин-

Рис. 5.
Факторы, определяющие успех реализации инновационной стратегии

новационная стратегия является сейчас в мире едва ли не самым модным инструментом государственной политики повышения конкурентоспособности.

Среди основных факторов, определяющих успех реализации инновационной стратегии необходимо выделить факторы, приведенные на рис. 5.

Важно подчеркнуть, что инновационная стратегия прорывного типа способна обеспечить создание устойчивого конкурентного преимущества предприятиям ОПК, завоевание ими лидерских позиций в своих отраслях благодаря наращиванию ресурсов и способностей производить инновационную продукцию, реализации системных (радикальных) инноваций, создании эффективных бизнес-моделей и систем.

Инновационная стратегия оборонно-промышленного кластера может включать следующие взаимосвязанные элементы, показанные на рис. 6.

Механизм реализации инновационной стратегии обеспечивает создание и использование экономических, правовых и организационных условий для эффективной

Рис. 6.
Элементы инновационной стратегии
оборонно-промышленного кластера

инновационной деятельности, направленной на повышение инновационной привлекательности инновационных кластеров в оборонных отраслях промышленности, совершенствование инновационных процессов в существующих кластерах ОПК.

В указанном механизме необходимо выделить организационные, финансовые и административные методы и инструменты, направленные на стимулирование исследовательской и производственной сферы, действовать в соответствии со стратегическими инновационными приоритетами.

В оборонно-промышленном кластере может быть реализована стратегия ***инновационно-технологического прорыва,*** которая вытекает из необходимости перехода к инновационному пути развития страны и ускорения темпов экономического роста на основе повышения конкурентоспособности отечественной продукции.

Необходимо подчеркнуть, что выбор стратегических инновационных приоритетов связан с ограниченностью

Рис. 7.
Основные инновационные приоритеты кластерной стратегии

ресурсов, которые государство и бизнес способны выделить на инновационно-инвестиционное обновление устаревших основных фондов, модернизации отстающих отраслей и производств.

Можно выделить основные инновационные приоритеты формируемой стратегии в кластере (рис. 7).

В результате реализации данных направлений по мере развития инновационного потенциала кластера предполагается реализация прорывных инновационных программ, обеспечивающих развитие науки, технологий и техники Российской Федерации и приоритетов технологического развития.

Существенными ограничениями реализации данной стратегии являются: ограниченность ресурсов федерального бюджета, которые могут быть направлены на развитие инновационных прорывных технологий; ограниченная инвестиционная и инновационная привлекательность России для привлечения высокотехнологических секторов бизнеса.

Реализация инновационной стратегии окажет существенное влияние на укрепление конкурентной позиции российской экономики и ее оборонно-промышленного комплекса за счет обеспечения инновационной воспри-

имчивости ключевых секторов оборонной промышленности, обеспечивающей возможность их устойчивого развития; создания условий для обеспечения высокой степени технологической независимости в сфере обороны; формирования конкурентного уровня развития «человеческого капитала».

Проведенное исследование формирования инновационных кластеров в высокотехнологичных отраслях отечественной промышленности на примере ОПК России позволяет сформировать практические рекомендации по совершенствованию механизма управления инновационными процессами в экономике.

Практические рекомендации включают: 1) формулировку целеполагания управления инновационной деятельностью; 2) предложения по изменению организационной структуры управления инновационной деятельностью; 3) определение в границах основных функций управления (планирование, организация, мотивация, контроль) задач, закрепленных за каждым субъектом управления, комплексное решение этих задач обеспечивает системность управления инновационной деятельностью.

Целеполагание управления инновационным процессом в экономике страны заключается в разработке комплексной системы мер государственного регулирования и поддержки инновационной деятельности, включающей как прямые, так и косвенные управленческие воздействия на деятельность предприятий высокотехнологичных отраслей.

К первой группе воздействий могут быть отнесены, к примеру, различные формы финансовой поддержки государства в процессе формирования научно-технической и производственно-технологической базы высокотехнологичных отраслей экономики, ко второй группе – например, изменения в структуре профессионального образования.

Предложения по развитию организационной структуры направлены на совершенствование системы управ-

Таблица 1

Механизм управления инновационной политикой на основе кластерного подхода

Функция управления	Задача управления	Субъект управления
1. Планирование	1.1. Разработка концепции формирования инновационных кластеров как центров инновационной активности высокотехнологичных отраслей ОПК	Министерство промышленности и торговли РФ
	1.2. Определение перечня приоритетных и наукоемких направлений использования достижений научно-технического прогресса на высокотехнологичных производствах	Федеральное агентство по науке и инновациям
	1.3. Формирование актуальной информационной базы данных, включающей приоритетные инновационные проекты высокотехнологичных отраслей ОПК России	Федеральное агентство по науке и инновациям
	1.4. Формирование в системе высокотехнологичного производства согласованного межотраслевого пакета первоочередных инновационных проектов для реализации на внутреннем и внешнем рынках	Министерство промышленности и торговли РФ Правительство РФ
2. Организация системы инновационного развития	2.1. Разработка модели управления инновационным развитием, позволяющей создать организационную структуру в форме совокупности инновационных кластеров	Министерство промышленности и торговли РФ
	2.2. Определение конкретных форм участия высокотехнологичных предприятий ОПК в освоении на диверсифицированных производственных мощностях нового конкурентоспособного оборудования	Федеральное агентство по науке и инновациям
	2.3. Завершение формирования системообразующих интегрированных структур	Министерство промышленности и торговли РФ
	2.4. Создание экспериментальных научно-образовательных инновационных комплексов на базе ведущих университетов и государственных научных организаций	Федеральное агентство по науке и инновациям
	2.5. Формирование нормативно-правой базы по реализации инновационных проектов	Министерство оборонной промышленности РФ Правительство РФ
	2.6. Экспертиза, корректировка, утверждение нормативно-правовых актов, обеспечивающих эффективную реализацию инновационных проектов	Министерство промышленности и торговли РФ

Функция управления	**Задача управления**	**Субъект управления**
	2.7. Формирование сети инновационных кластеров как центров инновационной активности высокотехнологичных отраслей ОПК, охватывающих крупные научные организации, высшие учебные заведения, промышленные предприятия, субъекты малого инновационного предпринимательства позволяют осуществить научно-техническую, инновационную, производственную деятельность в области наукоемкой продукции и высоких технологий	Правительство РФ
	2.8. Организационное проектирование структуры управления инновационной деятельностью, разработка положений о новых структурных единицах и их компетенциях	Министерство промышленности и торговли РФ
	2.9. Создание на базе инновационных исследовательских университетов государственных научно-образовательных инновационных корпораций (в том числе интегрированных в ОПК), способных интегрировать и координировать деятельность их участников, что позволит обеспечить функционирование базовых элементов национальной инновационной системы, стимулировать приток капитала в научно-образовательную сферу, ориентировать процесс подготовки и повышения квалификации специалистов инновационной сферы	Федеральное агентство по науке и инновациям
3. Мотивация инновационной деятельности	3.1. Финансовая поддержка государства в формировании производственно-технологической базы высокотехнологических секторов экономики	Правительство РФ
	3.2. Обеспечение активного вовлечения инновационного потенциала высокотехнологичных предприятий ОПК России	Федеральное агентство по науке и инновациям
	3.3. Совершенствование системы ценообразования	Министерство промышленности и торговли РФ

Функция управления	Задача управления	Субъект управления
4. Контроль над реализацией инновационной политики	4.1. Совершенствование системы лицензирования 4.2. Совершенствование системы сертификации 4.3. Совершенствование налоговой политики государства	Правительство РФ Министерство промышленности и торговли РФ
	4.4. Создание единой информационно-коммуникационной системы с участием предприятий высокотехнологичных отраслей ОПК в целях мониторинга космической, воздушной, акваториальной обстановки с центром анализа ситуаций и распределенного управления в интересах национальной системы государственной безопасности и развития инновационного потенциала страны	Министерство промышленности и торговли РФ

ления высокотехнологичными отраслями ОПК в интересах придания ему импульса инновационного развития, в связи с этим представляется целесообразным: создать самостоятельное министерство оборонной промышленности в России, обеспечивающее формирование нормативно-правовой базы и решение вопросов оборонно-промышленной стратегии, холдинговой политики, защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности, инновационных процессов, что сформирует действительную вертикаль управления ОПК России; при Военно-промышленной комиссии создать на постоянной основе управление, обеспечивающее реализацию государственных инновационно-технологических программ, в том числе в областях микроэлектроники, материаловедения, критических технологий; при Федеральной службе по военно-техническому сотрудничеству создать Комитет, осуществляющий координацию инвестиций от военно-технического сотрудничества с государственной инвестиционной программой.

Функции управления инновационной деятельностью и задачи в границах каждой из них, а также субъекты,

включенные в механизм управления сгруппированы в табл. 1.

Комплексная реализация приведенных в таблице управленческих воздействий должна обеспечить создание эффективной инновационной структуры кластерного типа в высокотехнологичных отраслях отечественного оборонно-промышленного комплекса, способной наиболее полно удовлетворять потребности военной организации Российской Федерации в системах, комплексах и образцах вооружения и военной техники отечественного производства.

А.Л.Сарак (Румыния) **A.L. Sarac (Romania)**

РОЛЬ ИНВЕСТИЦИЙ В ПЕРИОД КРИЗИСА

THE ROLE OF INVESTMENT IN TERMS OF CRISIS

В настоящей статье рассматривается комплекс исследовательских вопросов по определению роли и места инвестиций в условиях экономического кризиса. Определяются возможности эффективного вложения капитала в кризисную экономику. Инвестиции представляются как важный инструмент развития компании. При этом выделяются несколько ракурсов изучения темы: глобальный финансовый кризис; риск-менеджмент в ситуации кризиса; причины и особенности экономического кризиса в Румынии и теоретические прояснения механизма инвестирования в кризисную экономику.

The present work proposes to realize o complex research of the investment in view of current conditions characterized by a global economic crisis. A special attention will be given to the opportunity and the efficiency of the investment as an instrument in the management decision for the development of a company.

Many aspects that a company has to take into account in its development strategy find themselves out in the financing programs regarding a maximization of the profit through investment of the capital in tangible and intangible assets, implementing of new technologies, measures for protection of the medium or financial investments. The paper is structured as

- Global Financial Crisis
- A possible cause of the crisis - Creating more risk by trying to manage risk
- The economic crisis in Romania
- Investment – Theoretical viewpoints

The scientific novelty work is focused to the element of

complexity and actuality of information, which, due to deep changes from the structure markets, of transformations alerts and the process of productions based on the technical progress unknown in history, becomes vital.

Global Financial Crisis

The global financial crisis, brewing for a while, really started to show its effects in the middle of 2007 and into 2008. Around the world stock markets have fallen, large financial institutions have collapsed or been bought out, and governments in even the wealthiest nations have had to come up with rescue packages to bail out their financial systems. On the one hand many people are concerned that those responsible for the financial problems are the ones being bailed out, while on the other hand, a global financial meltdown will affect the livelihoods of almost everyone in an increasingly inter-connected world. The problem could have been avoided, if ideologues supporting the current economics models weren't so vocal, influential and inconsiderate of others' viewpoints and concerns. A collapse of the US sub-prime mortgage market and the reversal of the housing boom in other industrialized economies have had a ripple effect around the world. Furthermore, other weaknesses in the global financial system have surfaced. Some financial products and instruments have become so complex and twisted, that as things start to unravel, trust in the whole system started to fail.

A possible cause of the crisis - Creating more risk by trying to manage risk

Securitization was an attempt at managing risk. There have been a number of attempts to mitigate risk, or insure against problems. While these are legitimate things to do, the instruments that allowed this to happen helped cause the current problems, too.

In essence, what had happened was that banks, hedge funds and others had become over-confident as they all

thought they had figured out how to take on risk and make money more effectively. As they initially made more money taking more risks, they reinforced their own view that they had it figured out. They thought they had spread all their risks effectively and yet when it really went wrong, it all went wrong.

Derivatives, financial futures, credit default swaps, and related instruments came out of the turmoil from the 1970s. The oil shock, the double-digit inflation in the US, and a drop of 50% in the US stock market made businesses look harder for ways to manage risk and insure themselves more effectively.

The finance industry flourished as more people started looking into how to insure against the downsides when investing in something. To find out how to price this insurance, economists came up with options, a derivative that gives you the right to buy something in the future at a price agreed now.

This was a hit; once options could be priced, it became easier to trade. A whole new market in risk was born. Combined with the growth of telecoms and computing, the derivatives market exploded making buying and selling of risk on the open market possible in ways never seen before.

As people became successful quickly, they used derivatives not to reduce their risk, but to take on ***more*** risk to make more money. Greed started to kick in. Businesses started to go into areas that was not necessarily part of their underlying business. Hedge funds, credit default swaps, can be legitimate instruments when trying to insure against whether someone will default or not, but the problem came about when the market became more speculative in nature.

Hedge funds have received a lot of criticism for betting on things going badly. In the recent crisis they were criticized for shorting on banks, driving down their prices. Some countries temporarily banned shorting on banks. In some

regards, hedge funds may have been signaling an underlying weakness with banks, which were encouraging borrowing beyond people's means. On the other hand the more it continued the more they could profit. The trade in these swaps created a whole web of interlinked dependencies; a chain only as strong as the weakest link. Any problem, such as risk or actual significant loss could spread quickly.

Derivatives didn't cause this financial meltdown but they did accelerate it once the subprime mortgage collapsed, because of the interlinked investments. Derivatives revolutionized the financial markets and will likely be here to stay because there is such a demand for insurance and mitigating risk.

This will be very hard to do. Despite the benefits of a market system, as all have admitted for many years, it is far from perfect. Amongst other things, experts such as economists and psychologists say that markets suffer from a few human frailties.

"America's financial system failed in its two crucial responsibilities: managing risk and allocating capital. The industry as a whole has not been doing what it should be doing … and it must now face change in its regulatory structures. Regrettably, many of the worst elements of the US financial system … were exported to the rest of the world." *Joseph Stiglitz, The fruit of hypocrisy; Dishonesty in the finance sector dragged us here, and Washington looks ill-equipped to guide us out, The Guardian, September 16, 2008.*

The economic crisis in Romania

The world economic crisis is felt in increasingly hard on the Romanian market. Although, global it is estimated up slightly shy of the world economy,The Romanian economy crisis occurs deeper, more extensive effects both on economic indicators, as well as the human factor. Analyzing recent statements by the IMF, and results of studies conducted by Deloitte on the perception of

Romanians on global economic crisis we conclude that we are an optimistic people. Moreover, business optimism on their show they have their companies.

Director General of the International Monetary Fund, Dominique Strauss-Kahn, in according Mediafax said that the current International Monetary Fund forecasts predict an increase of 3% of world economy in 2010.

However governments should not withdraw too quickly incentives for savings, because it could trigger "a double recession, such as W", IMF director of interview that: -typically, unemployment continues to increase for one year after the start of recovery, during which the authorities must not withdraw support measures.

- IMF loans this year will provide four times higher compared to 2008 to assist countries affected by crisis.

- G20, the group of the largest economies of the world, would have a more representative if it includes a few new members, but called some countries.

A recent study prepared by Deloitte show that Romanian entrepreneurs in their majority, believe the economic recovery and prepare new products and services, but also anticipates spending and staff reductions. The recent report prepared by Deloitte, 40% of Romanian companies expect economic recovery in the next six months, are among the most optimistic in the region.

Romanian companies continue their business growth strategy, but with greater emphasis on costs. On the other hand, one nine businessmen expected tightening of regulations, the following year and released a warning of difficult access EU funds ", said President of Deloitte Romania, George Mucibabici, according to News In.

In addition, interest Romanian business environment for accessing European funds is increasing, cocncluzie which follows from the fact that although the projects have lower values compared to 2008, their number increased by 38%. So increased the interest of Romanians to access European

funding at this time of crisis, but changed the structure of projects submitted for European funding.

Thus, 90% of projects submitted for European funding was secured for the development of human resources with the remainder distributed among projects for SMEs and cooperation (5%). Compared with last year, 80% of funding projects aimed investment in equipment, projects of interest (5%) and projects on human resources (15%). In conditions of economic crisis, the Romanian entrepreneurs are beginning to give importance to human capital, an intangible asset subject to research a growing number of experts from various fields, both psychologists, sociologists, and especially economists.

Across Central Europe, nearly three quarters of respondents believe the economy will be worse or remain the same next year. On the other hand, contrary to this trend conservative and pessimistic, show business optimism in the prospects they have their companies, only 15% of respondents expressing negative expectations for the future. Analysts state that the economy will show signs of recovery early in the last three months of the year, after it reaches its lowest point in the third quarter, but optimism should be moderate because recovery depends on the eurozone, is still unclear whether government measures will have a lasting impact on the private sector.

Finally we ask does this crisis end in the last quarter of 2009? It will meet as "V's" or rather from the first quarter of 2010 we wait a second recession, with more severe effects on overall economy nerefăcută, watching as "W's"?

There are many questions asked, but who does? Nobody has the key, we all try to assess the effects of the crisis, and even more so to estimate the likely evolution in the near future.

Industry and services have a contribution of 70% and decreased 5.3% to GDP in the first half of 2009, by 7.6%, the National Statistics Institute data show. Meanwhile, agriculture and construction had a lower intake, only 11.8% of the total.

The largest share in GDP had decreased services - 2.9% of the total. Looking at the use of GDP, we see that an important contribution to the reduction product had a final consumption of households in Romania (contribution of 9.7%) and gross fixed capital formation (contribution of 4.8%).

Moreover, investments in national economy in the first half of 2009 have decreased by 16.7% compared to same period in 2008. Investment in construction in November decreased by 3.2%, while those in machinery and vehicles has decreased by 33.5%. Branches in which achieved a higher volume of investment is industry, trade, services, agriculture and construction.

Investment – Theoretical Viewpoints

A proper characterization of the phenomenon of investment is based on: economic, financial, accounting and legal.

– In economic terms, investment is all consumption of resources that are currently in the hope of future economic effects. In terms of financial investment is the creation of productive capital by forgoing immediate consumption of monetary resources, capital designed to achieve a future revenue stream.

– In accounting terms, investment is transforming the availability of money in physical assets subject to amortization, or financial assets. The expense of investment is processing assets and finance money in tangible assets that increase property developer. This is an expenditure whose effect extends beyond the current year.

– In legal terms, investment is the creation of heritage items that may be the subject of property. Considering investment as a phenomenon financial and monetary, it would be appreciated as these represents envolved on a long of a term capital of to his investor or given the accumulations of the populations in the aim obtaining of a the maximum gain with minimum in a riskness the after days.

After some specialists, through investments are apprehended:

I., Vasilescu I. – Management of investments, Editura Margaritar, Bucuresti 1997, page 6:

"an acts wherewith spend his another money funds in hope as the in future are shall received sums the big maul of his money"

- Vasilescu I., Luban F. Investitiile in the system of the business, Editura Eficon Press, Bucuresti 2003, page 134:

" anything used of a active as capital in the aim realization of economic efficiency and therefore of profit".

Ромвnu, i; Vasilescu, i - coordinators – Management of investments - Editura Margaritar, Bucuresti, 1997, page. 12:

"Anything the expenditure of funds were in the sight realization conditions needfulness to obtain in future, on a specific distance the effects scontated".

R H - Managerial accounting - Editura IRWIN, Homewood, Illinois, USA, 1988:

"investments has four elements, scilicet the investor, the object of investments, the cost and the effects".

An way a maul defined investments realized in Dictionarul MIT of moderne Economics - The MIT Dictionary of Modern Economics, The MIT Press, 1992, page. 219. The term of investments is used most frequently surprised the flux of fated his expenditures to increase or to maintain the stock of real capital.

As an agreement of a theories of the specialists, the elements components ale the concept of investments established by-path as the next:

- the concrete and material content of the effort of investments, I carry consider investments as a particularly structure of different funds as the nature and the volume, what I am brought in the realization of the project;

- the factor "The time", which show the fact as the any project of investments has a period of scroll, presented through stages and good moments described and on during

which the indicators economically have the project have particular ways of evolutions;

- the concept of efficiencies, as per which, the investor accepts the utilization of present funds for an effective series(receipts) future, I carry in the total sum to is superior initial expenditures;

– the risk, carry results from the concrete way of achieve in the after days of the effects waited. Risk appears due to the fact as the these effects waited are maybe , but not certainties, the degree of risk be inverse proportionate the probability of achieve the waited effects.

In the literature the maul can be meet a series of approach of the concept of investments, such as in large sense and in limitary sense, or in economic sense, financier and the bookkeeper. In large sense and from the microeconomic view, investment identified with the placements of the economies of physical his juridical persons in different areas and below different forms, as of example:

- Of equipments of productions, therefore as the increase the technical capital;
- And the modernization of fixed capital;
- The stock of circulating assets;
- The constructing of buildings;
- The purchasing of buildings;
- The purchasing of stocks;
- Research Science and projection;
- The transport and the winding-up of the equipments of productions

In the versions of the teacher Dobrota investments represents, an addition to his capital to personal existing patrimony, addition the result from the of a use parts of the economies obtained from the activity of respective person.

The concept of investments represented always a subject of chat, completions in on the average investigatory. The economist P. Caspar proposes a series of criteria appreciatory investments:

- for an expenditure an employee today, is expected to is obtained a result tomorrow.

- this expenditure conduces to a constituted the sinking-fund that is a capital of which effects are produced on an what period exceeds the of a landmarks exercise.

- the correspondence expenditures conduces to multiply the capacities of production or commercialization of the enterprise.

- Exist the evidence as the different expenditures employee increases the patrimonial undertook

And a supplementary condition applied to these expenditures were delimitate of the expenditures of operation:

- Place a break an in a report with the tendencies extrapolate from pasts.

All in sphere of the concepts concerning the answers of long-term capital existed the which specialists tried to accredited the term of" multi investments" as be certain which expenditures have the characters of investments but are categorisis all the some in the category current expenditures, because they have no frequent and the repeatability of investments the appearance.

Pierre Masse says as investments is" an expenditure dispute about future an uncertain" or, otherwise gave up to," the satisfaction quickly and sure, on the expense of the economies of which we dispose currently against of a future hopes of which support represents it just good invested"

The French economist F. Aftalion formulates the next definition:" The investments represent the renunciation to the monetary sources i current liquids against the of a hopes future funds, obviously else big.

Nicolae Feleaga in his book" The risks of bookkeeping to balance among milleniums" brings an important contribution and a binevenues to this research themes and does the specification as the nameable studies take the in the calculus the investments considerate measurable excluding investments material toes enterprises how are for instance:

Investments in the strategic reflection, in formalization of his methods or the organizational investments.

The author says as analyses of immaterial don't is can confined to a distinction between immobilizations and expenditures. If undertake achieves the important expenditures this in area, means as they he expects to obtain a series of advantages in exchange. The author considers as the investment as a papers of give in the immediate satisfaction of certain and against of a hopes of future benefits brought of good invested has a series of consequences.

In the researches done in this in area, the specialists adopts else many concepts: investments, funds, expenditures, or active. The specialists considers as the mutations from the modern economy have a double consequence: On aside he causes a movement of the process of production from matter and energy towards information and knowledge and but then lead to an interconnection and a diversification without unprecedented these. Same in the same time the specialists considers as the blast of informal technologies, nationalization the economies, globalization markets led to an index of uncertainty of the phenomena much more than by now what does as the productive classic his models don't the maul gives results. New in stage these shall must set-up on the strength of the fashions of which his organization based on the development flexibility and the speed of reaction to changes in order to integrated in a economy based on cognition.

A report of OCDE specifies as" despite of conceptual difficulties the practical and in the definiteness immaterial and in the adoption as an account rule which permits their taking in a account manner the proper maul, the economic contribution of immaterial investments to the growth of the performance and competitiveness undertake does necessary the progressive these uses in accounting systems ".

Е.В. Желнина (Россия) **E.V. Zhelnina (Russia)**

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ПЕРСОНАЛА В КРИЗИС

PROFESSIONAL TRAINING OF PERSONNEL IN CRISIS TIME

The article represents sufficiently brief rendering of results and conclusions of the sociological research, aimed at the study of changes in the attitude of managers of big industrial companies towards professional staff training during instability of external market situation.

Профессиональная подготовка персонала является важным элементом системы управления современной крупной компанией и позволяет решать не только экономические и производственные, но и социальные задачи компании, в частности, снижать социальную напряженность, связанную с постоянной интенсификацией производственной деятельности, минимизировать социальные конфликты, формировать благоприятный социально-психологический климат в коллективе. Более того, профподготовка персонала становится основным инструментом повышения социальной защищенности и уверенности сотрудников в своей профессиональной значимости, а также – одним из важнейших регуляторов социального взаимодействия участников множества социальных групп, включенных в структуру компании.

Высокий уровень неопределённости условий функционирования современных крупных компаний предъявляет жёсткие требования к используемым системам управления компетентностью персонала [1:77; 2:32]. При этом довольно часто специфика условий функционирования компаний на российском рынке не позволяет воспользоваться решениями, давно и успешно апро-

бированными в зарубежных организациях. Поэтому проблема разработки технологий профподготовки персонала крупных компаний, к которой мы обратились, является достаточно актуальной, особенно в условиях отсутствия доступного практического инструментария и широко апробированных методик профподготовки персонала, основывающихся на характеристиках социальных технологий. Поскольку профессиональная подготовка персонала современных российских компаний становится весьма распространённой формой развития сотрудников и достаточно интенсивно используется [3:111; 4:51; 5:56; 6:46; 7:61; 8:20], актуальность поднятой темы также находит подтверждение.

Высокая актуальность и неоспоримая значимость данной проблемы в системе управления крупной компанией предопределили направление, цели и задачи данной статьи. Основной целью стало выявление отношения менеджеров крупных промышленных компаний к профессиональной подготовке персонала. Время и мировая экономическая ситуация внесли свои коррективы в ход исследования проблемы, и возникла ещё одна цель: определить, являются ли одинаковыми отношения к профессиональной подготовке персонала в стабильный период (июль 2005 г. – март 2007 г.) и в период финансового кризиса (март – апрель 2009 г.). Проанализированная социологическая информация, собранная в ходе исследований, показала, что отношение менеджеров промышленных компаний к профессиональной подготовке персонала в значительной степени отличается в зависимости от фактора стабильности компании и внешней среды её функционирования.

Подавляющее число респондентов первого этапа исследования (83,33%) оценивают экономическое положение своей компании как хорошее, 12% – как удовлетворительное, по 1,85% – как отличное и плохое. Такой достаточно высокий процент позитивной оценки ме-

неджерами положения своей компании может быть объяснён периодом стабильности российского рынка, государственной политикой, благоприятствующей развитию отечественного автопрома, субъективной уверенностью респондентов в завтрашнем дне. Респонденты, участвовавшие во втором этапе исследования, более пессимистично отзывались об экономическом положении их компании: 91,67% участников определили его как «удовлетворительное», остальные – как «плохое». Варианты «отличное» и «хорошее» вообще не были отмечены. В связи с наступлением мирового финансово-экономического кризиса подобного результата, на наш взгляд, и следовало ожидать.

Лишь 3,70% респондентов самостоятельно повышают свою квалификацию, занимаются саморазвитием. Большинство руководителей 50% считают, что они достаточно компетентны в своей профессии, а 38,89% полагают, что в их обучении нет необходимости. Остальные 7,41% планируют в ближайшее время пройти курсы повышения квалификации на предприятии. Данные цифры подтверждают существующую в современных российских компаниях тенденцию «невнимания» менеджмента к вопросам собственной профподготовки, повышения квалификации, развития персонала. Большинство участников (83,33%) второго этапа не учатся и не повышают квалификацию на сегодняшний день, объясняя это нехваткой времени, а также финансовых и материальных средств на обеспечение профподготовки.

Большинство респондентов экспертного опроса 68,52% дали среднюю оценку процессам обучения персонала в своей компании, 22,22% оценили систему профессиональной подготовки как хорошую, а 9,26% – неудовлетворительно отзывались о проводимой в компании работы по профподготовке персонала. Анализ данных второго этапа исследования позволил сделать вывод о том, что работа по повышению квалификации персона-

ла существенно не изменилась. Возможно, это объясняется тем, что в компании достаточно хорошо налажен процесс планирования развития сотрудников, и в настоящий момент составленные планы находятся на стадии реализации.

Менеджеры, участвовавшие в исследовании, выделили следующие сигналы, говорящие о том, что сотрудникам необходимо повысить свой профессионально-квалификационный уровень, отработать определённые навыки и умения. Среди выявленных сигналов, свидетельствующих о необходимости профподготовки персонала, наиболее значимыми являются: снижение производительности и эффективности труда; адаптация вновь принятых в компанию сотрудников; изменения технологии, нововведения в компании; низкое качество продукции, предоставляемых услуг.

Исходя из ответов участников интервью можно предположить, что компании в ближайшем будущем будут сокращать затраты на профессиональную подготовку своих сотрудников. Вероятнее всего, это будет реализовываться следующими альтернативами:

1) путём принятия на работу в компанию подготовленных, высокопрофессиональных работников (показатель вырос на 11,11%);

2) посредством поощрения самостоятельного обучения работников компании (показатель увеличился на 25,92%).

Частота обучения сотрудников компании напрямую зависит от потребности в приобретении новых знаний, информации, сведений, отработки умений, навыков. Именно тот, кто ощущает подобную потребность, необходимость, становится инициатором проведения профессиональной подготовки. Из анализа ответов участников исследования на этот вопрос можно сделать вывод, что на данный момент в практике профессиональной подготовки персонала российских компаний не очень раз-

вита система самостоятельного обращения работников в кадровые службы в целях оформления заявки на прохождение определённого вида повышения квалификации. Зато очень распространена профессиональная подготовка работников, инициированная «сверху», исходящая от руководителя. Профессиональная подготовка, инициированная руководителем, может быть эффективна, так как именно руководитель в большей степени знаком со стратегическими планами компании. Следовательно, именно он может предположить, какими знаниями, умениями и навыками должны обладать сотрудники для того, чтобы обеспечить успешное функционирование компании в конкурентной среде современного рынка. Единственный недостаток видится в том, что сотрудники могут быть недостаточно мотивированы на эффективное исполнение навязанной сверху инициативы, что может повлечь исключительно формальное осуществление обучающих мероприятий. На наш взгляд, сотрудникам отделов по персоналу в целях систематизации сбора индивидуальных заявок на профессиональную подготовку целесообразно периодически проводить опросы работников, используя социологические и психологические методики их разработки.

Респонденты второго этапа исследования указали очень сильную зависимость проведения мероприятий по профессиональной подготовке персонала от финансовых и материальных возможностей компании, так как в кризисные, нестабильные периоды руководители компаний стараются более тщательно планировать организационные расходы. Профессиональная подготовка персонала является достаточно затратной статьёй расходов компании, в которую непременно должны входить оплата учебного времени; стоимость учебных материалов; оплата преподавателям, лекторам, тренерам, наставникам; аренда помещений для проведения обучающих мероприятий и др. В связи с этим возникает вопрос о том,

кто должен оплачивать расходы, связанные с профессиональной подготовкой работников компании. Для выяснения этого аспекта участникам исследования был предложен вопрос об оплате обучения, в результате которого оказалось, что подавляющее большинство руководителей (70,37%) считают, что и работник, и компания должны нести солидарные расходы, касающиеся профессиональной подготовки.

Общая тенденция ответов респондентов на данный опрос сохранилась и в отношении кризисного периода деятельности компании, хотя есть небольшой перенос бремени оплаты профессиональной подготовки на плечи работников компании. Согласно полученным результатам, очень актуальна практика введения так называемых ученических договоров в области профессиональной подготовки. Таким образом и сотрудники не несут значительных финансовых расходов на собственное обучение, и компании могут быть уверены, что инвестиции в человеческий капитал окупятся, что они смогут воспользоваться результатами профессионального роста своих работников.

Как подтверждают и теоретические разработки, и результаты эмпирических исследований, профессиональная подготовка персонала является важным элементом системы управления современной крупной компанией и позволяет решать не только экономические задачи предприятия, но и социальные; снижать социальную напряжённость, связанную с постоянной интенсификацией производственной деятельности; минимизировать социальные конфликты; формировать благоприятный социально-психологический климат в коллективе. Более того, профессиональная подготовка персонала становится основным инструментом повышения социальной защищённости сотрудников и их уверенности в своей профессиональной значимости, а также – одним их важнейших регуляторов социального взаимодей-

ствия участников множества малых и больших социальных групп, включённых в структуру крупной компании.

Интересна динамика изменений ответов на этот вопрос. Возможность соответствовать должности попрежнему важна для работников компаний. Значительно повысилась возможность повышения уверенности (12,04%) и улучшения дисциплины (12,35%). Снизилось значение умения сотрудника эффективно работать в команде и его инициативность, что означает сокращение работы компаний в инновационных областях и упор на упрочение, закрепление существующего положения.

Проанализировав ответы респондентов проведённого экспертного опроса, можно определить наиболее предпочтительную для руководителей современных российских компаний форму профессиональной подготовки персонала: организованные в соответствии с возникшей потребностью и продолжающиеся не более одной недели корпоративные курсы повышения квалификации или организованное при помощи дистанционной формы обучения профессиональная подготовка сотрудников непосредственно на рабочем месте, без отрыва от основной работы.

На основе анализа данных второго этапа исследования можно сделать вывод о том, что профессиональная подготовка персонала компании в достаточной степени зависит от стабильности положения компании на рынке. Модель профессиональной подготовки в кризисный период следующая: непродолжительные, нечастые обучающие мероприятия с солидарной материальной и финансовой ответственностью, и только тогда, когда в ней есть крайняя необходимость.

Библиографический список

1. *АВТОВАЗ: сегодня, завтра, вчера. Интервью с С.В. Вильчиком // Человек и труд. – 2003. – № 11. – С. 77-79.*
2. *Беляев, К. Корпоративное многоступенчатое образование*

– современная концепция управления развития человеческих ресурсов / К. Беляев, Л. Воробьева, О. Воробьева // Кадровик. – 2008. – № 9. – С. 32-36.

3. *Зименкова, Е. Р. Управление трудовыми ресурсами / Е. Р. Зименкова // США – экономика, политика, идеология. – 1997. – № 7. – С. 111-121.*
4. *Ицкович, Э. Л. Методика распределения финансовых ресурсов предприятия среди различных по тематике инновационных проектов / Э. Л. Ицкович, В. Е. Юрченко // Проблемы управления. – 2008. – № 6. – С. 51-58.*
5. *Каштанова, Е. Подготовка кадров при внедрении стандартов менеджмента качества / Е. Каштанова // Кадровик. – 2008. – № 9. – С. 56-65.*
6. *Моргунов, Е. Б. Корпоративный университет как инструмент становления научающейся компании / Е. Б. Моргунов // Управление персоналом. – 2004. – № 1, 2. – С. 46-50.*
7. *Низова, Л. Подготовка рабочих кадров – приоритет социально-экономического развития региона / Л. Низова, Е. Пищерина // Кадровик. Кадровый менеджмент. – 2009. – № 3. – С. 61.*
8. *Оболенский, С. Е. Менеджмент в корпорации «Хьюлетт-Паккард» / С. Е. Оболенский // Управление персоналом. – 1998. – № 10. – С. 20-22.*

К.Н. Ермолаев (Россия) **K.N. Ermolaev (Russia)**

РОЛЬ ФИКТИВНОЙ ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ КАПИТАЛА В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДПОСЫЛОК ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

ROLE OF FICTITIOUS FORM EXISTENCE OF CAPITAL IN CREATE THE NESSARY PREREGUISITES OF GLOBAL FINANCIAL CRISIS

Fictitious form of the capital is offers special (title) form existence of the capital, which opened the principle new opportunity of his movement in age of globalization.

П. Кругман в статье «How Did Economists Get It So Wrong?», опубликованной в приложении к газете The New-York Times, критикует экономические исследования последних 30 лет, называя их бесполезными и даже вредительскими, поскольку экономисты создают ненужные и далекие от реальной жизни математические модели, ничего не знают о причинах кризисов и методах борьбы с ними. Отдавая должное авторитету уважаемого нобелевского лауреата, хотелось бы отметить, что такое несоответствие научных представлений современным экономическим реалиям объективно обусловлено рядом методологических предпосылок.

Нынешний кризис, как отмечается многими авторами, является не столько циклическим, сколько структурным, в своей основе имеет проблемы структурной трансформации экономики, а также появление новых моделей регулирования и международной экономической конфигурации, способов регулирования глобальных финансовых рынков [1:4]. Для преодоления такого кризиса необходимо решить проблемы, лежащие в его глубинной основе [2:5].

Как отмечает В. Мау, налицо серьезный интеллектуальный вызов и невозможность оставаться в экономи-

ческой парадигме предыдущих десятилетий. Появились новые инструменты финансового рынка, с регулированием которых государства, как выяснилось, справляться пока не способны. Экономическая дискуссия по вопросам противодействия кризису вращается вокруг традиционных для XX в. проблем: кейнсианство или монетаризм, либерализм или дирижизм [3:4] – хотя нужны принципиально новые подходы, которые пока не найдены.

Неясными остаются вопросы новой финансовой системы и механизмов ее регулирования. Все говорят о провале принципов саморегулирования финансовых рынков, обвиняя в этом экономический либерализм вообще и Алана Гринспэна – в частности. Однако внятного понимания того, к какой модели регулирования следует перейти, не просматривается. Дискуссии пока ведутся на идеологическом уровне и, в основном, в парадигме XX в. – о провалах рынка или провалах государства, о кейнсианстве и монетаризме, о необходимости создания новых регулятивных органов в национальном или международном масштабах. Все это представляет определенный интеллектуальный интерес, но мало способствует продвижению к новой системе регулирования, отвечающей реалиям XXI в. Поскольку уровень понимания кризиса и инструментов противодействия ему остается в парадигме опыта прошлого, кризисов XX в., постольку и политика помощи экономическим агентам сориентирована больше на спасение «героев прошлого», чем на помощь росткам новой экономики [4:4].

По мнению автора, такое положение вещей является отражением принципиально нового состояния экономики и капитала в последние годы, накопившимися структурными и регулятивными дисбалансами, требующими новых научных подходов к пониманию их сущности.

Капитал, понимаемый автором как основное (центральное) производственное отношение рыночной экономики, с субстанциональной точки зрения представля-

ет собой материализованную в различных активах стоимость (ценность), находящуюся в постоянном ничем не ограниченном движении, сопровождающемся качественными и количественными изменениями в ее структуре, самовозрастающую и саморазвивающуюся. Движение капитала – это не только его кругооборот в процессе воспроизводства, но и трансформация из одной формы в другую. Автор статьи убежден, что постоянная смена форм, переход к более совершенным формам – это внутреннее сущностное свойство капитала.

Движение капитала сопровождается постоянной сменой форм его существования и материализации. Каждая вещественная форма материализации капитала обладает рядом ограничений, органически-имманентно присущих ей как материальному объекту. К числу таких границ можно отнести:

– натурально-вещественные, физические;

– пространственные (отраслевые, национальные географические);

– временные (скорость и периоды времени: вчера-сегодня-завтра);

– количественные (величина);

– качественные.

На определенном этапе развития капитала сами формы существования капитала могут создавать препятствия для его движения и дальнейшего развития. Необходимость преодоления этих границ формирует потребность в смене существующих форм капитала и появлении новых. Меняя форму существования, капитал переходит и в другое внутреннее состояние, сопровождающееся качественными изменениями и появлением новых свойств и особенностей.

Подобные процессы стали характерными для развития капитала в течение нескольких последних десятилетий на рубеже XX и XXI вв. Возникновение экономического кризиса всегда является следствием перенакопле-

ния капитала, которое в современную эпоху перешло в совершенно новое качество. Специфическим именно для последних десятилетий фактором усиления перенакопления капитала стало приоритетное развитие финансового сектора. В последние годы идет перелив ресурсов из сферы материального производства в иные сферы, где не создается ни материальных благ, ни средств развития человеческих качеств (финансовые спекуляции, многообразные формы посредничества, индустрия досуга, переразвитая сфера ВПК, бюрократический государственный и корпоративный аппарат). Приоритетное развитие этого сектора стало следствием перенакопления капитала в реальном секторе и вследствие обратных связей интенсифицировало это перенакопление.

Диалектичность данного процесса заключается, по мнению автора, в том, что для эффективного преодоления проблем реального сектора капиталу понадобилось оторваться от этого сектора, возвыситься над ним, перейти в новую сферу, трансформироваться в новую форму и перейти в качественно новое состояние. Он не мог далее эффективно применяться, принося хотя бы среднюю прибыль, в отраслях сферы материального производства, содействующих прогрессу производительных сил, и выплеснулся в финансовую сферу. Этот процесс, с одной стороны, открыл новые сферы экстенсивной экспансии капитала, с другой стороны – частично разрядил напряженность в реальном секторе. Но кроме этого породил принципиально новую – титульную или фиктивную форму существования капитала.

Появление новой формы существования привело к принципиальному изменению состояния капитала, которое заключается не только и не столько в опережающем росте финансового сектора, сколько в укреплении господства финансового капитала над всей остальной экономикой.

Это господство, пройдя через период некоторых ограничений в середине XX в., ныне стало еще более

значимым, изменив характер функционирования капитала. С одной стороны, как разновидность финансового капитала, опирающегося на власть гигантских корпораций, сращенных к тому же с мощнейшими государствами мира, фиктивный капитал обрел гораздо большую устойчивость. С другой стороны, он еще больше оторвался от своей материальной основы, капитала тех сфер, где рождается стоимость, стал виртуальным. На практике это превращение приняло вид явления, названного учеными США и Европы финансиализацией [5:22].

Наиболее значимые чертами этого явления выступают:

– количественный и качественный сдвиг в пользу финансового сектора (растущие опережающими темпами объемы трансакций, более высокая норма прибыли, отток сюда основных ресурсов, создание новых институтов);

– определяющее влияние этого сектора на всю систему аллокации ресурсов и координат (направление потоков инвестиций, принятие решений, структура цен во всей экономике определяется ныне АО многом конъюнктурой финансового сектора. Кроме того, приоритетное развитие финансового капитала вызвало волну дерегулирования, финансовые спекуляции стали «регулятором» субститутом государственного воздействия на экономику;

– существенные изменения отношений собственности (система прав собственности на постоянно «странствующий» фиктивный капитал – тема особого исследования) и распределения дохода;

– вся система общественного воспроизводства приобрела многие специфические черты, среди которых – резко возросшая зависимость этого процесса от случайных факторов, рисковость, нестабильность экономической системы, «шот-термизм», – черты, давшие содержательные основания для того, чтобы назвать эту систему «казино-капитализм».

Как таковой, фиктивный капитал отныне живет в виртуальной среде, оторван от любого материального носителя. Он постоянно движется, причем с очень высокой скоростью. Вследствие этого ему свойственны постоянная смена субъекта собственности и размытость, диффузия прав собственности. Он утратил такие характерные особенности, как управляемость, планомерность процесса внутренней жизнедеятельности (управление фирмой для виртуального капитала заменятся игрой на биржах, где господствуют не собственники акций а «рейн-меркеры» [6:122]. Его величина, эффективность зависят в первую очередь не от качества продукции и издержек ее производства, а от случайных факторов, от постоянно изменяющейся конъюнктуры рынков фиктивных бумаг. Он отрывается от реального процесса поиска наиболее эффективных решений производства товаров и услуг и превращается в относительно самодостаточный мир спекуляций.

Этот капитал не имеет более некоторой локализации в пространстве и во времени экономической жизни. Он, говоря языком Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «детерриторизован», не имеет «прописки», «земли», к которой он был хоть как-то привязан. Как таковой, он легко уходит из-под любого – национального и международного – государственного регулирования. И в то же время он оказывается виртуален двояко – с «технологической» точки зрения (живет в компьютерных сетях) и с точки зрения вероятности.

Виртуальный фиктивный капитал, достигнув невероятных масштабов еще двадцать лет назад, превратился в своеобразный «черный ящик», живущий относительно независимо от системы общественного воспроизводства. Это именно «черный ящик», изменения в его структуре и величине происходят быстро, он столь вездесущ, что познание его внутреннего строения, системы взаимодействий и т.п. представляет принципиально не-

разрешимую задачу. Известно лишь, что он некоторым образом (но не всегда) реагирует на некоторые внешние раздражители (регулирующие меры крупнейших государств и международных финансовых институтов). Теоретически и практически выверенной модели жизнедеятельности этого «ящика» нет. Как «черный ящик», он способен продолжать относительно стабильно функционировать, но может породить и финансовый кризис.

Процессы генезиса нового качества экономики XXI в. неслучайно оказались «завязаны» на два феномена – глобализацию и развитие современных технологий. Оба эти процесса вызвали к жизни феномен виртуального фиктивного капитала. Финансовый рынок в условиях глобализации является мировым и лишь отчасти зависит от регулирования, которое осуществляется преимущественно на национальном уровне.

Фиктивный капитал «живет» исключительно как некий знак возможного получения прибыли и имеет свою стоимость только как производная нескольких параметров, весьма далеких от процесса создания стоимости.

Этот капитал фиктивен не в том смысле, что он нереален, а в том, что перед нами реальность особого рода. Такой капитал по своей природе количественно и качественно не определен. Он не может быть определен количественно, поскольку в принципе неизвестно и не может быть даже приблизительно оценено, какова его действительная величина, то есть стоимость, выраженная в денежном эквиваленте. Известна лишь постоянно изменяющаяся оценка, зависящая не от стоимости данного «товара». Существенно изменились отношения собственности, став системой прав собственности на постоянно «странствующий» фиктивный капитал и распределение дохода.

Финансовый рынок, где живут «виртуальные деньги», является мировым и лишь отчасти зависит от регулирования движения денег в «узком смысле слова»,

которое осуществляется преимущественно на национальном уровне. Роль мировых денег выполняет сложно организованная система некоторых национальных валют и их агрегатов (евро). Прилагательное «сложно» здесь значимо – степень сложности системы такова, что она становится принципиально закрытой для отслеживания ее жизнедеятельности и сознательному воздействию поддается только как «черный ящик», причем с лишь вероятностно прогнозируемым «выходом» в ответ на определенный вход.

Новые явления в экономике вывили неадекватность существующих представлений и подходов для их анализа в экономической науке, а также моделей экономического поведения субъектов.

С. Гуриев и О. Цылинский пишут о том, что математический аппарат символов и формул стал за последние 50 лет «языком экономики», произошел своеобразный перекос, когда главным в экономических исследованиях стали символы, а не идеи, которые они должны выражать.

Кроме математизации важнейшим методологическим инструментом стали абстрактные экономические модели. Абстрактное мышление, или обобщение, выделение того, что действительно важно – необходимая составная часть процесса познания. Мир вокруг и экономика настолько сложны, что без упрощений и обобщений, абстракций просто нельзя понять, что же действительно важно. Слишком подробные модели невозможно анализировать. Абстрактные модели могут объяснить, описать и предсказать изменения глобальных макроэкономических процессов, они не настолько удалены от реальности, как это может показаться на первый взгляд. Но такие модели тоже не должны быть панацеей. Современные исследования должны быть посвящены как раз изучению отклонений от идеальных макроэкономических моделей и идеального, рационального поведения людей: экономическая политика в условиях ограничен-

ной информации, поведение фирм и инвестиций в неидеальных условиях, ограниченная информация в моделях занятости. Современная макроэкономика далеко ушла от экономики 1970-х с ее идеальными, однородными, всезнающими и рациональными экономическими агентами. Многие валютные и банковские кризисы происходят вследствие неединственности равновесий, при которых экономика может непредсказуемо переключаться из одного равновесного состояния в другое [7:4].

Новое мышление предопределило изменения в поведении экономических субъектов. Сформировался особый тип человеческого поведения – ориентация на финансовые транзакции как главный способ жизнедеятельности. По мере развития финансиализации «homo finansus» становится едва ли не господствующим типом личности (причем это характерно не только для предпринимателей, но и для потребителей) [8:14].

В современной культурологи отмечается появление феномена «Человека играющего» («Homo Ludens»), на который указал нидерландский историк Йохан Хейзингер [9:146]. Для такого типа личности ведущим мотивом жизнедеятельности является игра на финансовом рынке.

В литературе также отмечается, что держателей акций (shareholder) в классическом понимании этого слова сегодня уже нет, остались только жонглеры акциями (shareturner). Большинство из них – профессиональные инвесторы, которых судьба компании вообще не интересует. Они приходят на генеральное собрание пайщиков и голосуют за себе подобных. Спустя пару недель они свои бумаги продают [10:5].

Автор убежден, что гносеологическими и интеллектуальными корнями отмеченных выше перекосов как в научном мышлении, так и в экономическом поведении субъектов нынешнего кризиса является **постмодернизм** – такое состояние культуры, которое подразумевает замену разумного начала интуицией, чувствами, иллюзиями. Мир стал

таким сложным, что многие управляющие им не знают, как он устроен, происходит отход от рациональной культуры нового времени, постмодернистское презрение к реальности, а продажа инноваций в финансовой сфере – превратилась в уход от реальных ценностей. Отсюда любые ценности, включая и финансовые, стали рассматриваться как нечто относительное и, по большому счету, абсурдное. Весь мир стал рассматриваться преходящим и далеким от реальности [11:4]. Чрезмерно сложные инструменты и не подлежащие точным оценкам риски стали возможны в силу культурной предрасположенности. Отсюда возникла всеобщая готовность к участию в бессмысленных рисках. Как отмечает А. Улюкаев. для многих инвесторов стала характерной иллюзия безрисковости, связанная с использованием деривативов, которая провоцировала «риск принятия рисков» (moral hazard) [12:4].

Важнейшей культурологической предпосылкой выработки адекватных научных представлений и соответствующих моделей поведения экономических субъектов должен стать возврат научных подходов к реализму, а в практической деятельности должно стать понимание того, что главным для выхода из кризиса должны стать не темпы экономического роста (которые могут порождать дисбалансы), а его устойчивость, безопасность, сбалансированность. То есть в триаде доходность, ликвидность надежность – приоритет сегодня должен принадлежать последнему [12:4].

Этот подход должен стать основным в построении новой системы экономического регулирования, отвечающей реалиям XXI в. Вопрос о новой модели регулирования является ключевой проблемой системных кризисов. Это должна быть модель, отражающая реалии современного мира, включая скорость распространения информации, глобальный характер информационных и финансовых потоков, наличие качественно новых инструментов финансового рынка.

Библиографический список

1. *Мау, В. Глобальный кризис и стратегические вызовы / В. Мау // Ведомости. – 2009. – 29 сент.*
2. *Мау, В. Кризисное развитие / В. Мау // Ведомости. – 2009. – 19 авг.*
3. *Мау, В. Вызовы будущего / В. Мау // Ведомости. – 2009. – 12 авг.*
4. *Мау, В. Проблема выхода / В. Мау // Ведомости. – 2009. – 26 авг.*
5. *Бузгалин, А. В. Деньги XXI века: виртуальный фиктивный финансовый капитал / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // www. alternativy.ru.*
6. *Бузгалин, А. В. Глобальный капитал / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – М.: УРСС, 2004. – 512 с.*
7. *Гуриев, С. Дело ученых / С. Гуриев, О. Цывинский // Ведомости. – 2010. – 29 сент.*
8. *Мировой экономический кризис и сценарии посткризисного развития: марксистский анализ // www. phlignikova.ru*
9. *Хейзингер, Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзингер ; пер. с нидерланд. – М.: Прогресс-Академия, 1992 .*
10. *Хакхаузен, Й. Капитализм также себя не оправдал как и социализм / Й. Хейзингер // РБК daily. – 2009. – 17 июля.*
11. *Харольд, Д. Алхимики финанасов / Д. Харольд // Ведомости. – 2009. – 8 июня.*
12. *Улюкаев, А. Дело не в буквах / А. Улюкаев // Ведомости. – 2009. 18 сент.*

В.Н. Вареник (Украина) **V.N. Varenik (Ukraine)**

ДОСТИЖЕНИЕ ПОЗИТИВНОГО САЛЬДО ТОРГОВОГО БАЛАНСА УКРАИНЫ КАК МЕТОД ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА В ПРОМЫШЛЕННОМ СЕКТОРЕ (МЕТАЛЛУРГИЯ)

ACHIEVEMENT OF POSITIVE BALANCE OF BALANCE OF TRADE OF UKRAINE AS A METHOD OF OVERCOMING OF CRISIS IN AN INDUSTRIAL SECTOR (METALLURGY)

The analysis of influence of crisis on metallurgical industry of Ukraine is conducted. The state of balance of payments of Ukraine is analysed. The methods of exit from the metallurgical crisis of other countries are investigated. Recommendations in decision of this problem in metallurgical industry are given, that will result in achievement of positive balance of balance of payments of Ukraine.

Постановка проблемы

Платежный баланс является главным статистическим документом, который отображает внешнеэкономические операции государства. Его состояние имеет важные последствия для ее экономики. Состояние торгового и платежного баланса оказывает большое влияние на валютный курс и валютную политику государства. За последние годы в платежном балансе Украины наблюдается дефицит ресурсов, который негативно влияет на экономику Украины вцелом.

Торговый баланс или счет текущих операций является важной частью платежного баланса и отображает соотношение между экспортом и импортом страны. На сегодняшний момент сложилась ситуация, когда без решительных действий стране угрожает усиление кризиса на долгие годы. Поэтому вопрос относительно преодоления дефицита торгового баланса сегодня является актуальным и требует немедленных действий в решении этой проблемы.

Немаловажную роль в сальдо платежного баланса страны играет развитие и эффективность функционирования промышленного сектора, особенно металлургической отрасли в Украине. В силу последних событий 2008 г. эта отрасль понесла большие убытки из-за падения спроса на ее продукцию. Поэтому актуальным является рассмотрение вопроса о путях преодоления кризиса в этой отрасли.

Анализ последних исследований и публикаций

Анализ публикаций авторов, таких как И. Шелевецкий, Б. Буркинский, С. Савчук, Г. Простаков и др., свидетельствуют о том, что для выхода металлургическому комплексу Украины из кризиса недостаточно усилий только хозяйствующих субъектов, необходимы действия со стороны государства.

Цель исследования – проанализировать силу воздействия экономического кризиса на металлургическую отрасль Украины и предложить пути достижения положительного сальдо платежного баланса Украины для преодоления кризиса в металлургии.

Основные задачи исследования:

– произвести анализ глубины кризиса металлургической промышленности Украины;

– проанализировать сальдо платежного баланса Украины за 10 лет;

– проанализировать последствия отклонения сальдо торгового баланса в положительную или отрицательную стороны;

– предоставить рекомендации относительно возможных путей выхода металлургической отрасли Украины из кризиса;

– предложить пути достижения положительного сальдо торгового баланса в платежном балансе Украины.

Украина всегда славилась своей металлургической отраслью. На сегодняшний момент доля предприятий

горно-металлургического комплекса в ВВП государства составляет 27%, а 16 металлургических комбинатов и заводов Украины обеспечивают 15% рабочих мест в национальной промышленности.

Украинская металлургия является источником 12% налоговых и до 50% валютных поступлений в стране [9].

В 2007 г. производство чугуна в Украине составило 35,6 млн т, стали – 42,8 млн т, готового проката – 36,2 млн т, увеличившись на 4,7, 8,3 и 4,4% соответственно по сравнению с аналогичными показателями 2006 г. Общий объем реализованной металлургической продукции в прошлом году достиг 148,28 млрд гривен ($29,3 млрд), что составило около 27% украинского ВВП.

В международном рейтинге WSA (ранее IISI) Украина долгое время занимала 7-е место среди стран – производителей стали, а с 2005 г. (когда страну потеснила Индия) – 8-ю позицию с долей около 3% мирового рынка (рис. 1) [5].

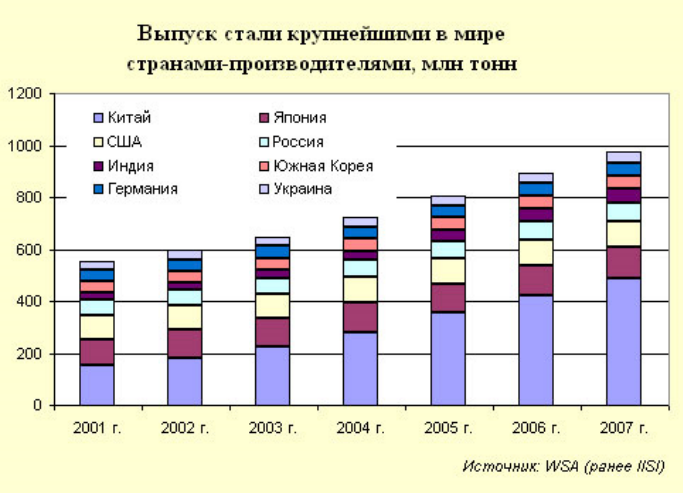

Рис. 1.
Выпуск стали наибольшими
в мире странами производителями, млн т [5]

После стабильной работы в первом полугодии 2008 г. в сталелитейной отрасли Украины начался спад производства, вплоть до остановки ряда основных цехов в сентябре и октябре.

В итоге среднесуточное производство чугуна, стали и готового проката в стране за июнь-сентябрь в 2008 г. снизилось на 32–34% и в сентябре в 2008 г. составило 71,7, 83,6 и 74,1 тыс. т соответственно (по сравнению с сентябрем 2007 г. снижение составило 26-29%).

По результатам февраля 2009 г. наблюдалась приостановка тенденции падения металлургического производства и производства готовых металлических изделий. Так, в феврале до февраля 2008 г. объем металлургического производства уменьшился на 40,7% (с января по январь 2008 г. – на 46%), а до января 2009 г. – вырос на 12,3% (в январе до декабря падение составляло 4,5%). Улучшение показателей отрасли связано, главным образом, с возобновлением работы металлургического комплекса после урегулирования вопроса относительно газоснабжения с РФ [5].

Причинами уменьшения производства в отрасли стали следующие факторы: потеря внешних рынков сбыта; усиление конкуренции со стороны китайских металлопроизводителей; существенное уменьшение внутреннего спроса на металлопродукцию; резкий прыжок цен на сырье и энергоносители (за 9 месяцев 2008 г. рост цен на железорудное сырье в Украине составил 72-130%, на кокс – 107%, на энергоносителе – на 37-48%); постоянное повышение внутренних железнодорожных тарифов и стоимости услуг по перевозке (за январь-сентябрь 2008 г. железнодорожные тарифы на перевозку проката выросли на 39-49%, на перевозку основных видов сырья – на 18-87%, на обработку грузов в портах – на 22-65%); технологическая отсталость производства стали; отток инвестиций из страны [9].

Сальдо платежного баланса во многом зависит от экспорта промышленности. От того, как в том или ином

году будет экспортироваться продукция страны зависит сальдо торгового баланса.

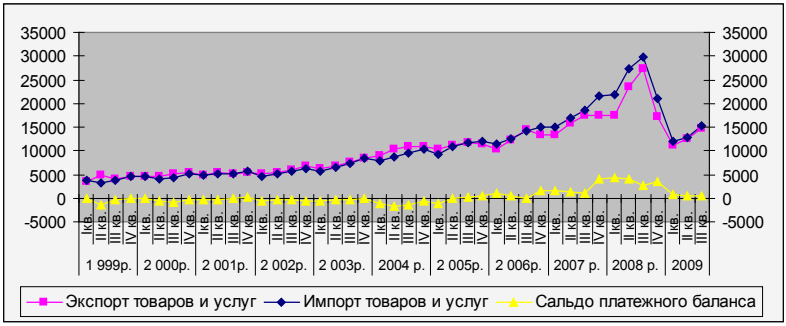
Стабильное позитивное сальдо баланса текущих операций укрепляет позиции национальной валюты и одновременно позволяет иметь крепкую финансовую базу для вывоза капитала из страны; стабильное негативное сальдо ослабляет позиции национальной валюты и подталкивает страну к большему привлечению иностранного капитала. Если подобный приток капитала осуществляется не через долгосрочные предпринимательские инвестиции (то есть прямые и портфельные), а через долгосрочные государственные и частные банковские ссуды и особенно с помощью чрезвычайного финансирования и роста внешних обязательств, то это ведет к быстрому увеличению внешнего долга страны и выплат по нему. Страна начинает жить в кредит.

Сильные колебания сальдо баланса текущих операций (в ту или иную сторону) вызывают неблагоприятные для страны последствия. Так, резкое увеличение позитивного сальдо создает базу для быстрого роста денежной массы и тем самым стимулирует инфляцию, а резкое увеличение негативного сальдо вызывает «обвальное» падение обменного курса, который вносит хаос во внешнеэкономические операции страны. Поэтому когда речь идет о равновесии платежного баланса, в центре внимания оказываются прежде всего дефицит текущего платежного баланса (если он образовался) и сильные колебания его сальдо.

Анализ торгового баланса Украины показывает, что это импортно-ориентированная страна. Как показывает рис. 2 за 9 анализируемых лет наблюдается рост экспорта и импорта товаров и услуг.

Характерными признаками анализируемого периода является то, что в интервалах с 1999 по 2004 г. экспорт и импорт осуществлялись практически на одном уровне с лидированием объемов экспорта, но в 2006 г. импорт значительно превышает экспорт.

Анализируя основные статьи платежного баланса Украины (рис. 3) видим, что позитивное сальдо счета текущих операций наблюдалось с 1999 по 2006 г. В 2006 г. впервые с 1999 г. зафиксировано отрицательное сальдо текущего счета платежного баланса в размере 1,6 млрд долл. США (-1,5% к ВВП), в 2005 г. оно было позитивным и составляло 2,5 млрд долл. США (2,9% к ВВП).

* Рассчитано автором на основе статистических данных

Рис. 2.

Объем экспорта и импорта товаров и услуг Украины за 1999-2009 гг.

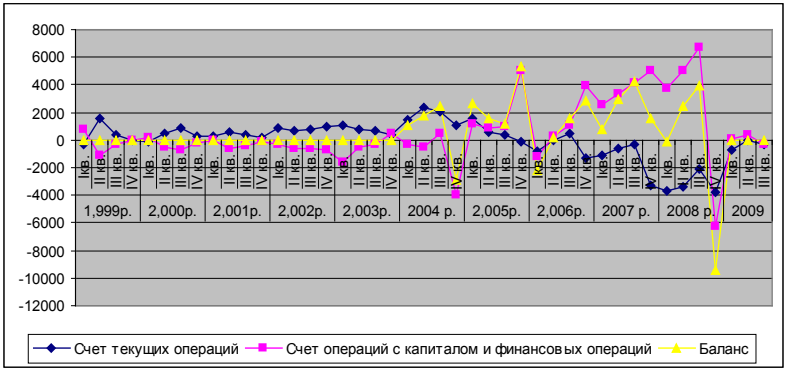

Рис. 3.

Основные статьи платежного баланса за 1999 – 2009 гг.

В целом за 2008 г. отрицательное сальдо текущего счета платежного баланса увеличилось до 11,9 млрд долл. США или 6,7% от ВВП (сравнительно с 5,3 млрд долл. США и 3,7% от ВВП в 2007 г.) в первую очередь из-за роста дефицита товарного баланса (до 16 млрд долл. США) и отрицательного сальдо доходов (до 2 млрд долл. США).

В III квартале 2009 г. через формирование дефицита текущего счета и увеличения дефицита финансового счета отрицательное сальдо платежного баланса выросло до 4,9 млрд долл. США (в сравнении с 2,0 млрд долл. США во II квартале). Отрицательное сальдо текущего счета было в первую очередь обусловлено существенным увеличением объемов импорта энергоресурсов и некоторым оживлением внутреннего спроса на неэнергетический импорт. Формирование высокого дефицита по финансовому счету (4,5 млрд долл. США) было результатом продолжения чистого погашения внешней задолженности частным и государственным секторами в значительных объемах и возобновление прироста наличной валюты вне банковской системы при относительно низких объемах притока прямых иностранных инвестиций. Сводный дефицит платежного баланса был полностью профинансирован за счет ресурсов МВФ, что позволило даже увеличить объем резервных активов на 411 млн долл. США [6].

На сегодняшний момент всех тревожит ситуация по поводу отрицательного сальдо торгового баланса и эксперты предлагают использовать такой метод, как протекционизм, но не тот, который был раньше.

За прошлые 25-30 лет через Международный валютный фонд (МВФ) и Мировой банк богатые страны навязали торговый либерализм многим странам, которые развиваются, и проповедовали им свободную торговлю, для того чтобы захватить как можно большие доли их рынков и не допустить появления конкурентов.

Сами же основатели свободного рынка и свободной торговли – Британия и США – стали богатыми в результате рецептов, которые противоречат их сегодняшним ценностям.

Свободная торговля – это не больше, чем риторика. Последние два века были борьбой одних протекционистов с другими. Британия, которую считают образцом свободной торговли, всегда защищала своих производителей.

Сегодня все страны в большей или меньшей мере страдают от мирового финансово-экономического кризиса, следовательно, уже не скрывают применения протекционизма. Например, Президент Франции Николя Саркози пообещал двум наибольшим французским автомобилестроителям «Рено» и «Пежо Ситроен» 6 млрд. евро государственной ссуды на пять лет. Главные условия государственной поддержки: не закрывать заводы, не сокращать рабочие места во Франции и не выносить производство за пределы страны [3].

Китай пытается расширить внутренний рынок, где сегодня потребление составляет 35% к ВВП по сравнению с 70% в США. Здесь есть много пространства для роста. Китай активно ведет политику на слияние и поглощение металлургических предприятий. Эта отрасль слишком фрагментирована (больше 300 предприятий), что привело к перепроизводству и проблемам с регулированием. В результате, цены на сталь пошли вниз, а на железную руду, напротив, начали расти. Китай планирует до 2015 г. довести концентрацию мощности до 100 млн т стали в год в одной компании. Десять наибольших компаний отрасли до 2020 г. должны производить 75% металла. Для сравнения, Arcelor Mittal произвел в 2008 г. 101,6 млн т стали. Наибольшая компания КНР – лишь 35,4 млн т [2].

Протекционизм – это обычная защита государством своих интересов. Но сегодня протекционизм считается агрессивной политикой по отношению к другим странам

– он провоцирует в ответ агрессивные мероприятия с их стороны – предупреждают либеральные экономисты и приводят пример из истории, когда в 1930-х гг. Конгресс США повысил пошлину на тысячи ввозных товаров. В ответ Европа и Латинская Америка приняли подобные меры относительно американских продуктов. В результате произошло падение на две трети всей мировой торговли, которое только углубило кризис.

К протекционизму США обращаются и сегодня. В конце января в 2009 г. палата представителей США одобрила конъюнктурный пакет в 820 млрд долл., который для развития инфраструктуры требует использовать железо или сталь исключительно внутреннего производства [3].

Но сегодня ведущие экономики медленно, но уверенно увеличивают барьеры протекционизма через субсидии и местные программы госзаказов – невзирая на запугивание адептов свободной торговли, что любые движения к протекционизму будут «спусковым крючком» торговой войны, которая разрушит мировую систему торговли, как это произошло в 30-е гг. прошлого века. Однако это неверное прочтение истории, считает известный экономист Ха-джун Чанг, преподаватель Кембриджского университета и автор книги «Плохие самаритяне: богатые государства, плохая политика и угроза миру, который развивается». Переход к политике протекционизма в последепресивный период был намного менее драматичным, чем об этом говорят [3,8].

В течение последней четверти века богатые страны сделали все возможное, чтобы сделать невозможным применение мероприятий протекционизма для стран с «детскими» экономиками. Они требуют от этих стран придерживаться торгового либерализма – и это является условием для предоставления им помощи, кредитов от международных финансовых организаций, которыми они же и управляют. Они толкают к все большим ограничениям таможенных тарифов, субсидий, к уменьшению

регулирования иностранных инвестиций и других мероприятий, которые необходимы странам, которые развиваются, для поддержки их отраслей экономики.

В классическом понимании протекционизм (от латинского protectio – покровительство, защита) трактуется как «государственная политика, направленная на поощрение отечественной экономики, ее защиту от иностранной конкуренции, на расширение внешних рынков». В историческом разрезе политика протекционизма широко применялась на этапе начального нагромождения капитала, поскольку содействовала ускоренному развитию промышленности и концентрации капиталов. Разнообразные мероприятия протекционистской политики (таможенные тарифы, квоты, антидемпинговые санкции и тому подобное) широко применяются развитыми странами и сегодня, в чем уже убедилась и Украина (антидемпинговые процессы против украинских металлургов в США и Мексике, жесткое ограничение импорта украинского текстиля в Европу и тому подобное). По подсчетам специалистов МЗЕЗторг с 1992 г. украинские предприятия потеряли от антидемпинговых санкций 1-1,5 млрд долл. США. Осенью 1999 г. 13 стран мира по 26 товарным группам осуществляли против Украины свыше 100 антидемпинговых расследований. Вопреки требованиям экономической безопасности Украины мировые финансовые организации и иностранные торговые партнеры навязывают ей такой беспрецедентно либеральный режим внешней торговли, который в условиях кризиса внутреннего рынка откладывает на неопределенный срок полноценное участие страны в европейском и мировом делении труда.

Протекционизм на современном этапе следует рассматривать как государственную экономическую стратегию в виде комплекса взаимосвязанных, обоснованных и реалистичных мероприятий, которые сформированы на качественно новых принципах. По мнению экспер-

тов, стратегию экономического протекционизма целесообразно понимать как комплекс мероприятий по обеспечению средствами государства равноправной конкуренции на внутреннем рынке Украины.

Комплекс мероприятий экономического протекционизма должен включать: институционно правовой протекционизм (защита собственности и прав владельцев, защита инвестиций, максимальное упрощение процедуры учреждения бизнеса, юридическое обеспечение развития рыночных институтов); монетарный протекционизм (защита стабильности денежного обращения и системы расчетов, стимулирования капиталооборота, обеспечение хозяйственной деятельности достаточным объемом платежных средств и кредитных ресурсов); фискальный протекционизм (налоговое стимулирование приоритетных секторов экономики, бюджетное стимулирование экономической активности); ценовой протекционизм (снижение тарифов на продукцию естественных монополий, установление ограничений рентабельности на основные затратоемкие товары); социальный протекционизм (защита и повышение доходов и стандартов потребления населения); внешнеэкономический протекционизм (защита внутреннего рынка от неравноправной конкуренции со стороны импортных товаров с применением механизма таможенных тарифов, квот, антидемпинговых процедур, технического регулирования и тому подобное) [8].

Выводы

Для того, чтобы достичь позитивного сальдо торгового баланса нужно прежде всего повысить экспорт и снизить импорт. Проведение протекционистских мероприятий, которое приведет к закрытию границ для других предприятий и повысит значимость украинского производителя в области металлургии.

На микроуровне существуют следующиее проблемы в металлургической отрасли: устаревшие основные фонды на заводах; отсутствие передовых технологий, так как все «умы» выехали в США; низкая квалификация рабочей силы; низкая оплата труда, что приводит к низкой мотивации персонала к развитию.

Основные пути выхода из кризиса в металлургической отрасли следующие: замена основных средств на более качественные, более мощные; переориентация ассортимента продукции на более рентабельную или такую, которая имеет спрос; сохранение крупных украинских компаний, аналогично опыту Франции, их поддержка, чтобы они не выносили производство за пределы страны, не закрывали заводы, не сокращали рабочие места; регулирующая политика государства: максимально закрыть границы для импорта; пересмотреть свои позиции в ВТО. На сегодняшний момент Украина еще не готова для такой торговли; налоговые льготы для предприятий с целью формирования внутренних основных фондов (например, предприятия Германии используют только внутренние основные фонды для развития внутреннего рынка и внутреннего производителя); продумать политику вступления в ВТО. Украине стоит настаивать на оптимальном сочетании либерализма и протекционизма в режиме торговли и инвестиций. К тому же, в рамках самой ВТО после проведенной в Канкуне (в 2003 г.) министерской конференции обозначилась определенная тенденция к учету особенностей развития экономики отдельных участников этой организации. В частности, влиятельные политики и эксперты уже подают сомнению целесообразность унифицированного подхода, положенного Уругвайским раундом в основу согласования режимов деятельности иностранного капитала. При таких обстоятельствах нам целесообразно было бы воспользоваться опытом переговорного процесса России, которая настаивает на индивидуальном подходе к ре-

шению пакета противоречивых вопросов; пересмотреть свои позиции на мировых рынках, укреплять эти позиции и становиться весомыми конкурентами других стран; использовать только свою металлургическую продукцию для производства Украины.

Библиографический список

1. *Официальный сайт аналитического центра «Академия» // http://www.academia.org.ua /?p=336.*
2. *Официальный сайт благотворительной организации президентского фонда Леонида Кучмы «Украина» // http:// www.kuchma.org.ua.*
3. *Официальный сайт газеты «Народный обозреватель» // http://observer.sd.org.ua/ news.php?id=16497.*
4. *Официальный сайт журнала «Эксперт» // http://expert. ua/articles/9/0/6656/.*
5. *Официальный сайт министерства экономики Украины // http://me.kmu.gov.ua.*
6. *Официальный сайт НБУ // http://bank.gov.ua.*
7. *Официальный сайт новостей Лига // http://news.liga.net/ news/N0853942.html.*
8. *http://kimo.univ.kiev.ua/MEO/48.htm.*
9. *http://www.marketing-ua.com/articles.php?articleId=1484.*

З.С. Пестовская
(Украина)

Z.S. Pestovskaya
(Ukraine)

НАПРАВЛЕНИЯ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ МЕСТНЫМИ ФИНАНСАМИ

DIRECTIONS OF CRISIS MANAGEMENT OF LOCAL FINANCES

During the formation and development of local self-government in Ukraine has accumulated a rich and varied experience with life support of the population, the provision of various social services. However, local authorities have not yet acquired sufficient stability and sustainability. In many regions the crises that affect the level and quality of life are due to poor management, lack of financial, material and information resources. In this regard, particular relevance is the problem of developing effective mechanisms for crisis management at the municipal level, aimed at preventing and neutralizing the crisis.

За время становления и развития местного самоуправления в Украине накоплен богатый и разносторонний опыт, связанный с обеспечением жизнедеятельности населения, оказанием различных социальных услуг. Однако органы местного самоуправления еще не обрели достаточной стабильности и устойчивости. Во многих регионах вследствие неэффективного управления, дефицита финансовых, материальных и информационных ресурсов существуют кризисные явления, влияющие на уровень и качество жизни населения.

В этой связи особую актуальность приобретает проблема разработки эффективных механизмов антикризисного управления на муниципальном уровне, направленных как на предупреждение, так и на нейтрализацию кризисных ситуаций. Эта проблема еще мало изучена. Большинство исследователей дают узкое толкование

термина «антикризисное муниципальное управление», зачастую связывая его только с мероприятиями по финансовому оздоровлению муниципальных предприятий. На самом деле эта проблема шире. Объектом антикризисного управления должно являться муниципальное образование как единый территориально-хозяйственный комплекс, а субъектом управления – местные и региональные органы власти.

Проблемам антикризисного управления местными финансами уделяли внимание российские ученые: В.В. Иванов и А.Н. Коробова, Э.М. Коротков, Д.В. Валовой, Е.М. Трененков, Э.С. Минаев и В.П. Панагушин, В.В. Ковалев, А.Н. Ряховская. В украинской финансовой науке эти вопросы рассмотрены не так досконально. Данная статья направлена на обоснование научно-методических положений и практических рекомендаций по организации антикризисного управления муниципальными образованиями, оценки степени и причин кризисного положения местного самоуправления и предложение направлений выхода из кризисного состояния. В ходе работы использовались абстрактно-логический, монографический, сравнительный и экономико-статистический методы исследования.

При диагностике несостоятельности муниципального образования необходимо обратить внимание на оценку состояния двух различных объектов – муниципальной власти и предприятий и организаций, составляющих муниципальное хозяйство [2:78].

Для создания и запуска механизма антикризисного управления важно оценить состояние ресурсного потенциала региона. Задача местной администрации – разработать пошаговый алгоритм антикризисного управления, классифицировать кризисные ситуации, разработать методы прогнозирования и диагностики кризиса, набор механизмов устранения неплатежей, участия администрации в процедурах банкротства. Финансовое со-

стояние предприятий напрямую влияет на местные бюджеты, которые, в свою очередь, являются индикаторами экономического состояния региона.

Для понимания сущности антикризисного управления регионом необходимо выявить особенности проявления кризисов, учитывая сложившуюся систему разграничения полномочий между областными и городскими органами власти, систему межбюджетных отношений и новую модель организации местного самоуправления [4:54].

Ст.ст. 106, 111, 112 Бюджетного кодекса РФ (подобные ограничения необходимо ввести и в Бюджетный кодекс Украины) предусматривают предельные величины основных параметров местного бюджета [8:61]:

1) предельный размер долга не должен превышать величину доходов бюджета без учета финансовой помощи из бюджетов других уровней;

2) предельный размер расходов на обслуживание долга не должен превышать 15% от расходов бюджета;

3) размер дефицита местного бюджета не может превышать 10% объема доходов без учета финансовой помощи из бюджетов других уровней.

В целях диагностики и разработки адекватной антикризисной стратегии можно применить упрощенную классификацию кризисов [4:82.

1. По причинам возникновения.

1.1. Стратегический кризис – возникает при потере администрацией стратегического видения проблем развития территории, при отказе переходить на рыночные методы хозяйствования (долгосрочный).

1.2. Кризис «успеха» – возникновение неплатежеспособности в связи с недостатками менеджмента; необоснованный рост расходов бюджета и необходимость использования заемных средств (среднесрочный).

1.3. Кризис неплатежеспособности: муниципальное образование не способно погасить свои долги. Причи-

на – несвоевременное поступление средств в местный бюджет от других уровней бюджетной системы, разовые незапланированные расходы бюджета, необходимость формировать резервные фонды (краткосрочный).

2. По природе.

2.2. Экономические. Причина – нерациональное использование ресурсов (трудовых, природных, земельных, производственных) или их недостаток, физический и моральный износ основных фондов, низкая квалификация рабочих и управленческих кадров, низкая инвестиционная привлекательность региона.

2.3. Бюджетно-финансовые: низкая налоговая база местного самоуправления, несвоевременное или неполное поступление налогов и сборов, высокий уровень заимствований, низкая платежная дисциплина, прямые нарушения финансовой дисциплины, выполнение местной властью отдельных государственных полномочий без соответствующей финансовой или имущественной поддержки.

2.4. Общественно-политические кризисы возникают из-за неадекватной политики местных властей, внутренней борьбы между политическими силами, утраты контроля над ситуацией со стороны главы администрации.

2.5. Социальные кризисы связаны с национальными, этническими, религиозными конфликтами, а также с высоким уровнем безработицы, резкой дифференциацией доходов населения и невозможностью получить весь пакет социальных услуг по минимальным социальным стандартам.

2.6. Экологические кризисы возникают вследствие стихийных бедствий, природных и техногенных катастроф, неадекватного воздействия человека на окружающую среду и непринятия своевременных мер по ее защите.

Принципы антикризисного управления территорией определим так:

1. Принцип единства целей управления на разных уровнях иерархии.

2. Принцип адекватности. Методы разработки и принятия решений должны соответствовать реальной ситуации. Антикризисные управляющие должны обладать более высоким уровнем квалификации, чтобы быстро и адекватно реагировать на изменение факторов, влияющих на развитие территории.

3. Принцип системного подхода к решению поставленных задач. Для управления совокупностью функциональных, обеспечивающих и предметных подсистем (подсистемы антикризисного управления собственностью, жилищно-коммунальным хозяйством, градообразующими предприятиями, социальной сферой) необходимо постоянно анализировать политические, социальные, экономические, финансовые, экологические, правовые и техногенные факторы, которые влияют на каждую из этих подсистем и в совокупности обеспечивают устойчивое развитие территории.

4. Принцип целенаправленности. Необходим план финансового оздоровления территории, в основе которого – обеспечение текущих платежей, накопление финансовых средств, достаточных для того, чтобы всё-таки рассчитаться с ранее возникшей и «замороженной» на момент введения особого режима кредиторской задолженностью, недопущение возникновения задолженности в будущем.

5. Принцип ведущего звена. Необходимо выбирать реально достижимые цели. Как правило, приоритет принадлежит обеспечению текущих платежей.

6. Принцип оптимальности. Одним из критериев должен стать бюджетный эффект – разница между доходами, полученными по результатам антикризисной программы, и расходами на ее разработку и реализацию.

Для анализа финансового состояния региона и определения интегрального уровня конкурентоспособности региона [6:25], можно использовать следующую систему показателей (табл. 1):

Таблица 1

Показатели для определения уровня конкурентоспособности региона

I. Показатели эффективности использования ресурсов региона
1 Объем валового внутреннего продукта
2 Темпы изменения объема валового внутреннего продукта
3(-) Число убыточных предприятий
4 Объем розничного товарооборота
5 Экспорт и импорт продукции
6 Обеспеченность региона автомобильными дорогами с твердым покрытием
7 Объем природных запасов нефти и газа (углеводородных ресурсов) в регионе
8 Наличие природных ресурсов, кроме углеводородных
9 Географическое положение региона по отношению к внешнеторговым выходам
II. Показатели жизненного уровня населения региона
10 Обеспеченность населения жильем и/или инвестиции в жилье
11 Средняя заработная плата работников
12(-) Уровень безработицы
13(-) Величина прожиточного минимума
14 Объем платных услуг для населения
15 Уровень доходов населения региона
16(-) Доля малоимущего населения
17(-) Уровень преступности
III. Показатели инвестиционной привлекательности региона
18 Инвестиции в основной капитал, всего
19 Инвестиции на 1 грн. валового регионального продукта
20 Темп роста инвестиций
21 Инвестиции на 1 жителя
22(-) Уровень политической стабильности в регионе

Интегральный (сводный) коэффициент, обобщающий данные всех частных показателей по формуле многомерной средней, не должен зависеть от размеров территории или численности населения региона. Поэтому все частные признаки выражаются относительными величинами – душевыми, темповыми, долевыми, а иногда – балльны-

ми оценками. Интегральный коэффициент предлагается рассчитывать по формуле средней геометрической:

$$K_{\text{ин}_i} = \sqrt[3]{K_{\text{и}_i} * K_{\text{р}_i} * K_{\text{р}_i}} .$$

На основе того, что региональная конкурентоспособность оценивается тремя группами коэффициентов, для характеристики конкурентного положения региона предлагается построение трех матриц:

1. «Уровень эффективности использования ресурсов – уровень жизни».

2. «Уровень инвестиционной привлекательности – эффективность использования ресурсов».

3. «Уровень инвестиционной привлекательности – уровень жизни».

Можно свести все три параметра воедино с разделением по уровню оценки 0 – низкая (0) или высокая (1) – в отношении среднего по сравниваемым регионам значения. Эту систему оценки можно представить в виде таблицы 2.

Таблица 2

Интегральная оценка параметров конкурентоспособности

Группа	Уровень жизни	Эффективность использования ресурсов	Инвестиционная активность и привлекательность	Характеристика группы
1	1	1	1	Высокоэффективное сбалансированное развитие
2	0	1	1	Несбалансированное эффективное развитие
3	1	0	1	Жизнь и развитие за счет других
4	1	1	0	Остановленное развитие или забота о сегодняшнем дне
5	0	0	1	Потенциальные территории
6	0	1	0	Эксплуатируемые территории
7	1	0	0	Жизнь за счет других
8	0	0	0	Кризис

Рассмотрим состояние исполнения бюджета г. Киева в 2007-2009 гг. и определим наличие кризисных явлений на основе отчета Главного финансового управления Киевской городской государственной администрации (КГГА). В 2009 г. в бюджет города поступило 12,6 млрд грн. (план – 20,2 млрд грн., то есть план по доходам выполнен на 62%). (Доходная часть горбюджета-2008 была выполнена на 83%, что составляло 20,4 млрд грн.). План по расходам выполнен на 71% (14,7 млрд грн. против 20,7 млрд грн.), а в 2008 г. город потратил 21,4 млрд грн. (81% плана). В итоге дефицит составил 2,1 млрд грн., что соответствует бюджету любого из остальных украинских городов-миллионников (таблицы 3, 4).

В первоначальном проекте городского бюджета (февраль 2009 г.) доходная часть бюджета предполагалась в размере 15,61 млрд грн., расходная – 15,59 млрд грн. Позже внесли более 100 поправок, после чего Киевсовет в начале марта утвердил горбюджет с доходами в 18,2 млрд грн. и расходами в 18,1 млрд грн. Позже доходная часть по сравнению с первоначальным вариантом увеличилась на 4,59 млрд грн., расходная – на 5,1 млрд грн.

Из-за финансового кризиса поступления в рамках всех статей доходной части бюджета должны были существенно уменьшиться, но это не было учтено. Так, план поступлений от сбора налога с доходов физлиц (НДФЛ) в 2009 г. был лишь на 190 млн грн. меньше факта выполнения этой статьи в 2008 г. По данным Госкомстата, средняя зарплата в Киеве в 2009 г. по отношению к 2008 г. почти не изменилась – 3015 грн. против 3070 грн. Но существенно сократилось количество рабочих мест, а задолженность по выплате зарплаты, наоборот, увеличилась. В 2009 г. в столице потеряли работу около 180 тыс. чел., из которых 50 тыс. чел. работали официально, т.е. платили налоги. А по данным все того же Госкомстата, по состоянию на 1 января 2010 г. задолженность по выпла-

те зарплат в столице составляет 140 млн грн., что почти в 2 раза больше, чем за аналогичный период пришлого года. Хотя благодаря активности сотрудников районных налоговых инспекций план удалось выполнить на 86% (в прошлом году этот показатель составлял 85%).

Собственно, 8,35 млрд. грн. поступлений от НДФЛ составили 75% доходов столичной казны. Для сравнения: в 2008 г. от НДФЛ поступило около половины всех доходов. То же и со сбором платы за землю. Уже при утверждении горбюджета было понятно, что собрать запланированные 1,33 млрд грн., при том что в 2008 г. по этой статье поступило лишь на 150 млн грн. меньше, не представляется реальным. Но мэрия не учла того, что арендные ставки на землю в ближайшее время будут лишь снижаться, и, как следствие, недобрала без малого 400 млн грн. Согласно плану сбора неналоговых поступлений, основная часть доходов в рамках этой статьи (2,9 млрд. грн. из 3,4 млрд грн.) должна была поступить от «других поступлений». Наполнить эту статью предполагалось за счет введения дополнительных сборов – платы за вход на кладбища, въезд на территорию столицы автомобилей, не зарегистрированных на ее территории, и т.д. В итоге, в рамках «других поступлений», горбюджет пополнился лишь на 6,4 млн грн., или 0,2 % плана. А всего неналоговых поступлений вместо запланированных 3,4 млрд грн. собрали 113 млн грн. (в 2008 г. – 500 млн грн. при плане в 680 млн грн.) [1].

В специальный фонд горбюджета для финансирования капитальных расходов собрано меньше половины плана – 2,06 млрд грн. против 4,6 млрд грн. (из-за невыполнения плана поступлений от продажи земли). Земельных аукционов в прошлом году почти не проводили, вместо этого Киевсовет регулярно пытался раздать земли в долгосрочную аренду, принимая соответствующие решения. В итоге, от продажи земли поступило 469 млн грн. при плане в 1,84 млрд грн. А план поступлений от продажи земли лег-

Таблица 3

Основные статьи доходов бюджета г. Киева в 2007-2009 гг. (по данным Главного финансового управления КГГА)

Статья доходов	Бюджет-2007			Бюджет-2008			Бюджет-2009		
	План, млрд грн.	Факт, млрд грн.	Выполнение, %	План, млрд грн.	Факт, млрд грн.	Выполнение, %	План, млрд грн.	Факт, млрд грн.	Выполнение, %
Налог на доходы физ. лиц	7,39	7,32	98,00	11,49	9,86	85,80	9,67	8,35	86,30
Плата за землю	0,66	0,74	112,50	1,66	1,48	89,20	1,33	0,95	71,40
Неналоговые поступления	0,70	0,52	72,90	0,68	0,50	73,30	3,38	0,11	3,30
Доход от операций с капиталом	1,85	1,99	107,70	2,50	1,56	62,40	2,12	0,81	38,20
Субвенции из госбюджета	1,96	1,70	86,60	2,69	2,46	94,50	1,06	0,50	47,00
Всего доходов	16,59	16,25	98,00	24,55	20,53	83,60	20,27	12,56	62,00

ко можно было бы перевыполнить, проводя земельные аукционы.

Завышенным был и план поступлений доходов от операций с капиталом в размере 2,12 млрд грн., (в 2008 г. поступило 1,56 млрд грн.). От финансовой деятельности выручено всего 810 млн грн. Остальные средства в спецфонд поступили в рамках правительственной субвенции «на исполнение функций столицы», но Кабмин перечислил только 500 млн грн. вместо 1 млрд грн. Если в 2008 г. почти все доходы ушли на финансирование социальных статей бюджета, а проблемы с социальными расходами возникли только в конце года с началом кризиса, то в 2009 г. финансирование расходов было очень неоднозначным. Например, не были выделены 260 млн грн. на ввод в эксплуатацию трех станций метрополитена. Но весной 2009 г. коммунальные предприятия освоили 125 млн грн. в рамках «двухмесячника по озеленению».

Таблица 4

Основные статьи расходов бюджета г. Киева в 2007-2009 гг. (по данным Главного финансового управления КГГА)

Статья расходов	Бюджет-2007			Бюджет-2008			Бюджет-2009		
	План, млрд грн.	Факт, млрд грн.	Выполнение, %	План, млрд грн.	Факт, млрд грн.	Выполнение, %	План, млрд грн.	Факт, млрд грн.	Выполнение, %
Образование	1,84	1,82	99,00	2,43	2,18	89,40	0,36	0,30	87,70
Здравоохранение	1,57	1,56	99,10	1,90	1,62	78,90	2,07	1,84	88,90
ЖКХ (общий и спецфонд)	1,13	1,12	99,30	1,86	1,23	66,10	2,81	1,80	63,60
Строительство	4,37	2,93	66,40	5,56	3,25	58,90	1,91	0,91	47,40
Социальная защита	1,55	1,35	87,60	2,04	1,61	78,90	1,81	0,99	54,80
Транспорт (общий и спецфонд)	0,58	0,56	96,30	0,59	0,50	85,20	0,53	0,37	69,80
Деньги, перечисляемые в госбюджет	2,77	2,77	100,00	5,65	5,50	97,30	7,42	6,30	84,90
Государственные целевые фонды	1,34	1,25	93,30	1,80	1,13	62,50	1,14	0,39	34,40
Целевые фонды	1,33	1,24	93,40	1,79	1,11	62,40	1,08	0,34	31,50
Всего расходов	18,94	16,93	89,40	26,76	21,43	80,10	20,70	14,70	71,00

По социальным статьям потрачена половина из предусмотренных 1,87 млрд грн. В результате в последнем квартале организации социальной защиты почти не финансировались. Согласно отчету мэрии в прошлом году на нужды Главного управления жилищно-коммунального хозяйства было потрачено 1,8 млрд грн., что на 600 млн грн. больше, чем в 2008 г. А на самом деле в эту статью заложили кредитные средства в размере 1,2 млн грн., которые мэрия в прошлом году привлекла на частичное погашение долга перед «Киевэнерго». Так что факти-

чески на нужды ЖКХ потратили лишь треть задекларированной суммы расходов, причем основная часть этих средств ушла на выплату зарплат сотрудникам коммунальных предприятий. А долги перед «Киевэнерго» по подсчетам компании, по итогам года составили около 1,5 млрд грн., то есть в 2010 г. КГГА опять будет искать источник покрытия этой задолженности. Но в то же время по итогам 2009 г. Киев перечислил в госбюджет 6,3 млрд грн. из запланированных 7,4 млрд грн.

На данный момент горбюджет Киева не принят, как и госбюджет Украины. Главное финансовое управление КГГА (согласно ст. 46 Бюджетного кодекса Украины) финансирует лишь защищенные статьи – выплату зарплат и пенсий – исходя из расчета 1/12 бюджета прошлого года.

Если применить классификацию кризисов, рассмотренную выше, то можно сказать, что город Киев близок к состоянию стратегического кризиса, кризиса неплатежеспособности (из-за незапланированных расходов), экономического кризиса (нерациональное использование ресурсов), бюджетно-финансового (несбалансированная бюджетная политика).

Нынешний кризис муниципального хозяйства имеет системный характер, то есть он обусловлен не только внутренними, а прежде всего внешними причинами, лежащими вне предприятий, даже вне сферы компетенции конкретного муниципального образования. Проблема здесь во взглядах властных структур различного уровня на сущность муниципальной деятельности, на роль органов местного самоуправления в организации и управлении муниципальным хозяйством.

По существу банкротство местного самоуправления не может быть реализовано в полной мере. Многочисленные переговоры представителей власти и их кредиторов, протоколы о намерениях сторон по восстановлению текущей платежеспособности являются безуспешной по-

пыткой найти способ решения кризисных проблем. Многие муниципальные образования рассчитывают только на экстремальную помощь правительства [8:15].

Кризисные ситуации в муниципальных образованиях во многих случаях являются прямыми следствиями нарушений бюджетного законодательства. При этом основной акцент надо сделать на совершенствовании системы местного налогообложения. В данном случае введение дополнительных местных налогов или увеличением ставок уже существующих неприемлемо. В наших условиях, когда средний доход на душу населения в реальном выражении колеблется вокруг 40% от уровня 1991 г. и не превышает 20% соответствующего американского показателя, а рентабельность большинства предприятий низка, увеличение налоговой нагрузки не повысит доходности местных бюджетов. Напротив, это может окончательно подорвать основы муниципального хозяйства и усугубить социальную напряженность. Более целесообразным может быть частичное перераспределение налоговых источников между уровнями власти в пользу органов местного самоуправления, а также закрепление за местными бюджетами на постоянной основе отчислений от регулирующих доходов, стабильно поступающих на местный уровень.

Можно предложить следующие антикризисные меры:

– уменьшение расходов на управление, сокращение числа муниципальных служащих, замораживание заработной платы работников госсектора;

– реализация муниципального имущества и активов (ценных бумаг, закладных, акций) с использованием их по целевому назначению;

– пересмотр договоров аренды в направлении увеличения арендной платы и передачу доходов от аренды муниципального имущества кредиторам или в стабилизационный фонд;

– реструктуризация задолженности местных органов власти (ценные бумаги, кредиты), налоговые зачеты или зачетов по погашению бюджетных ссуд;

– получение займов и кредитов извне, модификация выпуска облигаций: придание им свойств инструмента взаимозачетов с контрагентами, средства возврата ранее полученного финансирования; возможность конвертации; возможность обмена облигаций на городское имущество (жилое, нежилое, прав аренды); средство расчетов по коммунальным платежам, по налоговым и неналоговым платежам, за выполненные работы по городскому заказу;

– перевод части прибыли унитарных и казенных предприятий в бюджет;

– ликвидация убыточных унитарных и казенных предприятий.

Библиографический список

1. *БИЗНЕС. – № 7. – 2009. – 16 февр. – С.15, 16; – № 11. – 2009. – 16 марта. – С. 19, 20; – № 20. – 2009. – 18 мая. – С. 15, 16; – № 23. – 2009. – 8 июня. – С. 22, 23; – № 5. – 2010. – 1 февр. – С. 13-18.*
2. *Горисов, С. П. Методические подходы к определению уровня конкурентоспособности региона с использованием частных показателей и матриц попарных сравнений / С. П. Горисов // Вестник ВГУ. Сер. Экономика и управление. – 2004. – № 2.*
3. *Лютий, І. О. Теоретико-методологічні засади бюджетної політики держави / І. О Лютий // Фінанси України. – № 12. – 2009. – С. 13-20.*
4. *Портер, М. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран / М. Портер. – М.: Дело, 1994.*
5. *Романюк, М. В. Податкове регулювання як дієвий інструмент антикризової економічної політики / М. В. Романюк // Фінанси України. – № 12. – 2009. – С. 66-72.*

6. *Ушвицкий, Л. И. Конкурентоспособность региона как новая реалия: сущность, методы оценки, современное состояние / Л. И. Ушвицкий, В. Н. Парахина // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия «Экономика». – 2005. – № 1.*
7. *Чугунов, І. Я. Бюджетна система в інституційному середовищі суспільства / І. Я. Чугунов, Л. В. Лисяк // Фінанси України. – № 11. – 2009. – С. 3-12.*
8. *Шохин, С. О. Бюджетно-финансовый контроль и аудит: теория и практика применения в России : учебно-методическое пособие / С. О. Шохин, Л. И. Воронина. – М.: Финансы и статистика, 1997. – С. 15, 16.*

И.Н. Швецова (Россия) **I.N. Shvetsova (Russia)**

УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСОВЫМИ РЕСУРСАМИ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА (НА ПРИМЕРЕ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ)

THE MANAGEMENT OF FINANCIAL RESOURCES IN THE CASE OF ECONOMIC CRISIS (ON THE EXAMPLE OF TRADE ORGANIZATION)

The aim of the article is to investigate the main aspects of the management of financial resources in the trade organization in world crisis. In the issue the functions of the financial management are formulated, the features of finance in trade organization are determined. In the article the results of financial analysis of the trade organization are given, on the base of them the questions of the management of financial resources are determined. In spite of the crisis it is necessary to plan financial resources. So in the article the forecast of capital structure is presented, the methodology of forecasting is described. The optimal capital structure of the trade organization on the criteria of financial stability, return on assets, liquidity is calculated. On the base of these criteria the plan financial balance is presented. We recommended to control the liquidity in financial planning to avoid outstanding debts and to reduce the risk of bankruptcy in the case of depression.

Процессы формирования и использования финансовых ресурсов на уровне организации в целях их наибольшей эффективности должны стать объектами финансового управления.

Цель управления финансовыми ресурсами в деятельности организации должна заключаться в первую очередь в обеспечении необходимыми финансовыми ресурсами, финансовой гибкости, а также оптимизации структуры капитала организации.

Основными функциями управления финансовыми ресурсами организации служат такие традиционные

функции менеджмента, как анализ, прогнозирование и планирование, организация и контроль. Данные процессы становятся актуальными как на краткосрочную, так и долгосрочную перспективу.

Специфика деятельности торговых организаций состоит в том, что при условии эффективного управления ресурсами оборачиваемость оборотных средств гораздо выше, чем у промышленных организаций, следовательно, значительно снижаются риски при привлечении заемных источников. В то же время, убыточность деятельности организации вынуждает придерживаться умеренной политики управления финансовыми ресурсами и нацеливаться на работу с собственными средствами (получение прибыли), а также привлекать банковские кредиты для покрытия кассовых разрывов в период сезонного спада (как правило, летом).

Существенное влияние на управление финансовыми ресурсами оказывает также вид торговой деятельности, в частности, розничная торговля фармацевтическими товарами.

Розничный вид торговой деятельности означает, что проблем с дебиторской задолженностью у компании практически не возникает. В результате политика нацелена на фактический размер выручки от продаж, с учетом предлагаемых населению дисконтных и социальных программ.

Розничная торговля фармацевтической продукцией предполагает, что такая компания будет работать в рамках ценовой политики государственного уровня, которая жестко ограничивает цены на жизненно необходимые и важнейшие лекарственные средства. Так, на сегодняшний день вступило в силу Постановление правительства Республики Коми от 25 июня 2009 г. №174, в соответствии с которым снижен предельный размер розничных торговых надбавок на лекарственные средства и изделия медицинского назначения. Размер рознич-

ной торговой надбавки на жизненно необходимые и важнейшие лекарственные средства (ЖНВЛ) – 25% (было 30%), на лекарственные средства и изделия медицинского назначения, не включенные в перечень ЖНВЛ, – 30% (было 50%). Поэтому политика организации в целях обеспечения конкурентоспособного положения на рынке по ценам ориентирована на поиск тех поставщиков, которые предлагают наиболее оптимальные цены, вопрос отсрочки (рассрочки) платежей поставщиков переходит на второй план.

Анализ данных деятельности торговой организации ООО «РФК-С» (г. Сыктывкар, вид деятельности – розничная торговля фармацевтическими товара) за 2006-2008 гг. показал, что в 2008 г. собственные финансовые ресурсы складываются из уставного капитала, чистой прибыли отчетного года и амортизации, а заемные финансовые ресурсы – долгосрочные и краткосрочные обязательства (кредиторская задолженность) (таблица 1).

Таблица 1

Основные финансовые показатели деятельности ООО «РФК-С» за 2007-2008 гг.

Статьи	Годы, тыс. р.		Изм. 2008 г. по ср. с 2007 г., %
	2007	2008	
Собственные финансовые ресурсы	3 676	8 348	127,09
Уставный капитал	3 440	3 440	0,00
Чистая прибыль отчетного года	-1 649	2 306	--
Амортизационные отчисления	1 885	2 602	38,04
Заемные финансовые ресурсы	9 406	9 454	0,51
Долгосрочные обязательства	27	27	0,00
Краткосрочные обязательства	9 379	9 427	0,51
Справочно	-	-	-
Капитал и резервы всего	942	3 248	244,80
Валюта баланса	10 349	12702	22,74
Нераспределенная прибыль	-2 498	-192	-
Выручка от продаж	70 052	74 678	6,60
Коммерческие расходы	22 138	20 068	-9,35

Факторами роста чистой прибыли и частичного покрытия убытка прошлых лет явились рост выручки и экономия на коммерческих расходах. Фактором роста амортизационных отчислений – ввод новых основных средств.

Сформированная в организации база финансовых ресурсов является стабильной, колебания финансовых коэффициентов в 2007 г. обусловлены покрытием убытков прошлых лет (таблица 2).

Таблица 2

Динамика коэффициентов финансовой зависимости и соотношения заемных и собственных финансовых ресурсов ООО «РФК» за 2006-2008 гг.

Показатели	Годы			Изм.	
	2006	2007	2008	в 2007 г. по ср.с 2006 г.	в 2008 г. по ср. с 2007 г.
Коэффициент финансовой зависимости	0,7708	0,9089	0,7443	0,1380	- 0,1646
Коэффициент соотношения заемных и собственных средств	3,36	9,99	2,91	6,62	- 7,07

Положительно охарактеризуем в управлении финансовыми ресурсами организации наличие центров ответственности управления финансовыми ресурсами (руководитель), проведения анализа, прогнозирования и контроля финансовых возможностей организации.

Однако в ООО «РФК-С» не создана система планирования финансовых ресурсов, не задана целевая структура капитала, не составляется плановый финансовый баланс.

В условиях кризиса очевидны сложности с планированием, однако необходимость покрытия убытков прошлых лет, необходимость адаптироваться к новым более жестким условиям регулирования цен на лекарственные препараты требует тщательного финансового пла-

нирования в организации. Базовой предпосылкой такому планированию является устойчивость спроса на медикаменты и изделия медицинского назначения.

Просчитаем прогнозную структуру капитала ООО «РФК-С», необходимую при составлении планового финансового баланса (таблица 3).

Таблица 3

Определение прогнозной структуры капитала ООО «РФК-С»

Показатели	на 31.12.2006 г.		на 31.12.2007 г.		на 31.12.2008 г.		на 31.12.2009 г.	
	тыс. р.	%	тыс. р.	%	тыс. р.	%	тыс. р.	%
Основные средства	3 461	32,65	3 060	29,57	3 066	24,14	3 000	16,09
Оборотные активы	7 139	67,35	7 288	70,43	9 636	75,86	15 640	83,91
Всего использование	10 600	100,00	10 348	100,00	12 702	100,00	18 640	100,00
Капитал и резервы	2 429	22,92	942	9,10	3248	25,57	9 240	49,57
Долгосрочные обязательства	27	0,25	27	0,26	27	0,21	0	-
Краткосрочные обязательства	8 144	76,83	9 379	90,64	9 427	74,22	9 400	50,43
Всего финансовых ресурсов	10 600	100,00	10 348	100,00	12 702	100,00	18 640	100,00

При прогнозировании структуры капитала организации использовался комплексный метод с первоначальными условиями (отсутствие существенных сдвигов в масштабах деятельности).

Прогнозировалось значение каждого элемента финансовых ресурсов и направлений их использования.

При прогнозировании направлений использования финансовых ресурсов учитывалась динамика предыдущих периодов (метод экстраполяции), перспективы расширения бизнеса (потребность в оборотных активах), а также состояние основных средств на прогнозную дату

(степень износа, инвестиционные программы, метод расчета – расчетно-аналитический).

Источники финансовых ресурсов прогнозировались с учетом необходимости финансирования массы активов организации, потребности в кредитных ресурсах и прогнозной прибыли (расчетно-аналитический метод).

После определения финансовых ресурсов и направлений использования средств рассчитывалась структура.

В предложенной прогнозной структуре капитала ООО «РФК-С» за счет нераспределенной прибыли отчетного года увеличится собственный капитал (до 50%). Полученные собственные ресурсы могут быть вложены в пополнение оборотных средств, в инвестиции. Если средства не будут направлены в развитие бизнеса, то прибыль будет представлять собой непроизводительный капитал, а удельный вес оборотных активов составит более 80%.

Рассмотрим вопросы, связанные с определением оптимальной структуры капитала ООО «РФК», а также обозначим мероприятия по ее достижению.

Известно, что в качестве ключевых параметров оптимальности структуры капитала любой организации могут быть выбраны следующие: уровень финансовой устойчивости, рентабельности активов, финансового риска, выраженного эффектом финансового левериджа, а также уровень текущей ликвидности.

Из данных таблицы 4 видно, что в 2006 и 2008 г. структура капитала по критерию финансовой устойчивости (коэффициент соотношения заемных и собственных средств) была оптимальна. В связи с этим следует считать значение коэффициента соотношения заемных и собственных средств [3] целевым. В результате, если бюджетом доходов и расходов 2009 г. предусмотрен плановый рост чистой прибыли в размере 10%, то организация может допустить более высокий уровень кредиторской задолженности.

Таблица 4

Определение оптимальной структуры капитала ООО «РФК-С» по критерию финансовой устойчивости

Показатели	на 31.12.2006 г.		на 31.12.2007 г.		на 31.12.2008 г.		на 31.12.2009 г.	
	тыс. р.	%	тыс. р.	%	тыс. р.	%	тыс. р.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Капитал и резервы	2 429	22,92	942	9,10	3 248	25,57	3 573	25,00
Долгосрочные обязательства	27	0,25	27	0,26	27	0,21	-	0,00
Краткосрочные обязательства	8 144	76,83	9 379	90,64	9 427	74,22	10 718	75,00
ИТОГО	10 600	100,00	10 348	100,00	12 702	100,00	14 291	100,00
Коэффициент соотношения заемных и собственных средств	3		10		3		3	

В данном случае основные мероприятия сводятся к регулированию чистой прибыли организации за счет роста выручки и экономии на затратах. Наибольший акцент в условиях кризиса должен быть сделать именно на экономии затрат. При этом допускается наращивание кредиторской задолженности организации.

За 2006-2007 гг. деятельность ООО «РФК-С» была убыточной, поэтому о рентабельности активов возможно говорить только по данным 2008 г. Рентабельность активов в 2008 г. составила 18%. Достаточно высокий показатель, поэтому по итогам 2008 г. структуру финансовых ресурсов в виде 26% собственного капитала и 74% обязательств для торговой организации следует считать оптимальной. Наращивание чистой прибыли организации (по плану на 10%) и сохранение обязательств на прежнем уровне обеспечит структуру финансовых ресурсов ООО «РФК-С» в виде 27% собственных средств и 72% заемных (таблица 5).

Таблица 5

Определение оптимальной структуры капитала ООО «РФК-С» по критерию рентабельности активов

Показатели	на 31.12.2006 г.		на 31.12.2007 г.		на 31.12.2008 г.		на 31.12.2009 г.	
	тыс. р.	%	тыс. р.	%	тыс. р.	%	тыс. р.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Капитал и резервы	2 429	22,92	942	9,10	3 248	25,57	3 573	27,43
Долгосрочные обязательства	27	0,25	27	0,26	27	0,21	27	0.21
Краткосрочные обязательства	8 144	76,83	9 379	90,64	9 427	74,22	9 427	72,37
ИТОГО	10 600	100,00	10 348	100,00	12 702	100,00	13 027	100,00
Коэффициент рентабельности активов, %	-		-		18		27	

В данном случае основные мероприятия также сводятся к регулированию чистой прибыли организации за счет роста выручки и экономии на затратах. При этом наращивание кредиторской задолженности организации нежелательно. Необходимо разрабатывать график погашения ранее возникшей кредиторской задолженности.

Поскольку у ООО «РФК-С» не было значительных краткосрочных обязательств, то оптимальность структуры капитала по значению финансового левериджа не определяем.

По критерию текущей ликвидности необходимо незначительное повышение коэффициента текущей ликвидности в плановом периоде по сравнению с 2008 г. до 1.1, то есть оборотные активы должны быть как минимум на 10% больше кредиторской задолженности. В этом случае оптимальная структура выглядит как 28% – собственные средства, 71% – заемные средства (таблица 6).

Таблица 6

Определение оптимальной структуры капитала ООО «РФК-С» по критерию текущей ликвидности

Показатели	на 31.12.2006 г.		на 31.12.2007 г.		на 31.12.2008 г.		на 31.12.2009 г.	
	тыс. р.	%	тыс. р.	%	тыс. р.	%	тыс. р.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Капитал и резервы	2 429	22,92	942	9,10	3 248	25,57	3 573	28,77
Долгосрочные обязательства	27	0,25	27	0,26	27	0,21	27	0,22
Краткосрочные обязательства	8 144	76,83	9 379	90,64	9 427	74,22	8 818	71,01
ИТОГО	10 600	100,00	10 348	100,00	12 702	100,00	12 418	100,00
Оборотные активы, тыс. р.	7 139		7 288		9 636		9 700	
Коэффициент текущей ликвидности	0,89		0,78		1,03		1,10	

В данном случае основные мероприятия сводятся к регулированию чистой прибыли организации за счет роста выручки и экономии на затратах. При этом наращивание кредиторской задолженности организации допускается. Необходимы мероприятия по оптимизации складских запасов, ужесточение требований к дебиторам.

Окончательное решение по выбору приоритетного критерия структуры капитала, установлению ключевых показателей, утверждению мероприятий и в теории и на практике принимает руководство.

Плановый финансовый баланс формируется на основе критериев оптимальности структуры капитала – коэффициент соотношения заемных и собственных средств, рентабельности, текущей ликвидности (таблица 7).

Таблица 7

Плановый финансовый баланс ООО «РФК-С»

Показатели	Факт		План по критериям					
			Коэффициент соотношения заемных и собственных средств		Коэффициент рентабельности активов		Коэффициент текущей ликвидности	
	на 31.12.2008 г.		на 31.12.2009 г.		на 31.12.2009 г.		на 31.12.2009 г.	
	тыс. р.	%	тыс. р.	%	тыс. р.	%	тыс. р.	%
Основные средства	3 066	24,14	4 655	32,57	3 391	26,03	2 782	22,40
Оборотные активы	9 636	75,86	9 636	67,43	9 636	73,97	9 636	77,60
Всего использование	12 702	100,00	14 291	100,00	13 027	100,00	12 418	100,00
Капитал и резервы	3248	25,57	3573	25,00	3 573	27,43	3 573	28,77
Долгосрочные обязательства	27	0,21	0	-	27	0,21	27	0,22
Краткосрочные обязательства	9 427	74,22	10 718	75,00	9 427	72,37	8 818	71,01
Всего финансовых ресурсов	12 702	100,00	14 291	100,00	13 027	100,00	12 418	100,00

Придерживаясь определенного критерия оптимальности, организация получает целевые ориентиры деятельности, снижает риск нецелевого и неэффективного использования финансовых ресурсов.

Плановый финансовый баланс, составленный по критерию коэффициент заемных и собственных средств, требует наращивать прибыль (через ценовую политику, расширение ассортимента, усиление маркетинга), что позволит увеличить лимит кредиторской задолженности. Такой баланс предусматривает расширение инвестиционной программы и рост остатков стоимости основных средств на плановую дату.

Плановый финансовый баланс, рассчитанный по критерию коэффициент рентабельности, ориентирован на рост прибыли, сохранение кредиторской задолженности на прежнем уровне. Баланс предусматривает незначительное расширение инвестиционной программы и рост остатков стоимости основных средств на плановую дату (за счет обновления торгового оборудования и приобретение новой компьютерной техники).

В условиях финансового кризиса мы рекомендуем при принятии управленческих решений придерживаться коэффициента текущей ликвидности в качестве критерия оптимальности, не расширять инвестиционную деятельность, разработать и согласовать с кредиторами график погашения кредиторской задолженности, ускорить оборачиваемость оборотных средств.

Кроме того, для совершенствования собственно системы управления финансовыми ресурсами ООО «РФК-С» необходимо закрепить обязанности и ответственность по составлению финансового баланса в организационной структуре, закрепить в бюджетном регламенте организации методику планирования, сроки составления и контроля данного документа.

Библиографический список

1. *Бланк, И. А. Основы финансового менеджмента / И. А. Бланк. – М.: Эльга, 2007. – 624 с.*
2. *Боди, З. Финансы / З. Боди, Р. Мертон ; пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. – 592 с.*
3. *Бочаров, Е. Ю. Корпоративные финансы / Е. Ю. Бочаров, В. Е. Леонтьев. – СПб.: Питер, 2004. – 324 с.*
4. *Лисицина, Е. В. Образовательный курс финансового управляющего : курс лекций. Лекция 1. Формирование собственного и заемного капитала компании / Е. В. Лисицина // Финансовый менеджмент. – 2005. – № 1, 2. – С. 133-142, 129-140.*

5. *Лисицина, Е. В. Образовательный курс финансового управляющего : курс лекций. Лекция 2. Управление финансовой структурой капитала компании / Е. В. Лисицина // Финансовый менеджмент. – 2005. – № 3. – С. 139-143.*

Л.П. Тимофеенко
(Украина)

L.P. Timofeenko
(Ukraine)

АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ПРИВАТИЗАЦИИ В УКРАИНЕ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

ANALYSIS AND PERSPECTIVE OF THE DEVELOPMENT IN CONDITIONS INSTABILITY IN UKRAINE

In the article the financial results of privatization are considered for period of 1992-2009 in the cut of three stages of privatization process in Ukraine, and also receipt of money facilities from a state property management for 2009. The problems of fulfilling the plan of privatization are exposed in 2010.

Постановка проблемы. Являясь в экономике полноценным хозяйствующим субъектом, государство реализует свои права как собственника через продажу госимущества, сдачу его в аренду, получение дохода на акции предприятий, в которых оно имеет долю собственности. Средства от продажи объектов госсобственности являются средствами финансирования государственного бюджета Украины, поэтому необходимо рассмотреть динамику поступления финансовых ресурсов от приватизации и другой деятельностью Фонда госимущества Украины.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследованиями реструктуризации государственной собственности занимались украинские ученные Ю. Алданов, О.Г. Бакланова, О. Гальчинский, В. Карцев, М. Хохлов; изучали процесс трансформации государственной собственности и проведения рыночных реформ в экономике Украины О. Пасхавер, О. Рябченко, Л. Верховодова и другие. Иностранные ученные, которые изучали вопросы реализации приватизации, модели и мето-

ды приватизации, а также механизмы финансирования процесса приватизации – Е. Савас, Д. Донадсон, Майкл Л. Ангер и др.

Цель статьи. Целью данной статьи является рассмотрение финансовых результатов приватизационного процесса в Украине в разрезе этапов приватизации и рассмотрение дальнейших направлений разгосударствления собственности в сложных политических и экономических условиях.

Основной материал. Приватизация в Украине продолжается уже восемнадцать лет, и за этот период она прошла сложный и непростой путь от массовой ваучерной приватизации до индивидуальной, инсайдерской модели. Свою первоначальную цель – формирование критической массы частных собственников в стране она успешно выполнила, и перед государством стоит новая задача – эффективное управление государственной собственностью в новых экономических условиях, определение оптимального соотношения частного и государственного капитала, формирование и развитие государственно-частных партнерских отношений в сфере естественных монополий.

Необходимость разгосударствления собственности возникла с момента принятия Украиной независимости и определения ее стратегической цели экономического развития – становление рыночной экономики. С момента принятия основных законодательных актов в 1992 г.: «О приватизации государственного имущества», «О приватизации небольших государственных предприятий (малая приватизация)», «О приватизационных бумагах» приватизация была реализована в несколько этапов: массовая (бесплатная) приватизация; переходный период; денежная приватизация; передел собственности (рейдерство) (таблица 1).

Обязанности по управлению и распоряжению государственным имуществом возложены на Фонд государ-

ственного имущества Украины (далее ФГИУ). В 1991 г. ФГИУ создан Постановлением Кабинета Министров Украинской ССР № 158 для проведения государственной политики в сфере приватизации государственной собственности, а первые органы приватизации – Фонд, его региональные отделения, фонды, комитеты, управление коммунальным имуществом образовались в 1992 г. В 1994 г. Указом Президента № 56 «О единой системе органов приватизации в Украине фактически была сформирована современная система органов приватизации.

Таблица 1

Этапы приватизации в Украине

Этапы	Объект	Характеристика	Период
Бесплатная приватизация	Имущество госпредприятий Государственный жилой фонд. Государственный земельный фонд	Каждому гражданину Украины был предоставлен приватизационный сертификат с равной для всех номинальной стоимостью, который свидетельствовал о праве собственника на бесплатное получение в процессе приватизации части имущества государства Данный сертификат обменивался на акции (доли, паи) объекта приватизации	1992-1997
Смешенная приватизация	Имущество госпредприятий Государственный жилой фонд Государственный земельный фонд	На данном этапе в процессе приватизации используются как имущественные сертификаты, оставшиеся на руках у населения так и денежные средства Последний сертификатный аукцион состоялся в 2001 г.	1997-2001
Денежная приватизация	Имущество госпредприятий Государственный жилой фонд Государственный земельный фонд	Приватизация государственного имущества осуществляется исключительно за денежные средства, как в национальной, так и в иностранной валюте	2001– по настоящее время
Передел собственности (рейдерство)	Имущество госпредприятий Государственный жилой фонд Государственный земельный фонд	1. Недооценка активов украинских компаний 2. Рост цен на землю и недвижимость, которыми владеют предприятия 3. Улучшение экономического положения бизнеса 4. Непрозрачные схемы приватизации в начале 90-х гг. позволяют оспаривать результаты торгов	2003– по настоящее время

В отношении реализации приватизационного процесса ФГИУ выполняет следующие основные задачи: защита имущественных прав Украины на ее территории и за рубежом; распоряжение имуществом государственных предприятий в процессе их приватизации, создание совместных предприятий; организация и проведение приватизации имущества предприятий, которое находится в общегосударственной собственности; содействие процессу демонополизации экономики и создание условий для конкуренции производителей; продажа земельных участков, на которых расположены объекты, подлежащие приватизации [4].

Инструментами первых двух этапов приватизации были: приватизационные имущественные сертификаты (ПИС); компенсационные сертификаты (КС); безналичные сертификаты; жилищные чеки.

Выдача приватизационных бумаг велась в два этапа: до 1995 г. гражданам открывались безналичные депозитные счета в Сбербанке, с 1995 г. вместо открытия счетов распространялись ПИС, а в последующем и КС.

За период с 1995 по 1998 г. было выдано 45 722 181 шт. ПИС, получены населением – 87,98% от общего количества эмитированных; за период с 1996 по 1998 г. общее количество выданных КС составило 58 281 338 шт., процент полученных КС от общей стоимости составил 100%. В ходе массовой приватизации была сформирована национальная система сертификатных аукционов во всех регионах Украины. Приватизация государственной собственности посредством сертификатных аукционов продолжалась с 01.01.1995 по 01.10.2000 г. За этот период было проведено 49 аукционов за ПИС и 30 аукционов за КС, в которых приняли участие 7 127 предприятий. Количество предприятий, акции которых были реализованы на аукционах составило 7 074 или 99,3% от принявших участие. По итогам сертификатной приватизации значительно возросло количество акционерных

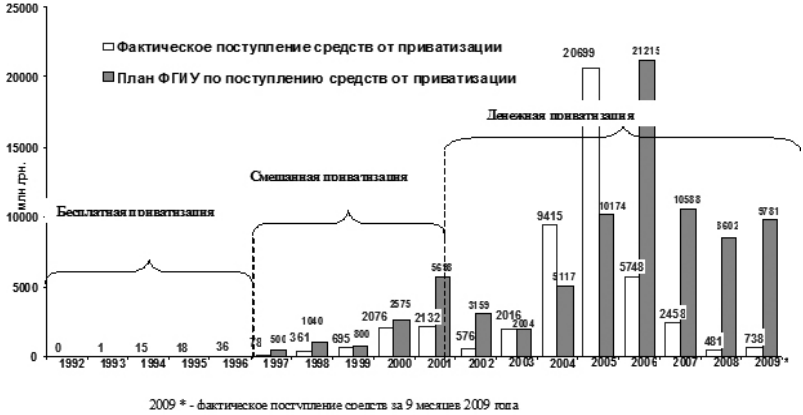

Рис. 1.
Динамика поступления средств
от приватизации за 1992-2009 гг.

обществ, так в начале 1997 г. было образовано 29 703 акционерных общества, а на 01.01.1999 г. – 33 719, на начало 2000 г. насчитывалось более 35 млн акционеров. Уже к началу 1999 г. можно было говорить о положительных сдвигах в структуре собственности и в экономике страны, так как объем производимой продукции приватизированными предприятиями в основных отраслях промышленности был большим, чем на государственных предприятиях. В деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности он составил – 83,8% от общего объема производства, в легкой – 83,7%, в цветной металлургии, химической и нефтехимической промышленности, машиностроении и металлообработке, в черной металлургии и пищевой промышленности от 63 до 75% [2].

Окончанием сертификатной приватизации завершился второй этап приватизации и начался третий этап разгосударствления – индивидуальная денежная приватизация.

Начиная с 1997 г., Фонд госимущества Украины ежегодно планирует поступление средств от приватизации, но за редким исключением они практически никогда не

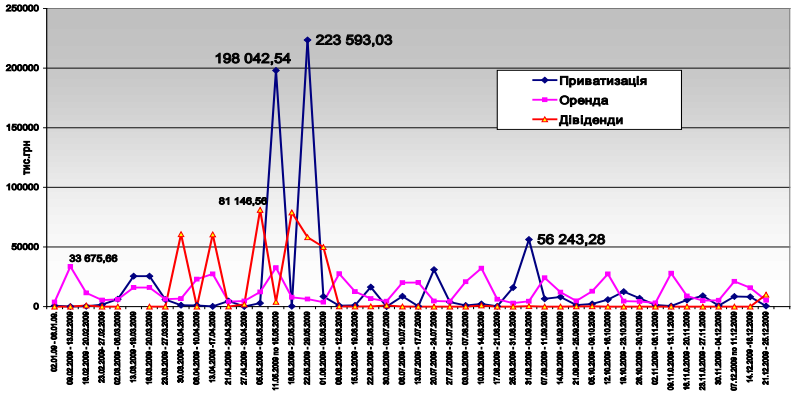

Рис. 2.
Динамика поступления средств от приватизации
и управления государственным имуществом за 2009 г.

соответствуют фактически полученным средствам от продажи госсобственности [4] (рис. 1).

За весь период приватизационного процесса в Государственный бюджет Украины было перечислено 46 803,6 млн грн. В период бесплатной и смешенной приватизации (1992 – 2001 гг.) в Госбюджет поступило 5 410,1 млн грн. или 11,6% средств, полученных от продажи государственной собственности, 88,4% (41 393,5 млн грн.) было аккумулировано уполномоченным органом в период денежной приватизации.

Два года подряд фактически полученные средства от продажи объектов приватизации значительно превышали запланированные поступления, так в 2004 г. план перевыполнили на 183%, в 2005 г. – на 203,5%. Эти поступления были связаны с продажей в 2004 г. ОАО «Криворожский горно-обогатительный комбинат «Криворожсталь», в результате чего было получено 4,26 млрд грн. (в последствии сделка признана незаконной, предприятие возвращено в собственность государства) и повтор-

ной его продажи в 2005 г., в результате которой ФГИУ получил 24,2 млрд грн., что в 4,7 раза превысило поступления 2004 г.

Помимо средств от продажи объектов приватизации Фонд также получает платежи от арендаторов государственного имущества и дивиденды, начисленные на государственные доли (паи), которые перечисляются в общий фонд Государственного бюджета Украины. Динамика поступления средств от владения, распоряжения и использования госсобственностью за 2009 г. представлена на рис. 2.

Основной доход от продажи своего имущества и дивиденды государство получило во втором квартале 2009 г. В отличие от плана по приватизации план по арендным платежам Фонд выполнил на 121,4%, план по дивидендам – на 134, 8% [4]. Арендные платежи в анализируемом периоде в среднем находились на уровне 12 556,3 тыс. грн., дивиденды – в среднем на уровне 8 917,1 тыс. грн., среднее поступление от приватизации составило 15 697,4 тыс. грн. На сегодняшний день продажа объектов приватизации является наиболее доходной формой реализации государством своих корпоративных прав, но как перспективное направление реализации своих прав собственности государство не должно упускать из виду сдачу целостных имущественных комплексов и их структурных подразделений в аренду, концессию, что могло бы обеспечить стабильную ренту от владения госсобственностью.

Как уже отмечалось ранее, объем средств, которые государство планирует получить от продажи государственной собственности, отражаются в Законе Украины «О государственном бюджете» на соответствующий год. Так планы правительства в приватизационной сфере отразились на уровне поступлений в 10 млрд грн. В 2010 г. для реализации плана Фонду госимущества необходимо обеспечить продажу 150 пакетов акций инвестиционно привлекательных объектов общей номинальной стои-

мостью более 6 млрд грн., в том числе и ОАО «Укртелеком», ОАО «Одесский припортовый завод», электрогенерирующие компании (табл. 2).

Таблица 2

Предприятии которые готовят к продаже в 2010 г. [2]

Предприятие	**Ожидаемая цена в 2010 г., млрд грн.**	**Потенциальные покупатели**
Одесский припортовый завод	5	Российский «Сибур», «Газпром» Украинсий «Приват», «Стирол» Норвежский YARA
Луганскстепловоз	05,-0,6	Российский «Трансмашхолдинг» Украинский «Приват»
Сумыоблэнерго Полтаваоблэнерго Прикарпатьеоблэнерго Черкассыоблэнерго	0,2-0,6	Группы «Приват» и «Энергетический стандарт»
15 облэнерго	5,2	Донецкая топливно-энергетическая компания (ДТЭК) «Приват», «Энергетический стандарт», «Интер РАО ЕЭС» итальянская ENEL, др. европейские компании
Днипроэнерго Донбассэнерго Захидэнерго Центрэнерго	8,67	ДТЭК «Приват», «Энергетический стандарт»
Укртелеком	5-6	Российские компании АФК «Система», «Альтимо» Украинский «СКМ» Рината Ахметова

Но даже при таком привлекательном списке объектов вероятность реализовать их по ожидаемой цене будет непросто. Просто потому, что не все предприятия будут готовы к приватизации и их продажа растянется на неопределенное время. Так ОАО «Укртелеком» ФГИУ пытается продать уже 10 лет, на самом предпри-

ятии приватизацию отмечают как риск ее финансово-хозяйственной деятельности, а недавнее решение Совета безопасности и обороны Украины обязало Кабинет Министров Украины рассмотреть вопрос относительно нецелесообразности приватизации «Укртелекома» в сложившихся финансово-экономических условиях и неготовностью объекта к процессу приватизации [6]. Компания не готова к продаже и на сегодняшний день требует реорганизации и улучшения управления. Что же касается энергетики, то приватизация четырех генерирующих компаний вероятна во второй половине 2010 г., а приватизация облэнерго может быть перенесена на 2011 г.

Кроме крупных объектов правительство предлагает приватизировать 390 объектов малой приватизации общей ориентировочной стоимостью 81,5 млн грн. и получить 291, 8 млн грн. от продажи земельных участков, на которых они расположены. Учитывая непростую длительную процедуру подготовки к продаже объектов вместе с земельными участками, на которых они расположены, к таким планам можно также отнестись скептически.

Таким образом, план по поступлению средств от приватизации в государственный бюджет Фонд госимущества Украины в очередной раз не сможет выполнить, что заставит новое правительства задуматься о средствах финансирования государственного бюджета. Что это будет новый международный кредит, выпуск облигаций внутреннего и внешнего займа, точечная продажа объектов приватизации, по цене ниже ожидаемой, акционирование и продажа пакетов акций «Укрзализницы» и морских торговых портов – покажет время. Ясно одно, что независимо от того, какая политическая сила придет к власти, кто станет новым Президентом Украины в 2010 г. приватизация возобновится, так как необходимо будет выполнять госбюджет 2010 г.

Большая приватизация в Украине последние годы остается замороженной и неудачные попытки продажи

«Луганскстепловоза» и «Одесского припортового завода», только подтверждают тот факт, что в процессе разгосударствлении наметился кризис и необходимо пересмотреть приватизационную политику, направления и способы реализации объектов приватизации. Приватизационный процесс в Украине реализуется на основе устаревшей Государственной Программы приватизации на 2000-2002 гг. ФГИУ неоднократно разрабатывал и подавал новые программы, но до сегодняшнего дня ни одна из них не была принята Верховной Радой Украины. Указом № 200 Президент Украины В. Ющенко запретил приватизацию до принятия Программы приватизации на 2008-2012 гг. и Закона Украины «О Фонде госимущества Украины» (вот уже более 17 лет деятельность ФГИУ основывается на Временном положении о Фонде, № 2558-XII принятом 07.07.1992 г.). Стоит отметить и факт заполитизированности процесса приватизации, и ее значительной зависимости от приоритетов и желаний правящей политической элиты. Желание продавать (не продавать) базируется не на экономической целесообразности и долгосрочной стратегии развития Украины, а на противостоянии политических «колоссов» и желании реализовать наиболее привлекательные активы государства именно с наибольшей выгодой для правящей элиты. Таким образом, отсутствие четкой государственной стратегии и отраслевой, в частности, негативно влияет на приватизационный процесс и провоцирует хаотичную, непродуманную приватизацию, формирует негативное к ней отношение населения страны.

В будущем кроме приватизации в энергетической отрасли, распродажи стратегических предприятий новыми направлениями в реализации процесса приватизации могут стать такие монополизированные отрасли экономики, как угольная, жилищно-коммунальное хозяйство, реструктуризация и приватизация железнодорожного хозяйства.

Библиографический список

1. *Андрущенко, О. Сбыть с толку / О. Андрущенко // Бизнес. – № 51-52. – 2009. – 21 дек. ; www.business.kiev.ua.*
2. *Итоги сертификатной приватизации в Украине / А.Н. Бондарь, В.С. Ларцев, С.Ю. Ледомская, Ю.М. Тараторин ; под общ. ред. А.Н. Бондаря. – К.: Полиграф-Информ, 2002. – 208 с.*
3. *Официальный сайт Министерства финансов Украины http://www.minfin.gov.ua.*
4. *Официальный сайт Фонда государственного имущества Украины http://www.spfu.gov.ua.*
5. *Пархомчук, Д. Позади паровоза / Д. Пархомчук // Инвестгазета. – 2009. – 30 нояб.– 6 дек. ; www.investgazeta.ua.*
6. *Про розбудову і модернізацію інфраструктурах систем економіки і систем життєзабезпечення. Рішення РНБОУ від 07.10.2009.*

М.В. Кошкина (Россия) **M.V.Koshkina(Russia)**

ФИСКАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

TAX METHODS OF STATE MANAGEMENT OF ECONOMICS OF NON-PROFIT SECTOR OF CULTURE AND ART

This article presents view to management of economical transformation of non-profit sector of culture and arts on the base of tax methods and state regulating and in context of complicated social processes in transitional economics of contemporary Russia.

Общеизвестно, что огромным завоеванием некоммерческих организаций на первом этапе развития экономических реформ стало льготное налогообложение их деятельности. Предпринимательской (облагаемой налогом на прибыль) для этих организаций считалась лишь та деятельность, доход от которой не инвестировался на нужды обеспечения и развития основной уставной деятельности. Это во многом способствовало увеличению количества некоммерческих организаций в сфере культуры и искусства.

Несмотря на то, что начало 90-х гг. ознаменовалось экономическим кризисом, оказавшим негативное влияние на развитие всех секторов экономики, в том числе и «третьего сектора», тенденция к его активному расширению не исчезла. Только за период с 01.01.95 г. по 01.01.96 г. численность некоммерческих организаций возросла на 17%. Особенно важен факт мощного роста числа некоммерческих организаций (на фоне сокращения госсектора) исключительно за счет увеличения количества негосударственных некоммерческих организаций (в основном, общественных и религиозных).

Однако количественному уровню роста негосударственного некоммерческого сектора, к сожалению, не всегда соответствовал качественный уровень их функционирования. Анализируя целый ряд причин этого явления, можно сделать вывод, что основной из них стала неспособность государства создать полноценное экономико-правовое поле деятельности для «третьего сектора». Заметим, что и по сей день многие вопросы его государственного регулирования и поддержки не нашли своего решения. Такого рода неопределенность «правил игры» зачастую под вывеской некоммерческой структуры порождала претворение в жизнь отнюдь не благородных, социально-значимых целей, а реализацию меркантильных интересов отдельных граждан или групп. Создание некоммерческих организаций нередко использовалось коммерческими структурами для уклонения от уплаты налогов.

Так как организационно-правовые формы субъектов, относящихся к некоммерческим организациям, изначально действующим законодательством установлены не были, то практически все негосударственные некоммерческие организации до 1 января 1995 г., когда состоялось введение в действие Гражданского кодекса РФ (1 части), функционировали как общественные объединения на основе принятого еще в СССР в 1990 г. Закона «Об общественных объединениях»[1].

Первые шаги государства на пути поддержки общественных объединений (то есть всех негосударственных некоммерческих организаций того периода) были сделаны в фискальном направлении. Несмотря на то, что налоговые льготы предполагают потенциальный вычет из доходной части государственного бюджета и тем самым подразумевают его потери, объем средств, направленных на

[1] Закон СССР «Об общественных объединениях» от 09.10.90 г. № 1708-1. В настоящее время практически утратил силу и действует в обновленной редакции Федерального закона от 19.05.95 г. № 82-ФЗ.

развитие некоммерческих организаций, в этом случае, как правило, оказывается больше суммы недополученных государством налогов. Поэтому недооценка стимулирующей роли налоговых льгот оказывает отрицательное влияние на развитие некоммерческого сектора экономики. Кроме того, льгота фиксирует не конкретную сумму, которую получит некоммерческая организация, а лишь дополнительные возможности, потенциальные преимущества.

Благотворное влияние лояльной фискальной политики подтверждается и практикой взаимоотношений государства и некоммерческих организаций в экономически развитых странах. В соответствии с ней определенные налоговые льготы должны распространяться как на саму некоммерческую организацию, так и на те субъекты (организации или физические лица), которые осуществляют в отношении нее добровольные пожертвования. Так, например, американская система налогообложения предполагает вычет суммы пожертвований в адрес некоммерческих организаций из суммы налогооблагаемых доходов жертвователя. При этом прогрессивная шкала налогообложения прибыли стимулирует частный бизнес (особенно крупные корпорации, получающие сверхприбыли) инвестировать часть своих доходов в некоммерческие организации.

В целом, именно эти принципы теоретически были заложены в основу государственной фискальной политики по отношению к «третьему сектору».

Однако при практической реализации этих принципов государство постепенно стало отходить от требования увязки предоставления льгот организации с ее правовым статусом. Зачастую налоговые льготы предоставлялись в зависимости от отраслевой принадлежности или источников финансирования организации. Более того, известны факты получения налоговых льгот отдельными организациями в индивидуальном порядке. При этом существовала определенная дискриминация негосударственных некоммерческих организаций по сравнению с государственными.

В целях преодоления сложившейся ситуации в 1996 г. государство принимает целый ряд законодательных актов, содержащих основные принципы государственной политики экономического регулирования некоммерческого сектора, центральным из которых является Федеральный закон «О некоммерческих организациях»[1].

В соответствии с новым законодательством основной формой государственной поддержки некоммерческих организаций провозглашается предоставление им со стороны государства налоговых льгот, которое должно производиться с учетом целей деятельности, а также организационно-правовых форм некоммерческих организаций. При этом запрещается предоставление налоговых льгот в индивидуальном порядке.

Фискальные методы государственного регулирования деятельности некоммерческих организаций культуры и искусства во второй половине 90-х гг. практически выразились в предоставлении этим организациям целого ряда преференций в сфере налогообложения. Так, например, некоммерческие организации, функционирующие в форме предприятий в собственности творческих союзов, льготировались по налогу на прибыль в полном объеме при условии полного инвестирования полученной прибыли в основную уставную деятельность учредивших эти организации творческих союзов. Государством были предусмотрены также льготы по налогу на прибыль для организаций-инвесторов социально-культурного сектора экономики. При этом льгота для инвестиций в сферу культуры и искусства имела максимальный размер. Если организации, осуществляющие из своей прибыли финансирование организаций здравоохранения, образования, социального обеспечения, спорта, имели право льготи-

[1] Общеизвестно, что уже с 1990 г. на рассмотрение законотворческих органов поступало несколько проектов закона «О некоммерческих организациях», однако для окончательного его принятия потребовалось более 5 лет.

ровать для целей налогообложения сумму в пределах 3% от своей прибыли (та же льгота действовала в отношении взносов в экологические и оздоровительные фонды; общероссийские общественные объединения, специализирующиеся на решении проблем национального развития и межнациональных отношений; фонды поддержки образования и творчества; детские и молодежные общественные объединения; религиозные организации), то в случае выбора ими в качестве адресата пожертвований – творческого союза или иного объединения творческих работников – размер льготы возрастал до 5%.

Некоммерческие организации культуры и искусства пользовались существенными льготами и в части налога на имущество. Ведь из своей налогооблагаемой базы они имели право исключать стоимость:

– имущества, используемого исключительно для нужд культуры;

– объектов социально-культурной сферы, полностью или частично находящихся на балансе налогоплательщика.

Кроме того, передача имущества со стороны любого субъекта хозяйственной деятельности в адрес некоммерческой организации на осуществление ею основной уставной деятельности, не связанной с предпринимательской деятельностью, с точки зрения обложения налогом на добавленную стоимость (НДС) не признавалась реализацией, а следовательно, не облагалась НДС. Эта льгота сохранилась у некоммерческих организаций и по сей день. Но довольно редко в реальной российской действительности можно встретить некоммерческую организацию культуры и искусства, не поставленную перед необходимостью осуществлять какую-либо предпринимательскую деятельность и использовать ее результаты в качестве источника финансирования основной уставной деятельности. В этом случае практическая реализация вышеописанной льготы резко затрудняется сложно-

стью, а во многих случаях – и невозможностью разграничения использования полученного имущества между основной и предпринимательской деятельностью.

Необходимо констатировать, что к концу 90-х гг. определилась тенденция к сокращению форм и методов государственной поддержки некоммерческого сектора, а также сужению областей их применения, что было обусловлено рядом причин (ухудшением финансового положения государства, наличием фактов злоупотреблений и неправомерного присвоения льгот некоммерческими организациями и т.п.) как объективного, так и субъективно-политического характера. В результате это выразилось в государственной политике ограничения налоговых льгот (в основном, по налогу на прибыль), что заметно ухудшило положение некоммерческих организаций культуры и искусства.

Более того, с 1 января 2002 г. вступила в действие Глава 25 Налогового кодекса РФ (ч. 2), в соответствии с которой были отменены практически все существовавшие льготы по налогу на прибыль в отношении как самих некоммерческих организаций, так и их инвесторов. С этого момента российское налоговое законодательство последовательно двигалось по пути дальнейшего сокращения налоговых льгот (при одновременном постепенном снижении ставок налогов).

Необходимо однако заметить, что в настоящее время некоммерческие организации все же имеют определенные налоговые преференции. Так, в соответствии с п. 2 ст. 251 Налогового кодекса РФ (ч. 2) им предоставляется право не учитывать при определении налоговой базы по налогу на прибыль целевые поступления на содержание некоммерческих организаций и ведение ими уставной деятельности, поступившие безвозмездно от других организаций и (или) физических лиц и использованные указанными получателями по назначению[1]. При

[1] Напомним, что в соответствии с пп.1 ст. 146 «Налогового кодекса РФ» (ч. 2) операции по передаче любого имущества в

этом некоммерческие организации – получатели указанных целевых поступлений – обязаны также вести отдельный учет доходов (расходов), полученных (произведенных) в рамках целевых поступлений.

Перечень целевых поступлений на содержание некоммерческих организаций и ведение ими уставной деятельности приведен в п.2 ст. 251 Налогового кодекса РФ (ч. 2) и является закрытым. К ним относятся:

1) осуществленные в соответствии с законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях вступительные взносы, членские взносы, целевые взносы и отчисления в публично-правовые профессиональные объединения, построенные на принципе обязательного членства, паевые вклады, а также пожертвования[1], признаваемые таковыми в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации;

адрес некоммерческих организаций на осуществление ими основной уставной деятельности, не связанной с предпринимательской деятельностью, не облагаются также и налогом на добавленную стоимость.

[1] В соответствии со ст. 582 Гражданского кодекса РФ (ч. 2) *пожертвованием* признается дарение вещи или права в общеполезных целях. Адресатами пожертвований могут быть как физические лица, так и юридические лица (лечебные и воспитательные учреждения, учреждения социальной защиты и другие аналогичные учреждения, благотворительные, научные и учебные учреждения, фонды, музеи и другие учреждения культуры, общественные и религиозные организации), а также государство и другие субъекты гражданского права. На принятие пожертвования не требуется чьего-либо разрешения или согласия. Пожертвование имущества юридическим лицам может быть обусловлено жертвователем использованием этого имущества по определенному назначению. Юридическое лицо, принимающее пожертвование, для использования которого установлено определенное назначение, должно вести обособленный учет всех операций по использованию пожертвованного имущества. Использование пожертвованного имущества не в соответствии с указанным жертвователем назначением дает право жертвователю, его наследникам или иному правопреемнику требовать отмены пожертвования.

2) имущество, переходящее некоммерческим организациям по завещанию в порядке наследования;

3) суммы финансирования из федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов, бюджетов государственных внебюджетных фондов, выделяемые на осуществление уставной деятельности некоммерческих организаций;

4) средства и иное имущество, которые получены на осуществление благотворительной деятельности;

5) совокупный вклад учредителей негосударственных пенсионных фондов;

6) пенсионные взносы в негосударственные пенсионные фонды, если они в полном объеме направляются на формирование пенсионных резервов негосударственного пенсионного фонда;

7) использованные по целевому назначению поступления от собственников созданным ими учреждениям;

8) отчисления адвокатов на содержание коллегии адвокатов (ее учреждений);

9) средства, поступившие профсоюзным организациям в соответствии с коллективными договорами (соглашениями) на проведение профсоюзными организациями социально-культурных и других мероприятий, предусмотренных их уставной деятельностью;

10) использованные по назначению средства, полученные структурными организациями РОСТО от Министерства обороны Российской Федерации и (или) другого органа исполнительной власти по генеральному договору, а также целевые отчисления от организаций, входящих в структуру РОСТО, используемые в соответствии с учредительными документами на подготовку в соответствии с законодательством Российской Федерации граждан по военно-учетным специальностям, военно-патриотическое воспитание молодежи, развитие авиационных, технических и военно-прикладных видов спорта;

11) имущество (включая денежные средства) и (или)

имущественные права, которые получены религиозными организациями на осуществление уставной деятельности.

Однако помимо вопросов налогообложения целевых поступлений, получаемых некоммерческими организациями от доноров, важнейшей проблемой налогового режима для них является налогообложение доходов от предпринимательской деятельности, осуществляемое в настоящее время без учета того факта, какой именно тип предпринимательской деятельности ведет та или иная некоммерческая организация, ведь предпринимательская деятельность может как напрямую служить достижению целей основной деятельности некоммерческой организации (например, проведение платных концертов Союзом композиторов), так и иметь косвенное отношение к достижению этих целей, то есть отвечать целям создания некоммерческой организации (например, организация столовой и буфета для композиторов и посетителей концертов, организация платной парковки для их автомобилей, реализация программок, проспектов и буклетов и т.п.). Следует отметить, что в целом ряде случаев предпринимательская деятельность, имеющая косвенное отношение к основной деятельности, может осуществляться по ценам, уровень которых ниже рыночного, а порою и по цене, равной себестоимости или даже ниже ее, то есть в последнем случае субсидироваться за счет средств доноров.

Кроме того, может иметь место предпринимательская деятельность, вовсе не связанная с достижением целей создания некоммерческой организации (например, деятельность столовой и буфета для сторонних лиц, и вообще другая деятельность). Ведение такого рода предпринимательской деятельности, как было отмечено выше, некоммерческими организациями не предусмотрено Федеральным законом «О некоммерческих организациях». Однако на практике зачастую трудно отличить друг от друга виды предпринимательства, служа-

щие и не служащие достижению целей некоммерческой организации, ради которых она была создана.

В целом автор поддерживает точку зрения, согласно которой налоговые правила для некоммерческого сектора в России признаются чрезмерно жесткими. Так, зарубежная практика показывает, что далеко не во всех странах мира в налоговую базу налога на прибыль, облагаемую по стандартной ставке, включается доход от всей предпринимательской деятельности, в том числе связанной с основными целями.

В этой связи думается, что с целью определения путей совершенствования налогового режима для некоммерческих организаций прежде всего необходимо разрешить следующие вопросы:

– освобождать ли от налога на прибыль доходы, полученные от осуществления предпринимательской деятельности, направленной на достижение целей создания организаций (условно назовем ее *предпринимательством, аналогичным основной деятельности*);

– разрешать ли некоммерческим организациям непосредственно осуществлять не связанную с основной целью организации предпринимательскую деятельность (условно назовем ее *предпринимательством, вспомогательным для основной деятельности*);

– освобождать ли от обложения налогом на прибыль доходы, полученные от осуществления предпринимательской деятельности, не направленной непосредственно на достижение целей создания организации, но улучшающей качество основной услуги, предоставляемой некоммерческой организацией;

– должны ли каким-либо образом законодательно регламентироваться соотношения масштабов основной (включая предпринимательскую) деятельности и деятельности, не направленной непосредственно на достижение целей создания организации (условно назовем ее *побочным предпринимательством*).

Эти вопросы являются взаимосвязанными, и решение одного из них может повлиять на совокупность рациональных вариантов решения всех других.

Думается, что в развитие действующей в России ограничительной концепции разрешенного предпринимательства в некоммерческом секторе было бы целесообразно расширить направления предпринимательской деятельности, разрешенной для некоммерческих организаций, одновременно выделив среди них три основные группы:

– предпринимательство, аналогичное основной деятельности;

– предпринимательство, вспомогательное для основной деятельности;

– побочное предпринимательство.

В соответствии с выделенными группами могут быть рассмотрены 3 варианта льгот по налогу на прибыль – от самого широкого, предоставляющего льготы по доходам от всех видов предпринимательской деятельности до самого узкого, предоставляющего льготы только тем организациям, которые не имеют кроме доходов от предпринимательства, аналогичного основной деятельности, никаких других доходов. Целесообразным в рамках такого подхода следовало бы признать вариант, при котором объем предоставления налоговых льгот был бы выше для предпринимательства, аналогичного основной деятельности, ниже для вспомогательного и отсутствовал бы для побочного предпринимательства.

В связи с постановкой вопроса о разработке системы льготирования прибыли некоммерческих организаций нельзя не остановиться и на проблемах их доноров – коммерческих организаций различных форм собственности, которые в соответствии с действующим законодательством могут осуществлять пожертвования[1] в некоммерче-

[1] Мотивация пожертвований в некоммерческий сектор культуры и искусства со стороны частного капитала имеет широкий спектр: от обычного человеческого альтруизма и чувства

ский сектор исключительно из своей чистой прибыли после налогообложения. Российское налоговое законодательство не предусматривает права на вычет (в определенных пределах) средств, направляемых на благотворительность из базы налога на прибыль, либо предоставление кредита по налогу на прибыль на определенную долю подобных средств, что, в свою очередь, является довольно распространенной мировой практикой. Причем отчисления на благотворительные нужды не уменьшают базу налога на прибыль коммерческих организаций-доноров ни в тех случаях, когда пожертвования осуществляются в денежной форме, ни в случаях, когда ими производится безвозмездная поставка товаров (работ, услуг) в благотворительных целях[1].

Все вышеизложенное вряд ли позволяет позитивно оценить предусмотренный для благотворителей налоговый режим. Однако справедливости ради следует отметить, что отсутствие соответствующих норм в российском налоговом законодательстве имеет свои причины. Практически полное отсутствие в России льгот по налогу на прибыль как бы уравновешивается его невысокой ставкой,

---

социальной ответственности до стремления к общественному признанию и приобретению различных льгот. Такого рода пожертвования во всем мире рассматриваются и в качестве свидетельства социальной надежности частного бизнеса.

[1] Благотворительность, – по определению В.И. Даля, – это свойство или качество благотворителя, которого, в свою очередь, можно определить как благодетеля, творящего добро другим. В связи с этим немаловажным представляется тот факт, что одним из основных направлений современной благотворительности действующее российское законодательство провозглашает содействие развитию образования, науки, культуры и искусства, а также просвещению и духовному развитию личности. Важно также отметить, что адресатом благотворительной деятельности может быть исключительно некоммерческая организация. Направление денежных и иных средств, а также оказание помощи в других формах коммерческим организациям благотворительностью не признается.

имеющей к тому же тенденцию к регулярному понижению (так, за последние 15 лет произошло существенное плавное снижение ставки налога на прибыль: от 35% в середине 90-х гг. XX в. до 20% в настоящее время). Поэтому любые попытки введения льготы по налогу на прибыль для благотворителей может вызвать эскалацию огромного количества предложений о введении льгот по другим основаниям, что поставит под угрозу современную российскую конструкцию налога на прибыль в целом.

Здесь необходимо также отметить, что донорами некоммерческих организаций являются не только юридические, но и физические лица – плательщики налога на доходы физических лиц (НДФЛ). Благотворительность в адрес культуры и искусства принято именовать меценатством. Пожертвования меценатов, в соответствии с мировой практикой, – одна из значимых форм поддержки некоммерческого сектора культуры и искусства.

История развития меценатства знает немало примеров, достойных подражания. Ведь были в истории России и такие времена, когда практически все состоятельные люди занимались благотворительностью. Общеизвестны факты проявления меценатства со стороны русских купцов. Грандиозный вклад в повышение благосостояния России внесли такие меценаты, как Демидов, Шереметьев, Хлудов, Третьяков, Мамонтов и многие другие. Широко известна благотворительная деятельность русского фабриканта Саввы Морозова. Уже в 1896 г. российская пресса сообщала, что размер ассигнований Саввы Морозова на создание общедоступного театра для рабочих и служащих Орехово-Зуева, ставшего первым в Московской губернии театром для рабочих и служащих, составил 200 000 р. Общеизвестным фактом является и неоднократная материальная помощь Саввы Морозова театрам Чарского, Абрамовой, Суворина, Корша.

В условиях перехода к рыночной экономике в России сформировался класс наиболее обеспеченных в фи-

нансовом отношении граждан. Так как престижность меценатства в любом обществе достаточно велика, а почва для его проявления в России уже подготовлена заботой предыдущих поколений, некоммерческим творческим организациям следует проводить в отношении таких граждан активную агитационную работу по привлечению части их доходов в качестве источников финансирования своей деятельности.

При этом следует иметь в виду, что государственное стимулирование меценатства в России проявляется в настоящее время следующим образом. В ст. 219 (пп. 1 п. 1) «Социальные налоговые вычеты» Налогового кодекса РФ установлено, что плательщик налога на доходы физических лиц имеет право на получение социальных налоговых вычетов «в сумме доходов, перечисляемых налогоплательщиком на благотворительные цели в виде денежной помощи организациям науки, культуры, образования, здравоохранения и социального обеспечения, *частично или полностью финансируемым из средств соответствующих бюджетов*, а также физкультурно-спортивным организациям, образовательным и дошкольным учреждениям на нужды физического воспитания граждан и содержание спортивных команд, а также в сумме пожертвований, перечисляемых (уплачиваемых) налогоплательщиком религиозным организациям на осуществление ими уставной деятельности, – в размере фактически произведенных расходов, *но не более 25 процентов суммы дохода, полученного в налоговом периоде*».

Другими словами, из данного положения Налогового кодекса РФ следует, что некоммерческие организации образования, здравоохранения, науки, культуры и социального обеспечения, финансируемые исключительно из пожертвований частных доноров и доходов от предоставления платных услуг, вправе получать пожертвования от физических лиц, которые никак не льготируются по налогу на доходы физических лиц. В то же время

если такая же организация частично финансируется из бюджета[1], то у благотворителя – физического лица автоматически появляется право на вычет.

Таким образом, мы видим, что при предоставлении льготы благотворителям – физическим лицам, делающим пожертвования на благотворительные цели, ограничена не только сумма пожертвования, но и круг организаций-благополучателей. Доводы сторонников этого ограничения заключаются в том, что при принятии решений о финансировании из бюджета осуществляется дополнительный контроль. Кроме того, у государственных органов больше возможностей для получения информации об адресатах пожертвований, чем у частных доноров. Но, с другой стороны, частные доноры, жертвуя собственные средства, как правило, больше заинтересованы в получении такой информации. Кроме того, распределение средств из бюджета нередко сопровождается формальным подходом и охватывает не все направления деятельности некоммерческих организаций.

Анализируя применение ограничения в размере 25% дохода, можно предположить, что оно установлено для предотвращения злоупотреблений, а именно создания или

[1] Ситуацию отягощает и тот факт, что действующим законодательством не раскрыто содержание критерия «полное или частичное финансирование из средств соответствующего бюджета». Так, в соответствии с письмом Управления МНС РФ по г. Москве от 13 ноября 2002 г. № 27-08н/54581 факт финансирования организации из бюджета может быть подтвержден копией устава организации. Отсюда можно сделать вывод, что налоговое законодательство в качестве условия предоставления льготы предполагает наличие сметного бюджетного финансирования государственных и муниципальных учреждений, оставляя применительно к данной льготе «за бортом» благополучателей, являющихся негосударственными некоммерческими организациями и получающими средства из бюджета лишь в виде платы за услуги, оказываемые ими на основании государственных контрактов.

использования некоммерческих организаций с целью извлечения частных выгод для донора. Однако при достаточной прозрачности деятельности некоммерческих организаций и эффективном внешнем и внутреннем контроле эта причина становится практически несущественной.

По нашему мнению, эффективной мерой поддержки российского меценатства могла бы стать отмена обоих ограничений с одновременным предоставлением возможности вычета суммы пожертвования мецената из причитающегося ему к уплате налога на доходы физических лиц (хотя бы в пределах 50% от общей суммы налога). Безусловно, при этом должна быть предусмотрена детализированная публичная отчетность некоммерческих организаций-благополучателей, другие меры внешнего и внутреннего контроля за расходованием полученных от мецената средств. Можно также ввести конкретный перечень видов деятельности некоммерческих организаций, пожертвования на которые дают донору право на льготу.

Обобщая вышеизложенное, хотелось бы подчеркнуть, что в данной статье приведен далеко не полный перечень проблем в сфере налогообложения, остро стоящих перед некоммерческими организациями культуры и искусства в настоящее время. Так, «за кадром» осталась проблема налогообложения имущества некоммерческих организаций культуры и искусства (обладая немалым объемом имущества, многие из них имеют колоссальные проблемы как с его оценкой, так и с невозможностью льготировать стоимость имущества для целей налогообложения), недостаточно подробно освещен комплекс неурегулированных вопросов налогообложения безвозмездной передачи некоммерческим организациям имущества, денежных средств и товаров (работ, услуг) в части действия налога на добавленную стоимость, не акцентировано внимание на ряде проблем, возникающих у некоммерческих творческих организаций, применяющих упрощенную систему налогообложения. Однако не-

оспоримым следует признать тот факт, что современные фискальные методы регулирования некоммерческой деятельности (в частности, в сфере культуры и искусства) остро нуждаются в реформировании.

В заключении отметим, что, совершенствуя механизмы налогового регулирования экономики некоммерческого сектора культуры и искусства, довольно опасно пренебрегать контрольными функциями. Наряду с необходимостью жесткого контроля над использованием прибыли необходима система всестороннего контроля деятельности некоммерческой организации на предмет ее соответствия установленным целям и правовым нормам. Эта система должна предполагать как внутренний контроль (со стороны учредителей), так и внешний (общественный и государственный).

Внутренний контроль дополнительно усиливается в некоммерческих организациях за счет коллегиальности высшего органа управления, а также отсутствия у его членов возможности получать вознаграждение за выполнение своих функций.

Широкие возможности общественного контроля законодательно уже определены невозможностью сохранения некоммерческой организацией в качестве коммерческой тайны информации о размерах и структуре доходов и расходов, сведений о размерах и составе имущества, о численности и структуре кадров, о размерах оплаты труда и т.п. Пользователями этой информации могут быть как учредители, так и работники некоммерческой организации, а также общественность в лице, например, работников средств массовой информации.

Кроме того, законодательство гарантирует получение вышеуказанной информации, а также иных сведений о деятельности некоммерческой организации уполномоченными государственными органам, что является залогом эффективности контроля со стороны государства.

Н.Ю. Иванов (Россия) **N.Yu. Ivanov (Russia)**

ИМПЕРАТИВЫ МАРКЕТИНГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В АГРАРНОЙ СФЕРЕ

IMPERATIVES OF MARKETING ORGANIZATIONAL CULTURE ARE IN AN AGRARIAN SPHERE

New realities of creation of the world, dictate the new formats of general moral binding over. A crisis, influencing on community development, compels to come running to more perfect methods of affecting course of events and forming of new way of life.

This article is the hypothesis of new paradigm in the imperative of marketing organizational culture and it is suggested to examine as suggestion, worked out for the change of orientation of looks and values without a causing damage to traditions and world culture to the specialists of new format of thought.

Conceptual approach in the article is new and not having analogues, but reasonable on opinions and looks of row of specialists.

Значение кризиса, перекраивающего бизнес-карту мира и нещадно, сокращающего рейтинг самых богатых людей планеты, становится основным фактором современности, который коснулся всех отраслей народного хозяйства и жизнедеятельности человека. Все намеченные стратегии все больше приобретают ситуативный характер, принимаются сиюминутные решения в текущей обстановке, применяются те или иные инструменты, но ожидания, что кто-то преподнесет рецепты, четкую программу: «Это сделать, а это нельзя», - оборачивается в большой миф и заблуждение.

Скорость событий, происходящих в часто изменяющемся мире рынка, очень высока, в нем роль эмпирических методов и аналитики резко идут на снижение. Те, кому

удалось быстрее перестроиться на новые условия, сломать сложившуюся на нынешнем рынке практику, те выигрывают. Но с таким явлением заметно возрастает роль интуиции, что позволяет определить нестандартность, креативность принятия решений. Российский бизнес пока ориентирован на жесткий инструментарий и конкретику, хотя все больше предпринимателей стремятся получать информацию о формировании мягких компетенций, новых подходов мышления, новых взглядов на рынок.

Функциональность характера маркетинга и всеобщность характера потребления, на которые опирается вся экономика, нужно считать необходимым условием процветания и аграрной сферы. Наиболее важной характеристикой окружающей потребителя среды – универсальное и проникающее во все и вся убеждение в потреблении – что является не просто необходимым элементом жизни человека, но и привлекательным, поощряемым способом его поведения. Так складываются новые нравственные предписания.

Данная проблема касается адаптации маркетинга в аграрной сфере и политики управления им, как системой, отражающей вопросы систематики маркетинговой ориентации, и не выделяет маркетинг в зарубежной теории и практике как нечто неопределенное, которое объясняется одним из чрезвычайно интересных определений известного европейского маркетолога, профессора Жан-Жака Ламбена: «Маркетинг – это архитектор общества потребления, то есть это рыночная система, где продавцы коммерчески эксплуатируют потребителей» [1:10]. Хотя автор приводит такое определение в числе понятий узкого мировоззрения представителей топменеджмента, но вполне реально вышеизлагаемое определение интерпретировать в пользу и преимущество развития маркетинга в аграрной сфере.

Точкой опоры для формирования и развития маркетинга в аграрной сфере является понимание взаимосвя-

зей природы, человека, общества со структурой, занимающейся предпринимательством. Так, у О.А. Новиковой и С.А. Уваровой в работе «Коммерческая логистика» приводится такая схема, в которой устанавливается связь между «природой-фирмой», обозначенная как экология и взаимосвязи «общества-человека», «общества-природы» и «природы-человека», названные логистикой. Предметом изучения этой новой для России науки являются планирование, управление, контроль достижения материальных, финансовых, трудовых, энергетических, информационных и других ресурсов с целью сокращения общих расходов.

Немного изменив такого рода связи в пользу аграрной сферы, получим некоторый механизм, проясняющий факт предназначения маркетинга и роль менеджмента в эволюции процессов для управления, отображающий характер существования логистического действия в неком проявлении в общей системе материальных и информационных взаимосвязей аграрной сферы с природой современного общества (рис. 1):

Интерпретируя определение профессора Ж.-Ж. Ламбена, предлагаем следующее определение: «Маркетинг в аграрной сфере есть архитектура такого общества потребления продукции сельского хозяйства и сельскохозяйственного производства, архитектоника которого сводится к минимуму усилий в продвижении и реализации собственной продукции, следовательно, ориентирует аграрную сферу на потребности потребителя и рационально управляет им». Притом выделяем важность приоритета в условиях становления маркетинговой организационной культуры, которая и является основой маркетинговой переориентации производственно-ориентированной сферы.

Без сомнения заимствование теории и практики маркетинга, на первый взгляд, является прекрасной перспективой для развития архитектуры общества потребления и становления маркетинговой организационной культуры в аграрной сфере. Но уточняя факт заимствования и осо-

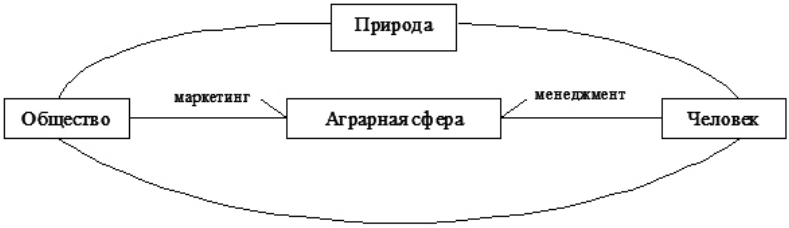

Рис. 1.
Маркетинг и менеджмент в общей системе материальных и информационных взаимосвязей аграрной сферы

бенность российской ментальности, следует отметить целесообразность и для творческого подхода в изменениях, учитывающих специфику национального характера, привычек, традиций и иных факторов, влияющих на качество жизни и развития общества потребления продукции аграрной сферы. Такая работа необходима и она потребует кропотливых и длительных исследований в области социологии, психологии и экономики, но заметим, рекомендации по этому поводу предпринимателю требуются сейчас.

С другой стороны, действительно, любые изменения в общественном развитии всегда являются процессом болезненным и долговременным, с такой дилеммой придется столкнуться и в аграрной сфере, где устоявшиеся ценности и формы ведения хозяйства будут труднопреодолимы. Но, тем не менее, как считает профессор В.И. Беляев: «Переориентация предприятий с производственной организационной культуры на маркетинговую является самой настоящей реформой на уровне материального производства (на микроуровне)» [2:34], а грамотное управление, безусловно, обеспечится новыми знаниями и новыми подходами формирования новой эффективной модели в аграрных взаимоотношениях. Российский теоретик в области маркетинга Р.К. Цахаева утверждает, что «маркетинговый подход предпочтительнее, ибо его преимущества очевидны» [3:22].

Далее вполне удивительным оказывается, что понятие «организационная культура» в наше время не имеет единого толкования. В.Н.Федосеев, автор ряда работ по управлению маркетингом, рассматривает понятие следующим образом: «Под организационной культурой пытаются понимать принимаемые большей частью фирмы философии и идеологии управления, расположения и нормы, лежащие на основе отношений и взаимодействия как внутри фирмы, так и за ее пределами» [4:92-93]. Такое понимание верно, так как «организационная культура проявляется в отношениях между людьми, которые являются ее носителями» [4:93]. При этом сфера деятельности, ориентированная на рынок, будет постоянно адаптироваться к происходящим изменениям внешней среды, формировать черты организации индивидуального типа, а также реальную матричную структуру, которая повлияет на становление маркетинговой организационной культуры, в частности, в аграрной сфере.

Также существует последовательность взглядов на ход формирования организационной культуры, которые можно сгруппировать как показатель последовательности и значимости (табл. 1).

Приведенная в таблице 1 последовательность вполне удачно отражает логику формирования организационной культуры, фундаментом которого является конкретная организационная культура (субкультура), рассматриваемая с использованием ряда характеристик, совокупность которых формируют определенные параметры. Эти параметры являются идентификаторами национальных организационных культур, выступающих регулирующим инструментом, в свою очередь, объединение таких инструментов воссоздает уровневый стиль подхода, который формирует атрибуты организационной культуры. Аномалии такого явления характерны для отдельных субкультур, культивированных доминирующей организационной культурой, для которой они становятся оппозиционной силой.

Таблица 1

Последовательность взглядов на формирование организационной культуры

Стиль подхода	Характеристика	Автор
Атрибутный	– образцы базовых предположений; – ценности (ценностные ориентации); – «символика», истории, легенды, мифы и т.д.	В.Н. Федосеев
Уровневый	– поверхностный или символический (внешние факторы); – подповерхностный (ценностные ориентации и верования); – глубинный (базовые предположения, скрытые, принимаемые на веру и направляющие поведение людей);	Э. Шайн
Параметры	– по дистанции власти; – по роли индивидуального начала; – по степени неприятия неопределенности; – по степени ориентирования в будущее; – по уровню мужественности;	Г. Хофстид
Характер	– осознание себя и своего места, коммуникативная сеть и язык общения, привычки и традиции питания, ценности и нормы, осознание времени и т.п.	Ф. Харрис, Р. Моран

В практической психологии, а именно у автора книги «Психология потребителя» Д. Статта, понятие «субкультура» определено «как «культура в культуре», которая разделяет многие ценности общенациональной культуры, однако имеет и свои отличительные свойства» [5:266]. Такое видение ситуации объясняется фактом относительной экономической самостоятельности регионов страны, как предпосылка формирования социально-экономических условий жизнеобеспечения и среды становления маркетинговой организационной культуры.

Влияние субкультур на организационное поведение велико, эта связь культурных ценностей напрямую воз-

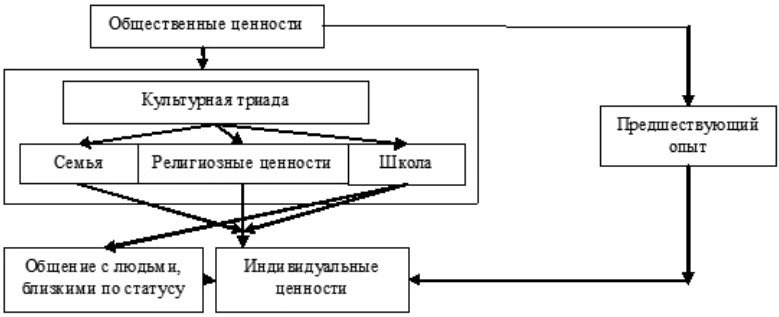

Рис. 2.
Источники формирования ценностей людей

действует на формирование структуры маркетинговой организационной культуры в аграрной сфере. Такие ценности во многом свойственны и другим народам, однако стоит отметить существующие различия и между близкими национальными культурами. Понимание такого рода различий сыграет ключевую роль в осмыслении поведения людей в разных регионах страны и мира, а также формировании потребительских предпочтений. Для организационной культуры аграрной сферы важнее согласованность сфер производства и потребления, их отнесем к категориям основных ценностей, а некоторые исследователи выделяют восемь основных культурных ценностей жителей [6:446]. Это можно представить следующим образом:

Адаптируя источники формирования ценностей людей к среде их обитания, прямо или косвенно соотнесенные с аграрной сферой, получим результат, где институты семьи, социально-культурные ценности и агрошколы в агрокультурной триаде являются базой. Эта база опирается на предшествующий опыт поколений и воссоздают ценности аграрного общества. Взаимодействие с искусственной средой и под влияние «prosumer economics» [7:34] формируют индивидуальные ценности, совокупность которых предлагается преобразовать в «социально-экономический вакуум».

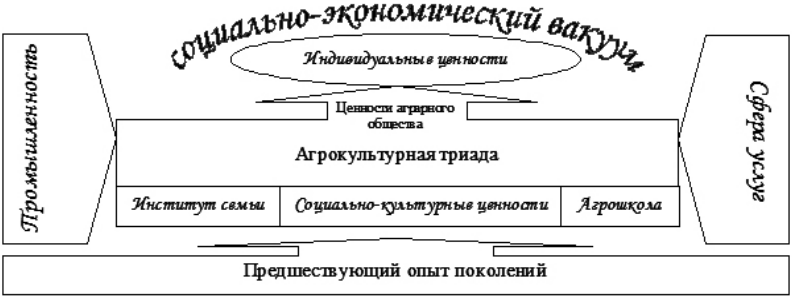

Рис. 3.

«Социально-экономический вакуум» аграрного общества

Так, может появиться новая вероятность в формировании теории и практики социально-экономических отношений. Под влиянием субкультуры аграрного общества образуется «общественно-экономическая формация» [8:442], которая выступает как первичная фаза становления новых социально-экономических систем. Способ производства [9: 649] в нем должен определяться характером природно-климатических условий и признаками отраслевой специализации, влияющих на процессы воспроизводства, создавая микроэкономическую среду.

Такая среда в большей степени характеризуется агропромышленной интеграцией [10: 240], которая в свою очередь формирует и разрабатывает ряд экономических стратегий, в которых отражаются особенности социально-этичного характера развития общества, и не противоречащих признанным принципам маркетинговой организационной культуры. Экономическая эффективность агропромышленной интеграции представляется показателями увеличения объема производства профильной продукции, прироста прибыли, улучшения качества продукции, снижения ее себестоимости, увеличения производительности труда, улучшения использования трудовых ресурсов (увеличение числа дней работы одного постоянного рабочего на протяжении года),

улучшения использования производственных фондов (рост фондоотдачи) и капитальных вложений.

Так, агропромышленной интеграции предстоит стать балансирующей силой в ожидании эффекта во взаимосвязях и результативности «социально-экономического вакуума» со смежными отраслями, обслуживающими сельское хозяйство, поставляющими ему ресурсы и доводящими его продукцию до конечного потребителя. Участники агропромышленной интеграции воссоздают мезосреду маркетинга аграрной сферы и маркетинговой организационной культуры.

Данная гипотеза открывает возможности совершенствования системы управления экономическими агентами в «социально-экономическом вакууме», позволительно управление процессами в производстве на более значительных территориях с вовлечением в него большего числа индивидов, это вполне отвечает условиям селективности подходов в тактическом плане приоритета маркетинга. В его структуру необходимо заложить приоритеты выборочного и одностороннего механизма коммуникаций или использования иерархической модели, исключающей большое число взаимно пересекающихся связей, что видится целесообразно необходимым в общественной формации для качественного отбора информации. Скромные требования к объему информации и цепная система ее передачи позволят регулировать деятельность большого количества человек на более крупных территориях.

Таким образом, радиус экономического пространства увеличится настолько, что возникающая проблема отыскания необходимой информации возрастет, а эффективность агентов общественно-экономической формации снизится, что приведет к возникновению неизбежной зависимости от каналов коммуникативных контактов с ее участниками. Такую проблему можно решить посредством интеграции методов исследований, модель

которой предложим назвать «ойкуменаинг». А методику аграрно-экономического исследования модели «ойкуменаинг» можем назвать «ойкуменаирование», понятие которого определим как процесс визуального разделения территории земли, обжитые коренными народностями, имеющие свои традиционные ремесла и промыслы, для сохранения их традиций и бытности, социокультуры и традиционных занятий, а также обеспечения естественной и экологической безопасности.

Основная идея методики заключается в том, чтобы современный потребитель, с устоявшимися традиционными ценностями, внес свой вклад в сохранение и развитие традиционных отраслей сельского хозяйства, потребляя их продукцию, при этом получая выгоду осязаемого (измеряемого) и неосязаемого (не измеряемого) характера. Так, потребитель выполняет роль инвестора производства и его совладельца. Тем самым предполагаемая методика должна способствовать обеспечению конкурентоспособности товаров традиционных отраслей сельского хозяйства, местного товаропроизводителя.

Интерпретация модели предполагает определить «ойкумене» (от греческого *oi koumene* – территория земли, постоянно заселенная человеком) [11:141], объектом исследования, вступающим во взаимоотношения с экономическими агентами формирующим таким образом информационную среду.

«Ойкумена», взаимодействуя с «производством» и «переработкой», формирует и разрабатывает «товар», который продвигается и реализуется прямыми и/или косвенными каналами посредством каналов «посредник» и «MLM» (в сути multilevel marketing) [12:794]. А также напрямую или косвенно воздействовать на «рынок», в том числе взаимодействуя с отраслевым «рынком сельскохозяйственной продукции и техники».

Далее, чтобы определиться с маркетинговой организационной культурой как процессуальным подходом

Построим примерную схему модели «ойкуменаинг»:

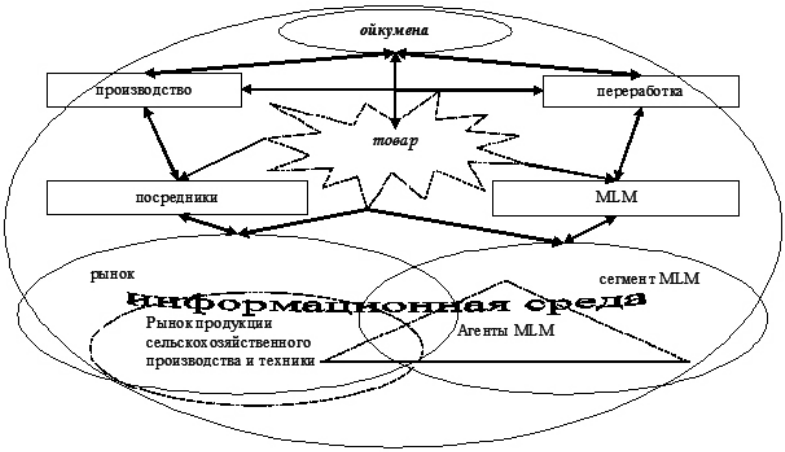

Рис. 4.
Примерная схема модели «ойкуменаинг»

в управлении маркетингом в аграрной сфере, актуально применение инструментария, в качестве которого выступают интегрированные маркетинговые и рыночные исследования, в свою очередь способствующие предвидению картины, вырисовывающейся в условиях производственно ориентированной деятельности на маркетинговую переориентацию.

Сам характер картины во многом зависит от тенденций и условий перехода к рыночным отношениям, безусловно связанных с некоторыми трудностями и особенностями заинтересованности менеджмента, а также специализации хозяйствующих единиц в получении и использовании новой техники и технологии работы с информацией, повышающих надежность инструментария маркетинга, в действительности также сложных, как и значимых. Сами маркетинговые и рыночные исследования, при этом находя связь со значительными затратами

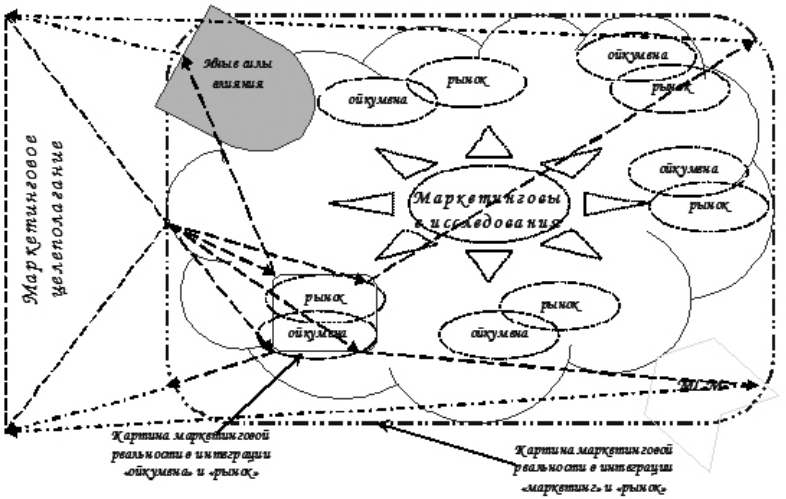

Рис. 5.
Мысленное представление картины
маркетинговой реальности

в зависимости от вложенных в них усилий и средств, рационального управления такой системой в качественном варианте проявят конечный результат, соответственно те «затраты на маркетинговые исследования – это инвестиции в будущее» [13:490].

Предварительный комплекс анализа ситуаций впоследствии явит основу становления маркетинговой деятельности, выработки конкретных стратегий и их реализации таким образом, чтобы репродукция маркетинговой картины способствовала эффективной работе с маркетинговой информацией.

Если рассматривать маркетинговую реальность с позиции системного подхода, то может появиться вероятность того, что сознание исследователя, находящегося в постоянной обработке информации, приведет к утрате чувства перспективы и достижения нужных результатов. В таком плане последовательность взаимодействия

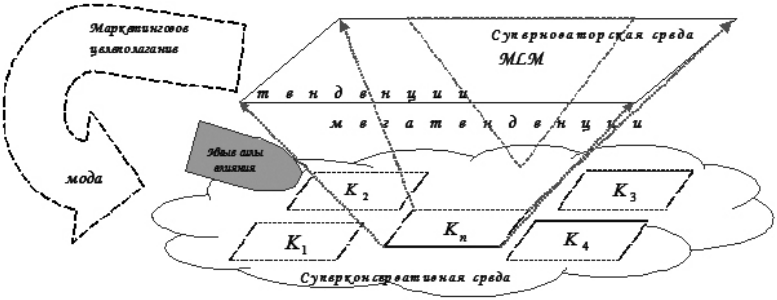

Рис. 6.
Упрощенный вариант понимания картины
современной маркетинговой реальности

макро- и микросреды маркетинга во многом пояснит репродукцию картины производственной ориентации деятельности в перспективу маркетинговой переориентации. Регулярность проводимого ситуационного анализа позволит выявлять наличие долговременных целей, в том числе активности, наступательности и предприимчивости топ-менеджмента всех рангов и уровней.

Такова насыщенность мысленно обрисованной картины маркетинговой реальности, в действительности отражающая многогранность систем, наводит на мысль неопределенности и множественности связей и приводит к утрате чувства перспективы и достижения нужного результата. Но его можно представить и в более упрощенном варианте, где можем заметить пропорциональность плоскостей отражения «суперконсервативной среды» на «суперноваторскую среду», связь которых устремлена обратно в сторону «суперконсервативной», как бы создавая «обратную связь», при этом генератором идеи здесь может выступать распределение ролей ««мода», «тенденция», «мегатенденции» [14:103].

Рисунок 6 наглядно демонстрирует факт существования на двух плоскостях «суперконсервативной сре-

ды» и появления «суперноваторской среды», которым отведены роли «мегатенденции» и «тенденции». Путем «маркетингового целеполагания» и с помощью инструмента «мода», «суперноваторская среда» воздействует на «суперконсервативную среду», что и является фундаментом для моделирования маркетинговой организационной культуры в аграрной сфере. При этом создавая маркетинговые возможности в аграрной сфере в фазовом развитии процессов цепного действия «ойкумена» в траектории состояния маркетинговой ориентации, где производственно ориентированная аграрная сфера (система $K_{Б}$) может пройти следующие фазы (табл. 2):

Таблица 2

Фазы развития в процессе цепного действия «ойкумена» в траектории состояния маркетинговой ориентации

№	Фазы		Характерные черты фаз
	назначения	исходной точки	
1.	Начальная	$K_{Б}$	Начальная, исходная точка «ойкумена», находящаяся в траектории примитивного уровня с перспективой развития в решении проблем перехода в рыночную фазу развития
2.	Рыночная	$K_{БР}$	Исходная точка «ойкумена», находящаяся в траектории первичного уровня в состоянии «суперконсервации» в условиях создания среды для формирования предпринимательских структур
3.	Предпринимательская	$K_{БП}$	Исходная точка «ойкумена», находящаяся в траектории позитивного уровня в состоянии «суперноваторства» в условиях создания предпринимательских структур
4.	Маркетинговая	$K_{БМ}$	Исходная точка «ойкумена», достигаемая траектории приоритетного уровня, в состоянии маркетинговой ориентации в условиях конкурентоспособности

Библиографический список

1. *Ламбен, Ж-Ж. Стратегический маркетинг. Европейская перспектива / Ж-Ж. Ламберн ; пер. с фр. – М.: Наука, 1996.*
2. *Беляев, В. И. Маркетинг: основы теории и практики : учебник / В. И. Беляев. – 2-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2007.*
3. *Цахаев, Р. К. Основы маркетинга: учебник / Р. К. Цахаев, В. Муртузалиева. – 2-е изд., стереотип. – М.: Экзамен, 2007.*
4. *Федосеев, В. Н. Управление маркетингом: учебное пособие / В. Н. Федосеев. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2006.*
5. *Психология потребителя / Д. Статт. – СПб.: Питер, 2003.*
6. *Эйджел, Д. Поведение потребителей / Д. Эйджел, Р. Блэкуэл, П. Миниард. – СПб.: 1999.*
7. *Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: ФСТ, 1999 (Серия «Классическая философская мысль»).*
8. *Маркс, К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 6.*
9. *Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983.*
10. *Борисов, Е. А. Аграрная реформа в РС(Я) (экономика, опыт, рынок) / Е. А. Борисов, В. Р. Дарбасов. – Якутск, 1997.*
11. *Сервисная деятельность: учебное пособие / С. Н. Коробкова, В. И. Кравченко, С. В. Орлов, И. П. Павлова ; под общ. ред. В. К. Романович. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2005.*
12. *Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент: анализ, планирование, внедрение, контроль / Ф. Котлер. – СПб.: Питер, 1998.*
13. *Оливье, А. Международный маркетинг / А. Оливье, Р. Урсе // Академия рынка: маркетинг. – М.: Экономика, 1993.*
14. *Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер, К. Л. Келлер. – 12-е изд. – СПб.: Питер, 2006.*

О.А. Подкопаев (Россия) O.A. Podkopaev (Russia)

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

THE DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL ASSETS IN RUSSIA IN THE CIRCUMSTANCES OF GLOBAL ECONOMIC CRISIS

The necessity of Russian economy stability strengthening, its ability for neutralizing the world`s markets negative influence is caused by the world economic crisis. Share and price development makes Russian economy vulnerable. In this regard, it`s necessary for Russia to switch into innovative type of economic development. The pacing factor of this development should be human capital assets. To create valid economic system and widen Russia`s competitiveness in world economy it`s imperative to develop and increase a human capital, innovations and labor productivity.

Кризисные явления в мировой экономике обусловливают необходимость повышения устойчивости экономики России, ее способности нейтрализовать негативные воздействия мировых рынков. Динамика курсов акций и цен на сырьевые товары делает уязвимыми топливно-энергетический комплекс и экономику России в целом. В этой связи необходим переход России на инновационный тип экономического развития, а основным фактором экономического роста должен выступить человеческий капитал. Развитие человеческого капитала и инноваций, повышение производительности труда позволят России создать эффективную экономическую систему и значительно расширить свои конкурентные позиции в мировой экономике.

Повышение темпов экономического развития, структурные изменения экономики, вызванные переходом к

инновационному типу ее развития, приводят к возрастанию роли человеческого капитала в социально-экономическом процессе. Если проанализировать структуру долгосрочных инвестиций в экономически развитых странах, то можно сделать вывод о повороте инвестиционной политики с преимущественных вложений в новое оборудование и технологии на инвестиции в подготовку и развитие научного, технологического и управленческого персонала. Например, в Японии на новые технологии и оборудование тратится 8% ВНП, а на образование и переподготовку персонала – 16%, в США эта доля еще выше – 20%.

В экономической литературе понятие человеческого капитала рассматривается в широком и в узком смыслах. В узком смысле одной из форм капитала является образование. Человеческим его назвали потому, что эта форма становится частью человека, а капиталом является вследствие того, что представляет собой источник будущих удовлетворений или будущих заработков, либо того и другого вместе. В широком смысле человеческий капитал формируется путем инвестиций в человека в виде затрат на образование и подготовку рабочей силы на производство, на охрану здоровья. Человеческий капитал – это важнейшая составная часть современного производительного капитала, которая представлена свойственным человеку богатым запасом знаний, развитых способностей, определяемых интеллектуальным и творческим потенциалом. Основным фактором существования и развития человеческого капитала являются инвестиции в человеческий капитал.

В этой связи определение путей и способов обеспечения в долгосрочной перспективе устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе являлось основной целью разработки «Концепции долгосрочно-

го социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (далее – Концепция) [1]. Стратегической целью Концепции является достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан.

Кризисные явления в мировой экономике обусловливают необходимость повышения устойчивости экономики России и ее способности нейтрализовать негативные воздействия мировых рынков. Динамика курсов акций и цен на сырьевые товары повышает актуальность перехода России на инновационный тип экономического развития. Инновационный тип развития российской экономики связывается с возрастанием роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития. Уровень конкурентоспособности современной инновационной экономики в значительной степени определяется качеством профессиональных кадров, уровнем их социализации и кооперационности. Россия не сможет поддерживать конкурентные позиции в мировой экономике за счет дешевизны рабочей силы и экономии на развитии образования и здравоохранения.

Правительство Российской Федерации в Концепции возлагает надежды на переход российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному социально ориентированному типу развития, который позволит резко расширить конкурентный потенциал российской экономики за счет наращивания ее сравнительных преимуществ в науке, образовании и высоких технологиях и на этой основе задействовать новые источники экономического роста и повышения благосостояния. Развитие человеческого потенциала основано на системных преобразованиях двух типов: мероприятия, направленные на

повышение конкурентоспособности кадрового потенциала, рабочей силы и социальных секторов экономики; улучшающие качество социальной среды и условий жизни людей [1].

Формирование инновационной экономики означает превращение интеллекта, творческого потенциала человека в ведущий фактор экономического роста и национальной конкурентоспособности. Источником высоких доходов становится не только возможность получения ренты от использования природных ресурсов, обусловленной высокой мировой конъюнктурой, но и производство новых идей, технологий и социальных инноваций. Это позволит России выдержать конкуренцию как с дешевой рабочей силой экономик Китая и Индии, так и с высококачественной и инновационной продукцией развитых стран Европы, США и Азии.

Инновационный сценарий социально-экономического развития предполагает использование конкурентных преимуществ как в традиционных секторах (энергетика, транспорт и аграрный сектор), так и в новых наукоемких секторах и экономике знаний, а также осуществление прорыва в повышении эффективности человеческого капитала, развитии высоко- и среднетехнологичных производств и превращении инновационных факторов в основной источник экономического роста.

Инновационный социально ориентированный тип экономического развития Российской Федерации имеет ряд качественных и количественных характеристик. Во-первых, он опирается на модернизацию традиционных секторов российской экономики (нефтегазового, сырьевого, аграрного и транспортного), опережающее увеличение объема продукции отраслей высоких переделов, которые вплоть до 2020 г. остаются ведущими секторами производства валового внутреннего продукта.

Во-вторых, превращение инноваций в ведущий фактор экономического роста во всех секторах эконо-

мики, повышение производительности труда в секторах, определяющих национальную конкурентоспособность в 3-5 раз и снижение энергоемкости в среднем в 1,6-1,8 раза. Доля промышленных предприятий, осуществляющих технологические инновации, должна возрасти до 40% (2008 г. – 8,5%), а доля инновационной продукции в объеме выпуска – до 30% (2008 г. – 5,5%) [1].

В-третьих, формирование новой экономики – экономики знаний и высоких технологий, которая становится одним из ведущих секторов национальной экономики, сопоставимым к 2020 г. по своему вкладу в валовой внутренний продукт с нефтегазовым и сырьевым секторами. При этом под экономикой знаний и высоких технологий понимаются сферы профессионального образования, высокотехнологичной медицинской помощи, науки и опытно-конструкторских разработок, связи и телекоммуникаций, наукоемкие подотрасли химии и машиностроения. Доля экономики знаний и высокотехнологичного сектора в валовом внутреннем продукте должна составлять не менее 20% (2008 г. – 11%). Внутренние затраты на исследования и разработки должны подняться до 3% валового внутреннего продукта в 2020 г. (2008 г. – 1,1% валового внутреннего продукта) при кардинальном повышении результативности фундаментальных и прикладных исследований и разработок [1].

России необходимо начать преодолевать имеющиеся негативные тенденции в развитии человеческого потенциала, которые характеризуются: сокращением численности населения и уровня занятости в экономике; растущей конкуренцией с европейскими и азиатскими рынками в отношении квалифицированных кадров; низким качеством и снижением уровня доступности социальных услуг в сфере здравоохранения и образования.

Снижение численности населения в 1990-х – начале 2000-х гг. является одним из основных вызовов для долгосрочного развития России. При сохранении негатив-

ных тенденций численность населения может снизиться с 142,1 млн человек в 2007 г. до 140 млн человек в 2020 г. Целью государственной демографической политики является снижение темпов естественной убыли населения, стабилизация численности населения и создание условий для ее роста, а также повышение качества жизни и увеличение ожидаемой продолжительности жизни. В Концепции отмечается, что необходимо обеспечить стабилизацию численности населения на уровне не ниже 142 – 143 млн человек к 2015 г. и создание условий для повышения к 2025 г. численности населения до 145 млн человек и средней продолжительности жизни до 75 лет.

Следует отметить, что численность постоянного населения Российской Федерации на 1 декабря 2009 г. составила 141,9 млн человек и с начала года увеличилась на 3,2 тыс. человек, или на 0,002% (на соответствующую дату предыдущего года наблюдалось сокращение численности населения на 117,4 тыс. человек, или на 0,08%). По предварительной оценке Росстата за 2009 г. общий коэффициент рождаемости вырос до 12,4 (с 10,2 в 2005 г.), общий коэффициент смертности снизился до 14,1 (с 16,1 в 2005 г.), суммарный коэффициент рождаемости вырос до уровня более 1,5 детей на одну женщину (с 1,29 в 2005 г.). Коэффициент естественной убыли населения снизился до 1,7 (с 5,9 в 2005 г.) [2].

В период до 2020 г. предусматривается увеличить долю государственных расходов на систему здравоохранения в валовом внутреннем продукте с 3,6% до 5,5%. Улучшение показателей здоровья населения и деятельности организаций системы здравоохранения будет обеспечиваться на основе постоянной модернизации технологической базы отрасли, развития медицинской науки и образования, улучшения кадрового состава [1].

В 2009 г. в сфере здравоохранения продолжалась работа, направленная на совершенствование существующих финансово-экономических механизмов,

организационно-правовых форм и структуры сети здравоохранения с целью повышения доступности и качества оказываемой медицинской помощи, эффективности управления ресурсами системы здравоохранения. Начавшийся финансовый кризис не сказался на размерах затрат на здравоохранение из консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации и федерального бюджета ни в 2008, ни в 2009 гг. [2].

Необходимым условием для формирования инновационной экономики является модернизация системы образования, являющейся основой динамичного экономического роста и социального развития общества, фактором благополучия граждан и безопасности страны. Повышение конкурентоспособности российского образования станет критерием его высокого качества, а также обеспечит позиционирование России как одного из лидеров в области экспорта образовательных услуг. По мере реализации Концепции, осуществления институциональных преобразований, обеспечивающих повышение эффективности расходования бюджетных средств в сфере образования, текущие расходы на образование возрастут. Это потребует обеспечить рост доли расходов на образование в валовом внутреннем продукте. Реализация инновационного варианта развития экономики предполагает увеличение общих расходов на образование с 4,8% валового внутреннего продукта (в 2008 г.) до 7% в 2020 г., в том числе увеличение расходов бюджетной системы – с 4,1% до 6% валового внутреннего продукта [1].

В 2009 г. в рамках реализации приоритетного национального проекта «Образование» в интересах экономики и социальной сферы осуществлялась перестройка организационной структуры управления образованием, что позволило обеспечить многоканальное поступление средств, расширить самостоятельность образовательных учреждений и повысить качество образовательных

услуг. В 2009 г. индекс физического объема платных услуг населению в системе образования (к предыдущему году) составил 105,5%. Процент подготовки кадров в учреждениях начального профессионального образовании в общей структуре подготовки в учреждениях профессионального образования вырос с 22,9% в 2008 г. до 23,5% в 2009 г., несколько снизился процент подготовки кадров в учреждениях высшего профессионального образования с 51,6% в 2008 г. до 51% в 2009 г., процент подготовки кадров в учреждениях среднего профессионального образования в общей структуре подготовки в учреждениях профессионального образования остался на уровне 2008 г. и составил 25,5% [2].

В долгосрочной перспективе на рынке труда обострится проблема, связанная с сокращением совокупного предложения трудовых ресурсов из-за снижения численности населения в трудоспособном возрасте (предполагается, что за 2008-2020 гг. снижение составит более чем 10%). В данных условиях необходимо повысить производительность труда, что возможно лишь при условии осуществления перехода к инновационной экономике на основе реализации реальных инвестиций. В Концепции Правительство Российской Федерации в качестве дополнительного источника компенсации сокращения предложения на рынке труда (на 6,7% в год в 2011-2015 гг. и на 7,5% в 2016-2020 гг.) возлагает надежды на повышение трудовой мобильности населения, а также привлечение иностранной рабочей силы [1].

Влияние экономического кризиса на рынок труда началось уже в конце 2008 г. Снижение спроса на труд привело к тому, что численность занятых в экономике в 2009 г. снизилась на 1,5 млн человек и составила 69,4 млн человек. Численность официально зарегистрированных безработных в среднем за 2009 г. выросла на 685 тыс. человек и составила 2,1 млн человек (2,8% экономически активного населения) [2]. Влияние

мирового финансового кризиса заставляет работодателей принимать меры по снижению издержек производства, в том числе путем перевода работников в режим неполной занятости и сокращения численности работников. При этом следует учитывать, что увеличение доли работников, работающих в режиме неполного рабочего времени, с одной стороны, позволяет сохранить кадровый потенциал компаний, с другой стороны, данные работники расширяют категорию потенциально безработных граждан, что может привести к увеличению регистрируемой безработицы. Экономический кризис затронул все виды экономической деятельности, но наибольшее сокращение численности занятых произошло в сельском хозяйстве, в строительстве, в обрабатывающих производствах, в том числе в автомобилестроении и машиностроении и в торговле. Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2008 г. № 915 с 1 января 2009 г. увеличена до 4900 р. максимальная величина пособия по безработице, что повысило уровень оказания социальной поддержки безработных граждан в период поиска работы.

В целях предотвращения последствий экономического кризиса было принято Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2008 г. № 1089, которым утверждены «Правила предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов Российской Федерации» и которым устанавливаются порядок и условия предоставления указанных субсидий. Всего на эти цели из Федерального бюджета в 2009 г. были предусмотрены ассигнования в размере 43,5 млрд р., выделено – 38,1 млрд р. В рамках этих средств были реализованы мероприятия: опережающая профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации 225,3 тыс.

работников, создание временных рабочих мест для трудоустройства 1 680,7 тыс. человек, оказание адресной финансовой поддержки 13,5 тыс. граждан, переезжающих для работы в другую местность, оказание поддержки самозанятости 123,8 тыс. человек.

Несмотря на меры, принимаемые Правительством Российской Федерации по созданию рабочих мест для снижения напряженности на рынке труда отмечается сокращение потребности работодателей в работниках, заявленной в государственные учреждения службы занятости. Этот показатель в среднем за 2009 г. по сравнению с 2008 г. снизился на 333,2 тыс. человек. Коэффициент напряженности (численность незанятых граждан, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения, в расчете на одну вакансию) в среднем за год по сравнению с 2008 г. увеличился с 1,0 до 2,1 [2].

За 11 месяцев 2009 г. по сравнению с соответствующим периодом 2008 г. численность работников во всех видах промышленной деятельности сократилась на 8%, в отдельных подвидах сокращение численности за январь-ноябрь 2009 г. превысило 10-15%. Наиболее сильно численность работников сократилась в таком подвиде экономической деятельности, как обработка древесины и производство изделий из дерева, где за январь-ноябрь 2009 г. сокращение численности составило 16,1% [2].

Среднемесячная начисленная заработная плата в 2009 г. по предварительным данным составила 18 785 р. и по сравнению с 2008 г. выросла на 8,5%, в декабре 2009 г. – 23 827 р. и выросла по сравнению с декабрем 2008 г. на 9,4%. Реальная заработная плата за 2009 г. относительно 2008 г. – 97,4%. В условиях кризисных явлений в экономике, основным сдерживающим фактором роста заработной платы в 2009 г. являлось существенное превышение предложения рабочей силы над спро-

сом на рынке труда [2]. Вследствие нестабильной экономической ситуации и замедления роста доходов, население сократило свои потребительские расходы. В 2009 г. потребительские расходы в структуре использования доходов населения снизились до 69,2% (74,1% в 2008 г.) [2]. При этом сокращение происходило как за счет уменьшения доли расходов на покупку товаров, так и снижения расходов на оплату услуг.

Несмотря на создание основ функционирования рынка жилья, приобретение, строительство и наем жилья с использованием рыночных механизмов на практике пока доступны лишь ограниченному кругу семей – семьям с высокими доходами. Основными причинами низкого платежеспособного спроса на жилье являются недостаточная развитость институтов долгосрочного жилищного кредитования, инфраструктуры рынка жилья и ипотечного жилищного кредитования, а также высокий уровень рисков и издержек на этом рынке. Существенным препятствием развития массового жилищного строительства продолжает оставаться ограниченность возможностей обеспечения земельными участками и необходимой инженерной, транспортной и социальной инфраструктурой. Стратегической целью государственной жилищной политики является обеспечение доступности жилья для всех категорий граждан, а также соответствие объема комфортного жилищного фонда потребностям населения.

В целях сохранения докризисного уровня ввода жилья в 2009 г. Правительством Российской Федерации в рамках Программы антикризисных мер реализовывались мероприятия, направленные на стабилизацию ситуации на жилищном рынке и в строительной отрасли:

– выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем отдельных категорий граждан (объем финансирования в 2009 г. – 48,2 млрд р.), оказание поддержки молодым семьям (объем финансирования в 2009 г. – 4,7 млрд р.);

– обеспечение жильем всех ветеранов Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.;

– приобретение в 2009 г. жилья эконом-класса, в том числе возводимого с привлечением средств граждан, субъектами Российской Федерации для реализации региональных адресных программ по переселению граждан из аварийного жилищного фонда с использованием средств государственной корпорации – Фонда содействия реформированию ЖКХ;

– предоставление государственной поддержки системообразующим строительным предприятиям, а также предприятиям, имеющим существенное значение для экономики субъектов Российской Федерации и муниципальных образований [2].

Основными целевыми ориентирами социальной политики до 2020 г. являются: снижение уровня абсолютной бедности с 13,4% в 2008 г. до 6-7% в 2020 г. и относительной бедности (или малообеспеченной части населения) с 22% в 2008 г. до 15% в 2020 г., увеличение среднего класса к 2020 г. до более половины населения; снижение дифференциации населения по уровню доходов (соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных) с 16,8 раза в 2008 г. до 12 раз в 2020 г. [1]. Основными факторами борьбы с бедностью и улучшения благосостояния населения являются высокие темпы экономического роста, и прежде всего создание эффективных рабочих мест и рост заработной платы.

В целях поддержания материального положения пенсионеров с 1 марта 2009 г. увеличена базовая часть трудовой пенсии на 8,7%, с 1 декабря она установлена в размере 2562 р. (увеличение на 31,38%). Страховая часть трудовой пенсии проиндексирована с 1 апреля 2009 г. и с 1 августа 2009 г. соответственно на 17,5% и на 7,5%. С учетом проведенных мер средний размер трудовой пенсии в 2009 г. вырос в реальном выражении на 11,3% и составил

5322 р., что превысит прожиточный минимум пенсионера на 29% (17,6% в 2008 г.) [2].

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что глобальный экономический кризис, безусловно, негативно отразился на формировании и развитии человеческого капитала, в наибольшей степени это проявилось в росте безработицы и снижении потребления. Однако многие негативные факторы мирового финансового кризиса удалось компенсировать благодаря реализации антикризисной государственной политики, направленной на поддержку стабильности социально-экономической ситуации в стране.

Последствия мирового финансового кризиса для России проявились в резком ухудшение внешнеэкономических условий, падении экспорта, оттоке капитала и приостановки банковского кредита, что привело к значительному сокращению инвестиционной активности и спаду в отраслях промышленности в первом полугодии 2009 г. Снижение ВВП в первом полугодии к соответствующему периоду 2008 г. составило 10,4%. К середине 2009 г. экономический спад в России приостановился и с июня наблюдается помесячный рост ВВП. В результате в III квартале 2009 г. сезонно скорректированная динамика производства приняла положительное значение, в IV квартале рост ускорился [2]. Сейчас можно говорить о росте доверия населения к государству, о том, что оно наконец-то продемонстрировало способность справляться с экономическими потрясениями, источником которых явились пагубные последствия глобализации мировой экономики, несовершенство международной финансовой системы и реального сектора мировой экономики.

Для успешной реализации инновационного типа развития экономики Российской Федерации, в основе которого лежит приоритет в развитии человеческого капитала, необходимо в первую очередь «отыграть» потери, которые были нанесены реальному и финансовому

секторам российской экономики, а также осуществить серьезные институциональные сдвиги в секторах, обеспечивающих развитие человеческого капитала. Развитие этих секторов, повышение качества предоставляемых ими услуг требует не только серьезных финансовых ресурсов, но прежде всего существенного повышения эффективности их функционирования. Без глубоких институциональных реформ расширение инвестиций в человеческий капитал не даст необходимых результатов.

Библиографический список

1. *Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р).*
2. *Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2009 году. – М.: Министерство экономического развития Российской Федерации, 2010.*

Я.В. Паух (Россия) **Y.V. Pauh (Russia)**

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ДОЛГОСРОЧНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2020 ГОДА В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

THE REALIZATION OF A LONG-TERM SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION TILL 2020 CONCEPTION IN THE CIRCUMSTANCES OF THE WORLD FINANCIAL CRISIS

The conception of a long-term social-economic development of the Russian Federation till 2020 is based on the thesis that Russia`s modern technologies backwardness can be the reason of the dramatic reduction of the Russian economy global competitiveness and makes it vulnerable under the existing conditions of exhausting its raw material potential. Thus it`s necessary to increase the Russian economy competitiveness, to develop its manufacturing industry and innovative branches, to attract investment. Unfortunately, the world`s financial crisis has aggravated the economic situation in Russia greatly and put off the moment of realization of the Russian Federation Government`s aims and purposes.

В основе «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» лежит положение о том, что отставание России в развитии новых технологий последнего поколения может резко снизить глобальную конкурентоспособность российской экономики, а также усилить ее уязвимость в условиях исчерпания потенциала экспортно-сырьевого развития. Это обусловливает необходимость повышения конкурентоспособности российской экономики, развития обрабатывающей промышленности и инновационных секторов, привлечения инвестиций. К сожале-

нию, мировой финансовый кризис еще больше усугубил экономическую ситуацию в России и значительно отодвинул момент реализации намеченных Правительством Российской Федерации целей и задач.

В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (долее Концепция) [1], а также в «Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года» [3] отмечается, что развитие российской экономики сдерживается недостатком конкурентоспособных мощностей и продуктов, ухудшением мировой конъюнктуры и снижением цен на топливно-энергетические ресурсы, что обусловливает необходимость повышения конкурентоспособности отраслей экономики России, способности к инновационному обновлению и привлечению инвестиций. Кроме того, велика вероятность исчерпания источников экспортно-сырьевого развития, базирующихся на форсированном наращивании топливного и сырьевого экспорта, выпуске товаров для внутреннего потребления за счет дозагрузки производственных мощностей в условиях заниженного обменного курса рубля, низкой стоимости производственных факторов – рабочей силы, топлива, электроэнергии.

Кризис экспортно-сырьевой модели развития российской экономики может быть значительно ускорен в случае замедления роста мирового спроса на углеводороды в связи с активным развитием альтернативных видов топлива и энергии и торможением роста экономик Индии и Китая. Если к этому времени зависимость экономики от экспорта топливно-сырьевых ресурсов в достаточной мере не сократится, неизбежной станет пауза роста. Она может сопровождаться значительными социальными издержками, которые будут усилены растущим дефицитом пенсионной системы.

Еще до наступления мирового экономического кризиса структурные диспропорции и ограничения эконо-

мической системы России выражались в том, что отрасли, доминирующие в структуре производства (ТЭК, металлургия, АПК), утрачивали свой динамизм и не могли расти в долгосрочной перспективе высокими темпами, а отрасли, которые могли бы динамично развиваться (пищевая, химия, лесная, строительные материалы, часть машиностроения и высокотехнологичные отрасли промышленности, а также строительство и связь), занимали в структуре экономики менее одной трети. Многие ученые сходятся во мнении, что пока доля последней группы отраслей не станет доминирующей, российская экономика не сможет выйти на устойчивый темп экономического роста.

В этой связи в Концепции отмечается, что у России нет другой альтернативы, кроме как стать одним из активных участников новой технологической волны и создать конкурентоспособную на мировых рынках национальную инновационную систему. Поэтому стратегической целью Правительством Российской Федерации объявлено достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI в., с привлекательным образом жизни, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан.

В Концепции планировалось, что в 2015 – 2020 гг. Россия должна войти в пятерку стран-лидеров по объему ВВП (по паритету покупательной способности). Решение поставленных задач состоит в переходе российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному социально-ориентированному типу развития [1]. Это позволит резко расширить конкурентный потенциал российской экономики за счет наращивания ее сравнительных преимуществ в науке, образовании и высоких технологиях и на этой основе задействовать новые

источники экономического роста и повышения благосостояния.

В «Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года» – документе, который был утвержден в ноябре 2008 г., определены приоритетные социально-экономические задачи на среднесрочную перспективу, поставлено целью, что за четыре года экономика России должна стать инновационной, инвестиционно привлекательной, социально ориентированной и эффективной, что обеспечит возможность наращивать ВВП не менее чем на 6-7% в год, создаст условия для решения долгосрочных задач социального развития, модернизации национальной экономики и обеспечения безопасности.

К сожалению, в настоящее время мировой финансовый кризис еще больше усугубил экономическую ситуацию в России и значительно отодвинул момент реализации намеченных Правительством Российской Федерации целей и задач. Резкое ухудшение внешнеэкономических условий, падение экспорта, отток капитала и приостановка банковского кредита привели к значительному сокращению инвестиционной активности и спаду в промышленности в первом полугодии 2009 г. Снижение ВВП в первом полугодии 2009 г. по сравнению с соответствующим периодом 2008 г. составило 10,4%. Спад ВВП в 2009 г. связан в значительной степени с обвалом инвестиционного спроса. Инвестиции в основной капитал сократились на 17%. Обвал инвестиций в I квартале 2009 г. составил 8,1% к уровню предыдущего квартала, во II и III кварталах спад продолжился при его постепенном замедлении, и только к концу 2009 г. динамика инвестиций стабилизировалась [2].

На начальном этапе кризис серьезно затронул рынок труда и увеличил уровень бедности. Влияние экономического кризиса на рынок труда началось уже в конце 2008 г. Снижение спроса на труд привело к тому, что численность занятых в экономи-

ке в 2009 г. снизилась на 1,5 млн человек и составила 69,4 млн человек [2]. Именно на 1,5 млн человек возросла среднегодовая численность безработных, рассчитанная по методологии МОТ, которая составила в 2009 г. 6,3 млн человек (8,4% экономически активного населения). Влияние мирового финансового кризиса заставило работодателей принять меры по снижению издержек производства, в том числе путем перевода работников в режим неполной занятости и сокращения численности работников. Экономический кризис затронул все виды экономической деятельности, но наибольшее сокращение численности занятых произошло в сельском хозяйстве, в строительстве, в обрабатывающих производствах, в том числе в автомобилестроении и машиностроении и в торговле.

В 2008 и 2009 гг. замедление развития, сокращение производства и стагнация ряда отраслей во многом были обусловлены низким уровнем платежеспособного спроса со стороны предприятий и физических лиц в сочетании с ухудшением условий кредитования производственной и инвестиционной деятельности компаний. Так, вследствие нестабильной экономической ситуации и замедления роста доходов, население сократило свои потребительские расходы. В 2009 г. потребительские расходы в структуре использования доходов населения снизились до 69,2% (74,1% в 2008 г.). При этом сокращение происходило как за счет уменьшения доли расходов на покупку товаров, так и снижения расходов на оплату услуг. В результате чего произошло сокращение оборотов розничной торговли, платных услуг населению и общественного питания. В целом сокращение кредитных ресурсов и совокупного спроса на рыке товаров, неопределенность в мировой экономике и рост безработицы оказали отрицательное воздействие на рост инвестиций и потребления в России. Так, в январе-декабре 2009 г., как и в предыдущие периоды, ни одно из промышленных производств России

не достигло уровня соответствующего периода 2008 г. К середине 2009 г. экономический спад в России приостановился, и с июня наблюдался последовательный рост российской экономики [2].

Таким образом, влияние мирового экономического кризиса на Россию усугубилось ее структурной уязвимостью: зависимостью от нефтегазового сектора и узостью промышленной базы со слаборазвитым сектором малых и средних предприятий. То есть структурные проблемы российской экономики обострились быстрее, чем это планировалось в Концепции, а причиной тому послужил мировой экономический кризис, небывалый со времен второй мировой войны по глубине и широте охвата, что обусловлено процессами глобализации, интеграции экономик большинства стран мира, проблемной экономикой США с ее масштабами рынка ценных бумаг и перепроизводством национальной валюты.

Основным приоритетом социальной и экономической политики в области обеспечения структурной диверсификации и инновационного развития в Концепции провозглашается содействие повышению конкурентоспособности массовых обрабатывающих производств промышленности (в том числе переработка сырья, металлургия, химия, производство строительных материалов, автомобилестроение, пищевая промышленность), направленное на рационализацию импорта и увеличение экспорта продуктов переработки. Следует отметить, что в результате мирового экономического кризиса в России наибольшее снижение производства в январе-декабре 2009 г. отмечалось именно в секторе обрабатывающих производств (на 16%) вследствие значительного сокращения производства прочих неметаллических минеральных продуктов (на 24,8%), производства машин и оборудования (на 28,4%), производства электрооборудования, электронного и оптического оборудования (на 31,6%), производства транспортных средств и

оборудования (на 38%) [2]. Одним из последствий глобального экономического кризиса для предприятий обрабатывающего сектора явилось снижение объемов экспорта продукции по причине резкого увеличения случаев применения зарубежными государствами или союзами государств мер торговой политики, направленных на защиту национальных производителей с целью ограничения импорта иностранных товаров, работ и услуг.

Предприятия обрабатывающего сектора, ориентированные на удовлетворение внутреннего инвестиционного спроса, в наибольшей степени пострадали от кризиса и по-прежнему находятся в тяжелом финансовом состоянии. Отдельно следует выделить такие отрасли, как производство стройматериалов (неметаллических минеральных продуктов) (за первые 11 месяцев 2009 г. была получена прибыль до налогообложения в объеме всего 17,6 млрд р., что составляет 16,2% от показателя за тот же период 2008 г.); обработка древесины и производство изделий из дерева (убыток по итогам января-ноября составил 9,7 млрд р.); производство транспортных средств и оборудования (здесь также зафиксирован убыток в 75,9 млрд р.) [2]. Стагнация обрабатывающих производств негативно сказывается на перспективах и планах реализации инновационного сценария социально-экономического развития России.

Наименьшее снижение производства в январе-декабре 2009 г. отмечалось в добыче полезных ископаемых (на 1,2%). В 2009 г. по расчетным данным Минэкономразвития России добыча и производство основных первичных топливно-энергетических ресурсов сократились на 5,6% и составили 94,4% к уровню предыдущего года. За январь-ноябрь 2009 г. сальдированный финансовый результат деятельности организаций составил 3639,3 млрд р., что на 20,8% ниже показателя за соответствующий период 2008 г. После крайне неудачного начала года (в январе убытки предприятий на 184,4 млрд р. превысили прибыль) финансовое по-

ложение предприятий стало постепенно выправляться. С февраля сальдированный финансовый результат вышел в положительную область, и разрыв с показателями предыдущего года стал сокращаться [2]. В целом, доминирующей была тенденция стабилизации и даже некоторого улучшения финансовых результатов деятельности организаций, однако положительная динамика оставалась неустойчивой. Начиная с августа 2009 г. позитивные изменения стали более выраженными, прибыль предприятий и организаций значительно возросла. Однако в разных отраслях восстановительные процессы идут неравномерно. Локомотивом роста выступают экспортно-ориентированные отрасли. В то же время, финансовое состояние большинства предприятий, работающих на внутренний рынок, пока по-прежнему остаётся весьма тяжёлым.

На фоне улучшения с конца I квартала 2009 г. и стабилизации конъюнктуры мирового рынка энергоносителей, а также сохранения высоких экспортных цен на газ выправилось и стабилизировалось финансовое состояние предприятий, занятых добычей полезных ископаемых. Вместе с тем прибыльность отрасли по-прежнему обеспечивается преимущественно предприятиями ТЭК (их финансовый результат за 11 месяцев 2009 г. составил 759,6 млрд р., превысив аналогичный показатель 2008 г. на 2,6%). Так, в 2009 г. произошла стабилизация мирового рынка нефти. На мировом рынке средняя цена на нефть марки Urals в 2009 г. составила 61,1 долл. США за баррель, что на 35,3% ниже уровня 2008 г.; в декабре 2009 г. – 73,7 долл. США за баррель (падение на 3,2% по сравнению с ноябрем 2009 г. и рост в 1,9 раза относительно декабря 2008 г.). Следует отметить, что по итогам первых трёх кварталов 2009 г. средняя цена на нефть сорта Brent составила 57,5 долл. за баррель, что почти в два раза (на 48,5%) ниже показателя за аналогичный период 2008 г. и на 21% ниже средней цены за 2007 г. [2].

Следует также отметить, что положительным моментом для ТЭК явилось принятие Федерального закона от 3 декабря 2008 г. № 234-ФЗ «О внесении изменений в ст. 3 Закона Российской Федерации «О таможенном тарифе», которая предусматривала переход на ежемесячный мониторинг и расчет ставок вывозных таможенных пошлин на нефть и нефтепродукты, а также сокращение срока введения в действие ставок вывозных таможенных пошлин. Данные изменения в законодательстве позволили снизить в 2009 г. налоговую нагрузку на нефтяные компании в условиях снижения цен на нефть на мировых рынках.

Среди негативных моментов для ТЭК следует отметить тот факт, что несмотря на возвращение цен на нефть в комфортную для экономики России зону, оживления инвестиций со стороны данного комплекса пока не произошло. Это свидетельствует, с одной стороны, о сохранении рисков в экономике и, с другой – о высокой степени зависимости инвестиционной активности от притока иностранного капитала.

Постепенно улучшается финансовое положение предприятий, занятых в металлургическом производстве. Сальдированный финансовый результат по итогам января-октября 2009 г. составил 194,4 млрд р. против убытка 37,6 млрд р. в I квартале [2]. Это стало возможным в результате снижения себестоимости, с одной стороны, и роста спроса и цен на продукцию металлургических предприятий – с другой. Постепенное снижение ставок кредитования и открытие кредитных линий также положительно сказались на деятельности металлургов, учитывая высокую зависимость большинства российских металлургических компаний от заемных средств. Тем не менее, сравнение с показателями прошлого года заставляет сделать вывод, что финансовое состояние отрасли пока далеко от стабильного.

Среди видов экономической деятельности, занятых выпуском потребительских товаров, в лучшем состоя-

нии находится производство пищевых продуктов, включая производство напитков и табака. Снижение объемов производства на пике кризиса оказалось умеренным – в пределах 4% – и уже, начиная с марта, сформировалась положительная динамика. По итогам первых одиннадцати месяцев 2009 г., предприятия, занятые в пищевом производстве, получили положительный сальдированный финансовый результат на 23,5% выше, чем за соответствующий период прошлого года [2]. Таким образом, в данной сфере деятельности в некоторой степени реализовался эффект импортозамещения в результате проведенной девальвации рубля, что не в последнюю очередь стало возможно благодаря сравнительно высокому уровню конкуренции в этом секторе и наличию стабильного спроса на продукты первой необходимости, производимые преимущественно отечественными предприятиями.

Таким образом, динамика производственных и финансовых показателей позволяет говорить о начале восстановительных процессов в российской экономике. Вместе с тем, восстановление в разных секторах экономики идет крайне неравномерно и в ряде случаев подвержено временным откатам назад. Негативное влияние на рост промышленного производства по-прежнему продолжают оказывать неудовлетворительное финансовое состояние предприятий промышленного производства, недостаточный внутренний и внешний спрос на промышленную продукцию, низкий уровень инвестиций в промышленное производство. В наиболее выгодном положении оказываются экспортно-ориентированные производства, испытывающие положительный шок от улучшения внешнеэкономической конъюнктуры, и отрасли, нацеленные на удовлетворение внутреннего потребительского спроса, в меньшей степени пострадавшего от кризиса. В то же время, из-за продолжающегося снижения инвестиционной активности тяжелым остается фи-

нансовое состояние предприятий обрабатывающего сектора, ориентированных на удовлетворение внутреннего инвестиционного спроса. Убытки вызваны, прежде всего, резким сжатием внутреннего рынка и, как результат, стремительным падением объемов производства. Кроме того, эти предприятия в массе своей энергоемки, поэтому рост тарифов на энергетику резко увеличил издержки данных производств. Дополнительными факторами риска выступают высокая степень кредитного обременения большинства отраслей, а также общая неэффективность производств.

В целом отмеченные тенденции ведут к углублению технологического отставания российской промышленности, усилению ее экспортно-сырьевой направленности, а перспективы реализации инновационного сценария социально-экономического развития России становятся все более неопределенными.

Библиографический список

1. *Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р).*
2. *Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2009 году. – М.: Министерство экономического развития Российской Федерации, 2010.*
3. *Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1663-р).*

С.А. Горохов,
Е.Б. Калашникова
(Россия)

S.A. Gorohov,
E.V. Kalashnikova
(Russia)

ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА НА КРЕДИТОВАНИЕ БАНКАМИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

INFLUENCE OF A FINANCIAL CRISIS ON CREDITING OF ENTERPRISE BY BANKS

Many enterprises experience difficulties in financing of own activity. Problems on a credit market are main characteristics of world crisis. Interest rates under credits have raised. It is necessary to search for new possibilities (resources) for business development. It is necessary for government bodies to grant tax benefits to the enterprises which realize the investment and innovative policy.

The authorities should not raise the rate under taxes. Economists suggest to soften a borrowing policy of banks, to increase period of validity of credit agreements.

Многие компании, которые еще совсем недавно активно использовали банковские кредиты, в условиях финансового кризиса столкнулись с проблемой поиска источника финансирования своей деятельности. Многие руководители предприятий сейчас находятся в поиске источника денежных средств не столько на развитие, сколько на поддержание собственного бизнеса и одним из выходов из этой ситуации является кредитование, которое для многих становится недоступным. В нынешних условиях проблемы возникают как у малого, так и у крупного бизнеса. Однако у каждого сегмента в настоящей ситуации есть как свои преимущества, так и слабые места. Так, малый бизнес в силу своего масштаба является более мобильным и гибким, что позволяет оперативно менять модель ведения бизнеса и таким образом

подстраиваться под новые условия. Кроме того, исторически малый бизнес в России развивался в основном за счет собственных средств, не имея широкого доступа к кредитным ресурсам, что создало определенную финансовую независимость от внешних источников заимствования, в частности, от банковского кредита. В пользу крупных предприятий играет все еще сохраняющийся доступ к финансированию в силу сформированных годами партнерских отношений с банками. Значимость таких предприятий для экономики страны также неизбежно вовлекает государство в решение ряда их проблем. Именно проблемы на кредитном рынке являются одной из основных характеристик кризиса, который сейчас развивается в мировой экономике [7:24].

Деньги для бизнеса сильно подорожали, а о привлечении иностранных заемных средств уже не может быть и речи – рефинансировать уже полученные кредиты дорого и сложно. Также ужесточились сами условия выдачи кредитов (ставка по кредиту редко ниже 18 - 20%, а то и выше) и сократилось их предложение. Основной причиной этому явилось невыполнение заемщиками обязательств по уже выданным кредитам. Ужесточение условий выдачи кредитов повлекло неисполнение обязательств между контрагентами. Поэтому в связи с ростом «дебиторской задолженности» [2:125] и вынесением банками неприемлемых условий кредитования предприятие вынуждено пересмотреть условия продаж, что в свою очередь влечет снижение объемов продаж.

В такой ситуации предприятие не может выполнять намеченный объем производства и получить необходимую прибыль. Реальное падение объемов на некоторых российских предприятиях уже составило более 30% [1:47].

За осень 2008 г. процентные ставки по кредитам выросли на 3-4%. Также резко изменились условия кредитования:

1) вырос дисконт по залогам: с 30% до 50%;

2) изменилось отношение к видам залогов (ТМЦ как вид залога для многих кредитных организаций является неприемлемым);

3) изменились сроки краткосрочного кредитования, с 1,5 до 1 года.

Однако, как утверждают сами банкиры, с формальной точки зрения подходы и требования к корпоративным клиентам не изменились. Качественно изменились риски, связанные с финансированием корпоративного бизнеса в целом. Длинные кредиты, например, исчезли не только по причине нехватки ликвидности, но и в связи с невозможностью в некоторых случаях построения долгосрочных прогнозов, в связи с тем, что участились задержки выплат по кредитам, так как финансовый кризис значительно ухудшил платёжную дисциплину организации, в результате чего растет просроченная ссудная задолженность.

Однако некоторым компаниям финансовый кризис сыграл на руку, так как произошел не только обвал на фондовом рынке, но и произошли изменения расклада сил на рынке и появление новых лидеров. Ими могут стать компании, которые наиболее эффективно управляют своими финансами. Наиболее правильная реакция на кризис – поиск новых возможностей для развития бизнеса [5:4].

Так, например, у многих компаний появился шанс реализовать свои инвестиционные программы с меньшими затратами (за счет снижения стоимости строительных материалов и рабочей силы). Сейчас можно более эффективно решать кадровые вопросы, так как на рынке появились квалифицированные специалисты без завышенных зарплатных ожиданий. Есть варианты с покупкой падающих в цене активов, в частности, акций добывающих и перерабатывающих компаний. Наконец, финансовый кризис позволяет снижать долговую нагрузку, в частности, за счет обратного выкупа существенно по-

дешевевших облигаций. Есть и другие варианты усиления рыночных позиций во время экономического кризиса. Правда, для всего этого нужны деньги [4].

В условиях растущей экономики большинство компаний предпочитали реинвестировать финансовые ресурсы, причем для реализации амбициозных программ развития активно использовались кредитные средства. Сейчас бизнесу нужно учиться управлять финансами в новых условиях роста стоимости финансовых ресурсов и сокращения доступности денег. В итоге популярные ранее методы долгового финансирования снижают свою актуальность. Привлечение ресурсов через фондовый рынок также в значительной степени затруднено: именно биржи как инструмент привлечения инвестиций пострадали от кризиса в наибольшей степени. Можно ожидать, что в ближайшие несколько лет наиболее серьезную динамику роста покажут прямые инвестиции.

Успешно складываются дела в условиях кризиса и у некоторых отдельных отраслей экономики, в частности, у коллекторских фирм. Кризис породил спрос на эту услугу. Так, если вклады физических лиц на сумму до 700 тыс. р. компенсируются Агентством по страхованию вкладов, то остатки средств на расчетных счетах предприятий в банке автоматически попадают в разряд безнадежных.

Для решения вопроса необходим общественный договор государства с банками: государство оказывает помощь (только живым банкам и на приемлемых и желаемых условиях: длинные деньги, с невысокой процентной ставкой, с использованием всего арсенала возможностей – от депозитов ЦБ и Минфина до выкупа хороших активов, которые можно использовать одновременно!) и принудительно доводит лимиты кредитования жизнеобеспечивающих отраслей и населения, а банки берут добровольное обязательство быть инструментом проведения государственной политики, осознанно неся риски в период турбулентности.

В случае необходимости в такие банки государство вводит спецказначеев – представителей штаба для контроля за соблюдением «соглашения», нарушение которого в нынешних условиях означает немедленное банкротство банка.

Для выхода из кризисной ситуации органам власти предлагаются следующие решения:

1. Наведение федеральными властями порядка в банковском секторе, способствующем оздоровлению кредитной политики. Предоставление налоговых льгот, включая налоговый кредит предприятиям, осуществляющим активную инвестиционную и инновационную политику.

3. Государственные средства должны напрямую попадать в реальный сектор экономики, а не через спекулятивную цепь коммерческих банков.

4. Власти должны воздержаться от повышения налогового бремени в реальном секторе экономики на ближайшие 2-3 года.

5. В сложившейся ситуации наиболее действенным механизмом поддержки организации может служить освобождение от обязанности уплаты отдельных налогов и сборов на определенный период [3:25].

В нынешних условиях многие видные экономисты считают необходимым:

1) смягчение кредитной политики банков по обеспечению заемными средствами;

2) удержание процентных ставок по ранее выданным и по выдаваемым кредитам на уровне прошлого года;

3) снижение дисконта по залогам;

4) увеличение срока действия кредитных договоров;

5) для предприятия, основной производственной деятельностью которого является переработка, необходимо положительное решение [8:67].

Также можно порекомендовать руководителям предприятий обратить внимание на различные возможности для получения более дешевых кредитов. К таковым, в

частности, относятся залоговые займы (под акции, недвижимость), которые даже сейчас позволяют получать ресурсы под 12–16% годовых. Кроме того, основной риск, который уже в полной мере ощутили на себе некоторые крупные отечественные бизнес-группы, – требование дополнительного обеспечения под обесценивающиеся залоги (ценные бумаги, дешевеющая недвижимость и пр.).

Таким образом, перечисленный комплекс мер позволит нормализовать кредитные взаимоотношения, сложившееся между банковским и реальным секторами экономики, что снизит последствия от мирового финансового кризиса.

Библиографический список

1. *Афанасьев, М. Кризис платежей в России / М. Афанасьев, П. Кузнецов, П. Исаева // Вопросы экономики. – № 8. – 2005. – С. 47.*
2. *Большой экономический словарь. – М., 2002. – С. 125.*
3. *Делягин, М. Антикризисная программа модернизации страны (о разработке института проблем глобализации) / М. Делягин // Российский экономический журнал. – № 9-10. – 2008. – С. 25.*
4. *Кризис глазами банков // http://dengi63.ru/tech/160.html.*
5. *Мау, В. Драма 2008 года: От экономического чуда к экономическому кризису / В. Мау // Вопросы экономики. – № 2. – 2009. – С. 4.*
6. *Молчанов, А. В. Коммерческий банк современной России: теория и практика / А. В. Молчанов. – М.: Финансы и статистика, 1999.*
7. *Навой, А. Российские кризисы образца 1998 и 2008 годов: найди 10 отличий / А. Навой // Вопросы экономики. – № 2. – 2009. – С. 24.*
8. *Хайдаршина, Г. А Комплексная модель оценки риска банкротства / Г. А. Хайдаршина // Финансы. – № 2. – 2009. – С. 67.*

Е.О. Утина,
Е.Б. Калашникова,
(Россия)

E.O. Utina,
E.B. Kalashnikova
(Russia)

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В РОССИИ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

FINANCIAL CRISIS IN RUSSIA: THE REASONS AND CONSEQUENCES

The financial crisis has touch all world powers. In Russia different branches of economy have suffered from crisis. The problem of the state is to minimize adverse consequences of financial crisis for Russia. The basic directions of government activity of Russia are:

– to support, develop social policy in the country
– activization of national economy
– development of financial markets.

The international cooperation of the countries on overcoming of consequences of a world financial crisis is necessary.

Мировой финансовый кризис начался в 2008 г. как результат проблем, вызванных рынком ипотеки в США. Последовала цепная реакция, в ходе которой пострадали инвестиционные банки Lehman Brothers, Merrill Lynch и многие другие участники финансового рынка. От кризиса в России пострадали самые разные отрасли экономики. Многие гостиницы Перми, продавцы промышленной продукции, например, вентиляторов ВКР или спецтехники, автогигант из Тольятти. Еще одна локальная причина кризиса – отсутствие взаимодоверия и полноценных экономических отношений между государством, бизнесом и населением [5].

Финансовый кризис, развивающийся в настоящее время в России, называют кризисом ликвидности. Под кризисом ликвидности в данной статье понимается ситуация, когда банк не имеет свободных средств для размещения на устраивающих его условиях.

М. Хазин, крупный российский эксперт в области экономических кризисов, считает, что особенность нынешнего момента в том, «что та модель, которая до 1991 г. существовала в половине капиталистического мира, а с 1991 – по всему миру, она продемонстрировала на сегодня свою полную неадекватность реалиям. Модель закончилась, ее больше не будет, она исчерпала свои возможности, но в отличие от 1917, 1991 гг., в отличие от даже буржуазных революций XVII – XVIII вв., человечество оказалось перед неприятной ситуацией, которая связана с тем, что нет модели, которая идет ей на смену» [2].

Принципиально важное отличие нынешнего российского кризиса от кризиса 1998 г. – его уверенно прогнозируемая значительная продолжительность. Если события десятилетней давности можно сравнить с одним мощным ударом (как известно, уже через месяц после дефолта августа 1998 г. обозначилось пусть медленное, но все-таки восстановление экономики), то сегодня скорее началось «затяжное удушение» [1].

Существуют две точки зрения по поводу того, кто виноват в возникновении финансового кризиса. Согласно первой, популярной у российских СМИ, кризис является отражением общего положения на финансовом рынке, а правительство успешно предпринимает меры по смягчение последствий. По второй версии причины кризиса во многом связаны с действиями российского руководства – это и явный перекос экономики в сторону экспорта природного сырья и крайне неэффективная политика по поддержке предпринимательства, и высочайший уровень коррупции, и конфликт в Грузии.

Последствия кризиса можно разделить на две большие группы. Первая группа – это текущие последствия. Они являются оперативной реакцией на кризис. Их анализ позволяет оценить состояние экономики и общества в краткосрочной перспективе. Наиболее ощутимыми из таких последствий являются безработица, инфляция, темпы падения экономических показателей. Вторая группа

последствий – это те изменения, которые ожидают нас в долгосрочной перспективе. На данной стадии оценка таких последствий мирового финансового кризиса относится скорее к области прогнозов. Но именно от того, в какой мере кризис отразится на мировой экономике, как изменит ее содержание, будет зависеть все ее будущее.

Глобальный характер кризиса не означает, однако, что его последствия будут одинаковы для всех стран и всех секторов экономики. Как и в случае с причинами возникновения кризиса, его последствия сильно различаются в зависимости от уровня промышленного развития государств и антикризисных мер, которые предпринимаются властями [6].

Перед государством сейчас стоит задача: минимизировать неблагоприятные для России последствия финансового кризиса.

Основными приоритетами антикризисных и модернизационных действий Правительства Российской Федерации в 2010 г. станут:

– поддержка социальной стабильности и обеспечение полноценной социальной защиты населения;

– поддержка оживления экономики, обеспечение устойчивости наметившихся положительных тенденций;

– активизация модернизационной повестки дня: реализация первоочередных мер по решению проблем российской экономики, обусловивших скорость и глубину спада (слабость национальной финансовой системы, недиверсифицированность экономики и экспорта, неконкурентоспособность значительной части перерабатывающих производств), совершенствование институциональной среды, выстраивание новой модели регулирования, в том числе на финансовых рынках, наращивание инвестиций в человеческий капитал [4].

Существует огромная потребность в международной координации мер по противодействию рискам и разрастанию кризиса. Отдельные страны проводят разную политику и придерживаются разных подходов к преодолению кризи-

са. Гармонизация национальных мер в отношении банков, испытывающих трудности во время кризиса, также была бы полезной. Сейчас основные усилия ведущих стран направлены на выработку решений, основанных на едином понимании природы кризиса и путей его преодоления. Такая позиция отвечает и интересам России, заинтересованной в создании ясной сбалансированной международной финансовой системы с прозрачными регулирующими механизмами. В России дискуссия о реформе финансовой системы только начинается – ее придется перестраивать как под нужды развития страны, так и под ожидаемые изменения в мировой финансовой архитектуре. При условии стабилизации положения в финансовом секторе, предотвращения резкого усиления торгового (и финансового) протекционизма, координации действий правительства и недопущения глубокого спада в большой группе стран мировую рецессию можно удержать в «разумных пределах». Нынешний кризис знаменует собой окончание эры финансового капитализма, бурно развивавшегося с начала 1980-х гг. Ставшие привычными закономерности утратили силу, иначе не было бы такого глубокого кризиса [3].

Библиографический список

1. *Делягин, М. Г. Антикризисная программа модернизации страны / М. Г. Делягин // Российский экономический журнал. – 2008. – № 9, 10.*
2. *Интервью М. Хазина от 29 мая 2008 г.*
3. *Подсветова, Т. В. Особенности современного финансово-экономического кризиса / Т. В. Подсветова // Знание, понимание, умение : электронный журнал. – 2009. – № 8.*
4. *Протокол от 30 декабря 2009 г. № 42 «Основные направления антикризисных действий правительства РФ на 2010 г.» // Официальный сайт председателя правительства РФ В.В. Путина.*
5. *http://www.crisisrussia.ru/*
6. *http://about-crisis.ru/result/*

ГЛАВА III.
КРИЗИС И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

CHAPTER III.
CRISIS AND SOCIAL ADAPTATIONS IN POLYCULTURAL WORLD

С.В. Панов,
С.Н. Ивашкин
(Россия)

S.V. Panov,
S.N. Ivashkin
(Russia)

ПРАГМАТИКА СОГЛАСИЯ, СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ И ПРИМИТИВИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

PRAGMATIC OF ASQUESCENCE, SEMIOTICS TURN AND PRIMITIVIZATION OF HUMAN BEING

In pragmatical prospect the human life is understood as a measure of the «total experimentation» in the anticipation of the nature`s answer to a scientific project`s hypothesis. The human being is identified with a « prosopope » of consensus proceeding from the only initial being act as a « magic » performative proposition and a virtual semiosis, which primitivize a man and social relations.

Современная прагматическая эпоха определяется высвобождением человека от регулирующей власти религиозных метапредставлений во всеобщем экспериментировании, в котором человек выступает и субъектом, и объектом собственного преобразования и преобразования мира в зависимости от его потребностей [1:196]. Условием прагматической трансформации человека явилась инстанция парапсихологического согласия с самим собой и другим, выразившейся в вербальной прозопопее опыта. Однако само понимание этого условия постоянно ставится под вопрос в исходном прагматическом сомнении, поэтому прагматическая цель в познавательной, рефлексивной, мотивационной, деятельностной сферах никогда не может быть осуществлена вследствие утраты способности суждения об объективных условиях индивидуального и совместного бытия: языковое сознание становится одним из воплощений гегелевского самосознания как безусловной необходимости разума в чистом

концепте, для априорного бытия которого любой человек предстанет только небытием частности [1:197]. Прагматическое сознание превращает структуру согласия в самоцель, определяя условия порождения верований, интенций и желаний на основе метапродуцирования консенсуса, который отныне не является продуктом интуиции, позволявшей непосредственно идентифицировать вербальное представление и содержание перцептивного акта [1:198]. Языковой консенсус прагматического сознания воплощается в инстанцию трансцендентальной истины, виртуализуя само условие истинности в логической форме предложения как выражения мысли, которая заключала возможность мыслимой ею ситуации (тезис Витгенштейна). В языковом консенсуальном производстве сосуществования уже заложено теоретическое движение объективации действий и положения вещей, вписывающее объективный состав во все восприятия, мысли и поступки, отличный от самоданной фактичности истины-соответствия: пропозициональная прозопопея узаконивает смысловую связь определяемого и определения, лишая нас возможности судить об объективных условиях их порождения и мыслимости, диктуя тождество правил понимания предложения и правил его производства [1:198]. Философская семиотика Ч.С. Пирса – наука о языке, которая претендовала впервые и необратимо осуществить трансформацию картезианской философии в философию языка. «Человек есть знаки», «мы не можем мыслить без знаков» – эти предложения означают, что человеческое существо признает себя тождественным всякому опыту употребления знаков, «которое позволяет ему осмыслить этот опыт и, следовательно, его совершать» [2:39]. Опыт мышления знаками возводится в условие возможности любого восприятия, любого действия, любого желания, любой мысли так же, как и любой критики этих опытов. Пирсова максима «любое предложение утверждает собственную истину» [2:39] определя-

ет семиотико-пропозициональную трансформацию философии. Знаковое мышление – род силлогизма, в котором пользователь знаков полагает одну или несколько реальностей как предварительные данные предложения с целью сделать вывод, который он абстрагирует от реальности. Эта рефлексия истины действенна в той мере, в какой она предполагает саму себя, различая для пользователя реальность, отличную от нее самой.

В основе прагматической эпохи – полагание опосредованности любого знания в любом познавательном и этическом акте: любое самосознание не может претендовать на истину, если оно не измерено другой вещью, чем она сама. «Семиотический» поворот в философии предполагает отрицание чистого мышления как непосредственной интеллектуальной интуиции и формы самоконструирования: нет инстанции cogito как независимой психологической субстанции и единства сознания, что делает невозможной интроспекцию, познание абсолютно непознаваемого (регулятивные идеи разума). Мое утверждение получает истинностные условия только из отношений знакопорождения и знакосообразности, нейтрализуя гиперболическое сомнение Декарта [2:39]. Реалистический предрассудок прагматического проекта – обращение гаранта истинности опыта в тавтологическое присвоение знака реального: проекция сущностных свойств в объективную природу вещей [6:39]. Объективность семиотического описания использования знаков, кажется, гарантирует объективность научных дескрипций, упорядоченных эти употреблением. Таким образом, знакопорождение семиозиса объемлет рационализацию бытия, условия умопостигаемости универсума, внутреннего мира и человека. Закон, регулирующий научное использование знаков – подчинение условий проверяемости научной гипотезы эксперименту, подчинение истинности предположения подтверждающему ответу внешней природы, видимому миру [2:39].

Согласие становится трансцендентальной инстанцией, ответ которой независим от желания, интенций ученого предполагать истинной свою гипотезу. Экспериментирование себя и другого так же определено условиями употребления знаков, как и экспериментирование внешнего мира. Любой высказывающийся подчинен транссубъективной и объективной инстанции консенсуса, абстрагированного от содержания желаний, знаний, аффектов, которые он может мыслить и выразить. Этика консенсуса диктует императив уважения согласия как посттрансцендентального регулятива во всех сферах жизни, основа личностной, научной, прагматической, социальной идентификации партнеров в сообществе [2:40]. Принцип «логического социализма» – выносить за скобки свои личные интересы как последние цели своих актов» [2: 40]. Семиотический проект основан на двойственной рационализации универсума человеческого бытия в сообразности знаков и означаемой реальности. Этический прогресс как эрзац-конкуренция идеалов миметирует прогресс научного познания: в самоэкспериментировании человека и морального суждения в форме долженствования [2:41]. Философия «знакового мышления» состоит в создании условий смыслопорождения и означивания, которые фиксируются в форме коммуникативных привычек и верований. «Знаковое мышление» как сознание, обладающее безусловным критерием собственной истинности, характеризуется как логическим самоконтролем пропозиционального производства, так и абсолютным этическим самоконтролем в сфере самоэкспериментирования человека, который осуществляется «в сообществе собеседников, взаимно признающих ценность собственных моральных и политических суждений исходя из самого факта их признания» [2:42]. В этом признании правил производства межсубъективного бытия впервые может осуществиться «подчинение закону консенсуса» в испытании во всякий раз новом контексте «согласия как единственной формы жизни», по-

этому единственная событийная форма человеческих отношений – признание или непризнание истинности познавательных, этических, политических суждений, обещающих каждый раз «социальное или индивидуальное счастье или несчастье» [2:42].

Прагматическая философия снимает проблему историзма и релятивизма знания: допрагматическое неведение консенсуального закона «производства признания» формировало эпистемологическую эпоху «случайности», «в которой вероятность изобретения гипотез, условия их подтверждения или фальсификации составляли единственный закон существования» [2:42], в то время как новая «синекистическая» эра открывает возможность познания необходимых связей воспринимаемого, мыслимого и волимого, в которой «законы известны и применяемы, отношения судьбы заменяют собой отношения вероятности и случая» [2:42]. Однако абсолютное знание, достигнутое прагматизмом, только оборачивается трансцендентальной иллюзией, лишенной всякого отношения к объективной истине человеческого бытия, что обусловливает «возвращение картезианского гиперболического сомнения» в семиотическую метапсихологию, поскольку единственной целью «регуляции абдуктивных гипотез» во всеобщем познавательном и этическом самоэкспериментировании человека является в действительности снятие любого самоконтроля, достижение того уровня использования знаков, который «объективно запрещает любое сомнение в том, что нужно делать» [2:43]. Триумф знакового мышления как абсолютного праксиса – неразличенность бытия и долга, тождество бытия и мышления как совершенная сообразность субъекта и объекта познания. Именно поэтому «любое предложение становится видом успешной абдуктивной гипотезы», «заставляя нас признать единственную реальность для восприятия и единственное действие, которое надо осуществить для преодоления локального познавательного или этического сомнения» [2:43]. Поэто-

му нет и не может быть необходимости индуктивного подтверждения или дедуктивного самоконтроля в сфере прагматического разума. Философская семиотика утверждает прагматический идеал, который «всегда уже реализован» в каждом опыте восприятия, мысли или действия: идеал абсолютного знания зафиксирован в прагматической максиме и доктрине «сущностной природы и фундаментального многообразия возможного семиозиса (возможных действий, свойственных одним знакам)» [2:43]. Таким образом, философская семиотика становится «семиотической» феноменологией, целью которой является установление принципов явленности смысла в комплексе необходимых и достаточных условий коммуникации, выраженных в индикативной (референционной), иконической (предикативной) и символической функциях языка, благодаря которым собеседники подчиняют собственное восприятие реальности разумной природе знакового порождения с целью «получить доступ к сущностной и нормативной целесообразности опыта, «признаваемой субъектами в их собственных знаках исходя из единственного факта их произнесения» [2:44]. Человеческое бытие как семиозис становится сферой символической идентификации значения, которое синтезирует условия «перцептивного и практического поведения, общезначимого для интерпретаторов как пользователей языка» [2:44].

Семиотический интерпретант как форма «разумной природы», как знаковая «natura naturans» характеризуется динамическим эффектом, «гарантирующим общность содержания, выраженного в знаке, независимо от контекста и обстоятельств выражения» [2:45]. Интерпретант можно определить как рефлексивный продукт «архитектонического разума», обусловливающий сообразность знаковых выражений внутренней форме означивания, логической матрице языка как такового. Именно поэтому он становится рефлексивной формой знаковой «чувственности» – эмоционально-аффективной

явленностью идеи в «чувстве понимания» [2:45]. Эффект семиотического действия есть акт, который соотносит знаки интеллектуальных концептов с условиями их порождения во внутренней форме логического контекста. Логическая форма интерпретанта формирует комплекс «привычек» как смысловых ожиданий, проецирующих способ осуществления воли в будущем и определяющих механизм порождения волевых актов в постоянном изменении «тенденции к действию» во все новом контексте на основе концептуальной конъюнктуры [2:46]. Финальный логический интепретант как понимательная привычка является мерой семиозиса, внутризнаковой внезнаковой реальностью, позволяющей всякий раз понимать сами знаки в их связи с тем, что отлично от них. Человеческое бытие как сфера смыслопорождения основывается на посттрансцендентальных «рефлексах» идеи – комплексе понимательных ожиданий и автоматизме повторения реакций, поэтому интерпретант оказывается продуктом спонтанного самоанализа и осознанного конструирования опыта [2:46]. Однако трансцендентальная дедукция абдуктивной идентификации последних логических интерпретантов обращается неоправданной операцией, поскольку семиосфера подменяет собой саму реальность на основе априорного «переноса в знаки природы универсалий» [2:46]. Таким образом происходит прагматическое удвоение реальности как всеобщей связи мыслимого и явленного в интуитивном синтезе «значимых общностей (типов) и единичности их употребления» [2:47]. Так прагматическая семиотика достигает абсолютного знания, объемля объективную логику знаковой природы и субъективную логику понимания. Рефлексия как абсолютный праксис основывается всякий раз на предзнании реальности, замененной ее знаковым эрзацем, на «семиотическом» убеждении, согласно которому реальности вне знаков не существует, реальность обращена в «совершенную вирту-

альную иллюзию» [2:47]. В основе семиотического проекта – слепое консенсуальное самоутверждение, гарантирующее раз и навсегда истинностную проекцию универсалий, валидность абдуктивных гипотез и экспериментальных процедур [2:47]. Основой философской семиотики оказывается «семиотический софизм»: необходимо одновременно и создать реальность как знаковую природу и отрицать возможность этой необходимости, чтобы произвести любой пропозициональный акт означивания и коммуникации. Именно поэтому, если реальность есть сущностно знак, то априорное условие семиозиса отклоняет любую возможность «саморегулирования прагматической максимой» [2:47]. Абсолютное согласие познаваемого с предзаданными условиями его порождения как основа прагматического разума не может быть поставлено под сомнение. Прагматическая традиция, как констатирует Пулэн, воспроизводит классический эпистемологический тупик: познание возможно только тогда, когда условия познаваемости нам уже всегда исходно заданы в тождестве мышления и бытия. Семиотическая иллюзия может быть преодолена только в опыте суждения об истинных условиях существования в соответствии с его смертной мерой, с конечностью познающего в его познании, всякий раз оборачивающемся виртуальным неведением в иллюзии.

Прагматический «демон» заставляет каждый раз воспроизводить коммуникационную модель согласия «безупречного автоматизма», заменяя им вакантную позицию «Третьего» (внеположных отчужденных сил или суверенных богов), гарантировавшего условия развертывания любого человеческого действия, выбора, решения, аффекта. Пропозициональная прозопопея прагматической антропологии и философии языка преобразуется в аргументативную прозопопею «коллективного процесса легитимации» социальных, моральных, юридических институтов в теории коммуникации Ю. Хабер-

маса, которая становится предметом критики Ж. Пулэна в философии «коммуникативного действия». Исходное наделение каждого субъекта автархической свободой занимать любые социальные роли и аргументативные позиции в свободной публичной дискуссии об условиях значимости потребностей и норм, как предполагается Хабермасом, должно гарантировать объективную приемлемость искомых результатов дискуссии [3:92]. Однако, поскольку условием аргументативной дискуссии явилась снятие любых предшествующих обязательств в опыте радикальной проблематизации и редукции традиционных потребностей и норм, аргументативный механизм производства условий сосуществования восстанавливает структурную схему шаманистского ритуала как обретения согласия с внеположным Третьим через преступание всех запретов в священном безумии, которое, как кажется, сублимирует любое стремление господствовать или проявить насилие в отношении к другому. Консенсуальная прозопопея как абсолютное тело потребления, раз и навсегда удовлетворяющее любое желание эрзацем истинности, формирует условие аргументативной дискуссии, подводя ее участников под «общий наркоз» виртуалемы согласия, то есть всеобщей иллюзии уже всегда предполагаемого согласия аргументатора с собой, другим и миром [3:92]. Консенсус гарантирует идентификацию всех с «общим смыслом», с абсолютным образом аргументативного сочувствия и взаимопонимания, которое заменяет собой суждение об объективности совместного опыта. Аргументативный консенсус приобретает силу закона исходя из единственного собственного события в метапсихологическом горизонте [3:92]. Консенсуальная прозопопея сообщает автоаффективную природу убеждениям, желаниям и воле к действию, поскольку сама мысль порождает непосредственную меру истинности или ложности, которая обращается в аргументативный горизонт убедительности или

неубедительности условий сосуществования вне всякой возможности и необходимости судить об их объективном содержании [3:93]. Консенсуальная прозопопея превращает каждого собеседника в субъекта самопризнания и взаимопризнания исходя из единственного факта речевого действия и события согласия, определяющего структуру перцептивного, познавательного и волевого опыта [3:93]. Коллективное согласие как безусловное требование морального долга реализуется как в априорном самоопределении человеческой воли, так и в самой фактичности бытия: легитимирующий любые проявления человеческого существа и социального организма консенсус возводится в инстанцию абсолютного суждения об объективных условиях социальных отношений, которые в нем объективированы. Отсюда и всеобщая политизация частной и социальной жизни, которая состоит в обращении видимого согласия всех со всеми в принцип, средство и цель действия каждого [3:94]. Слепая демократическая идентификация всех со всеми исходя из единственного факта произнесения суждения о суждениях самого себя и других воспроизводит действие закона языковой прозопопеи в каждом социальном акте. Современный человек примитивизируется, порождая самого себя по шаблону государственного самоотчуждения так, как он в каждом акте социальной воли порождает другого как субъекта предсуществующего согласия: тотемистская сакрализация политического отношения служит отныне мерой самой морали [3:80]. Тотемистский схематизм вписан в структуру капиталистического производства: как в протестантской этике исходной была признана невозможность насладиться результатами собственного труда, которые вновь и вновь надо было вкладывать в процесс обращения капитала, формируя тем самым этико-социальный абсолют наслаждения аскезой, так в государственном капитализме советской эпохи шаманистский ритуал государства, обладавшего всеми пра-

вами, но отказавшегося от всяких обязанностей, канализирует импульс насилия в формы борьбы с внутренним врагом [3:80]. Национальный аутизм государственного капитализма, который постоянно вытеснял исходную травму капиталистического способа производства неравенства в разных видах разрядки агрессии как террора, формирует безумие абсолютизации политического в исходном требовании насладиться внепонятийной сообразностью всех произведенных социальных актов, сообразностью реализованного социального идеала высшему Благу в видимой, манифестируемой форме единства всех со всеми [3:80]. Абсолютное тело потребления в современном неототемизме национального и межнационального бытия, запрещая «одноплеменникам» уничтожать себе подобных, возводя в безусловное условие опыта наслаждение исключением другого (индивида, группы, общества) из социально-политического бытия, является гарантией канализации агрессии в борьбе против внутренних и внешних врагов, оборачивающейся в свою очередь риторической игрой, эрзац-действием, телекоммуникационной виртуалемой, которая всякий раз диктует отказ от способности суждения об объективных условиях национального бытия, грозящий социальным гиперотчуждением и обесцениванием политических, экономических и юридических институтов.

Библиографический список

1. *Poulain, J. La sensibilisation de la raison dans l`anthropologie pragmatique / J. Poulain // Critique de la raison phenomenologique. – P.: Cerf, 1991. – C. 185-210.*
2. *Poulain, Jacques. La metaphysique metapsychologique de la pragmatique et l`ontologie du jugement / Jacques Poulain // Semiotiques. – P., 1992. – № 2. – C. 37-65.*
3. *Poulain, J. L`injustice capitaliste et la justice du jugement / J. Poulain // Qu`est-ce que la justice? La justice devant l`autel de l`histoire. – Saint-Denis: PUV, 1994. – C. 75-95.*

A.Peraica (Croatia) **А. Перайка (Хорватия)**

ЭКСПЛУАТАЦИЯ СМЕРТИ

THE EXPLOITATION OF DEATH

Статья раскрывает основные положения исследовательского проекта «Синдром жертвы», предпринятый группой художников, теоретиков и программистов для философско-культурологического осмысления эксплуатации смерти в современной культуре. Проект выражает междисциплинарную область между культурными и клиническими исследованиями, которые объединили множество методов, структур и практических методик. В разработку исследовательского проекта был введён новый критический глоссарий, чтобы помочь разъяснить и различить симптомы и признаки жертвенности и мести.

Статья отражает пересечения различных дискурсов (клинических, культурных и политических) по теме синдром жертвы в культуре эксплуатации смерти и определяет их ключевые и крайне важные элементы. Центральные вопросы статьи следующие. Что такое эксплуатация смерти? Что такое жертва? Почему о жертвах сообщают так часто? Как о них сообщают? В каких беседах они появляются? Что могли бы обусловить эти беседы? Какое влияние оказывает на общественность визуализации жертв насилия? Кто реально помогает жертвам и кто ими спекулятивно пользуется? Какие существуют различия в культурных манифестациях жертвы истинной и псевдо-жертвенности? Как распознаётся псевдо-жертва и какие цели она преследует? Как наша культура институционализирует жертву?

Жертва - это человек, который стал по независящим от него обстоятельствам полностью беспомощным в опасной для жизни ситуации. Иными словами, жертва возникает из-за внешних факторов и не может быть виновной. Посредством социального взаимодействия (внешний зритель) – жертва ищет свои моральные и этические оправдания в виде рассказа

героя-жертвы. Не бывает героев без жертв, но бывают жертвы без героев. Месть приходит от героя, но ориентируется на публику. Если есть герой, публика удовлетворена. Инверсия специфической роли одной из жертв может сопровождаться эмоциональным вымогательством, при котором кто-то строит из себя жертву ради обесценивания 'агрессора', прося мести или получения чего-либо другого. Этот нарратив, как правило, политизируется в интересах конфликтующих элит и общественного мнения. Из этого можно сделать вывод, что общественность нуждается в героях, и герои полагаются на жертв. В любом случае там где жертва, там всегда есть место для манипуляции. Ну а если нет жертв, появятся поддельные, или ситуации будут выстроены так, чтобы кто-то смог быть воспринят как жертва.

В статье рассматривается вопрос об институционализации мести и смерти в культуре. Настоящий двигатель для мести был политически институционализирован системами правосудия, что было замечено Гоббсом, для того, чтобы укротить хаос и беспредел в государстве. Месть была окультурена общественным договором и передана системе правосудия. Но как только система правосудия потерпит неизбежную на определённом этапе неудачу – что случится с общественным договором? Радикально говоря, каждая жертва – это провал социальных институтов, которые требуют законности через предвкушение конфликта. Другими словами, жертвы вызваны событиями, такими как войны, но что делать жертве, если общественный договор не действует или не способен предотвратить войны? Когда это случается, договор связанный с отказом жертвы от мести, данный обществу в обмен на мир, и безопасность терпит неудачу и провоцирует внеправовые действия, как о стороны жертвы, так и со стороны государства. В кризисном обществе формируется культура смерти, которая нещадно эксплуатируется конфликтующими сторонами. В этой культуре смерти есть свои жертвы и герои, между которыми идёт непримиримая борьба.

The text Exploitation of Death finalises the project an interdisciplinary project Victims Symptom – PTSD and Culture (Lab for Culture, 2007: http://victims.labforculture.org) which consisted of preparation interviews, commissioned texts, artworks, as well as a new Glossary and produced two weeks of debates on the online forum of the project. The text is concentrated on the institutionalisation of revenge in form of "encapsulated memory" that if not resolves threatens with new conflict on personal as well as on grand scale.

This introduction is one of the outcomes of the debate provoked by my email – 'War Profiteers in Art' – criticizing Robert Storr's set up at the 2007 Venice Bienniale (1). The debate was held in parallel on two email lists/networks in September 2007 – Nettime and Yasmin – and ended up in a project called Victims' Symptom – Post Traumatic Stress Disorder (PTSD) and Culture (LabforCulture, European Cultural Foundation, 2008) (2). Problems of curating such art were presented separately at Continental Breakfast Meeting in Istanbul (2007), while methodological discussions were included at the Mutamorphosis Conference in Prague (Leonardo and CIANT, 2007).

Critical input to the thesis has been injected by George Slavich, a researcher in psychology who has, after his public lecture in MediLS, claimed the possibility that, "whole cultures are suffering from PTSD", referring to the Croatian population (3). The reason for introducing a clinical definition of PTSD into this discourse around a cultural project was its analytical and clinical testability (4). As an indicator of trauma, it provides a clear definition based on practical evaluation via scientific methods, as opposed to the vaguely defined notion of trauma often used in cultural studies, especially trauma and Holocaust studies (5). More specificially, the scientific definition includes a hormonal reaction, showing the level of cortisol hormone (6).

Using scientific tools, continual strategic research would, therefore, open up more radical methods of distinguishing

a report of the victim and a diary of a real or fake victim as well as its narratives, but also the dangers of evoking the original trauma and, therefore, re-victimizing the untreated or even unrecognized victim in a variety of ways, through political, but also cultural productions.

Bringing together artists, theoreticians and programmers, the project Victims' Symptom mapped an interdisciplinary field between cultural studies and clinical research that explored a variety of methods, frameworks and practices. Two young scholars, Tihana Jendričko and Tina Peraica, from the Psycho-trauma Center in Zagreb, have carried out research working with PTSD patients in practice. A new critical glossary was introduced to help clarify the definition of symptoms.

One additional methodological and contextual task, provoked by the death of Joseph Weizenbaum, the author of the first software program dealing with contemporary (Rogerian) psychiatry – the ELIZA (1966) – was to examine the abuses of psychiatric knowledge, not only its possibilities to cure (7). Besides New Age self-help and the neoliberalist conceptions of the customer as the victim to be saved by a product, more radical examples emerge; for example, the engagement of psychiatrists in armed conflict and war in ex-Yugoslavia.

The negative outcome of psychiatry in the cases of Serbian war criminals Jovan Rašković and Radovan Karadžić, who obviously misused the psychological and social knowledge, inducing the social discourse of the 'victimisation' ("we are the victims") as a call for historical revenge ("do not forget"), was analyzed by artists, theorists and scientists to find ways of de-victimizing the dominant discourse that precedes and contributes to war itself (8).

Toward this end, a need for mapping the intersection of various discourses (clinical, cultural and political) and finding its key elements was crucial. The central questions were: why are victims reported so frequently? How are

they reported? In which specific discourses do they appear? What might these discourses indicate? What impact does the report have on the public when calling upon victims? Are there hidden intentions or goals implied? Are real victims' speeches present in the reports about them and how? Are they in any way helped or are they possibly used? What is the difference between the real victim's speech and a fake victim? How do we recognize a fake victim? Why are there fake victims? How does our culture institutionalize victims? What is the advantage gained by a fake victim?

Victims' Symptom Layout

The first phase of the Victims' Symptom project was to map the constantly recurring phenomena of victims in the media, using the Internet, which fortunately today includes other (older) media, such as newspapers, TV and radio via portals. We have used their RSS feeds to track, record and visualise this information.

The page, designed by Pieter van Kemenade (aka Pike) from LabforCulture, enabled a Google search in 12 languages that are thought to have news on victims, searching for up-to-date articles (i.e. "fresh victims"). Unfortunately, the outcome of a couple of months of analysing RSS news feeds has shown that victims of World War II are frequently included in the news. They have become, for their cultural institutionalisation, more important than contemporary fatalities. This shows a present cultural need for revenge in a historical context, behind the institutionalisation of a victim's narrative.

The mapping of these discourses was made possible through an artwork by Mauricio Arango (Colombia/USA) titled Day After Day (9). This was a version of his earlier work, Vanishing Point, which demonstrated how certain countries appear and disappear from the world map of information on a daily basis; such as, for example, the relatively unknown phenomena of Myanmar or the sudden

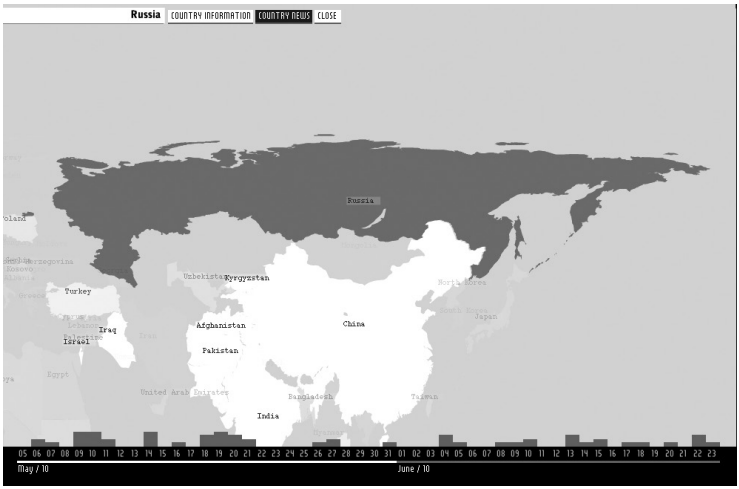

Illustration 1 – *Maurizio Arango: Day After Day, http://dayafterday.labforculture.org*

emergence of various ex-USSR countries after civil unrest or conflict. The map we produced, which curiously enough omitted Australia (having only four 'victims' in a period of a month, two of which were actually natural accidents, one a human accident and, finally, one arrested terrorist suspect), showed a totally strange picture. Paradoxically, the term 'victim', obviously reflected the discourse behind the mapping process, pushing up the USA, UK, Germany and France to the same level of intensity as the Myanmar/ Burma tsunami and a fatal earthquake in China. In one month, the map had totally erased Tibet, which did not appear in any official media reports. Also, despite the huge number of 'victims' occurring in Africa, the whole continent was only slightly visible on the map, revealing that victims were becoming what media theorists would call 'redundant old news'. The world is not interested in the serialised death of 'one by one', but rather, large-scale dying in distinguishable groups.

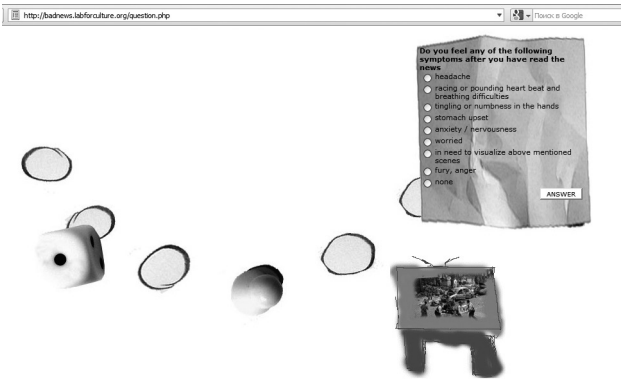

Illustration 2 - *Andreja Kulunčić: Bad News, http://badnews.labforculture.org*

What happens when we receive this news through different media? This was the subject of detailed research entitled Bad News by Andreja Kulunčić (Croatia) in collaboration with Tina Peraica (10). The thesis was supported by research that a cortisol level may indicate trauma, even when a person is not directly affected audio-visually by a trauma, but the effect is mediated (11). While inviting users to test their own stress levels and giving them solutions for a cure in terms of self-therapy, the Bad News online pool collected statistics about which news and victims are relevant to the user in terms of gender, age group, nationality and level of education, among other characteristics. The data can be filtered to show many interesting outcomes: post-war societies have developed social coping mechanisms while societies living in peace have not developed such coping techniques. Also there is a higher level of tolerance to stress, whereby some news does not appear as life threatening in countries that have experienced major shocking events such as combat, natural disaster and so on. A subsequent study of the media, as I

have suggested in the debate No News – Good News, would include several layers of analysis on how media is not only used for broadcasting and reporting, but also for inflicting trauma onto the public. Comparing news productions in different countries, one may notice a couple of important stress inducing presentations (12).

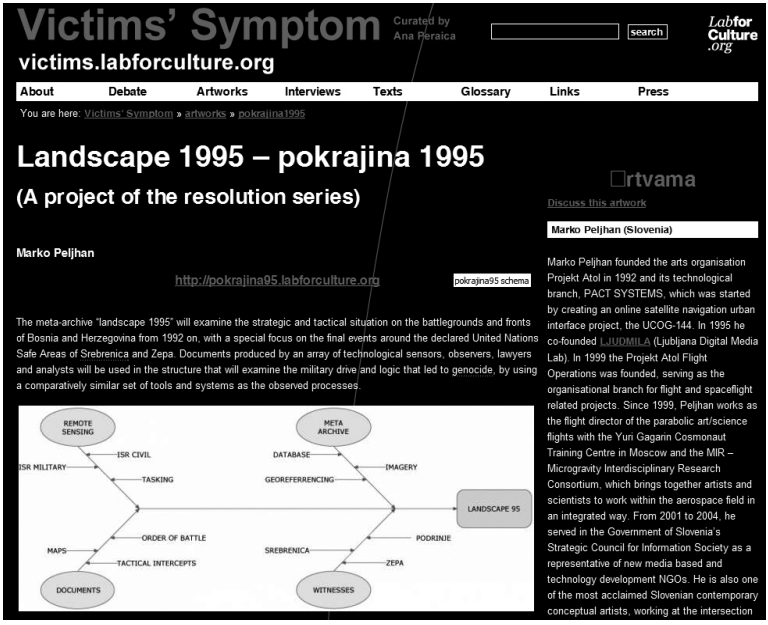
How to deal with stress in terms of self-monitoring tips such as those offered by the Bad News project is also discussed in the text by Geert Lovink (The Netherlands), who is concerned with exploring people's journalism – or the blogging culture – as a self-management tool (13). Unfortunately, some cases have shown that bloggers have also produced a counter-culture of sorts; predatory psychiatrists leaving their advice in the comments section of blogs, producing a hybrid culture of 'taking care'.

Illustration 3 – *Alejandro Duque: WDWTH? (Who did What to Whom?) http://wdwtw.labforculture.org*

Alejandro Duque (Colombia/Switzerland) in WDWTH? (Who did What to Whom?) has been working with an expert team to show the impossibility for the survivor to socialise, revealing our prejudices towards PTSD patients (14). In doing this, he has made another version of a net.art classic, My Boyfriend Came Back from War by Olia Lialina (1997) (15). While Lialina presented a fictional story from the

outside, as told from the girlfriend's angle, Duque shifts to the subjective speech of a survivor whose story is neglected, mixing it with ordinary Internet Relay Chats (IRC) and people's communication. A constant repetition of one's own story showed a total sense of disorientation, both in space and time, induced by a parallel coexistence of the world of the past (the recurring trauma) and a sense of 'being used' by society to fulfil the 'dirty job' of building another world, a future that ironically does not include one's own place within it (16). While in Duque's work the narratives were individual, in the text of Sezgin Boynik (Kosovo) they were a cultural point of the meeting of the victim and the aggressor after the conflict that reached its peak with the destruction of the Kosovo art show Odstupanje in Belgrade (17).

Ilustration 4 – *Marko Peljhan: Landscape 1995', http://victims.labforculture.org/site/artworks/pokrajina1995*

The problem of the survivor's tale and the reconstruction of events was additionally analysed in the work in progress by Marko Peljhan (Slovenia), which uses the military maps of Srebrenica, showing up the objective and a series of subjective interpretations (18). This, in the text of Stevan Vuković (Serbia), has shown the problem of the survivor and the witness, as analysed in terms of reliability of witnessing real and oppressed memories (19).

The possibility of reconstructing history from the memories of survivors, as claimed by clinical positions, is indeed impossible as the only clear picture of events are held by medical ethics or released only for special circumstances to courts (20). As such, it is inaccessible to the public, which in turn romanticizes and fictionalizes the event. While real witnesses are unable to speak and become invisible, or their stories are kept off the official record and hidden, a cultural need for the proliferation of fake witnesses appears along with the generation of victims' discourses ("we are the victims") (21).

The more monotony holds sway over the working day, the further away you must be transported once work ends - assuming that attention is to be diverted from the process of production in the background. The true counterstroke against the office machine, however, is the world vibrant with colour. The world not as it is, but as it appears in popular hits. A world every last corner of which is cleansed, as though with a vacuum cleaner, of the dust of everyday existence.

-Siegfried Kracauer

THE DUST OF THE OFFICE

Illustration 5 – *Martha Rosler: Dust of the Office, http://dustoftheoffice.labforculture.org*

This logic becomes an interpretative manoeuvre in the work of Martha Rosler (USA), which explored the significance of the stress function in the total conspiracy and madness of the post 9/11 world, inducing paranoia in the smallest details of existence, which in turn contextualizes and re-interprets everything (22). This induction of the victims' discourse can be understood as emerging from a need to control, as victims are by definition helpless.

After mapping the discourse of victims, both diachronically and synchronically, analysing the reasons for their media coverage and abuse and the engineering of the discourse of victims, with the resulting clash between survivors and the public, and the impossibility of reporting the traumatic event without inducing further trauma, we analysed the memorial – a highly personal expression that excludes the world at large (23). In the text by Adila Laidi Haineh (Palestine), the problem of the representation and dignity of death, and dealing with the grief of other people, is examined using the example of building a memorial (24). Memorials only serve survivors. The urban memorabilia that are present not only in monuments and graveyards, but also in practices of naming were researched as a starting point for introducing a politics of revenge in the discussion.

On the Institutionalisation of Revenge

Contrary to ordinary victims' narratives, clinical psychiatry offers us the definition of the stress of hope that includes the culturally oppressed desire for revenge (25). The original drive for revenge has been politically institutionalised by systems of justice, as political philosophers like Hobbes would note, to end an originary state of chaos (26). Revenge was abandoned by the social contract and handed to the justice system. But once the justice system fails, and it surely fails wherever there are victims of a human action involved (including victims of natural disasters induced by humans), the problem is –

what happens to the social contract? Radically speaking, each victim is a failure of the social institutions that claim legitimacy through the anticipation of conflict. In other words, victims are caused by events such as wars, but are then produced by a failure of a social contract that should have prevented these conflicts in the first place. When this happens, the original need for revenge that was given to society in exchange for peace and safety fails and the necessity for compensation increases; which is, of course, the state of war, the state of revenge. In this situation, is the original need for revenge or the institutionalised and instrumentalised form of revenge doing more harm? As I argue in this text: it is not problematic when the individual feels a need and manages to express the original revenge under moral restrictions. But it is a problem when society instrumentalizes the same need, instead of resolving the revenge in terms of justice (27). It is especially problematic if the instrumentalisation has been done for other purposes, being the colonisation of territory or individual gains (as pensions, apartments, or even PhDs, Pulitzer Prizes or fame). But first – let's dive out of the dilemma of real and fake victims: ones that ask for revenge and others that ask for something induced by the feeling of remorse and helping.

Victims and Heroes

One of my students recently wrote on the 1994 Pulitzer Prize winner Kevin Carter's photo of a baby starving to death in front of a vulture, specifically by considering the shock of viewing a photograph in Barthesian terms (28). He immediately deconstructed the image into a 'good baby' and an 'evil bird', applying the discourse we learn from childhood where there is a victim on the one side and an aggressor on the other. Even if the situation in the photo were different – a small baby killing a bird – he would have mostly likely concluded the reverse case scenario: a nasty child kills a bird. But the fact is that birds do not pass ethical and moral

judgments. And in terms of survival, it is not even applicable legally in human terms, even in extreme cases such as starving on a boat. It is a fact that vultures eat corpses, including human corpses, which also includes babies. So even if a baby could kill a bird for fun, while a vulture waits for the death of a baby for survival, the outcome in either case cannot be easily differentiated. There must be some other instance when the decision is made.

What is frightening when seeing this photo is that we are immediately constructing a learnt mechanism: victims are good; the opposite of victims are aggressors, and we cannot perceive an interpreter (the photographer is standing still). That is what is terrifying. It is the photographer who is the only moral adult present not in a helpless state and not in mere survival mode. He makes the decision to take a picture instead of throwing a stone at the vulture. He has another goal and only his goal applies outside this situation: the photography – the publicity – the award – the fame.

Well, the photographer killed himself, we learnt afterwards. But the problem is that many of us feel he should have been 'killed' for the photo, not been awarded a prize. Connecting the suicide of the photographer with the photography was disputable. One death can be drawn directly to the meaning of the other only in a murder, not suicide, as Mirbeau observed in his morbid writings (29). The revenge of a viewer appears here as the decisive fact, a disguise. What makes me angry is that we have been deprived of our right to avenge the victim, if we cannot change the original circumstances, but we are oppressed to see them, to observe the indolence of the other. We may feel: the photographer should have been imprisoned; Milošević should suffer a live trial; the Dutch army should be punished for their act towards Srebrenica, and the original meaning of the anger and thinking is actually our right to revenge.

From this point, we can already establish some clarifications: the victim is a person who has been found to

be totally helpless, in a life-threatening situation, without her or his own will. In other words, the victim emerges from a totally passive condition and cannot be guilty. By the means of social interaction (the outer viewer) – the victim seeks our moral and ethical judgements, incorporated in the hero-victim narrative that is encapsulated in popular culture and family narratives, as well as religious stories, forming the first but also the most banal dichotomy deeply rooted in our conscience. There are no heroes without victims, but there are victims without heroes. The revenge comes from the hero, but is orientated to the public. If there is a hero, the public is satisfied.

The inversion of a particular role into that of a victim can produce emotional blackmail, known as the 'victim role', where someone has positioned themselves as a victim for the sake of de-valuing the 'aggressor', asking for revenge or gaining something, and therefore, opening up a space for political speech, as inviting publicity, at the original site of revenge (30). From this, it is possible to conclude that the public needs heroes and heroes rely on victims, but the other way around might be manipulation. So, if there are no victims, fake ones are invented or situations are constructed so that someone can be perceived as such. To clarify the difference between the victim and the fake victim in terms of instrumentalisation, one needs to analyse the subsequent narrative in terms of the dichotomy of victim-hero as survivor, discover who is telling the story according to the motive; deconstruct the motive of a hero (fame, profits) and survivor (blame, revenge).

In the case of Kevin Carter, it appears the survivor was not a hero, he had to victimise the baby. But what would happen if the baby survived and told a story about Carter? Or what could happen if there was anyone else who could take revenge in the name of the baby, being the proper hero?

Revenge and the Use Function

Comparing the posters of Anur Hadžiomerspahić and Ajna Zlatar using brands of clothes of people exhumed in the Srebrenica massacre with posters of Toscani made for the Benetton, we can see completely different goals (31). They appear similar – but they are meant to say different things. Contrary to the purpose of Toscani's clothes, which were used for 'awareness raising' but with commercial ends, the posters of Hadžiomerspahić and Zlatar were fundamentally revolting or revengeful, with clearly conflicted discourses. There is no visible gain behind them, as with the 'heroic' act of Toscani. This is easy to understand as soon as we know 'who speaks for whom', from which we can decide if that is the original discourse of victims; which is only the discourse of revenge.

Eye for an Eye, and an Eye for the Money and the Fame

Victims fill media space and art shows. Only a couple of days ago a new spectacle of a man dying in a gallery filled the headlines in the newspapers. The only difference between the Venice show and the more recent example is this: the former was dealing with massacres and genocides. Still, whether we are concerned with one death or millions, they change nothing, as in the art world they are not meant to change anything, but appear to have another goal justified by the 'right to the truth' and pseudo-activism. However, they soon get exhausted, informationally redundant or authorised by some artist – so hardly any other artist would dare to 'take up the topic again'.

Walking through the Venice Biennale, as I noted in the curatorial statement, a colleague observed that strangely enough every massacre seemed to be represented except one – the massacre of Srebrenica, which was at that moment still in the process of becoming immaterial and uncapturable.

Srebrenica has unfortunately shown that numbers do not matter even when it comes to massacres. Dying one by one in the case of Africa, visible in the work of Arango, seemingly has no effect, while the sudden death of many also sometimes apparently changes nothing. There is a point from where Africa and Srebrenica seem similar: the aggressor cannot be easily identified, as we have already seen. The question – who is guilty? – is the matter of an anticipated responsibility, as with most wars, through chains of command from soldiers to generals. But the situation seems far more complex: it is not one person or one army or one state that is guilty in the case of Africa or Srebrenica, the problem is – who is subject to revenge? Srebrenica is the shame of NATO, the Netherlands, of the Hague court, our media society. But then who is excluded or beyond reproach? The event is impossible to interpret clearly.

The Exchange

The original need for revenge is expressed through evaluation, and most often by the problematic form of currency exchange, not the motivating desire itself. The mathematics of revenge as exchange value is usually directly expressed, though never by the archaic measure of 1:1. As with Iraq, a single US soldier seems to mean more than dozens of civilians. Here, the sophist paradox of a unique individual and the mass seems to have a strange resolution: a mass is defined by the discourse, not by the number. It is a value system, as Noam Chomsky observes (32).

Positive and Negative Economies

The economy of original revenge is, moreover, something highly visible. Since Bataille's interest in potlatch, the cultural logic of the negative economy has been theorised as a key component of sociality (33). While the regular economy is about positive exchange, wars are concerned with exchange for the purposes of revenge. Our (again, healthy) need to take

revenge has been civilised in a variety of institutions that do not exist in war and encounter problems even in the post-war period, though the biggest issue for the institutionalisation of revenge is not related to justice, but the institutionalisation of the need for revenge in the history of other social institutions.

Postponing Revenge, Or, "Do Not Forget" – The Memorial

Comparing the way Anur Hadžiomerspahić and Ajna Zlatar deal with images of clothes from people exhumed in Srebrenica and the images Adila Laidi Hanieh has presented in her 100 Shaheed memorial, we can see different ways in which memorabilia function (34). The distanced position of the curator of 100 Shaheed, which exhibits only the objects belonging to victims and photos taken during their lives, showing no signs of murder or blood, was a healthier way of dealing with the problem (35). While the designed posters depict decayed clothes from the exhumation of victims in a morbid way, a psychiatrist at the show has noted that the images display other noteworthy aspects of the missing person (36).

In neither of these cases has there been an image of the victim being victimised (the usual mass media image), but one of them shows something scarier than the corpse we are used to: the image of decaying without a body. It actually shows the total irrelevance of the victim, turning it against us with the question: what happened to the person wearing those clothes? (37). Have they been forgotten in the same way?

Horror Parks

This revengeful rhetoric of the guilty conscience, somehow isolated from the image of the same body, is different from the museum of mourning. Here there is nothing to avenge; it is the end of vengence.

With the proliferation of online memorials, one can still ask – what is the goal of heroes taking revenge instead of

victims? (38). If made as part of an artistic project, we can read out goals in terms of the domain of art institutions. But if it is political, things can get much more complicated, as politics can mobilise a much larger form of reprisal, using another currency value. The institutionalisation of death in memorials, therefore, mobilises social revenge on a grand scale.

As Stevan Vuković has nicely put it, "memory has no expiry date" (39). The tale of personal or family suffering may persist as an encapsulated narrative of victims and aggressors through generations, where, if more oppressed, it becomes more dangerous. The problem of society waiting for another conflict is the institutionalisation of traumatic memories through the morbid practice of oppressing the remembrance of victims, or even engineering them (40).

At a certain point, they may find their way into a victims' discourse, as our war psychiatrists were using them in their speeches, asking for revenge going far further than the remuneration that could have been taken in the first place when it was censored and, therefore, escalating its algorhythm.

But the outcomes are clear: the need for a hero occurs where there is no guaranteed legal security for a victim, who is a signal of that failure. Heroes are the only ones who gain at the victims' expense (assuming the aggressor is going to be revenged). If there are no victims to enforce returns for the hero, the victims' narrative is invented. Un-revenged victims are encapsulated in narratives of revenge for the future. If the revenge is postponed, legal security considered, the state appears to be a hero and victims serve to illustrate the condition. But how can the narrative be so limited?

It is obvous; aggressors never admit what they have done, victims usually cannot talk, survivors have difficulties as PTSP. So we are left with heroes who take their place in history and culture, even if they are not authentic.

(Copy editing: Vicky Anning and Michael Dieter)

References and notes

[1] *52nd Venice Biannual had the concept/title: Pensi con i Sensi, Senti con la Mente, or Think With the Senses, Feel with the Mind: Art in the Present Tense.*

[2] *Project Victims Symptom (PTSD and Culture): http://victims.labforculture.org*

[3] *G. Slavich, Slobodna Dalmacija, 2006 (the newspaper's archive has been inaccessible since 01.01.2008).*

[4] *Glossary: 'Posttraumatic Stress Disorder (PTSD)*

[5] *Stevan Vuković: Niemand zeugt fьr den Zeuge' http://victims.labforculture.org/site/texts/niemand-zeugt-fuer-den-zeugen.*

[6] *Glossary: see footnote 4*

[7] *"ELIZA is a computer program by Joseph Weizenbaum, designed in 1966, which parodied a Rogerian therapist, largely by rephrasing many of the patient's statements as questions and posing them to the patient. Thus, for example, the response to "My head hurts" might be "Why do you say your head hurts?" The response to "My mother hates me" might be "Who else in your family hates you?" ELIZA was named after Eliza Doolittle, a working-class character in George Bernard Shaw's play Pygmalion, who is taught to speak with an upper class accent". http://en.wikipedia.org/wiki/ELIZA*

[8] *Glossary: 'Necrophilia and Generals',*

[9] *Mauricio Arango: *Day after Day', http://dayafterday.labforculture.org*

[10] *Andreja Kulunčić, 'Bad News', http://badnews.labforculture.org*

[11] *See: Glossary: 'Trauma from a Distance',*

[12] *As; (1) The speed of TV reports (news reporters talk much faster than other journalists) in combination with background music that has a rhythm comparable to high blood pressure or even bringing together the frequencies of voice and the background music close to the state of two coinciding pressures – creating 'a heart attack effect' that is used for*

increasing the public's adrenaline level; (2) The shock effect of inducing the public into traumatic news – always starting with the most threatening reports and concluding with the least threatening news, ending with 'the least of adrenaline' in sports, instead of preparing us for the most shocking news that can be analyzed for the narrative oscillation. (3) Unclear reading of reasons, introducing a confusion about the possible threat, usually showing up the threat and with a delayed calming down, which is a known stress inducer; (4) The actual impossibility of doing, underlining media's declared helpless state of 'just seeing'.

[13] *Geert Lovink, 'Blogs as Self-Management Tools', http://victims.labforculture.org/site/texts/blogs-as-self-management-tools*

[14] *Alejandro Duque: WDWTH', http://wdwtw.labforculture.org*

[15] *All versions of Olia Lialina's MBCBFW at http://myboyfriendcamebackfromth.ewar.ru*

[16] *See: Glossary: 'Re-experiencing', 'Regression', 'Repression/ Repressed',*

[17] *Sezgin Boynik Force of trauma', http://victims.labforculture.org/site/texts/force-of-trauma*

[18] *Marko Peljhan: Landscape 1995', http://victims.labforculture.org/site/artworks/pokrajina1995*

[19] *Stevan Vuković: Niemand zeugt fьr den Zeuge', http://victims.labforculture.org/site/texts/niemand-zeugt-fuer-den-zeugen*

[20] *See: Glossary: 'Amnesia', 'Avoidance', 'Denial', 'Dissociation'*

[21] *See: Glossary: 'Dependence Projective Identification', 'Ingratation Projective Identification', 'Martyr', 'Victim Role or Posited Roleplaying'*

[22] *Martha Rosler, 'Dust of the Office', http://dustoftheoffice. labforculture.org*

[23] *See: Glossary: 'Memorial'; 'Mourning/Bereavement',*

[24] *Adila Lanɗi-Hanieh, 'Regarding One's Pain: The 100 Shaheed-100 Lives Memorial Exhibition', http://victims.labforculture.org/site/texts/regarding-one-s-pain*

[25] *See: Glossary: 'Revenge'*

[26] T. Hobbes, Leviathan, Oxford: Oxford University Press, 1996.
[27] See: Glossary: 'Power Projective Identification',
[28] R. Barthes, 'The Photographic Message', A Barthes Reader, New York: Hill and Wang, 1991,. 15-31.
[29] O. Mirbeau, Torture Garden, trans. A. C. Bessie, New York: Claude Kendall, 1931.
[30] See: Glossary: 'Victim Role or Posited Roleplaying',.
[31] 'Death and Advertising: An Interview with Anur Hadžiomerspahić', http://victims.labforculture.org/site/interviews/death-and-advertising
[32] 'Worthy and Unworthy Victims: Questions to Noam Chomsky', http://victims.labforculture.org/site/interviews/worthy-and-unworthy-victims
[33] G. Bataille, The Accursed Share: An Essay on General Economy, trans. R. Hurley, New York: Zone, 1988.
[34] Adila Lanɗi-Hanieh, 'Regarding One's Pain: The 100 Shaheed-100 Lives Memorial Exhibition', http://victims.labforculture.org/site/texts/regarding-one-s-pain
[35] See: Glossary: 'Memorial', 'Mourning/Bereavement', 'Grief',
[36] A comment by Tihana Jendričko.
[37] See: Glossary: 'Necrophilia' and 'Necrophobia',
[38] 'Iraqi Memorial Online: An interview with Joseph DeLappe',http://victims.labforculture.org/site/interviews/iraqi-memorial-online 'Commemorating Victims: An Interview with Agricola de Cologne' http://victims.labforculture.org/site/interviews/commemorating-victims
[39] Stevan Vuković: Niemand zeugt fьr den Zeuge', http://victims.labforculture.org/site/texts/niemand-zeugt-fuer-den-zeugen
[40] See: Glossary: 'Repression / Repressed',

Т.А. Мазаева (Россия) **T.A. Mazaeva (Russia)**

ИННОВАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

INNOVATIVE CRISIS IN AN ETHNOCULTURAL SOCIETY

In modern innovatics connected in the first place with practice of implementation of different technical and technologic novelties, there is a basic idea of the possibility to construct sociality on the basis of rationally cognized principles – from «above» – «downwards».

This approach realized in practice of the ethnic culture innovations may have a destructive character, since it practically ignores the stable component of the socium – cultural core. As a result of elimination of ethnic and cultural element from the processes of intentional innovational changes «transfer» effects appear, that have unpredictable consequences.

В зависимости от принципов соотношения традиций и новаций в культуре, специфики социокультурного ритуала обновления и сохранения культуры определяется характер социокультурных инноваций. Так, в современном обществе инновационная экономика и соответствующие ей механизмы социального и культурного творчества в сфере науки, образования и т.д. репрезентированы соответствующими ценностными установками. Однако следует иметь в виду, что общество может быть «перегружено» инновационными процессами. В этом случае социум и культура могут не справиться с «волной» изменений. Известный российский культуролог А.С. Ахиезер ввел понятие «шаг новизны», которое является, на наш взгляд, одним из важнейших конкретно-исторических характеристик культуры. «Шаг новизны» – это величина допустимых новшеств, которые качественным образом не нарушают комфортное состояние индивида и об-

щества. «Поток новшеств, выходящих за рамки шага новизны, превращает комфортный мир в дискомфортный, толкает к антимедиации, упрощению культуры, к возврату на уже пройденный этап с меньшим шагом новизны, например, к отказу от новшеств, изменяющих общинные отношения... Расширение шага новизны – результат качественных сдвигов в культуре, роста творческого потенциала. Отставание роста шага новизны от роста масштабов творчества приводит к подавлению последнего» [2:564]. Собственно под шагом новизны следует понимать качественное состояние культуры, культурной подсистемы, определяющее возможности новационных изменений в определённый исторический период времени. Нарушение этой меры может привести к дестабилизации общества и к отказу от новации.

В современных определениях социального, психологического, культурного, технического нововведения, как правило, упускается вопрос о границах допустимой меры: до каких пор можно «инноватизировать» социальную среду, где границы возможных её изменений?

Биологи отвечают на аналогичный вопрос достаточно определённо: позитивными признаются лишь такие реакции или изменения морфологических признаков, которые обеспечивают поддержание целостности живой системы. Если мы признаём, что целостность общественной системы обеспечивается культурой (понимаемой как система ценностей, норм, традиций и паттернов поведения, закрепляющая исторический социальный опыт организации коллективной человеческой деятельности), то инновация должна не разрушать, а сохранять, воспроизводить целостность данной культуры. Следовательно, социокультурная инновация – это такое новационное действие, которое сориентировано на ценности данной культуры, интернализированные в системе личности. Границы инновационного поведения заданы пределами существования данной культуры.

Таким образом, в культуре существует мера инноватизации. Мера социокультурной инноватизации есть тот предел, за границами которого количественно выражаемые реакции, изменение в стратегии поведения, пластичность образа жизни и мышления приводят к качественной трансформации ценностного ядра культуры. В пределах меры совершенствование старых и появление новых видов деятельности, новых форм реагирования на изменения окружающей среды способствуют эволюционному развитию общества.

Аккультурация в одном из значений данного понятия означает, что в ходе столкновения, взаимодействия двух культур одна из них теряет свою идентичность, традиционные основания и при этом не усваивает новые нормы, ценности, паттерны поведения. Такого рода ситуация складывается в ходе модернизационных процессов, особенно когда доминирующая культура внедряется «силовым» образом. Подобная аккультурация приводит целые группы населения в промежуточное, маргинальное состояние. Эта маргинальность полностью негативна, ибо не содержит перспектив выхода из кризиса этнической идентичности, в ней нет творческого начала, дающего возможность инициировать обновление. В ходе модернизации целые группы и страты населения теряют основополагающие черты своего этноса, однако не приобретают устойчивых свойств сообществ. Маргиналы рекрутируются за счет малоквалифицированных сезонных работников преимущественно физического труда. Здесь появляются истоки возникновения национальной напряженности. Особенно подвержены маргинализации мигранты, которые не имеют возможности для реализации своих этно-культурных потребностей. Это касается прежде всего системы образовании, сферы общения, доступа к средствам массовой информации, религиозного выбора. В результате разрушаются этно-культурные традиции, что ведет к стрессовым ситуациям, возникнове-

нию у мигрантов фрустрации на индивидуальном и групповом уровнях.

Известный исследователь кризисных этносов В.Г. Бабаков отмечает: «Эрозия этнических ценностей наблюдается … в среде различных маргинальных групп и сообществ, формирующихся в крупных городах и городских агломерациях, районах интенсивного освоения» [3:219].

В сущности, культурная маргинальность возникает у индивида или группы в ситуации противоречивого одновременного и однопространственного их существования, имеющего место тогда, когда требования социума носят противоречивый характер. Мигрант, конечно же, является знаковой фигурой маргинальности. Впрочем, в модернизационных революциях нередки ситуации, когда люди становятся мигрантами в собственной стране (политолог и культуролог Дугин, например, писал о том, что после развала СССР люди оказались в обществе, которое перестало быть адекватным их социокультурным запросам и потребностям, люди стали эмигрантами в собственной стране).

Р. Парк в свое время ввел понятие «маргинальной личности», то есть индивида, осознающего необходимость внутренней перестройки как условия вхождения в урбанистическую среду. Нередко возникает проблема культурного раздвоения личности, когда одну этническую традиционность пытаются совместить в мультикультурном окружении с некоторыми модернизированными ценностями и паттернами поведения. Новация здесь является хаотизирующим моментом, так как традиционное и новое проистекают из различных, часто противоречающих друг другу социокультурных источников, а соединить их пытаются, не учитывая этого важнейшего обстоятельства. «Неоднородность и противоречивость характеристик референтных для индивида социокультурных групп, утрата целостности самосознания

проявляются в возникновении внутреннего дискомфорта и напряжения личности в соответствующих этому состоянию внешних формах поведения» [4:260].

Эти процессы служат основой возрастания напряжения между процессами унификации, глобализации и модернизации, с одной стороны, и этнопсихологическим стремлением сохранить традиционные ценности в ходе межнационального взаимодействия – с другой. Следует еще раз подчеркнуть, что процессы маргинализации в ходе неадекватного внедрения новаций в социокультурную жизнь возникают не только в ходе пространственного перемещения людей из ареала распространения одной культуры в другую. Так называемые оседлые группы населения могут оказаться в транзитивной целостности, характеризующейся прежде всего противоречием между устоявшимися традициями и новым образом жизни. Причем такого рода целостность может образовываться как за счет большого притока «внешних» мигрантов, несущих свою, доминирующую субкультуру, так и в ходе внедрения и диффузии социально значимых или технологических нововведений, разрушения старых устоев жизни. В.Г. Бабаков подчеркивал, что маргинализация традиционных этнических и межэтнических сообществ является господствующей тенденцией в кризисных обществах. Она проходит в форме процесса формирования субкультуры транзитивности с особыми моделями поведения, интересами и ценностями. Социологический индикатор маргинальности – это наличие теневого поведения. Оно явно не вписывается в традиционные представления о стереотипном поведении этнофоров того или иного народа. Этнокультурные традиции для маргиналов уже не являются регулятором их поведения. В результате разрушаются традиционные этнические ценности, получают распространение новые поведенческие коды. Все это противоречит этнической этике, традиционным обычаям, впрочем, позитивные ценности современной цивилизации

также не принимаются. Таким образом, оказывается, что регулятивом поведения «внешних» и «внутренних» мигрантов являются негативные стандарты поведения индустриального социума. Отсюда получают распространение немирные формы межэтнических отношений, межэтнические и религиозные столкновения, общесистемные и локальные кризисы, протекающие в форме асоциальных и антисоциальных действий по отношению к нормальным состояниям.

Как известно, реакции индивидов на изменение окружающих условий связаны с фиксацией устойчивых или инновационных элементов, что определяет попеременное состояние то инерционности, то серии импульсивных действий, направленных на обновление. «На уровне этноса это выражается в постоянном сосуществовании двух параллельно текущих процессов, реализующихся в повседневной реальности. С одной стороны, рутинизация элементов образа жизни этноса удерживает и воспроизводит установившиеся нормы, привычные оценки, действия, поведение. С другой – постоянное их варьирование в связи со спецификой жизненных ситуаций размывает границы психологических установок этнофоров на происходящие события. Это готовит почву для раздвоенного восприятия мира, неспособности быстро приспособиться к изменению социальной реальности. Стрессовые ситуации в этническом сознании обусловлены еще и тем, что скорость изменения той реальной социальной среды, в которой социализируется личность как носитель этнического сознания, значительно выше скорости приспособительных реакций, установившейся на предшествующих этапах этнического развития» [3:274-275].

Специалисты считают, что в стрессовых ситуациях поведение этнофоров распадается на три типа [6]. Во-первых, человек пытается разрушить ситуацию, активно воздействовать на внешние обстоятельства, снизить

уровень их влияния, радикально перестроить, что иногда ведет к позитивному результату, если у индивида есть «программа» для построения новых условий и действия в них. Если же деятельность направлена только на полную трансформацию или разрушение ситуации, то результаты действий людей лишь умножат проблемы. Приходится заново приспосабливаться к ситуации. Отсюда необходимы новые затраты и усилия, а разрушение устоявшегося ведет к ситуации неупорядоченности, неопределенности. Отсюда увеличивается психическая напряженность ее участников.

Во-вторых, индивид может пассивно отстраняться от решения проблем, считая, что ситуация неразрешима, в результате он отказывается от каких бы то ни было действий, связанных с ее изменением. Отсюда склонность к фантазиям, мистическим переживаниям, мысленное перенесение себя в далекое прошлое или будущее. Этот тип поведения есть, скорее, не действие, а занятие выжидательной позиции с надеждой на то, что неблагоприятные обстоятельства со временем изменятся сами собой. Выжидательная позиция не позволяет разрешить проблемность ситуации, и напряженность не снимается. Самоизоляция не спасает человека от воздействий окружающего мира, который продолжает развиваться и без участия данного конкретного субъекта. Динамизм условий различных элементов окружающей действительности возрастает, а человек не контролирует ситуацию, мысленно умаляя ее значимость для себя.

В-третьих, может возникнуть субъективно-сложная, но в принципе переносимая для человека ситуация. В этом случае человек ориентируется уже не на разрушение или самоизоляцию, а на диалог. Нацеленность на решение проблемы позволяет людям контролировать достаточно широкое поле своего окружения, одновременно имея возможность не тратить силы на излишние сомнения или агрессию. Такая тактика поведения характерна

для личности, открытой для продуктивного диалога с ситуацией (или людьми, ее представляющими). Такой человек, «конструируя» отношения с окружающим миром, определяет наиболее устойчивые его элементы как исходные данные. Он не пытается сразу разрушить или игнорировать то, что ему не нравится. Ориентация на подобное изменение ситуации возникает в ходе структурирования и последовательного решения проблем. Подобный тип поведения личности в стрессовой ситуации можно назвать «конструктивным» (Э.А. Орлова). Такие люди ищут и находят выход из стрессовых ситуаций, из кризиса.

Преобладание у различных этнофоров того или иного типа личности, специфическим образом реагирующей на стресс, вызывает различные формы инновационного хаоса – от дезинтегрирующего до конструктивного. У этнофоров, принадлежащих ко второму типу, – к ним, например, относится большинство малых народов Севера, – быстрее разрушаются традиционные этнические ценности, этническое самосознание на личностном уровне размывается. Индивид старается скрыть свою этническую принадлежность, если предоставляется такая возможность. Сильный кратковременный стресс, переходящий в шоковое состояние, возникает у мигрантов-маргиналов – людей, покинувших по тем или иным причинам свою этническую среду. Этнофоры первого типа в условиях кратковременного стресса практически не находят «программу» для создания новых условий, и их действия направлены на разрушение условий, что приводит к психологическим срывам и антиобщественному поведению.

Кратковременный стресс – это начало или модель длительного стресса. В их основе (при всем внешнем отличии) лежат идентичные механизмы. Они работают в разных режимах, с разной интенсивностью. У этнофоров длительный стресс может вызвать не только возникновение экстремальных ситуаций, определяемых изменением социокультурного положения человека, но и

постоянным отрицательным воздействием на этнос макросреды. Длительный этнический стресс ведет к возникновению постоянного состояния тревоги, неосознанного страха, ожидания катастрофы. Может возникнуть ощущение своей неполноценности, осознанно или бессознательно связываемое со своей принадлежностью к определенному этносу. Специалисты считают: длительный стресс особенно тяжело переносят этнофоры первого и второго типов.

Представители третьего типа в условиях действия длительных неблагоприятных факторов, инновационного хаоса стараются приспособиться к новой ситуации, пытаются «жить в ней». Однако, по мнению исследователей этносов Крайнего Севера, тупиковое положение малых этносов в том или ином региональном межэтническом сообществе не дает оснований для длительного и плодотворного конструктивного решения проблем. Отсюда этнофоры с первоначально оптимистическими установками начинают испытывать фрустрацию.

Весьма негативную роль в разрушении этнической ментальности в своё время сыграли планы советских революционных деятелей по обновлению ценностной картины мира на основе унифицированной пролетарской идеологии и в ходе ускоренной индустриализации и культурной революции. В.И. Ленин в речи на II конгрессе Коминтерна в 1920 г. заявил, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые народы могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития – к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» [5:246]. В результате была поставлена задача за 5-7 лет полностью изменить образ жизни «отсталых народов». Этническая традиция была объявлена «врагом» прогрессивного движения к коммунизму. Она допускалась и официально признавалась только в сфере фольклорного народного творчества, из всех же остальных сфер жиз-

ни, от приватной до экономической и политической, она беспощадно изгонялась. Ученые-этнографы еще на заре всеобщей и повальной индустриализации предупреждали об опасности «безудержной инновизации»: «Эта своеобразная индустриализация наших туземцев – опыт крайне опасный. Он требует большой осторожности» [7:2]. Известный русский этнограф С.М. Широкогоров говорил о необходимости соблюдения закона «равновесия культуры». Если нарушается связь между различными элементами этнических комплексов, то разрушается и вся культура, а духовная культура может изменяться, лишь с сохранением равновесия «плавучести» [8]. Плоды модернизационно-марксистского проекта, особенно для народов Крайнего Севера, находившихся еще на родовом, мифологическом уровне развития, описал хантыйский общественный деятель Еремей Айпин на примере своего рода: «Кончилась земля предков и кончился наш род, заселявший все среднее течение реки Аган… Род кончился, как теперь я помню, от чувства безысходности, обреченности. В возрасте до 35-40 лет, преждевременно, по пьяному делу, погибли почти все мои двоюродные и троюродные братья…

Ничего мне не нужно… Дайте мне только землю. Дайте землю, где бы я мог пасти оленей, промышлять зверя и птицу. Ловить рыбу. Дайте землю, где бы моих оленей не съедали бродячие собаки, где бы мои промысловые тропы не вытаптывали браконьеры и машины, где бы по рекам и озерам не разливался черный горячий жир земли – нефть. Нужна земля, где бы неприкосновенным оставались мой дом, святилище и место вечного покоя. Нужна земля, где бы меня не раздевали и не разували среди бела дня. Дайте мне не чью-нибудь, а мою землю» [1:120-130].

Всякая инновация генетически связана с традицией, вбирает ее в себя. Инновационное проектирование, которое пренебрегает этим принципом, рано или поздно терпит фиаско.

Взаимоотношение между традицией и модернизацией является одним из важных элементов классической европейской модели развития. Органическая модернизация всегда связывалась с инновационным процессом, который происходит на базисе традиций как на устойчивой основе общества, и тем самым модернизация в идеале предстаёт в качестве процесса, реформирующего традицию, но не уничтожающего и разрушающего её. Традиция, как всегда это было в истории общества, выполняет стабилизирующую, трансляционную функцию и ограничивает безудержную модернизацию. Развитие, основанное на такой модели, представляет собой плавный эволюционный процесс без потрясений и революций. Если же традиционные механизмы стабилизации общества перестают действовать в результате вытеснения и разрушения традиции модернизацией, то именно архаика появляется в социуме благодаря данному процессу. «Экстремистская» неорганическая модернизация неизбежно порождает архаику. Модернизационный процесс в данном случае приводит к парадоксальным результатам: вместо движения вперёд к более совершенному обществу возникает процесс возвращения к примитивным формам развития. Иррациональные процессы, связанные с выбросом архаической энергетики, подавляют рациональность и логическую осознанность модерна. В результате безудержной инновации борьба с традициями оборачивается появлением ещё более страшного «врага» – возрождением варварского архаического этноса.

«Инокультурные» воздействия приживаются в культуре только в том случае, если соответствуют ментальности и «картине мира» народа. Эти влияния никогда не остаются «чистыми», они постоянно «подстраиваются» к духу народа и перерабатываются на свой лад. Если же точек соприкосновения с «душой народа» и с его культурой нет, то вступает в силу

не процесс творческой переработки иновлияния, а процесс его отторжения.

Современное инновационное перепроизводство носит разрушительный характер, поскольку переизбыток поступающей извне информации о новациях, попытки их внедрения со стороны властных структур не находят эффективного использования в той или иной социальной подсистеме общества, что повышает уровень дезорганизации, поскольку не позволяет индивиду выстроить устойчивую систему ценностей и мотиваций. Подобное перепроизводство знаний, идей и новаций напрямую связано с процессом деидентификации, ибо не учитывает ценностный фактор в развитии человека и различного рода социальных институтов.

Этническая идентичность как общества, так и индивида, представляющая собой устойчивую систему определяющих социокультурную «самость» субъектов исторического развития, позволяет переводить информацию из дескриптивного в прескриптивный характер. Иначе говоря, новшество, рассмотренное с технократически информационных позиций как рационализированная система, воспринимаемая индивидом с позиций её разумности, очень часто оказывается дестабилизирующим фактором, поскольку не возбуждает тот необходимый уровень энергетийности, который является источником реального исторического действия. Для внедрения новшества необходима не только новая информация, но и новая социальная энергия, источник которой лежит в сфере ценностных мотиваций и связан с идентичностью человека.

Для внедрения новшества необходима не только новая информация, но и новая социальная энергия, источник которой лежит в сфере ценностных мотиваций и связан с идентичностью человека, а рациональность действия субъекта инновации, во многом определяется существующим в рамках данной культуры образцом, эталоном, системой этнокультурных констант и концептов.

Только устоявшаяся система базовых ценностей и предпочтений даёт возможность человеку подняться над обстоятельствами, найти новую перспективу развития. Высший долг или призвание позволяет человеку создать новую социальную модель поведения, становящуюся источником обновления самого социального мира в целом. Стихийное инновационное развитие ведёт к глобальной катастрофе, и выход, например, из экологического тупика, возможен лишь на основе преобразования культуры и духовных ориентиров человечества. Жёсткий западный прагматизм в данном случае не может подняться выше обновления отдельных технологических, юридических или экономических подсистем общества, что никоим образом не может привести к изменению сложившейся ситуации. Противостояние так называемой «исторической необходимости» возможно только лишь на основе признания «духовного града», системы надвременных и надутилитарных ценностей, составляющих, в частности, пространство этнической и национальной самоидентификации.

Таким образом, инновационный процесс развивается антиномичным образом. Его внешняя знаниево-рациональная компонента и основанная на ней собственно социальная деятельность по внедрению новшества входит в противоречие со сложившейся устойчивомотивационной системой деятельности индивида, основанной, прежде всего, на этнической самоидентификации. В результате возникает явление инновационого кризиса, то есть расхождения социального и ценностного в процессе реализации новаций.

Необыкновенная устойчивость образов, идей и ценностей, идущих из глубин культурного наследия и исторической памяти народов, во многом определяет его общественную психологию и культуру в современном мире. Мировой социокультурный опыт свидетельствует о неискоренимости многообразия человеческого бытия

и глубоком влиянии этого фактора на самообновление мира. Этническая культура – это не просто историческое достояние, но сильнейший фактор модернизации нашей цивилизации, существеннейшая стратегия ее развития.

Библиографический список

1. *Айпин, Е. И уходит мой род / Е. Айпин // Народов малых не бывает. – М., 1991. – С.129, 130.*
2. *Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта / А. С. Ахиезер. – Новосибирск, 1998. – Т. 2. – С. 564.*
3. *Бабаков, В. Г. Кризисные этносы / В. Г. Бабаков. – М., 1993. – С. 219.*
4. *Быховская, И. М., Горбачева В.В. Маргинальность культурная / И. М. Быховская, В. В. Горбачева // Культурология. XX век : словарь. – СПб., 1997. – С. 260.*
5. *Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Т. 41. – С.246.*
6. *Орлова, Э. А. Динамика городской культуры в условиях ускорения социально-экономического развития : автореф. дис. … д-ра филос. наук / Э. А. Орлова. – М., 1987; Китаев-Смык, Л. А. Психология стресса / Л. А. Китаев-Смык. – М., 1983.*
7. *Петри, Б. Э. Карагасский суглан / Б. Э. Петри. – Иркутск, 1927. – С. 2.*
8. *Широкогоров, С. М. Место этнографии среди наук и классификация этносов / С. М. Широкогоров. – Владивосток, 1922.*

М.С. Инкижекова (Россия) M.S. Inkigekova (Russia)

СОСТОЯНИЕ КРИЗИСА ЭТНОКУЛЬТУР В АСПЕКТЕ СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

CRISIS OF ETHNICAL CULTURES IN DISCOURSE OF SEMIOTIC ANALYSIS

Today we observe destructions of traditional ethnic culture and loss of its system forming factor in a life of modern ethnos. The leading part in the course of preservation and transfer to new generations saved up by concrete ethnos material and cultural wealth in modern culture of ethos belongs to ethnic elite. The leading role in careful preservation of a heritage of ancestors is taken away to ethnic elite, and also the modern and future condition of culture of ethnos depends.

Состояние современных культур малочисленных этносов России вызывает тревогу. По мнению мыслителей, ученых, политиков, общественных деятелей культура большинства малочисленных этносов сегодня находится в глубоком кризисе и движется к своему закату. Так, современный исследователь В.Г. Бабаков справедливо констатирует: «Плачевное экономическое, политическое положение малых народов и национальных меньшинств… суть результат накопления кризисных явлений... В этой связи речь идет не только о сохранении экономической и духовной энергии того или иного малочисленного этноса, но и о его физическом выживании» [2:6].

Свидетельством кризисного состояния этнокультур являются отсутствие или недостаточность мотивации на дальнейшее развитие, выраженное в относительном безразличии к судьбе родной земли и этноса, своеобразное состояние этнической усталости, проявляющееся в этническом неврозе неполноценности, ослаблении этнического самосознания, приводящего к эрозии основных компонентов этно-

культуры, таких как, например, язык, традиции, традиционные промысла и др. Все это в конечном итоге грозит гибелью этноса как социокультурной общности.

Сегодня в результате утраты малочисленным этносом своего родного языка и культурных традиций, функции этномыслия и речи стал выполнять русский язык и символика российского государства. Данное обстоятельство со всей очевидностью свидетельствует о невосполнимой утрате этносами одной из главнейших символических систем – вербальных межпоколенных средств коммуникации, восходящих корнями к самым истокам их этнокультурогенеза. Происходит разрушение традиционных символических систем этнокультуры. А создаваемый в современной социокультурной практике новый символический универсум по существу приводит к кардинальному переоформлению этнокультурного бытия.

Анализируя сложившуюся ситуацию, видные отечественные мыслители М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский справедливо отмечают, насколько важна символическая система для жизнедеятельности этноса. Ведь этнокультуры «потеряли свой язык не потому, что они действительно его «забывали», а потому, что разрушалась символическая жизнь, символические контексты жизни их языка, в которых язык нуждался просто чтобы функционировать как язык. …здесь налицо не гибель языка, а гибель символической жизни сознания. Языки «умерли» не под влиянием чуждой культуры и не под влиянием водки и других новинок цивилизации, а под влиянием новых средств аккумуляции, закрепления, передачи и потребления естественного языка.

Так незаметно теряя язык, эти культуры незаметно теряли символизм. Потеря культурного символизма вырывала ее язык из контекста вторичных образований сознания, еще не редуцированных к культурной форме.

Гибель всякой данной культуры осуществляется насколько это можно понять, всегда одним и тем же пу-

тем – путем изоляции элементов культуры, то есть когда ушел символизм в результате изменившихся условий жизни, то язык, как изолированный элемент культуры, был тем самым уже обречен. Эти изменения сами по себе могут и не фиксироваться в сознании, оставаясь в рамках естественнонаучных антропологических и этнографических данных, но именно они сказываются на судьбе символики в условиях новых («прогрессивных») режимов культурно-языковой коммуникации» [7:190-191].

Обозначенные выше проблемы связаны также и с тем, что сегодня происходит резкая переориентация этнокультурного сознания на образцы западной инновационной культуры, что вызвано, прежде всего, процессами модернизации, индустриализации, урбанизации и глобализации.

Современная западная инновационная культура по существу демонтирует культурный код этнокультур. То, что считалось главным и незыблемым, достойным и красивым, теперь считается устаревшим и ненужным. Именно такие непримиримые противоречия порождают кризисное состояние этнокультур. Происходит расщепление этнического сознания, теряются ориентиры дальнейшего существования этноса. Все это вместе взятое повергает этнос в состояние тяжелого стресса, который на уровне социальной реальности проявляется в росте алкоголизма, наркомании, числа самоубийств и резком повышении смертности с одновременным падением рождаемости.

В этих сложных условиях элита этнической общности стремится сохранить исторический опыт, культуру, самобытность этноса. Не случайно многими учеными отмечается ведущая роль этнической элиты в процессе сохранения и передачи новым поколениям накопленных конкретным этносом материальных и духовных ценностей в современной этнокультуре. Именно ей отводится главная роль в бережном сохранении наследия предков, а также зависит современное и будущее состояние этнокультур.

В последние годы в научных исследованиях по этнокультурной проблематике понятие «этническая элита» встречается все чаще. Это не просто мода, а отражение той реальной социокультурной обстановки, которая сложилась в России. «В современных условиях деятельность этнических элит как социальных субъектов, обладающих ресурсами и свободой в принятии важных решений и способных осуществлять целенаправленные воздействия на общество, приобретает особо важную роль» – констатирует Л.С. Губанов, написавший диссертационное исследование по теме «Этническая элита».

Здесь необходимо перейти к семиотическому аспекту рассмотрения роли этнической элиты в культуре этноса. Общеизвестно, что специфика этноса сопряжена с символической стороной культуры, которую он создает. Невозможно представить этнокультуру вне этносимволов, в которых в предельно концентрированной форме выражены верования, идеалы, чувства народа. При этом важную роль в современной этнокультуре по трансляции и объективации этносимволов принадлежит этнической элите.

Рассматривая функциональную роль этической элиты в данном аспекте, можно вспомнить определение В.Б. Бабакова о том, что в культуре этноса можно условно выделить ее материальный и информационно-символический пласты. Под первым подразумеваются результаты материальной деятельности людей, существующие в этнокультурном пространстве на протяжении определенного отрезка времени (например, орудия труда, средства передвижения, жилища, одежда и т.п.). Также особую разновидность этнического материального пласта культуры составляют мимика, жесты, пространственные характеристики поведения и др. Что касается информационно-символического пласта культуры, то он представляет собой социально-значимую информацию, запечатленную в этносимволах и используемую носителями данной культуры [3:349].

Но когда мы говорим об этносимволах, то по существу имеем в виду мифосимволы, в которых в закодированном виде передается жизненный и культурный опыт этноса, сложившийся на стадии этногенеза. Этногенез, как известно, есть процесс становления этноса и его культуры, который включает начальные этапы возникновения и дальнейшего формирования этнографического, лингвистического и антропологического особенностей этноса. На стадии этногенеза каждая отдельная традиционная этническая культура базируется на определенной, только данному этносу свойственной, мифологической картине мира, которая представляет собой целостную семиотическую систему или, другими словами, систему мифосимволов.

Мифосимволы как медиаторы между сознаниями традиционным и современным способны сегодня, в процессе интерпретации их этнической элитой, выступать в роли основы этнокультурной и этнополитической идеологии. Более того, как отмечают многие ученые, мифотворчество в современной этнокультуре посредством интерпретации мифосимволов является продуктивным механизмом сохранения этнокультуры, так как в мифосимволах аккумулируются консолидирующие этнос смыслы и значения, ценности и идеалы.

Общеизвестно, что в моменты кризисов и больших перемен одним из ярко выраженных явлений в культуре становится мифотворчество. Как справедливо отмечает современный исследователь Т.И. Ковалева: «…разрушение прежней идеологии и системы ценностей порождает острый кризис в духовно-нравственной сфере. Человек остается без опоры, без убеждений – теряется в мире… Для значительной массы людей именно миф оказывается способным компенсировать недостаток адекватной информации, стать средством их социальной ориентации» [5:3].

Историческая практика показывает, что в переходные периоды, которые сопровождаются ломкой ценност-

ных координат, что, например, наблюдается в современной этнокультурной ситуации, когда сложившиеся на протяжении долгого времени традиционные структуры оказываются разрушенными, отмечается всплеск мифотворчества.

Мифотворчество есть сложный двуединый креативный процесс интерпретации мифов прошлого и модернизации их с учетом современных реалий. Путем мифотворчества конструируется альтернативный вариант развития, в противовес уже сложившейся социальной реальности; создается привлекательный образ будущего, на основе которого формируется сплоченность и этнокультурная идентичность. Таким образом, мифотворчество как процесс образно-символического обновления миропредставлений способно не только сохранить и транслировать традицию, но и реорганизовать существующий этнокультурный мир.

Как показывает практика, в условиях активизирующегося процесса мифотворчества очевидна роль лидеров из представителей этнической элиты в формировании современной этнической солидарности. Не случайно, что во многих современных научных исследованиях мифотворчество в этнокультуре предстает как способ социального управления, осуществляемого со стороны отдельных представителей этнической элиты. Другими словами, под мифотворчеством сегодня понимается своеобразное влияние этнической элиты на пассивное большинство, которое проявляется в стихийном или целенаправленном формировании мифосимволов, способных создавать новую реальность для жизнедеятельности этноса.

Представители этнической элиты прекрасно понимают, что в кризисные периоды истории мифологические структуры (в том числе мифосимволы) могут опять возвращать себе основную социальную функцию – служить средством адаптации к окружающему миру и ориентации в нем. И неудивительно, что древнейшие ми-

фологические мировоззренческие и символические комплексы получают свое новое возрождение через процесс мифотворчества, при этом в результате мифотворческой деятельности, использующей лишь часть знаково-символического и образного потенциала архаической традиционной культуры.

Так, в основе современного мифотворчества, как и в архаические времена, лежит феномен мифосимвола. Однако если для архаического человека все мифологические образы-символы, созданные его понимаем мира, были жизненными, он не только верил в них, он ими жил. Они сопровождали его от рождения до смерти, то в современной этнокультуре отмечается рациональная составляющая при интерпретации их, которая может быть использована как в целях организации и мобилизации этносоциума, так и манипуляции общественным сознанием для достижения определенной цели.

Сегодня мы можем наблюдать, как в современном мифотворчестве сохраняются и воспроизводятся героико-священные символические образы в качестве сверхвременных и надпространственных персонажей мифа, но уже в иной интерпретации. По-существу, создается новый миф – такое иносказание, в котором некие отвлеченные истины выражаются посредством облачения их в «одежды» древних мифологических образов.

Налицо проблема «домысливания мифа и мифологического символа». Такая «помеха» в осмыслении исторического прошлого связана с приведением древних мифологических знаково-символических систем в соответствии с представлениями современного человека, живущего в индустриально-модернизированном пространстве.

В то же время мы должны признать, что мифосимволы сегодня остаются одним из основных путей возрождения этнической самоидентификации и этнокультуры в целом. Не случайно современные ученые указывают на

то, что «миф… играет программирующую и системосозидающую роль. Он не только средство… национального самопознания, но и способ культурно-исторического программирования. Как способ и форма коллективного мировоззрения миф интерпретирует, более того, трансформирует видимую историю в контексте своей программы. Собственно для народа или нации история и существует в форме мифического восприятия» [4:23]. Другими словами, как отмечает З. Мамардашвили, миф есть «память о том, чего не было и нет; память в смысле машины, которая организует саму способность человека помнить» [6:30].

Схожую позицию встречаем и у Т.А. Апинян, по мнению которой миф «есть организация памяти через переживание. Помним о герое – помним о норме нравственности, поведения. Совершаем ритуал – реатуализируем национальную историю, быт предков, семейные традиции. Читаем (смотрим) мифы – приобщаемся к космическому, архетипическому и вечному. Миф, ритуал, обряд через множество своих осколков и модусов организуют, сохраняют и передают культуру» [1:76].

Чтобы ответить на вопрос, как переплетаются старые и новые мифы в современной этнокультуре? Можно обратиться к мнению А.М. Сагалаева, который писал: «… любая реконструкция архаического мировоззрения – еще одно сочинение на тему, заданную мифом. Адекватное толкование мифа может быть только мифологичным». Далее он справедливо продолжает: «Миф о мифе, можно полагать, – далеко не худший вариант познания и прочувствования традиции, рожденной в иные эпохи» [9:26].

Осмысление своей истории через миф и мифосимволы в современных условиях может способствовать консолидации этнической общности, что в конечном итоге может оказаться судьбоносным для народа. В обратном порядке, как отмечает В.С. Полоснин, «утрата нацией собственной исторической памяти, хранящейся в наци-

ональной мифологии, автоматически ведет к утрате нацией представлений о своем начале, своих истоках, родословии, то есть об истории великой Семьи. Вместе с историей теряются и очертания всего мифологического исторического пространства нации, а исторические события становятся цепью случайных фактов, относящихся уже не к одному, а к разным историческим субъектам. Не только отдельные события, но и целые пласты истории, целые эпохи оказываются принадлежащими к другим цивилизациям, другим народам. Народ уподобляется ребенку, ищущему в толпе своих мать и отца, лица которых никогда не видел» [8:370].

В заключении можно сделать следующие выводы:

1) интерпретация мифосимволов в условиях кризиса этнической элитой остается одним из основных возможных путей возрождения этнической самоидентификации и культуры в целом;

2) мифотворчество в современных условиях выступает продуктивным механизмом сохранения этнокультуры. Путем мифотворчества конструируется привлекательный образ альтернативной этнокультурной реальности, на основе которого формируется социальная сплоченность и этническая солидарность;

3) нельзя сбрасывать со счетов и то, что процесс мифотворчества как специфический образ моделирования социальной жизни может проявлять себя как в конструктивной, так и деструктивной форме. А именно, существует опасность, что мифотворчество может привести к ситуации, когда в посторонних для народа целях навязывается результат, отвечающий чьим-то личным интересам. Многие современные ученые уже констатируют, что процесс мифотворчества сегодня активно используется в решении идеологических и политических вопросов.

Библиографический список

1. Апинян, Т. А. Тоска по мифу или миф как событие современности / Т. А. Апинян // Философские науки. – М., 2004. – № 11. – С. 73-83.
2. Бабаков, В. Г. Кризисные этносы / В. Г. Бабаков. – М., 1993.
3. Бабаков, В. Б. Обыденные формы образа жизни и культуры на уровне этноса / В. Б. Бабаков // Морфология культуры: структура и динамика. – М.: Наука, 1994.
4. Зимин, А. И. Очерки истории русского культурно-исторического и национального самосознания / А. И. Зимин, В. С. Зуйков, И. К. Мишарина, Г. А. Цветкова. – Тольятти, 2005.
5. Ковалева, Т. И. Мифотворчество как явление / Т. И. Ковалева. – Курск, 1999.
6. Мамардашвили, З. Философские чтения / З. Мамардашвили. – СПб., 2002.
7. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – М., 1999.
8. Полоснин, В. С. Миф. Религия. Государство / В. С. Полоснин. – М., 1999.
9. Сагалаев, А. М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип / А. М. Сагалаев. – Новосибирск, 1991.

Д.М. Банзл
(Великобритания)

J. M. Bunzl
(United Kingdom)

ЭВОЛЮЦИОННАЯ БИОЛОГИЯ И ОДНОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА: ЛОГИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ КАК ЭТАП В НАШЕМ ЭВОЛЮЦИОННОМ БУДУЩЕМ

EVOLUTIONARY BIOLOGY AND THE SIMULTANEOUS POLICY VISION-LOGIC FOR THE NEXT STAGE IN OUR EVOLUTIONARY FUTURE

Биологи, занимающиеся изучением эволюции, все чаще задают вопросы о взгляде дарвинистов на эволюцию, которая традиционно определяется конкуренцией и естественным отбором. Но, с тех пор, становится всё более очевидным, что основной переход от конкуренции к сотрудничеству происходит преимущественно на критической или краткосрочной полосе эволюционного кризиса. Сегодня человечество имеет различные взгляды и подходы в изучении критических моментов развития и в отношении выживания на нашей планете. Следовательно, необходимо пролить свет на тот интеллектуальный пласт, который определял наше видение кризиса в прошлом, и то, что заставляет нас сегодня пересматривать многие прежние догмы и представления о будущем развитии цивилизации. И современная биология и эволюционная теория могут этому всячески способствовать.

Evolutionary biologists are increasingly questioning the Darwinist view of evolution which describes it largely in terms of competition and natural selection in favour of a "post-Darwinist" stance that more properly recognises the crucial role of co-operation. But since major transitions from competition to co-operation occur only at certain critical and short-lived points of evolutionary crisis, it is perhaps unsurprising that co-operation’s significant role has hitherto been under-valued and under-explored. Today, as human-

ity increasingly faces a critical point of crisis in terms of our survival on planet Earth, it is essential that light now be shed on how co-operation has worked in evolution, and how it can be made to work now if we are to have a sustainable future.

Holonic progression to ever-larger scales of cooperation

An important theory underlying the view that cooperation plays just as important a role as competition is Koestler's concept of holons and holarchies; the idea that reality is composed of holons or "whole/parts": wholes that are simultaneously composed of smaller parts and are themselves also parts of larger wholes. For example, molecules are holons and yet they are made up of smaller atom holons while also being part of larger cell holons. The entire system is a "holarchy": a heirarchy of holons or 'whole/parts' which is endless in either direction and in which each new higher-level holon emerges out of its predecessor, transcending and yet including it. The importance of Koestler's thinking is that it allows us to move beyond two-dimensional, systems-thinking approaches to a three dimensional view of evolution which recognises not just that it has span, but also depth, and that it is directional towards ever-larger scales of co-operation.

Between each holon on the same level there exists an inherent tension between its 'wholeness' on one side, and its 'partness' on the other; i.e. between a desire for individuality, and a need for conformity to the society – or holarchy - to which it belongs. This tension drives evolution towards ever-larger scales of cooperation as evolutionary biologist Elisabet Sahtouris explains: "There is a cycle of evolution that occurs all over, across time and space, at the tiniest levels of biology, and in the largest cosmic processes. It always begins with unity that then individuates—as in the ancient Vedic creation story in which a little wavelet forms in a smooth sea, and forever after is torn between loving its own individuality and wanting to merge back into the One.

This universal tension between part and whole, and among parts, drives evolution. Individuation always leads to a kind of tension and conflict [i.e. to competition]. And if the parts don't kill each other, they start negotiating. Negotiations can lead to resolutions of some of the tensions, moving from conflict to cooperation, and then to some new level of unity" [i.e. to a new, higher-level, larger-scale holon].

Of course recent human evolution is occuring primarily through cultural, rather than through genetic processes. Nevertheless, the processes of cultural evolution – just like biological/genetic processes before them – still tend to produce cooperative organisations (or holons) of increasing scale. In large-scale human societies cooperation is essentially made possible by their forms of *governance*; by their political systems. An ideal system of governance is one in which all entities in the system capture both the harmful and positive effects of their individual behaviour, with harmful acts being punished and positive acts rewarded within a framework which aligns individual self-interest with the common good. As evolutionist John Stewart points out, "cooperative organisations were formed through the emergence of constraints that limit the independence of the independent entities. These constraints (e.g. governance, management, etc) restrain destructive competition and enable cooperation to emerge." In terms of the evolving governance of human societies, we could thus identify the following holarchy: individual – family – local/regional government – national government.

Cooperative global governance: the next level in the holarchy

The highly developed nature of global communications and the interconnectedness of economies we see today (i.e. globalisation), as well as threats humanity now faces such as global warming, global poverty and ecological destruction etc, now presage a further move in this evolutionary devel-

opment; the emergence of a holon of democratic planetary governance that transcends and includes the lower holons in the holarchy. This, as post-Darwinist evolutionists contend, is but the next natural – but by no means assured - stage in humanity's evolution towards ever-larger scales of cooperation. The problem is that the present highest holons of governance – nation-states – are configured to govern only in the *national* space. But under globalisation, the holons of global capital, trade and transnational corporations (and international crime and terrorism) already operate in the *global* space. Furthermore, we live in a world of competing nations who are unwilling to relinquish their sovereignty to any institution of global governance and the UN, not possessing any binding authority over them, is not configured to provide it.

Indeed, far from *co-operating* to implement appropriate global laws and taxes to balance the needs of society and the global environment against the needs of transnational business, governments are far more preoccupied with *competing* with one another for inward investment and jobs. They are thus easy prey for free-riding global investors and transnational corporations who happily play one government off against another for tax breaks and a loose regulatory environment. Governments, by the same token, destructively compete with one another to boost employment and inward investment by down-leveling social and environmental protection laws and by reducing corporate taxes. Or, as with the USA, it free-rides on other governments by not participating in the Kyoto Protocol, the International Criminal Court, etc. The nations of the world, like the wavelets in the smooth sea of the ancient Vedic creation story, now love too much their own individuality; their own "national interest"!

But this governmental imperative to maintain "international competitiveness" also has an important consequence for democracy. Since the threat of capital and employment flight forces governments, regardless of the party in power,

to conform to a very narrow span of market and business-friendly policies it necessarily reduces democracy to an electoral charade in which voting no longer has any significant meaning. Little wonder we have growing social unrest in deprived areas with a noticeable swing towards Far-right political parties and, at the same time, widespread protests against globalisation; and all this characterised by chronic "voter apathy". All unmistakable signs that democracy – the system by which negative feedback should be provided - is no longer functioning properly.

Hitting the age-old barrier….

But in evolutionary terms, is this destructive competition and free-riding with its attendant dysfunctions and feed-back shortfalls anything new? Indeed, Stewart identifies precisely this same barrier to co-operation as preceding *all* major evolutionary shifts, such as the formation of the modern eurykaryote cell from associations of simpler cells, the formation of multicellular organisms from aggregations of cells, and the formation of societies of organisms from aggregations of organisms. This barrier to cooperation, Stewart explains, applies "to all living processes. The circumstances that cause it are universal. Individuals [i.e. individuals, corporations or nations] who use resources to help others without benefit to themselves will be out-competed. They will be disadvantaged compared to those who use the resources for their own benefit. And the barrier applies no matter what the evolutionary mechanisms are that adapt and evolve individuals. The barrier has applied whether the evolutionary mechanisms are those that adapt corporations, individual humans, other multicellular organisms, single cells, or autocatalytic sets."

Sahtouris further points out that destructive competition and free-riding are especially characteristic of immature species: "Young species are found to have highly competitive characteristics: They take all the resources they can,

they hog territory, they multiply wildly. Sound familiar? But a lot of species have managed to grow up, to share things and territory, to cooperate. It's what keeps them alive." To survive, therefore, humanity will - like all other organisms - have to *grow up*: we will have to abandon the present immature, *competitive* paradigm of international economic relations and evolve it into a mature and *cooperative* one. The human species, like all others, is following the same cycle of competitive individuation leading (hopefully) to negotiation, leading in turn to a new higher level of cooperative unity. So, if we thought we were separate from other species or somehow "above" them, the joke is on us!

.....and overcoming the barrier?

However, the barrier to cooperation is not insurmountable, as Stewart points out: "If the barrier completely prevented the evolution of cooperation, evolution could not progress", and yet it *has* progressed and has done so, says Stewart, "by building cooperative organisations out of self-interested components"; by finding ways to make it *in the interests* of individual entities to cooperate. But how can cooperation possibly be made in the interests of individual nations when first-movers will suffer competitive disadvantage? This impasse may potentially be overcome by citizens around the world who are increasingly joining the International Simultaneous Policy Organisation (ISPO), initiated in 2000. ISPO provides a process for moving to a cooperative global society which requires neither nations nor politicians, nor individuals to act against their interests.

The Simultaneous Policy (SP) is a range of legislative measures designed by ISPO's members and their chosen experts to bring economic justice, environmental sustainability and peace to the world. SP is to consist only of those desirable measures which cannot be implemented unilaterally by any nation due to the fear of first-mover competitive disadvantage and it is therefore to be implemented *by*

all, or virtually all, nations simultaneously, so removing the crucial barrier to cooperation. With SP, no nation, corporation or citizen loses out to any other.

Citizens all over the world are presently being invited to "adopt" SP and are doing so in increasing numbers. Adopting SP means they pledge to vote in future elections *not* for a specific politician or party, but for *ANY* politician or party – within reason – that pledges to implement SP. Or, if they have a party-political preference, adopting SP indicates their desire for their preferred politician/party to pledge to implement it. For politicians, pledging to implement SP signifies their intent to implement it simultaneously only when all or virtually all nations do likewise. As such, there's no political risk for them since they can make the 'SP Pledge' while continuing to implement their competition-based policies until such time as all or sufficient nations have made the SP Pledge and implementation can proceed.

But ISPO's power to actually *catalyse* cooperation becomes effective because, as citizens increasingly adopt SP, politicians world-wide will increasingly be presented with an attractive yet compelling "carrot and stick" proposition:- Making the SP Pledge is a strong incentive to politicians because it involves no political risk and can deliver the additional votes of SP's citizen adopters. But with more and more elections around the world being won or lost on very small margins (eg. by just a few thousand votes in Florida at the last US Presidential election), *failing* to make the SP Pledge could cost politicians dearly, for they'll likely lose to rivals who *have* made it to attract the SP voting bloc. Those extra votes – even if few - could make the vital difference between winning or losing a seat, or even an entire election. By adopting SP in sufficient numbers, therefore, citizens and previously apathetic voters thus have a powerful technology for making it in politicians' *self-interest* to pledge to implement SP and, by the same token, to make it potentially disastrous for them if they *fail* to do so.

An invitation to conscious evolution

By aligning individual self-interest with the global common interest at every level, SP thus fulfills the age-old requirement for evolution to progress, providing a practical political technology for humanity to drive politicians and governments to cooperate for the global common good. As Sahtouris recognises, "Simultaneous Policy is an imperative if we are to evolve humanity from its juvenile competitive stage to its cooperative species maturity. A wonderful 'no risk' strategy for finding agreement on important issues in building global community!"

The paradox of all previous major evolutionary transitions is, of course, that if left to reach a critical stage, competition ultimately ceases to be a strategy for individual survival but instead becomes a strategy for collective suicide. At that point – a point humanity is now fast approaching - co-operation becomes in everyone's self-interest. But for wipe-out to be avoided and for cooperation to emerge, not only is simultaneous action required to overcome the barrier to cooperation; an appropriate *catalysing process* is also needed. This is what SP potentially offers: a technology for global citizens to consciously co-create the now-vital holon of global governance; a world-centric governance born of an aperspectival vision-logic that transcends and includes political parties and nation-states and "through which runs the blood of a common humanity and beats the single heart of a very small planet struggling for its own survival, and yearning for its own release into a deeper and a truer tomorrow".

Notes

i. Janus: A Summing Up, Arthur Koestler, Pan Books, 1979.

ii. For a more comprehensive explanation of holons, see Sex Ecology Spirituality, Ken Wilber, Shambhala, 1995, 2000, pp 43-85.

iii. Elisabet Sahtouris, adapted from Understanding Globalization as an Evolutionary Leap presented to the Institute of Noetic Sciences (http://www.noetic.org/), July 2001. For more by Sahtouris go to: http://www.ratical.org/Lifeweb

iv. From a personal email to John Bunzl, 11th June 2002.

v. Article 2:1 of the UN Charter specifically denies the UN any binding authority over its member nations.

vi. Evolution's Arrow – The Direction of Evolution and the Future of Humanity, The Chapman Press, 2000.

vii. The Simultaneous Policy – An insider's guide to saving humanity and the planet, John Bunzl, New European Publications, 2001.

viii. Sex, Ecology, Spirituality, Ken Wilber, Shambhala, 1995, 2000.

Полный текст статьи, опубликован на сайте Международной организации одновременной политики «SIMPOL» - *www.simpol.org*.

Е.А. Тонкошкурова
(Россия)

E.A. Tonkoshkurova
(Russia)

ФОРМА ВЫЖИВАНИЯ КУЛЬТУР: ЗАПАДНЫЙ ДИСКУРС

CULTURAL SURVIVAL FORM: WESTERN DISCOURSE

In the article formation and development of Western and Russian discourses to solve social and cultural problems are discussed. The cultural crisis state appears when its efforts to survive or renovate are becoming observed: the culture tends to become self-actualized. But sometimes it happens in the Different discourse, where dominates a different culture that specifies a trend. It leads to conflicts. So, we try to consider attempts of modern western researchers to solve status problems of a culture and a form in which it can exist and develop. In the article an attempt is made to realize the following question: what prevents to understand and solve own social-and-cultural problems in Russian social life discourse?

Сегодня мир многокультурен. Пожалуй, с данным определением мало кто может не согласиться. Причиной наличия в нем многообразия различных Других культур и стилей жизни множество – от процессов экономической глобализации до стирания границ средствами массовой информации. Однако считается, что эти же причины создают следующую проблему: мир «открылся» для многообразия, но для того, чтобы быть включенным в него, необходимо себя самоактуализировать. Это не под силу многим культурам. В то же время, другие имеют больший потенциал для самоактуализации и, соответственно, используют данное положение для сохранения своей идентичности, выживания и собственного обновления. Культуры, обладающие большим потенциалом, как и культуры, обладающие меньшим, находятся в положении между актуальностью и забытьем. Однако нам нужно обратить

внимание на то обстоятельство, что и актуальность и забытие всегда происходит в рамках конкретного дискурса. И здесь: актуальная культура в одном дискурсе не всегда актуальна в другом. С другой стороны, мы понимаем, что необходимость «включения» предполагает некоторый протест «несогласных», что вызывает конфликтные ситуации, которые зачастую пытаются решить в рамках того дискурса, где они происходят. И понятно, что не всегда удается это сделать. Тем не менее, западный дискурс во многом является ведущим в отношении разработки новых подходов и «взглядов» на современные проблемы, разрешение кризисных ситуаций как внутри одной культуры, так и в рамках контекста этой культуры. Российская действительность находится в зависимости от него. Этим обусловливается возникшее внимание отечественных исследователей к проблемам многообразия культур и таких категорий, как Другое, Свое и Чужое.

Понимание как императив выживания

Для того чтобы адекватно отобразить данный дискурс, необходимо осветить вопрос о стратегиях поиска оснований для диалога различных культур, которые высвечиваются в нем наиболее рельефно. Если в целом обозначить характер данного дискурса, можно сказать, сегодня акцент делается на этической составляющей социальных проблем, кроме того, «такие авторитетные мыслители, как Р. Рорти и Ю. Хабермас считают не только возможным, но и необходимым высказываться по вопросам текущей политики, не скрывая откровенных симпатий одной из сторон» [7:76]. И это во многом оправдано. Например, для российской действительности в дискурсе этического рассмотрения проблем, поставленных западной мыслью, особенно актуально понимание собственной позиции и собственного их видения, в результате чего возможно создание собственного способа их решения (в данном случае, мы настаиваем на том, что современный

социально-политический российский дискурс не отвечает в полной мере контексту формирования собственной государственности и общественно значимых институтов, во многом ориентированный на реконструкцию в собственных условиях шаблона западного мышления, однако, мы не трактуем данное состояние как положительное или исключительно отрицательное, так как данная трактовка не соответствует нашему представлению о проблеме и, тем более, возможности ее решения).

Если же в целом оглянуться на контекст формирования западного дискурса, можно сказать, что открытия полевых этнологов и антропологов-структуралистов, а также анализ собранных данных в конце XIX – начале XX в. исследователями и, в частности, К. Леви-Строссом, выявило для западной науки и философии наличие в мире «Других» и «Чужих». Ученые обращают внимание на вопрос о соизмеримости различных культур и возможность их сравнения. Рассматривается вопрос о возможности взаимодействия различных культур, как различных систем мироощущения, тем более что видимые границы между ними стираются. Однако при соприкосновении различных содержаний этих систем возникают помехи и несводимость понятий одной системы к понятиям другой. И единственным средством устранения этих помех признается коммуникация, цель которой – понимание.

В итоге, в западной мысли сложилась традиция, согласно которой признается первичность понимания по отношению к непониманию при рассмотрении социальных проблем и при поиске их решений, можно сказать, что слова Г.Г. Гадамера в этом отношении стали знаковыми: «Общение – это отнюдь не взаимное размежевание… Разговор – это не два протекающих рядом друг с другом монолога… Межчеловеческая общность поистине строится в диалоге, после чего вновь погружается в молчание понятности и самопонятности» [2:48] . Действительно, какую бы концепцию по решению социальных

противоречий до сих пор мы не рассмотрели, в основе всегда лежит необходимость осуществления этого тезиса, в чем в дальнейшем убедимся.

Однако сегодня эта традиция имеет некоторые новые характеристики: в современном западном социально-философском дискурсе мы не увидим рассмотрение механизма понимания как такового, что было сделано в начале XX в., теперь исследователи ищут этическое основание, на фоне которого возможно понимание. Изменился сам предмет рассмотрения, изменились цели и задачи исследований.

Другими словами, теперь здесь рассматривается вопрос об основаниях взаимодействия или способах продуктивного или мирного сосуществования в культуре или сообществе, о том, как различные культурные сообщества могут уживаться друг с другом, где место человека в нем и каково значение культуры или группы, которая его зачисляет в свои ряды и к которой он сам себя причисляет. И здесь у нас не может не возникнуть резонный вопрос: в результате всего вышеизложенного, каким является современное состояние культур? Это состояние выживания или обновления? Способна ли культура сегодня обеспечить существование своего носителя? Как она может преобразовать его и как он преобразует ее в ответ? Возможно ли найти такое этическое основание, которое было бы способно стать фундаментом позитивного взаимодействия культур, не разрушив их при этом? А по сути, какое основание взаимодействия культур сегодня может стать в результате выживанием культур, а какое – ее обновлением.

Этическая основа мирного существования

Предлагаемые стратегии решения проблем многообразия культур и социальной стабильности в рамках решения предложенных вопросов возникают в конце прошлого века. И знаковым в этом отношении автором стал Дж. Ролз, чья концепция вызвала оживленные дебаты,

приведшие к созданию альтернативных предложений, к тому же, она наиболее обсуждаема и сегодня.

В качестве этической основы существования общества (как институциональной структуры) и, соответственно, в качестве основы взаимодействия индивидов в нем он предлагает справедливость. Социальные институты должны выработать принципы социальной справедливости, на основе которых будут распределяться социальные доли. Именно социальные институты являются базисной структурой общества, именно они становятся «главным субъектом справедливости» [5:143]. В самом обществе возможны конфликты интересов и их совпадение. Причем совпадение интересов – связующее звено независимых индивидов. По сути, Ролз представляет нам атомарную теорию строения общества. Это подтверждает и назначение общества у Ролза. С одной стороны, это общность, в которой «каждый принимает и знает, что другие принимают те же самые принципы справедливости» [5:141], а с другой – общество, где базисные социальные институты удовлетворяют этим принципам. Признавая универсальность понятия справедливости, а точнее, определения данного понятия, тем не менее Ролз говорит о множественности концепций справедливости. Это многообразие концепций справедливости соответствует многообразию мнений, существующих в данном обществе. Однако Ролз не отрицает некоторой необходимости согласования действий и мнений между различными Иными, но не признает эту согласованность в качестве «единственного условия жизнеспособности человеческого общества» [5:142]. В результате, индивид или группы, в условиях равенства, для организации положительного общества или упорядоченного общества должны прийти к принятию договора относительно основных принципов их концепций справедливости для дальнейшего распределения социальных благ и сожительства в данном обществе. Это своего рода общественный дого-

вор. Несмотря на то, что его соратник по атомистическому блоку Р. Дворкин во многих вопросах полемизирует с Ролзом, он все же с ним солидарен в вопросах возможности осуществления общности исходя из индивидуальных стремлений и потребностей отдельного человека. Он не просто предлагает собственную концепцию права, он предлагает совмещение концептуальной и нормативной частей. Это говорит о том, что общество создается, по сути, для того, чтобы осуществить потребности индивида и здесь «Индивидуальные права – это политические козыри в руках индивидов. Они получают их тогда, когда в силу некоторых причин коллективная цель не является достаточным оправданием для отказа им как индивидам в желании что-либо иметь или делать, или когда эта коллективная цель не является достаточным основанием для причинения индивидам каких-либо лишений и вреда» [3]. Однако институциональная направленность теории и Ролза и Дворкина сводит границы справедливости, границы прав индивида к границам института. Но может ли этическое основание общества ограничиваться только пределами государства как социального института? Мы не можем согласиться с Ролзом в представлении им общества, для нас оно не является механическим, по сути, соединением обособленных индивидов. Поэтому атомизм для нас представляется не способным в полной мере, в соответствии с проблемами современного общества, обосновать его возможность. И здесь мы скорее согласимся с точкой зрения Ч. Тейлора, утверждавшего, что при подобном рассмотрении возможности общественного единства функцией общества, соответственно, является содействие реализации индивидуалистских добродетелей согласно принципу равенства. Другими словами, в рамках общества существуют независимые индивиды, которые имеют определенные жизненные цели и планы, реализация которых приводит к соприкосновению с другими такими же людьми, в результате их взаимодействия

и образуется общество. Тейлор против такого отношения к обществу и, в принципе, к целому. Невозможно организовать целостность из независимых элементов. Так же, как и невозможно создать продуктивное, жизнеспособное общество на основе атомистического представления. Монологичность сообщества, монологичность индивида, входящего в это сообщество, – непродуктивный метод его организации. Главной формой сосуществования различных элементов может быть только диалог. Только в результате диалогического отношения возможно создать продуктивное и жизнеспособное общество. Диалог должен быть в первую очередь внутренним свойством общества, что предполагает наличие «непосредственно общих благ» (термин Ч. Тейлора). Поэтому наряду с индивидуальным для построения общества необходимо иметь и общее представление о благе, ведь социум возможен при условии некоторого самоограничения человека. Для того чтобы осуществлялась социальная свобода человека, необходимо наличие солидарности между участниками, заинтересованными в результате. Таким образом, для достижения какой-либо общественной цели или, например, всеобщего блага необходимо некоторое самоограничение человека. В результате, Тейлор говорит, что культуры, группы не могут в подобных обществах претендовать на всеобщее признание и принятие. Так как и от них тоже требуется включение в общее дело строительства продуктивного и жизнеспособного общества, что невозможно без некоторых самоограничений, что, однако, пойдет во благо всем. На наш взгляд, подобная точка зрения весьма оправдана, так как, действительно, трудно представить возможность полноценного описания и тем более существования общества посредством институций атомарных элементов [6].

Однако мы понимаем, что существует общество взаимозаитересованных индивидов, частично существующих на благо общего, а не только своего, мы также признали, что невозможно сведение социальных процессов и

характеристик к институциональным в полной мере. Может ли это положение сказать нам, что границы общества совпадают с границами морального или этического дискурса? И на этот вопрос мы скажем, что не может. И это очевидно, так как современное общество характеризуется своей многообразностью (в частности, разнообразием культур), и как отмечено выше, данное положение говорит о существовании различных систем мироощущения, а соответственно и различных содержаний этих систем. И здесь мы согласимся с С. Бенхабиб, которую, однако, мы не можем назвать коммунитаристкой, как Ч. Тейлора, но чья концепция дает свою картину решения подобных проблем. Так, она исходит из того положения, что проблема, которую рассматривают, которая возникает в обществе, может задевать не только интересы в его границах. Соответственно в решении должны принимать не только члены данного общества, но и, согласно принципу дискурсивной этики, все заинтересованные, все, чьи интересы задеваются, под понятием «все» подразумевается не только данное общество. Другими словами, моральные границы и границы государства могут не совпадать. «... Территориальное деление и государственные границы не совпадают с пределами морального сообщества. Дискурсивные сообщества могут возникать там и тогда, где и когда люди способны повлиять на действия и благополучие, интересы и идентичность друг друга. Границы морального и политического сообществ не совпадают» [1:176]. Но что более интересно, далее она говорит, что необходимо поддерживать разницу между границами морального и политического сообщества, так как люди едины в смысле их «принадлежности к человеческому роду». По сути, она не поддерживает тезис Э.Левинаса о кардинальном отличии Другого, а говорит, что все люди едины, и между ними возможен диалог и понимание. Но единство людей основано на достаточно абстрактном обобщении, на их «принадлежности к человеческому роду». Именно это положе-

ние нам представляется наиболее спорным. Мы же можем сказать, что хотя тезис Левинаса о бесконечно Другом достаточно противоречив (как это нам показал Ж. Деррида), тем не менее, он вызывает в нас стремление обратиться к чему-то как возможности восприятия Другого в социальном контексте, помимо понимания. Мы можем сказать, что овладение Другим, становление Другим и т.п. в социальной действительности не всегда может принести положительный результат. И в результате возникает проблема: что лежит за пониманием, что заставляет нас мирно сосуществовать с Другим, оставаясь в целом собой и оставляя других в целом такими, какие они есть. С. Бенхабиб не говорит об этом, как не говорят об этом и предыдущие исследователи. Она пытается построить модель общества, которая могла бы включать в себя Других, Другие культуры. Где культура – это смысловая сеть, интерпретирующаяся, определяющаяся нарративами. Поэтому невозможно приписать человеку его культурную идентичность. Идентичность – дело самого человека, он сам должен выбирать то, что ему подходит. Социальная жизнь человека проходит в рамках дискурсов, по сути, она интерпретирует дискурс как диалогичную форму взаимодействия, ведь дискурсы необходимы, чтобы договориться в многокультурном обществе об отношении к каким-либо проблемам. Казалось бы, при решении социальных проблем (затрагивающих людей и их окружение, например, культуру) мы выходим за пределы государственности или институциональности, так как участвующие в диалоге или дискурсивных практиках – те, для кого проблема является значимой, те, кто заинтересован в решении затрагиваемых проблем: «Принципы дискурсивной этики требуют: для обеспечения демократической легитимности нужно, чтобы «все те, кого могут затронуть последствия принятия такой нормы», в равной мере участвовали в ее утверждении» [1:176]. Однако если рассмотреть далее ее позицию, то выясняется, что ведение подобного диалога или вклю-

чение в данный дискурс предполагает согласие индивида на соблюдение правил общежития, принятых в обществе. Что говорит о невозможности ведения дискурса вне данного включения, другими словами, для того, чтобы отстоять свои права или стать значимым при решении каких-либо вопросов, необходимо самоактуализироваться. И эта проблема решается подвижными границами, а точнее, понятием горизонта культуры, соответственно, этических общностей. Культура как постоянно удаляющийся горизонт смыслов, который невозможно охватить извне, а только посредством постоянного самоописания или переописания. Как мы могли видеть ранее, ограничения в ведении дискурса характерны и для других исследователей: Ролз ограничивает сферы справедливости институциональными, Тейлор – государством, у Бенхабиб – это необходимость включения. Нарративом ограничивает Макиинтаир: «… единство зиждется в единстве нарратива, который увязывает воедино жизнь от рождения до смерти как положено в нарративе – от начала до конца» [4:278]. Соответственно все не укладывающееся в нарративное воспроизведение, не входящее в него – неразумно, выбивает из контекста. Он более конструктивно подходит к возможности диалога, как основы осуществления межкультурного взаимодействия и, соответственно, решения возникающих противоречий: «Разговор… есть форма человеческих действий в общем» [4:285]. Все человеческие действия можно объяснить через нарратив, так как «… в успешной идентификации и понимании того, что делают люди, мы всегда движемся в направлении помещения конкретного эпизода в контекст множества нарративных историй, историй, касающихся как индивидов, так и окружения, в котором они действуют и страдают» [4:286]. Таким образом, для того, чтобы понять «Другого», чужую культуру или просто человека, необходимо обратиться к истории формирования понятий, создающих нарратив, в котором они «выросли». Для этого можно пойти двумя путя-

ми: с одной стороны, задаться вопросом «какой тип объяснения этих историй будет одновременно истинным и постижимым?» [4:287] или рассмотреть как «один нарратив вложен в другой» [4:288]. Нарратив Макинтаира историчен, так как действия человека вторичны по отношению к концепции постижимого действия. Другими словами, человек, чтобы совершить какое-либо действие в результате исторического развития и соответствующего контекста уже имеет определенное представление о том, что будет совершать. Однако, имея уже нарратив, человек является его соавтором. Интересно, что последствия его действий могут быть как преднамеренными, так и непреднамеренными, соответственно, исходный нарратив его действий ложен. И, Макинтаир утверждает, что фальсифицирующее начало нарратива человеческих действий зависит от степени авторства участников: «Различие между характерами вымышленными и реальными заключается не в нарративной форме того, что они делают; оно заключается в степени их авторства этой формы и их собственных деяний» [4:290]. С другой стороны, нарратив не может не иметь цели, то есть он телеологичен, так как жизнь человека в целом подчинена преследованию каких-либо целей: «Не существует настоящего, которое не наполнено некоторым образом будущего, такого будущего, которое представляется в виде цели (телоса) или различных целей, по направлению к которым мы движемся в настоящем или терпим в этом неудачу» [4:291].

Культуры, находясь в состоянии изменения, которое можно назвать по-разному, либо как состояние конфликта, либо как состояние кризиса или диалога с другими культурами, идут либо к обновлению, либо это результат выживания в исходных условиях. Западный дискурс предлагает нам весьма противоречивые пути выхода из кризиса, а по сути, нахождение равновесного состояния. Мы не можем согласиться, что путь институционального развития является единственным и наиболее

эффективным. Скорее, мы согласимся с тем, что необходим баланс институционального и социального, где этические основания действий индивидов находятся в плоскости, соединяющей и социальное и институциональное. С этим согласны многие исследователи, и, пожалуй, подобные концепции во многом слабы из-за необходимости рационально обосновать существование этого фундамента. Хоть Макинтаир не одобряет в полной мере эмотивистскую линию в решении социальных проблем, его видение этого направления весьма интересно, так как оно, на наш взгляд, способно дать ответ на поставленные социумом задачи. Концепция, согласно которой рационально невозможно в полной мере оправдать поведение людей, не отвергает рациональность как таковую, но говорит о том, что современный многообразный мир невозможно построить на сопоставлении этических норм различных культур на основе исходного единого рационального постулата, однако, этот мир возможен, если учитывать нерациональную их составляющую. Во многом это происходит из-за исходной монологичности рационального, стремящегося заглушить «эмоциональное». Поэтому мы согласимся с Ч. Тейлором, говорившим, что диалог должен начинаться внутри, как свойство его носителя (общества, индивида, культуры), чтобы можно было составить полное представление о благе или принять решение о его направленности. Поэтому тезис о необходимости включения в общее дело имеет некоторые трудности, связанные с обоснованием и внутренней потребностью этого включения. В результате, на второй план уходит проблема понимания. Понимание важно, но после того, как мы примем себя.

Исходя из вышеизложенных размышлений, проблема российского дискурса сводится к стремлению игнорировать собственные эмотивисткие установки, предполагающие собственную этическую составляющую. Поэтому самоактуализация в рамках западного дискурса не может

быть полноценно осуществлена. Рамки данного дискурса предполагают контекст собственного формирования, осмысления, чего нет в российском дискурсе, решения социально-культурных проблем. Однако сегодня образуется тенденция по обозначению данных вопросов, что является положительным для решения, а не замалчивания проблем современного отечественного социума.

Библиографический список

1. *Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб ; пер. с англ. ; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 350 с.*
2. *Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер. – М.: Искусство, 1991.*
3. *Загруйко, К. Ф. Серьезное отношение к правам / К. Ф. Загруйко, Р. Дворкин // Общественные науки зарубежом. Сер. 4. Государство и право. – 1979. – № 5.*
4. *Макинтаир, А. После добродетели: Исследования теории морали / А. Макинтаир ; пер. с англ. В. В. Целищева. – М.: Академический проект ; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 384 с.*
5. *Ролз, Д. Теория справедливости / Д. Ролз ; пер. с англ. ; науч. ред. В. В. Целищев. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995.*
6. *Тейлор, Ч. Неразложимо социальные блага / Ч. Тейлор // Неприкосновенный запас. – 2001. – № 4. – С. 7-18; Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами. – М., 1998. – С. 219-248; и др.*
7. *Чукин, С. Г. Ю. Хабермас versus А. Макинтайр: к вопросу об основаниях современного философствования / С. Г. Чукин // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий : сборник к 75-летию профессора М. Я. Корнеева. Сер. Мыслители. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – Вып. 11. – С. 76-97.*

Д.А.Стрингер(Россия) D.A.Stringer(UnitedKingdom)

КРИЗИС И ПЕРЕХОД: КАКОВЫ ИХ ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

CRISIS AND TRANSITION – WHICH IS THE CAUSE AND WHICH IS THE EFFECT?

"The Earth does not belong to man, man belongs to the Earth.
All things are connected like the blood that unites one family.
Man did not weave the web of life, he is merely a strand in it.
Whatever he does to the web he does to himself.
The Earth is sacred and men and animals are but part of it.
Treat the Earth with respect so that it lasts for centuries to come
and is a place of wonder and beauty for all our children."
-an extract from Chief
Seattle's of Washington State's testimony.

«Земля не принадлежит человеку, человек принадлежит Земле.
Все вещи связаны словно кровь, которая объединяет одну семью.
Человек не является паутиной жизни, он всего лишь ниточка в ней.
И то, что он делает для этой паутины, он делает для самого себя.
Земля священна, и люди, и животные – часть всего этого.
Уважайте и цените Землю, и она останется на века
Местом для изумления и красоты для всех наших детей»
- отрывок из заявления главы г. Сиэтл, штат Вашингтон.

Статья рассматривает кризис в духовно-нравственном измерении и подчёркивает взаимосвязь между конфликтами, глобальными вызовами и разрушением гуманистических идеалов и общечеловеческих ценностей. Мы сами создаем кризисные ситуации, которые угрожают нам и препятствуют созданию покоя и духовной жизни. Всякие кризисные ситуации на любом уровне сознания, тела или земли – это конфликт и дисгармония в наших отношениях друг к другу и к окружающему нас миру. Согласно древнегреческому философу Демокриту старый порядок ру-

шится, когда перестаёт действовать необходимость во взаимосвязи составных элементов. Но в конечном итоге, это есть творческий беспорядок, из которого рождается новый, устойчивый и согласованный порядок. Это напоминает анализ истории российского христианства, предпринятый в 1917 году профессором московского университета Николаем Бердяевым, который рассматривал социальные, экономические и политические перевороты на протяжении столетия как своего рода разрушение порядка. Мы наблюдаем схожий беспорядок и в современном мире, где образуется всё больше трещин и глобально-деструктивных деформаций, в том числе по причине духовно-нравственного кризиса и банальной эгоистично-материалистической жадности. Переход от дисгармонии к гармонии требует выстраивания новых границ, и осуществить это невозможно без осмысления исторического пути развития цивилизации. В основе всякого перехода должны лежать знания и духовные ценности. Научные знания – это начало перехода. Нравственность – это то, что позволяет на этом переходе преодолеть самые суровые испытания. Кризис не только есть испытание, но и просветление. Но, действительно ли необходим каждому переходу такой кризис, для того, чтобы узнать о потребности культуры изменить жизнь и привычки к лучшему, или кризис возникает в результате изменяющихся вещей, которые изменяют нас самих? К сожалению, для большинства из нас, очевидным является первое. С кризисом намного легче иметь дело, когда мы можем видеть в нём лишь средство осуществления наших собственных замыслов и необходимых нам перемен. Есть два способа узнать о *всемирных законах жизни.* Первый, наиболее безопасный, это путь беспристрастного наблюдения, созерцания и общения с матушкой-природой. Второй - это путь эксперимента 'попробуй что-то изменить, для того чтобы узнать, что произойдет'. Первым является выбранный путь религиозного созерцательного мистика или мудреца, который уже знает о последствиях многих действий, тогда как второй – это путь ученого или экзистенциального авантюриста, Чародея, весьма опас-

ный, поскольку, когда нам не хватает предвидения, мы высвобождаем разрушающие культуру силы. Современный кризис снова напоминает нам о том, что для преодоления нависших над человечеством опасностей мировому сообществу необходимо объединиться на основе общечеловеческих ценностей и освоения созидательных ценностей духовного наследия. В современном мире человечество сталкивается с так называемыми кризисами тождеств. Человеческое общество не только вертикально сломано конфликтами между тождествами текущего состояния, но разделено во многих направлениях между различными конкурирующими видами тождеств. Наряду с нравственными идеалами и духовными обязанностями, совместное участие и сотрудничество (вместо алчности и жестокой конкуренции), теперь становится императивно важным для человечества, поскольку, проблемы планетарного масштаба нельзя решать в одиночку и порознь. Решение глобальных проблем проблемы в значительной степени зависит от того удастся ли человечеству на основе культурного разнообразия сформировать универсальную и синтезированную всемирную Культуру миротворчества и гуманизма. И тогда быть может мы, наконец, узнаем: всегда ли должны наши социальные и культурные преобразования проходить через призму кризисной глобализации? Надеюсь, что мои размышления об этих довольно важных темах заинтересуют как можно больше людей, и натолкнут их на размышления о том, где мы были, к чему мы пришли и чего хотим достичь. Всякая теория имеет силу только тогда, когда она побуждает нас к действию, и это особенно важно для всех нас в период кризиса.

We create the crises that threaten ourselves and the rest of the sacred life of creation ourselves when we act as if we controlled the web of life rather than being just serving parts of it. Any such crisis on any level of mind, body or earth is the pain of disharmony we, thus, set off to prompt us to transform our attitudes, ethics and actions so as to get back into harmony with each other and the Earth.

According to the century 5th BC ancient Greek scientist & philosopher, *Democritus*, of the coast of Asia Minor, who brought to us the potent concept of the *Atom* from the temples of ancient Egypt, the relationship between set form/order and the fluid elements or forces that it contains is that the old order breaks down when it no longer fulfils the needs of these constituent elements, leading to a sometimes frighteningly insecure but ultimately *Creative Chaos* from which these elements re-fuse into a new, stable, harmonious order. This is similar to the analysis of the Christian Russian history professor of Moscow University, in 1917, *Nicholas Berdyaev* as regards social, economic and political revolutions throughout the ages. Similar formulae are to be found in the even more ancient Chaldean-Hebrew cosmological, scientific-religious code of the *Ha-Qabalah* whereby the *bayts* (containers/forms, *beth* = house*)* interact with the flow of life-forces in an ongoing organic flux from which our ever-evolving Creation emerges, governed by *Geburah*, invisible laws of interaction from the *Great Spirit*/*Cosmic Intelligence* via all the forms of instinct & self-or other- awareness to be found in all organic life-forms. We know, in Atomic Physics, of fission & fusion. This universal formula, pervading the whole of the micro- and macro-cosmos, in human history, manifests as the dynamic processes that have driven religious reformations and political-economic revolutions when some of the elements (the people as a whole or thinkers) reject as inadequate & unresponsive &, thereby repressive, the old atrophied order and break it apart from the inside when it refuses to reform, become unable to do so, to meet their demands.

We are experiencing a similar insurgency in contemporary Society, as our shared, root felt need to survive in harmony with the greater Creation, more & more clashes the our Planet-destructive economic structures of selfish materialist greed , one in which an old order of political elites from previous decades, conditioned by long

failed paradigms of perception and action (e.g. war as a means of dealing with disputes when Peace processes via the U.N. are better), fail to deliver or respond positively enough to the felt needs of our times, either from the grass-roots or enlightened science (as in the case of the current global Climate Crisis). How ironical if is that, because of power-&-wealth group vested interests, while we seem to worship at Mammon's altar of technology, some appear to become selectively deaf to the Wisdom of some of those very same scientists who enabled such technology! Scientific knowledge is in the vanguard of transition, and not without some spiritual implications, as, for instance, when advanced forensic technologies, now, appear to be on the verge of proving that the *Turin Shroud* was, in fact, the grave-shroud of the crucified Christ, backing the creed of Jesus's death & resurrection, the wisest of science coming back into harmony with faith, even as it leads us back to harmony with Nature!

This form-content dichotomy is not, perhaps, such a simple two-way interaction as humankind cannot ultimately, mentally or physically, separate itself from the wider reality of the *Greater Creation* in which we experience the changes from outside of us such as prompt us to question our received order, assumptions and relationships in such a way as to lead to their disruption. We are each and all, individually & collectively, existentially responsible for the mental & material problems that affect us and so demand a new synthesis to deal with them. In my late youth, in the 1960's, on the impact of the materialistic influences of the times and other intellectual philosophical questionings, I rejected the secure assurances of my natal background's received Christian creed and the nihilistic spiritual void that resulted plunged my psyche into an alienation that brought my life into a creative-destructive chaos, in which I, years later, learned the Wisdom to build a newer synthesis of faith for a more harmonious future.

I was not unique. Around that time, millions of us brought this painful process upon ourselves as we embraced the current, planet-destructive attachment to free-market capitalist-style materialism. It was not till my small business ambitions crashed into bankruptcy did I confront the state of my own soul. A prime example of this is the three-way interaction of the current climate-crisis (as stimulated by our own human economic activities & lifestyles while obeying its own inbuilt laws in response to these stimuli) which challenges our current assumptions of societies based on unlimited population and materialistic economic growth, raising a whole gamut of questions, not only economic and political but also ethical and spiritual as regards our relationship with Creation, our Creator. The Native Americans warned we Europeans, from the very beginning, that, if mankind became so arrogant as the believe it could conquer and rule the rest of Nature, then, were creating a recipe for disaster for all life and creation as well as our ourselves. Since Stone Age man struggled to survive, sometimes against all odds, for security, the driving idea of this conquest of Nature has been the driving motivation of most, if not all human societies, since many millennia BC to the present day that if has become catastrophically ingrained in the belligerent ego-intellectual masculine warrior psyche, despite those counter-balancing warnings from the quiet Wisdom of the Sages of Chinese Taoism that it of the *uncarved block*. Many of us fondly still believe that we can solve the global warming problem we have ourselves created by yet further, different, ruling interventions, in this same spirit and fail to recognise this Taoist wisdom whereby the *Great Spirit*, made creation in perfect balance and harmony, in the first place, as in the Eden of the Biblical book of Genesis, and all we really need to do is exercise non-violence in creation desist from making any further mess of it and leave God’s ecological laws to operate themselves, so healing the Earth, by progressively

reducing the energy & resource demands of our lifestyles rather than seeking other ways of meeting them.

For example, we do not have *carte blanche* or a *blank cheque* to multiply our population numbers *ad infinitum* on the assumption that everyone born has the automatic right (by some mythical deal with an Old Testament God who said *"Go forth and multiply"*) to the food, shelter, work, riches and lifestyle indulgences that the developed and developing world has come to expect, a belief that seems to acquiesce in the poor millions of the underdeveloped world dying of disease and hunger, so to pay the *Malthusian* price for us of over-burdening demographic growth (as seems to emerge from the recent failed & divided Global Climate Summit in Copenhagen). Transition from this crisis will only become possible when we, who have more, change all our attitudes to those of down-sizing ourselves so to share, equably, what we can, as one human kind, have, without damaging the Greater Creation. This lesson learnt, the stalemate of crisis is broken and we can seek to go beyond it. Wild mammals naturally keep their numbers down to levels sustainable by their available environments by reproducing only when nutritional levels reach a certain point or otherwise suffer the consequences. They move as freely as they can (where man had not robbed them of their needed lebensraum to do so) being part of but not possessing any part of the Earth, whilst many men obsessed with property, with control and power over others have become tied down to specific patches of soil, of set-border States, and so deprived themselves of our earlier nomadic option, one which seeks to reassert itself, in localised crisis, by the modern phenomena of "mass economic migration", but this time not for good land for hunter-gathering, fishing & food-growing but jobs for money which further adds to the strain our demands for resources out on our over-stretched Space Ship Earth increasing competitive conflict between us when what is most needed is overall cooperation both between ourselves

and with Nature! Does materialistic science makes some humans believe that "they are God" and thereby immune to such inbuilt natural law?

Usually any population excess has to be at the expense of all our fellow, flora & fauna life-forms, on which the ecological balance (on which we too depend) belongs. Here in Cornwall, we, personally planted at least half of our land with native woodland, for the wild-life and this ensures habitats for natural predators (foxes, birds of prey etc) which keep in check the numbers of other creatures who could otherwise devastate our vegetable & such crops on the best agricultural land, so freeing us from needing to take any violent measures to kill what many call "vermin" or "pests" such as is against our personal principles of respecting the sacredness of all life (not to speak of our own timber on the spot!).

Previous historic crises were localised or partial, affecting only the tribes or Nations of a specific land or region who, to overcome them, could either move elsewhere to more sustainable surroundings or change their institutions and lifestyles. Accordingly, as the Central Asiatic steppes dried up or the Arctic Ocean froze, mineral deposits or forests got used up and areas became unsustainably overpopulated the old *volkerwanderung* that made modern Europe did work; the current knee-jerk response of mass-migration has been a continuation of this older solution that once worked for our ancestors, even as America was colonised by religious refugees, but, now, no longer solves the problem, as everywhere available is full (short of some localised, internal land-use distribution for more allotments & food-productive small-holdings). Such flexibility and adaptability, grounded in solid hand-skills & knowledge of Nature, has been the Ace Card in the success story of *Homo Sapiens* but it looks though in so many of our tunnel-visioned and overspecialised urban societies, many of us have lost it and need to regain it fast, if current crisis is to open a door

into future *Eutopian* transition. This failure of our millennia-old mechanism for escaping from rather than confronting the problems to which we have contributed ourselves (e.g. deserts created by over-grazing of livestock) brings us all face to face with an ultimate and decisive multiple globalised crisis in which, as the words of a Bob Dylan song go *"And he who can't swim shall sink like a stone, for the Times they are a-changing."*

Such is the hydra-headed monster that confronts us all! So what is the *key* crisis which if resolved could lead to the dissolution of all the others? Is it demographic, climatic, economic, political, moral or spiritual? It is like we are getting caught up in one mass-globalised mental-social-economic and ecological breakdown, whether we seek to detach ourselves from it mentally or not, for example, for the last two years freak, extreme wet weather patterns in Summer have effectively reduced our potato-crops yield by 50% with cold and blight. Imagine this on the basis of tens of thousands of farmsteads! Because of our ubiquity as a species on Earth, the entire planetary creation is accelerating towards this potential breakdown more rapidly than in any previous eras when localised the disintegration/fission of the Natural Law as propounded by *Democritus* allowed more time for the elements to restore from each transitional chaos, more appropriate forms of believing, living and interacting, in a gentler way. We do not have the luxury globally anymore of unlimited time to repent our sins and change our ways, as the Polar Ice caps melt into the oceans & the Himalayan glacial heads of India's Sacred Rivers retreat back ever upwards!

Does transition provoke crisis or does crisis stimulate transition?

One example of the former is the Medieval religious reformation in Europe. For centuries most people had accepted the authority of the orthodox church hierarchies

(with the exception of popular regional "heresies" such as those of the Cathars of Languedoc & Provence in France between 1,000 & 1200 AD violently suppressed by the mass-slaughter of the Albigensian Crusades against them by a unholy alliance of Popes and land-grabbing warlords) and its social, hierarchical power was intact. The prime cause of loss of faith in this in the C14th was a brief "mini-ice-age cold climate crisis that reduced crop-yields, led to malnutrition and so weakened the immune systems of many populations that almost half of Europe's population died of the infectious bubonic plague, a disease imported with black rats from the Middle East as, perhaps, a karmic result of the earlier "Christian crusades" in the Holy Land against its domination by Islam. Enough people had intellectually questioned the old order and became convinced that it was no longer at one with their own felt needs and beliefs for this other crisis to tip the majority of the less educated populace in their direction. Others responded to the plague crisis by becoming even more fanatical in the old faith than hitherto, splitting known humanity down the middle. This "loss of faith and trust in the God of Nature" was to prove a primary spur to the belief of the new Europe, in the Age of Enlightenment, in the conquest by science of Nature that still prevails to this day. This religious overthrow caused the temporary crisis of conflict of the C17th Civil Wars of Religion all across Western Europe till things finally came again into more secular and tolerant equilibrium, after much pain of bloodshed and disruption. Likewise we might say that it was the mass trauma of World Wars I & II, that had many consequences as regards fundamental change (apart from the Russian Revolution or the creation of the European Union) leading us to be sceptical of all previous allegiances and seeking better ways to resolve our problems, by means of peaceful conflict-resolution through such agencies as the U.N. My own scepticism about the institution of the Church arose, ironically, because it had <u>not</u>, as an institution, lived

up to the non-violent and all-compassionate teachings of *Jesus Christ* whom I have always revered whatever other philosophical spiritual path I was exploring, such as Zen-Buddhism or Taoism. If the elements in the container change, with extra ones added, then it is obvious that they will blow it open. While one's creed is tunnel visioned, it will remain intact. Add but one searching question or alternative cosmological concept and it starts to crack open, like a proverbial Cosmic Egg of awareness.

In our evolving interaction of *karma* and *dharma* (received fate – new awareness) cause becomes effect so that effect becomes cause, with the seeming inexorability of a classical Greek tragedy. How far must we individually or collectively go back to find the original root cause of this progression? The first crisis must have been, in the very beginning, when the earliest humans, afflicted by the onset of increasingly arduous conditions, as with the ice ages, turned away from the mentality of the *Garden Of Eden* of 'trusting the Creator to provide' to one of having to 'battle with the elements' so as to survive and seek to control of those huge, monstrous forces of a Nature become hostile, the culmination of which has been the catastrophic discovery of the secrets of Nuclear physics (remember *Hiroshima* and *Chernobyl*). Hitherto vegetarians, flora failing, turned to hunting and eating their fellow animals rather than die of starvation, as the *Hopi Indian* legends say *"in this second world the animals became afraid of man"*. The Norse & Hellenic legends of the primal *giants* (Earth-forces),the *Iotnars* and the *Titans*, see these as t0 be slain or kept at bay as hostile by the humanity-guarding gods of *Olympus* or *Asgard*.

This still-prevalent distrust of wild Nature (except amongst tuned-in romantic poets & artists, wild-life explorers, saintly hermits or tribes still true to the old ways of Eden) became so dominant that, even when Creation could, again, be trusted to provide for all our needs without

such a struggle or violence against our fellow animals, many cultures continued to seek to conquer Nature, 'as if to make sure'!

One example of this is the difference between Native Americans (many earlier coloniser) and colonising Europeans in their attitudes to the North American continent, the former seeing the land as the God- *Great Spirit* given garden for the sustenance of all, as to the latter, as a "wilderness" beyond the pale of their stockaded "safety zone" to be possessed as property and conquered, hence the post-colonial "transition of America. Not all transitions are for the better; some are ultimately for the worse!

Transitions, kick started by crisis, could not be reversed. Ice-age, using fire to keep warm in caves some of whose stones contained mineral ores must have been wonder-struck when the heat of the embers actually melted some the stones into the first metals they could use for more effective weapons that they could either use to hunt more easily, fend off predatory beasts or even have battles with their neighbours over limited resources. Some preferred to make beautiful artefacts for personal decoration with them. From the very beginning, technology had to be kept balance by advances in ethics and spirituality. From this, I would conclude that our primal crisis was a spiritual one, arising from albeit transient material circumstances, and one which still needs to be resolved, whatever practical material measures we might agree to restore economics, politics and life-style to a more sustainable wholeness because the current global climate crises are pointing loaded guns at our heads that say "*do as I say you must or die!"*

Psychotherapists know that one, half-forgot childhood trauma can haunt and destroy our sense of innocent joy for the rest of our lives. even when its circumstances and those involved have long ago vanished from the reality of our lives. *Fears* can continue to dominate our motivations in so many ways (like the urge to get rich out of fear of

being poor, even when all have enough) long after their causes have passed, this effect becomes cause in place of the actual primal cause. In this light, *Crisis* can when we become aware of these dark, painful, emotional shadows in our subconscious minds, when some other stimulus re-opens old wounds and *Transition* can be seen as the psycho-therapeutic process whereby first we seek to understand, objectively, *why* we are so afraid, repressed or of low self-esteem then to go through the processes of liberation & healing that restore us to a renewed wholeness, to quote the chorus of my own rock songs: *"That's not me, that's just my paranoia speaking!"*

The simplest spiritual resolution of this root "knot" would be for us to re-embrace our original philosophical doctrine that we, as humans, are just part of the greater web of the greater Divine, Planetary natural creation, aware of all its operational laws, and so, then, to progressively abandon those other paradigms – environmental, social, economic, political and ethical that continue to cause us to further perpetuate our crises by the very methods of exploitation of each other and the Earth that have caused them. This message is not only to be found in the Native American Wisdom of *Chief Seattle's Testimony* that I quoted to open up these explorations of the theme of *The Semiotics of Crisis and Transition* but in our own C12th religious European heritage, the teachings of the *Roman Catholic* theologian *St Thomas Aquinas* that the Universal Divine Law, even as it manifests to us in Natural Law, must likewise govern our human Social Law, a humility before 'that which made us' that seems to have been thrown out of the window by atheistic-agnostic man to our obvious and impending detriment!

A simple example of this is that the conventional response to the problem of *Global Warming*, caused by the CO2 emissions of polluting fossil fuels is to seek alternative energy sources so as to obtain the same amount of energy

by different means when, in fact, this would prove to be quite ineffective unless we all seek to reduce our energy demands by changing our life-styles demands, seeking to cut down these energy demands, as in the international town & village, *Transition Movement* by focussing on seeking to get as much as possible of our diverse needed resources locally before longer- distance trading such as consumes more energy, by making our lives as full and creative as we can in our own area neighbourhood rather than jetting off long distances, in our tens of thousands, for 'exotic holiday', leaving a huge carbon-footprint from many thousands of air-liner chem-trails. This also brings to mind the altruistic motto of our *Universal Alliance* of *"serving our Common Creator and the whole of Creation".*

"Knots"

"Knots" was the psychiatric term used by the radical psychiatrist-psychotherapist, *R.D.Laing*, to describe what has been otherwise called *neuroses*, obsessive mental patterns/problems that condition our personal or collective cultural behaviour and perceptions. One example of this I would suggest is that of fixed religious belief as being like 'seeing the pure light of God' through the distortion of the images of a stained glass window that needs to be shattered before one can see this pure light as it is. Another, more down-to-earth example is that of a former friend, a young criminal from a rough & violent poor estate whose pessimistic belief that human nature was bad, prompted him to act towards others badly.

Our prevailing competitive idea and ideology of the *conquest of Nature* is one example of a 'knot' fuelled by our subconscious *fear* or *distrust* of 'the other'. 'the unknown', a fear and distrust that also seems to cause such conflict and division in humanity between different 'races', religions or Nations, so preventing the realisation of our fond but frustrated dreams of World Peace. Psychotherapy is the Art

of first understanding, then, unravelling such 'knots' that, if not undone, will cause yet more knots. Many people, quite unnecessarily, continue to have more children than they need, out of a fear for the survival of their group or species, or even their own comfort, in a none-sharing society, in old age; seek to acquire far more material goods than needed out of fear of not having enough to get by, a safety-security margin; erect State or ethnic barriers against others (and even resort to mutually destructive wars to defend these pre-received identities) out of distrust of those with whom they need to be in cooperation, for our common sakes; seek to have more power over others out of fear of not having enough power and control over their own lives. Where "God" is no longer trusted, men seek to 'be and play God' in place of older gods that failed them. This would be all fine and well if man were as "all-seeing" of the Universal Laws as the "God" that made them in the first place, but as it is, *"a little knowledge as proved to be a dangerous thing"* as it has given Mammon the arrogance that he can rule, but without the full Wisdom to do so! Now this prehistoric neurosis has come full circle and it is scientific-man-as-God (the great beast of the prophecies of the *Book Of Revelations 666*) that , now, fails our needs, in our current, globalised crisis, as it is the very spokesmen and women of this modern, technological God who are crying out in the wilderness, over our contemporary chaos that they have their limitations as regards helping in the scale of the Laws of the Cosmos and to get us to return to respecting our older gods of the original natural creation, to cut our suits according to the clothe allowed us by our own natural environment.

Further to the above psychiatric definition and the subject of *Crisis vis-a-vis transition*, if we, in the macrocosmos, are going through some kind of mental and physical breakdown, this might be said to have something in common with an individual mental and physical breakdown (such as I have, myself, gone through and come out of

spiritually transformed for the better in my own past). Does one need to have such a crisis to become aware of the need to change one's life and habits or does crisis arise as a result of things changing, as with relationships, when we change but those we relate to do not? Unfortunately, for all too many of us, the first is all too true. Crisis is far more easily dealt with when we can see it as a side-effect of our own needed and self-chosen transitions!

There are two ways to learn about the *Universal Laws of Life*. The first, safe way is that of dispassionate observation while leaving well alone for Mother Nature to sort herself out, as *Mother knows best how to* and the second is to 'try things out to find out what happens' like the *Sorcerer's Apprentice*. The first is the chosen path of the religious contemplative mystic or the wise sage who is already aware of the consequences of many actions and the second that of the scientist or existential adventurer and can prove to be quite dangerous to both creation and oneself/ourselves when, lacking prior foreknowledge, we unleash forces that harm us, as explored in that classic theme of *Doctor Faustus* in the dramas of the Elizabethan English poet, *Christopher Marlowe* (from obscure Medieval sources) and, more famously, of the German poet, *Goethe*. As most of us are not Western Saints or Eastern philosophers, the majority of us have chosen the second way of 'eating of the forbidden, occult truth of the *Tree of Knowledge of Good and Evil* of the *Garden of Eden* expulsion from which must have been our first recorded crisis, the next being the trauma of Cain killing his brother Abel, so sowing the *dragon's teeth* of all future wars! Thus, we have often learnt our post-consequences wisdom from the crises we, ourselves, triggered. Thus we have venture into the hitherto unexplored unknown to discover our options for the future: but now we have the great advantage that, thanks to global communication, literacy, books and the internet we can learn Wisdom, here, from all of our fellow truth-seekers and researchers as well

as from our own personal pasts and experiences in both our current and previous incarnations, so that more of more of us could now follow the path of the wise sage rather than that of the *Sorcerer's Apprentice* till, perhaps, one day we will transcend the need for *Crisis* to stimulate *Transition*, to learn our *dharma* on the painful wheel of Fate of our *karma*, and so be able, with ease, with *Right Feeling, Right Thought & Right Action* so, by what we do as interlinked threads in the web of life, to ensure a *Eutopia** or Paradise on Earth, as prophesied in *Revelations*, which will become ultimately free from all crises bar our own psychological readjustment to a state of being in which we don't have to fight anything or each other to survive!

Now is, thereby, the time for all of humanity to come together as one tribe of many diversified tribes, as one family to share all the hard-earned wisdom of our experiences and mistakes, from every walk of life and partial field of knowledge, so to find the best possible means, as appropriate to our various situations, all cooperating together, to collectively learn how to cooperate with Natural Creation for the restoration of the wholeness not only of our human lives, but that of all the flora and fauna of the Earth's biosphere, including those thousands of species currently threatened with crises of impending extinction because of the harm our old, purblind ways have and are doing to our one planet. A culture of Peace implies one of non-violence which implies a reverence for the sacredness of all that manifests life in Creation, for the *Creator Spirit*, however our diverse faiths and philosophies might conceive IT, that the first aware *homo sapiens* felt, in our primal *Eden* before *Adam, Man*, in the fall, fell into mental separation from the Natural forces, from those Gods of *Earth, Air, Fire, Water & Spirit* that gave us birth.

This is about far more than preventing disastrous floods and droughts, than rescuing local or natural economies from bankruptcy, than combating diseases and pollution.

All these are but symptoms of a deeper spiritual-ethical-psychological crisis, the only solution for which is our transformation in an ethical-spiritual revolution/further evolution, whereby we all, naturally, will feel prompted to live in ways so as to kill the hydra-headed monster of our multiple crises, with a blow to its very heart and core whereby all its heads become dead and cease to regenerate, as they did previously when we thought we had temporarily chopped them off, as in our previous recurring economic cycles of "slump-boom-slump".

The very *Dharma* that frees us from the *Wheel of Fate* of the inevitability of the consequences of our previous actions and lifestyles is learnt from our very experience of our problems on that very same *Wheel 0f Karma*, in this, for *crisis,* read *karma* and, for *transition* read *dharma*. In medical terms, *Crisis* is the illness, a warning that we are abusing our minds or bodies, for which *transition* is the remedy, a change to a more healthful diet and habits, together with the necessary healing medication. In my childhood and early youth, in a Northern English industrial coal-mining village, I was acutely away of the ironical juxtaposition of the landscape-and-lung destroying and river-poisoning industries with the dependence of most of my kith and kin for any economic survival and prosperity of our modern world of our community. Those minds and foundries now long closed, instead, we have social deprivation, depression and poverty – one crisis replacing another. Long before this Earth and man exploitative industry died, I wrote a paper, in 1975, for presentation to a seminar involving local community leaders and local government councillors, called *"Cooperative Urban Villages*, *economic and social alternatives to Industrial Monoculture especially in Mining Areas*" which outlined a possible transition to a diversified and self-sufficient community-controlled, sustainable living for all, that would be ready, on place, for when the mining and such industries collapsed.

People thought it was a lovely idea, but did not see the urgency as that crisis was unlikely to arise. I was no lover of deep or opencast coal mining; my favourite uncle had died of 'miner's lung', pneumoconiosis, aged 45. Around that time, massive river-flooding in the River Don valley, due to freak rains of the hills, pointed a finger to the fact that massive deforestation by 200 years of industry (charcoal for iron-smelting) had been a major contributor to the gravity of the floods, so I found myself, this time, more positively involved in a massive County Council re-afforestation scheme to plant 2 million trees, round the river-basin. The first example prompts the question, by the time the stimulating crisis has come, is it too late to start the remedial transition? The second suggests that maybe it is never too late, after all!

Some Further Thoughts and Observations: Freedom, Cooperation and Competition

Sharing and cooperation instead of private greed and competition has, now, become an ecological as well as a ideal moral and spiritual imperative if we, as the human race and the planetary creation whence we are inseparable are to survive and further evolve. In this respect, 'total freedom of choice' (Alistair Crowley, the Satanist, alias the Beast, 666, of the C19th – *"so as thou wilt shall be the whole of the Law"*) is a blinkered and egotistical delusion as dangerous as our neurotic obsession with the 'conquest of nature'. The only choices left, now, are between *life* and humility before the eternal Laws of Creation, of which are aware through our most advanced science and *death*, if we do not heed these laws. Of course, this is a 'freedom of choice' of a sort, as between killing each other if we chose to go to or acquiesce in war and all remaining alive if we cleave to the paths of peaceful conflict-resolution, something most of humanity appears to have learnt, excepting Afghan warlords and extremist fanatics on both sides in Israel-Palestine (ironical that Christ's teachings of love & forgiveness emanated thence!)

Most cultures, traditional and modern have been essentially peaceful but, unfortunately there have been and are amongst these those inevitable warrior cultures, including, till recent times, the heart of Europe itself (the root of *Ger-man* was *Wer/Guerre-man* or 'warrior man') and others one could name that by provoking wars through violations of the peace and rights of other cultures to remain true to themselves and not get involved in violence, got others involved in war in self-defence, a shunting-train effect that has blocked a total transition to World Peace. Now, happily for Europe, because of the trauma/crisis of World War II, Germany has gone through a total spiritual transition to become the *Green vanguard* of European civilisation. This has reduced our freedom choice between war and peace, as for my father, who has a follower of *Jesus Christ* was torn between his pacifist conscience and the manifest evil that was Hitler and so signed up for the merchant navy convoys rather than the Royal Navy, so that, even if he risked getting killed, he be less likely to have killed others, praying, all the way through five years of Hell that all men would heed God's voice and all become as true brothers & sisters, be transformed!

The challenge for our still needed transition, now, is for us to chose a Culture of Peace, universally, in spite of all such residual provocations from 'the still un-transformed'!

The Mass-Media – A Two-Edged Sword

The globalisation of our awareness seems, unfortunately, to have gone hand-in-hand with the mass-media subsuming, especially amongst the up-coming younger generation, so many localised traditional cultures and initiatives, centralising, to our detriment, political and economic power in this respect, yet, we have to acknowledge that, with so many billions of us on the Planet and only a short-time span available for the changes necessary to avert *Global catastrophe*, we need all the mass-media we

can have access to get our messages out, in time, to the mass of humanity. Must our needed Global transition be at the expense of these once integral local cultures, now in crisis through globalisation?

Think Global, Act Local!

It is by how each and all of us at our grass-roots local level and personal life-style choices act that the sum-total of all our many efforts worldwide will affect the major global changes we seek rather than by any grandiose (often failing) plans of Power-elites at International Conferences. It is down to each and everyone of us to reduce our energy consumption and bring into play those free-market *Laws 0f Supply according to demand,* in our favour rather than against us. The *Transition Towns* movement, started here in the UK emphasises such local community initiative –see the Website: www.transitiontowns.org .

This, of course, has to go hand-in-hand with reducing our dependence on centralised National grids by maximizing the electricity and gas we use from locally available and sustainable natural power sources such as wind, sun + water till rural areas could, even be using National Grids to reverse the current flow and export such power to cities with larger populations. I prepared an exploratory paper on this possibility for Cornwall, later in the 1970's but only a small minority of dedicated environmentalists took any interest. Now, 30 years later, energy crisis has finally awakened the once sleeping main-stream conventional establishment and such ideas are becoming the trend amongst big business. Is this again a case of all too many needing crisis to provoke transition? The technology to do so existed in the 1970's!

The Demographic Over-Population Problem, A Cultural-Spiritual Solution

It is a common observation that those men and women with the lowest cultural or religious expectations tend to

have the largest number of children being nearer to the basic animality of our species whence some of us have evolved more than others, love transcending lust. In Kerala, India, there is a low family average of two children per family because women enjoy a better education, so marrying late at 28 rather than 18, so having fewer children, while, in Britain, in run-down sink-estates, the rate of teenage pregnancies is soaring, especially in materialistic, atheistic cultures where "sex" is God. In Buddhist countries (as in Medieval Catholic Europe with its monastic movement) a significant section of the population chose a celibate, religious spiritual path of service to God and the Community over conventional family reproduction. The transcendent ideal does not have to be celibate, but could be cultural, educational or otherwise spiritual. What matters is the result as it lowers the birth-rate to a more sustainable level without the rigours of too much irksome State-compulsion, a carrot rather than a stick approach. Thus, while some legal State-control of population numbers may be the ecological imperative of our times and the 'stick' be unavoidable, we must seek, in the long term, to emphasise the carrot via education and transcend our primitive, psychological 'biological imperative." The more communal a society becomes, the easier it becomes to have one child per family as this, then, no longer implies an isolation of life-style and relationships such as are caused by current, competitive Capitalist privatisation!

The Existentialist Crucible

One of the main symptoms of a culture in crisis is an existential plunging of both our individual and collective lives into, sometimes auto-destructive, self-doubt and questioning of all of our previously safe assumptions, such as those of religious faith etc from a disintegration of older, fixed mental attitudes and values that is vital to their re-integration into a more advanced, progressive form.

Disillusionment (occasionally total nihilism) scepticism and cynicism, can go too far and lead to the destructive disintegration of the self and society (witness the high rate of mental illness in the most advanced Nations) or can precede the crystallisation of a newer, more vibrant being from the ashes of the old (so remaking ourselves and our lives. This is what happened with religion, in Western Europe, between the 1960's and '80's prior to the emergence of our *New Age* Vision from the 1990's onwards, ready for this *New Aquarian Millennium*. Unfortunately, during this limbo-like interim, *a dark night of the soul*, those going through its uncertainties and impressionable can be drawn into all kinds of dangerous paths that could be said to include Terrorist fanaticisms, life-destructive drugs or black magic, so essential to our transitions in crisis are detached and compassionate *non-interventionist*, but wise spiritual guides such as it was my own good fortune to encounter in my own, most confused and negative times!

Crises of Identities & The Phoenix Rising From Its Own Ashes

Human society is not only vertically fractured by conflicts between current State identities but divided in many directions at once by clashes between different competing kinds of identities, each demanding of the individual their primary allegiance, class, ethnicity, creed or ideology, hence some of the changes in hostility between the socialist internationalism pre World War 1 and the Nationalist Wars in World War 1 etc.. The only way to dissolve these crisis-perpetuating and self-multiplying complex fractures is the all-transcendent identity of ourselves as One humanity belonging to one Planetary Creation/Creator. This realisation is now coming clear to more and more of us because of the globalisation of the Planetary climate crisis whose issues transcend all the lesser issues of smaller clashes of identities. Thus crisis on a major scale can enable

the other needed transitions in other areas, and from such effect/causes can come our spiritual-ethical transition into one United Humanity at one with the greater Cosmic Creation. Can breakdowns and endings be the beginnings of something better? On whatever plane they take place, nervous, intellectual, emotional, social, technological, social or political, do we see them negatively as a death of what was, a sunset or, positively, the dawn of a newer life that is to come, a dawn? I have experienced this throughout my whole life on all levels of body, mind, soul and Spirit and so long as one stays centred in one's true, *Inner Self*, and retains intellectual control rather than allowing oneself to become the hapless victim of circumstances, one can be empowered to ride the waves of crisis, keeping faith in the infinite & eternal *Great Creator Spirit* to help guide in all needed transitions. The ongoing nature of the everlasting life-force is the cycle of *Birth-Death-Rebirth* of all its mortal and transient manifestations, in the microcosm as in the macrocosm, as in the material, as in the collective, likewise in the personal. There cannot be a birth without a 'death'! The crisis is the death, as 'death' always comes to us as a crisis, and the birth/rebirth is the transition, If old communities have died, we must create new ones. The theological straight-jackets of the last two millennia, of Piscean Age Christianity fall asunder, to herald in the transcendent, all-life embracing *New Age Cosmic Christ* of this opening *Age of Aquarius*. Did not Jesus have to do through the crisis of his crucifixion, so as to rise from the dead, as a transformed *Christ* to guide future centuries after three days of transition in the tomb?

I believe that my thoughts on these pressing themes are, now, more and more a question of more and more people expressing where we have been, where we are and where we would like to be instead, rather than just another abstracted academic library catalogue, as in the past when we had the luxury of analysis, without need for real action for change!

ГЛАВА IV.
КРИЗИС И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ДИСКУРСЕ ИСТОРИЧЕСКОГО И ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

CHAPTER IV.
CRISIS AND SOCIAL REFORMINGS IN DISCOURSE OF HISTORICAL AND PEDAGOGICAL KNOWLEDGE

С.В. Шошин (Россия) **S.V. Shoshin (Russia)**

ПРОБЛЕМЫ УВЕЛИЧЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ (МОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

PROBLEMS OF INCRESING THE VALUE OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA IN THE FORMATION OF CRISIS MANAGEMENT (THE MORAL ASPECT)

Modern Russia's higher education has the right to refrain from participating in work on developing measures to prevent the development of economic crisis. Such activities should be purposeful and regular. The country with the help of higher education where man first flew in space, as well - has achieved much more in science and technology, may not ignore the problems of reforming the economy and policy, demand for which is called modern economic realities.

Современное российское высшее образование не имеет права уклоняться от участия в работе по выработке мер, препятствующих развитию экономического кризиса. Подобная деятельность должна быть целенаправленной и регулярной. Страна, при помощи высшего образования которой человек впервые полетел в космос, а также достиг многого другого в науке и технике, не вправе оставлять без внимания проблемы реформирования экономики и политики, потребность в которых вызывается современными экономическими реалиями.

Одним из возможных направлений деятельности в рамках поиска путей выхода из экономического кризиса, затронувшего множество государств современного мира, может быть определено посредством внедрения нетрадиционных, инновационных технологий. В этом процессе актуально и значимо не только внедрение в практику

компьютерных программ и современных средств коммуникаций. Востребованными сегодня могут оказаться вопросы морали, нравственности, проблемы их соотношения с правом, экономикой. Указанная проблематика, будучи интегрированной в систему образовательных услуг высших учебных заведений современной РФ, вполне может результативно повлиять на ускорение процесса минимизации последствий экономического кризиса.

Например, в США извлечение сверхприбыли по закону РИКО является тяжким преступлением. Там это называется «акульим промыслом». В США юридические лица, так же как и физические, могут быть подвергнуты уголовной ответственности. В РФ законодатель категорически против установления уголовной ответственности в отношении юридических лиц. Действующий сегодня Уголовный кодекс РФ предусматривает уголовную ответственность, например, за уклонение от погашения кредита, как бы ни были велики процентные ставки за его использование.

Закон о борьбе с коррумпированными и находящимися под рэкетирским влиянием организациями (Racketeer-Influenced and Corrupt Organization Act) – был принят Конгрессом США в 1970 г.

Он предусматривает гражданско-правовую и уголовную ответственность за различные деяния, связанные с деятельностью преступных предприятий [2:890].

К деятельности, связанной с рэкетом, указанным законом относятся и деяния, регламентированные в его разделах 891-894 (связанные с грабительской ставкой процентов по кредитным сделкам).

В РФ целесообразно на законодательном уровне установление предельного уровня ставки процента за пользование денежными средствами. При превышении данного уровня процентной ставки необходимо установить уголовную ответственность (по аналогии с содержанием Закона РИКО в США).

В марте 2009 г. в официальном органе Ватикана «Osservatore Romano» появилась статья, в которой западные банки призывались внимательно изучить принципы исламской финансовой системы, чтобы вернуть доверие клиентов в период кризиса. Этические принципы, на которых основаны исламские финансы, могут помочь приблизить банки к клиентам и вдохнуть в них истинный дух, который должен присутствовать в любых финансовых услугах. [1:3; 8:3].

К подобной точке зрения, весьма неординарной по своему содержанию, можно обратиться и при решении экономических проблем, существующих в современной России. Это может оказаться актуальным и при новом взгляде на страховой рынок в РФ. Свойственный исламской финансовой системе отказ от допустимости извлечения неразумных прибылей при осуществлении деятельности по кредитованию сегодня необходимо, как минимум, обсуждать в обществе.

По мнению О.И. Шкаратан, с которым сложно не согласиться, Россия как бы осталась в советском времени и пространстве, если брать в основу анализа латентные характеристики и доминирующие социально-экономические структуры, хотя и позаимствовала в процессе постсоветской трансформации многие атрибуты частнособственнической экономики и демократической организации общества[5:25; 4:475].

Рудименты социалистического строительства (не всегда положительно оцениваемые) сегодня в достаточной степени представлены в экономике и праве РФ. В ряде случаев как непосредственное национальное законодательство, так и практика его применения на территории государства остались практически нетронутыми со времен застоя.

В частности, в оперативно-розыскной деятельности, в ее организации на территории Российской Федерации – до сих пор доминируют категории экономической и по-

литической мысли времен строительства развитого социализма. Это несложно обнаружить практически в любом из учебников по оперативно-розыскной деятельности, по теории оперативно-розыскной деятельности, изданных в России в последнее время [7:15].

В юридической литературе, изданной за последнее время на территории РФ по теории государства и права, по конституционному праву, по административному праву, равно как и в многочисленных диссертационных исследованиях вопрос о проявлениях неестественного монополизма в сфере государственных услуг, связанных с оперативно-розыскной деятельностью не нашел своего отражения. Похожая ситуация свойственна и отечественным изданиям по экономике.

В ч. 1 ст. 8 Конституции РФ, действующей сегодня, указывается, что в РФ гарантируется единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности. Ст. 34 (ч. 2) Конституции РФ гласит, что не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию. Продекларированные пожелания оказывается не в полной мере отражающим реальное положение вещей в современном российском государстве и обществе.

Ф.Х. Найт, задолго до сегодняшнего дня, весьма справедливо и обоснованно отмечал, что одной из наиболее важных предпосылок совершенной конкуренции является полное знание каждым из конкурирующих индивидов, имеющихся в его распоряжении возможностей товарообмена. «Совершенный рынок» предполагает совершенную, мгновенную и бесплатную коммуникацию между всеми торгующими сторонами [3:118]. Что касается производственных услуг, абстрактный денежный капитал действительно движется по высокоразвитым рынкам, но рынок труда, земли, реальных капиталов и

их использования оставляет широкое поле для «торговли с позиций силы» и случайных отклонений. Как организация производства, так и распределение товаров сильно отличаются от теоретически идеальных результатов [3:118].

В условиях современной российской действительности говорить о наличии какой-либо достаточной информационной (коммуникационной) составляющей бизнеса в сфере государственных услуг, связанных с осуществлением оперативно-розыскной деятельности, представляется несколько преждевременным. Здесь усматриваются весьма широкие перспективы для дальнейшего развития такой информационной (коммуникационной) компоненты.

Ведение какого-либо бизнеса в условиях информационного вакуума не является свидетельством наличия высокой квалификации у лиц, связанных с его реализацией. В сегодняшних условиях последовательного противодействия отдельным проявлениям коррупционной составляющей особого внимания заслуживает именно бесплатность как неотъемлемое свойство указанной выше информационной (коммуникационной) составляющей для подобного бизнеса. Снижение коррупционных рисков соответствующих проектов, несомненно, будет гарантировано надлежащим проведением экспертного исследования проектов предложений по совершенствованию законодательной базы и практики ее применения на предмет выявления степени подверженности проявлениям коррупционной составляющей.

Неестественный монополизм на рынке труда, обусловленный характером государственных услуг, связанных с оперативно-розыскной деятельностью является новой для отечественного законодательства и применения на практике категорией. Она, как и многие другие категории, связанные с антимонопольной деятельностью, заслуживает вниманию российского националь-

ного законодателя. Граждане, непосредственно занимающиеся предоставлением подобных государственных услуг, как правило, четко ограничены кругом возможных работодателей (мест потенциально возможной службы). С позиций положений преобладавшей в недалеком российском прошлом морали, не приветствовавшей изменение места службы (места работы), это выглядит как не привлекающее особого внимания обстоятельство. Сегодня, говоря о свободном труде (или – о потенциальной возможной свободе такого труда), следует обратить внимание на степень конституционности (и, соответственно – законности) подобного положения в сфере труда (службы) указанной категории граждан. Примеры таких исполнителей весьма представительны:

– лица, осуществляющие изготовление, хранение, размещение, использование, применение средств акустического контроля помещений;

– лица, осуществляющие деятельность, связанную с контролем телефонных переговоров;

– лица, осуществляющие деятельность, связанную с ведением криминалистических учетов;

– лица, осуществляющие деятельность, связанную с приобретением и обслуживанием (использованием) агентурных квартир;

– лица, связанные с реализацией некоторых организационно-финансовых мероприятий по защите прав свидетелей, а также их жизни и здоровья.

Весьма характерно для отечественной экономики, связанной с финансовой стороной оперативно-розыскной деятельности, наличие многочисленных проявлений неестественного монополизма в сфере образовательных услуг, оказываемых высшими и иными образовательными учреждениями. Особенно здесь отличаются высшие и иные учебные заведения, относящиеся к силовым министерствам и ведомствам [6:375-379]. Проявления неестественного монополизма свойственны как

процессу получения непосредственно высшего (среднего специального) образования, так и процессу повышения квалификации (как специалистов, так и руководящих работников (сотрудников)). Причем если процедуру получения высшего образования некоторые сотрудники (служащие) правоохранительных и иных силовых органов, связанные с реализацией оперативно-розыскной деятельности, проходят до поступления на службу (на работу) в указанные структуры, то процесс повышения квалификации таких лиц осуществляется в рамках их службы (работы) в этих структурах. Соответственно и финансирование данных достаточно регулярных и весьма затратных мероприятий осуществляется без учета требований о минимизации проявлений неестественного монополизма в сфере государственных услуг.

Неестественный монополизм в сфере привлечения в реальную экономику (в части, как минимум, общественных отношений, связанных с предоставлением государственных услуг, обусловленных оперативно-розыскной деятельностью) капиталов, имеющихся у хозяйствующих субъектов также возможно определить как новое для российской практики применения национального законодательства явление. Предполагая принятие реальных мер по привлечению в отечественную экономику капиталов, как предполагается, следует обратить внимание национальных законодателей и на столь специфический сегмент российского рынка. Привлечение крупных капиталов, осуществляемое кроме всего прочего на условиях практической невозможности без согласия получателя вывести из оборота, можно оценить как положительное решение вопроса наполнения бюджета. Это, несомненно, повысит стабильность и степень надлежащего исполнения российской бюджетной сферы экономики.

Аналогичная позиция возможна и применительно к использованию (с необходимыми оговорками) рынка земли (земельных участков, земельных ресурсов), ис-

пользуемых при предоставлении государственных услуг, связанных с оперативно-розыскной деятельностью. Учитывая, что в современном обществе появляется и крепнет мысль о наличии у земельных участков конкретно выраженной стоимости, следует активно использовать это обстоятельство и при анализе вопросов, связанных с финансированием оперативно-розыскной деятельности. Это потребует, как минимум, «перезагрузки» позиций многих должностных лиц, занимающихся принятием соответствующих властных и управленческих решений. Также актуальным здесь может оказаться изменение (корректировка) менталитета многочисленных сотрудников (работников) правоохранительных и иных силовых органов (структур), связанных с предоставлением государственных услуг по поводу оперативно-розыскной деятельности.

К неестественному монополизму при организации и производстве оперативно-розыскной деятельности может быть отнесена и деятельность по контролю телефонных и иных переговоров (акустическому контролю помещений), осуществляемая как в процессе оперативно-розыскной деятельности, так и при расследовании преступлений, а также и при судебном рассмотрении уголовных дел. В частности, неестественный монополизм выражается в специфике процесса финансирования приобретения специальной техники и оборудования, используемых при решении задач оперативно-розыскной деятельности. Проблемы организации финансирования криминалистических учетов сегодня также далеко не всегда избавлены от проявлений неестественного монополизма.

Специфика организации финансирования процессов подготовки и деятельности по реализации отдельных оперативно-розыскных мероприятий также в значительной степени сегодня в РФ оказывается в сфере действия проявлений неестественного монополизма.

Сегодня актуален неестественный монополизм при определении банковских организаций, обслуживающих счета, используемые при финансировании оперативно-розыскной деятельности. Похожие проблемы, как показывает практика, свойственны и процессу финансирования предварительного расследования. Также стал обычной практикой неестественный монополизм при определении поставщика транспортных услуг для перемещения задержанных и иных лиц, лишенных свободы передвижения. Специфика организации и производства финансирования деятельности, осуществляемой уполномоченными субъектами по обеспечению сохранности государственной тайны в процессе выявления, расследования и раскрытия преступлений и судебного рассмотрения сегодня не в полной мере избавилась от проявлений неестественного монополизма.

Неестественный монополизм в РФ проявляется и в организации и осуществлении деятельности, направленной на профилактику преступлений. Это, например, свойственно охранной деятельности, подготовке кадров для работы по профилактике, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Также неестественный монополизм проявляется и в определении банковских организаций, обслуживающих счета, используемые при финансировании производства деятельности, связанной с профилактикой преступлений.

Актуальным оказывается процесс анализа специфики организации и финансирования процесса использования достижений высоких технологий при профилактике преступлений в аспекте минимизации проявлений неестественного монополизма.

Неестественный монополизм свойственен процессу определения поставщика услуг ОСАГО (обязательного страхования гражданской ответственности владельцев средств автотранспорта) в отношении автомобилей, используемых при проведении оперативно-розыскной деятельности.

Аналогичное замечание относится и к процессу финансирования медицинского страхования сотрудников правоохранительных органов и специальных служб. Такое же замечание применимо и к процедуре страхования жизни и здоровья указанных лиц. В этом вопросе отсутствует какая-либо гласность. Хотя предоставление страховых услуг никто из авторов не отважится отнести к содержанию правоохранительной деятельности. Страховые услуги всегда во всех странах мира оставались в сфере интересов бизнеса. Соответственно в указанный сегмент страховых услуг и на обширной территории российского рынка необходимо внедрить конкуренцию, ибо к сфере действия естественной монополии сферу страхования (даже по действующему сегодня национальному законодательству) отнести не представляется возможным.

Другим проявлением неестественного монополизма в сфере деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, следует отметить неосуществление непосредственно самой процедуры организации тендера (конкурса) для определения победителя (исполнителя государственных заказов). При проведении тендера (конкурса) в целях выявления исполнителя государственного заказа для правоохранительной деятельности в сфере оперативно-розыскной деятельности должен применяться залог, банковские гарантии, либо – страхование исполнения договора. И в данном вопросе тендеры (конкурсы) – также не проводятся, гласность, соответственно, отсутствует полностью. Залог при проведении указанных тендеров (конкурсов), как правило, невозможен в принципе. Объясняется это тем обстоятельством, что непосредственно правоохранительный (или – иной силовой орган), осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, как правило, не является собственником какого-либо имущества, которое возможно было бы определить в качестве предмета залога. Оплата банковской гарантии также не совпа-

дает с целями финансирования из бюджета данного правоохранительного или иного силового органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Даже если и допустить возможность корректировки целей финансирования конкретного органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сам такой орган (непосредственно) предоставить банковскую гарантию (от своего имени) не может, так как не относится к банковским организациям. Если же такой орган, уполномоченный на производство оперативно-розыскной деятельности, пожелает предоставить банковскую гарантию от некоего банка, то в данном вопросе также должно быть производство тендера (конкурса), ибо процесс выдачи банковской гарантии – является возмездным. Наиболее вероятным в сложившейся ситуации предполагается вариант страхования исполнения договора. Здесь также необходима гласность, связанная с тендером (конкурсом). Сегодня такое страхование исполнения договора в России не практикуется (как минимум, в сфере отношений, связанных с реализацией оперативно-розыскной деятельности).

Очередным проявлением неестественного монополизма в оперативно-розыскной деятельности является осуществление технического обслуживания (сервис, ремонт) автомобилей, использующихся при решении задач, поставленных в процессе оперативно-розыскной деятельности. Учитывая значительное количество относительно дорогостоящих автомашин иностранного производства, используемых при решении задач оперативно-розыскной деятельности, следует соблюдать требования конкуренции как при выборе поставщика сервисных услуг (которые сами по себе не являются дешевыми, а требуются регулярно), так и при определении порядка заключения контрактов (конкурс, тендер). Аналогичная ситуация с наличием проявлений неестественного монополизма складывается и с процессом определения поставщи-

ков расходных материалов для автомашин, используемых при оперативно-розыскной деятельности. К таковым расходным материалам относятся: бензин, дизельное топливо, различные виды смазочных веществ и т.д.

Интересной представляется точка зрения по анализируемым вопросам Ф.Х. Найта, лауреата Нобелевской премии, основателя чикагской школы экономистов. В частности, Ф.Х. Найт указывал, что в первую очередь индивидуалистическая конкурентная система должна состоять из индивидов, свободно вступающих в договорные отношения. Фактически же довольно небольшая доля населения любой современной нации вступает в договорные отношения по собственной воле [3:116]. Этот «индивидуализм» на самом деле носит «семейный» характер. Все люди, от мала до велика, равно как и многие люди из других классов, включая в практических целях большинство взрослых женщин, живут в рамках социального статуса, определенного для них другими людьми. Семья по-прежнему является ячейкой производства и потребления. Вряд ли необходимо подчеркивать тот факт, что все аргументы в пользу свободных договорных отношений практически сводятся к нулю или приобретают противоположное значение, когда один человек договаривается от имени другого [3:116].

Сложные и весьма неоднозначные вопросы соотношения современного российского права, экономики, морали и нравственности должны найти надлежащее отражение в соответствующих учебных программах российских высших учебных заведений. Коррективы потребуются и применительно к учебно-методическим материалам отдельных курсов. Это возможно выделить в качестве приоритетов дальнейшего развития системы высшего образования в РФ. При помощи новых знаний станет возможным принять участие в выработке комплекса компетентности и осведомленности в соответствующих областях науки у современного выпускника.

Библиографический список

1. Беккин, Р. И. Исламские финансовые институты и инструменты в мусульманских и немусульманских странах: особенности и перспективы развития : автореф. дис. … д-ра экон. наук / Р. И. Бекин. – М.: ЦГиСИ УРАН ИА РАН, 2009.
2. Бернам, У. Правовая система США / У. Бернам. – М.: Новая юстиция, 2007. – Вып. 3.
3. Найт, Ф. Х. Этика конкуренции / Ф. Х. Найт. – М., 2009.
4. Филатов, Н. Н. «Идеологический дефицит» и теоретическая критика демократии в современной России / Н. Н. Филатов // Социально-правовые приоритеты социально-экономического развития России : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию СГУ им. Н. Г. Чернышевского (2-3 июля 2008 г.) / отв. ред. Ю. П. Суслов. – Саратов: Научная книга, 2009.
5. Шкаратан, О. И. К сравнительному анализу влияния цивилизационных различий на социальные процессы в посткоммунистическом мире / О. И. Шкаратан // Социологические исследования (СОЦИС). – 2007. – № 10.
6. Шошин, С. В. К вопросу о повышении конкурентоспособности российского высшего образования / С. В. Шошин // Развитие процесса интеграции высшего образования России на основе болонских принципов : материалы всероссийской научно-практической конференции. Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, экономический факультет; 26 ноября 2009 г. / ред. кол.: В. П. Колесов, Е. В. Егоров, Т. Б. Беляева, П. Н. Ломанов. – М.: МАКС Пресс, 2009.
7. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г. К. Синилова. – М.: ИНФРА-М, 2006.
8. Napoleoni, L. Dalla finanza islamica proposte e idee per l'Occidente in crisi / L. Napoleoni, C. Segre // L'Ossevatore Romano. – 2009. – 4 Mar. // http://rassegnastampa.mef.gov.it/mefnazionale /PDF/2009/2009-03-04/2009030412006886.pdf.

С.В. Бобрышов (Россия) **S.V. Bobrishov (Russia)**

КОНФЛИКТЫ КАК ПРОИЗВОДНОЕ И ОТРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА

CONFLICTS AS DERIVATIVE AND REFLECTION OF THE HUMAN FACTOR

The article considers social and anthropological bases of the psychological nature of interpersonal conflicts. The leading signals of the conflict fixed through revealing of specific characteristics of a mental condition and behaviour of the person, being in the conflict, are shown. The complex of individually-personal installations of subjects of the conflict determining models of its development, an opportunity of reconciliation of the sides and a choice of procedure of the sanction is certain. Possible variants of displays of conflicting person's individually-personal installations depending on constructibility of previous experience of their interaction are opened.

Конфликтологическая наука предлагает целый ряд весьма интересных и конструктивных подходов к пониманию конфликта как социального явления, а также его детерминационных оснований, к диагностике конфликтной ситуации в целом и отдельных её параметров. Представляется, что большинство из них могут быть определены через следующие исходные посылки, касающиеся понимания природы и роли тех или иных детерминаций в жизни и поведении человека; понимания сущности трудных, в частности, связанных с проблемой выбора, проблемой принятия того или иного решения ситуаций и их роли в развитии личности; понимания психологических закономерностей, предопределяющих то или иное психологическое состояние человека в конфликте:

- жизнь любого человека, осуществляющего свою деятельность не изолированно, а в сообществе с другими людьми, конфликтогенна по своей сути из-за природ-

ной (биологически и социально обусловленной) предрасположенности личности к конкуренции, борьбе, сопротивлению (с самим собой, с ближайшим окружением, с обществом), вызываемой сложной иерархией в структуре существующих у неё актуализированных или же пока ещё дремлющих мотиваций, их сложной, подчас не поддающейся прогнозу динамикой. То есть каждый человек волей или неволей, хочет он того или нет, понимает ли, сопротивляется ли он этому или же просто обреченно плывет по течению жизни, заряжен (и многократно подзаряжаем) многочисленными значимыми для него противоречиями как внешне детерминированного, так и самопорождающегося (в структуре самости личности) характера, является своеобразной конфликтогенной миной многоразового пользования (как замедленного, так и мгновенного действия), «нейтрализовать» которую в конфликтных ситуациях бывает чрезвычайно сложно, а порой и невозможно;

- в жизни человека, семьи и в целом общества не существует какой бы то ни было области, изначально предохраненной от противоречий, защищённой от возможности возникновения в ней конфликта. И чем более сложно организованным становится общество, тем более тонкие (читай – сложные) и многообразные противоречия и конфликты оно порождает;

- соперничество, конкуренция – это естественные формы поведения человека, ибо только через разноаспектное по своей сути преодоление (себя, окружающих, общества) происходит самопознание, саморазвитие личности и общества, осуществляется незримый, но обречённо неизбежный «естественный» (биологический и социальный) отбор. Без предварительного и текущего соперничества, как правило, невозможно и сотрудничество, ибо в основе последнего – способность, решимость признаться себе и окружающим, что другие тоже правы, умение предъявить друг другу и соотнести точки зрения,

взгляды, подходы, а также выработать взаимовыгодные пути их реализации;

- человеку свойственна спонтанная, чаще всего непреднамеренная обучаемость именно конкурентному поведению в конфликте. В силу объективной (часто усугубляемой и субъективными параметрами) личностной значимости любого человека в первую очередь для самого себя (значимости своих мыслей, идей, оценок, предрасположенностей, желаний и т.д.) люди часто изначально отказываются от точки зрения, что сами могут быть неправы, видят только одно решение конфликтной ситуации – партнер должен отказаться от своей позиции и принять их точку зрения, признав их правоту и свою неправоту или вину. Соответственно наиболее успешно и быстро человек овладевает деструктивными формами поведения. Используемые же соответствующие методы конкурентного взаимодействия (методы борьбы), не требующие, как правило, особой волевой регуляции, весьма часто поощряются окружением (а в отношении мальчиков, как правило, и воспитываются), что приводит к их устойчивому закреплению в поведении, стереотипизации;

- конфликты, в зависимости от конкретной ситуации, от личностных особенностей участвующих в ней партнеров, могут иметь как разрушительные последствия для личности и окружающего её общества, так и мощное развивающее влияние. В каком направлении будет сделан функциональный залп из орудия под названием «конфликт» (в конструктивном, созидающем, развивающем или же деструктивном, разрушающем, нивелирующем), во многом зависит от организационной культуры поведения человека в трудной ситуации, от владения соответствующими технологиями саморегуляции и взаимодействия, от сформировавшихся установок и культурных стереотипов;

- ведущим «драмотворящим» лейтмотивом любого конфликта является неизбежно встающая перед его

участниками необходимость сделать выбор (череду выборов). Неготовность, неумение, нежелание осуществлять осознанный, ответственный, грамотный выбор решения, особенно, когда выбор одной из альтернатив означает полный или частичный отказ от другой, порождает у партнеров по конфликту внутреннее смятение, психологическую разбалансированность, более или менее осознаваемый, так или иначе выраженный, более или менее сильный страх (это своеобразная конфликтофобия – страх перед конфликтами и проблемными, конфликтными ситуациями – в той или иной степени свойственна практически каждому человеку).

Известно, что конфликт, как в наиболее общем плане его принято обозначать, – это не просто столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, ролей, мнений, ценностей или взглядов участников социального взаимодействия, а реализация его субъектами острого по эмоциональной составляющей способа разрешения создавшегося противоречия, проявляющегося в целенаправленно осуществляемом и развиваемом противодействии друг другу. Для конфликта характерен особый вид межличностного взаимодействия – конфликтное взаимодействие, выражающееся в тех или иных стратегиях и тактиках поведения участников конфликта, направленных на достижение преследуемых ими целей. Данные стратегии (в классическом их проявлении – это борьба, уклонение, сотрудничество, приспособление, компромисс) в тех или иных вариациях их исполнения, как правило, придают специфическую окраску поведению, часто делая его совершенно несвойственным для данного человека. При этом оппоненты также начинают испытывать деструктивные психические состояния, в основе которых тревога, угроза, фрустрация и др. Соответственно обозначенным выше посылкам ведущими сигналами (симптомами) конфликта (в той или иной степени их проявления, зависящей от

застарелости, остроты конфликта, личностных особенностей оппонентов (темперамента, характера, а также таких качеств, как внушаемость, впечатлительность, подозрительность, ревнивость и др.), фиксируемыми через выявление специфических характеристик поведения и самоощущения личности, находящейся в конфликте, чаще всего оказываются:

- *переживание кризиса в отношениях* (разрыв когнитивных, эмоциональных и др. связей с партнером; демонстративная независимость в поведении, подчеркнутое нежелание замечать и обсуждать проблему, показ того, что «со всем этим я справлюсь и без тебя, к тому же мне не то что нехорошо, а даже просто замечательно»; постоянное, все время усиливающееся словесное несогласие оппонентов друг с другом; отсутствие открытого общения, его жесткая регламентация, доминирование закрытых позиций в общении; стремление к дистанцированности друг от друга, сохраняющееся и специально поддерживаемое оппонентами разделение во времени и (или) пространстве; сплетничание об оппоненте или его (её) друзьях, родственниках, а также подспудное желание получить о них негативную информацию, внутренняя готовность поддержать эту информацию (здесь доминируют такие социальные стереотипы и установки, как «дыма без огня не бывает», «люди зря говорить не будут» и т.д.); проявление подозрительности и недоверчивости по отношению к оппоненту);

- *психическая напряженность и дискомфорт* (подчеркнутая замкнутость и возбужденность; интуитивное ощущение, что что-то не так, хотя выразить его словами очень трудно; ощущение своей обиженности, «накручивание» себя по этому поводу, мнимое или реальное предчувствие потенциальной униженности, более или менее осознанное понимание того, что тебя ждут неприятности и др.; зацикливание на словах, жестах, поступках оппонента, которые «диагностируются» как не-

приятные, вызывающие, раздражающие, представляющие явную или скрытую угрозу; наличие разнообразных негативных образов и фантазий об оппоненте в период рефлексии конфликтной ситуации и моделирования последствий развития конфликтных отношений; формирующийся по отношению к оппоненту образ врага и соответствующая приоритетность выбора насильственных способов построения отношений и решения вопросов друг с другом; немотивированная вспыльчивость, озлобленность, ожесточенность и непримиримость в спорах, допускающая оскорбления друг друга, потерю контроля над эмоциями и т.д.; разбалансированность в мыслях, суждениях, оценках и прогнозах относительно всего того, что входит в предметную область конфликта; практически непрерывное беспокойство угнетающего характера, порождаемое предвзятыми мнениями и негативными установками на личность и поступки оппонента и на свою уязвимость);

- *наличие повторяющихся недоразумений* («искреннее» непонимание партнерами по взаимодействию «как такое могло произойти», «как с ними могли так поступить»; интуитивная склонность делать ложные выводы из ситуации, что порождается, в частности, недостаточно четким выражением мыслей или отсутствием взаимопонимания);

- *наличие постоянных инцидентов* (непринципиальных в содержательном плане и незначительных по внутренней напряженности, но достаточно эмоционально выраженных ситуаций противоречивого по своей сути взаимодействия (по тем или иным «мелочам»), несущих в себе зёрна конфликта. Как правило, вызывают временное волнение или раздражение. Через несколько дней мелочи и связанное с ними раздражение забываются, однако, непроизвольно накапливаясь, они могут образовать критическую массу и привести к эскалации очередной конфликтной ситуации, перерастанию её в широкомасштабный конфликт.

Вышеприведенные «сигналы» конфликта призваны диагностировать его с точки зрения развития от самых начальных фаз (то есть от предконфликта, фактически порой только интуитивно воспринимаемой трудной ситуации) до эскалированности на достаточно высоком уровне, когда осознание себя в качестве участника конфликта является ярко выраженным, требующим незамедлительного принятия тех или иных решений, осуществления конкретных действий, направленных на выход из конфликта. При этом указанные сигналы логично дополняют и развивают друг друга.

Практика показывает, что детальное понимание конфликта, видение модели его развития, выбор процедуры его разрешения, определение возможности примирения сторон предполагает также анализ сложившегося «багажа» отношений оппонентов. В зависимости от предшествующего опыта взаимоотношений в подобных и других трудных ситуациях, наличия в нём различной степени остроты разногласий, успешно или неуспешно разрешенных противоречий, застаревших обид, претензий и т.д. новая конфликтная ситуация воспринимается её субъектами исходя из ряда индивидуально сформировавшихся и порой очень специфически проявляемых установок. В наиболее общем плане эти установки и возможные варианты их проявления могут быть представлены следующим образом:

– восприятие конфликта с точки зрения его случайности или закономерности: а) этот конфликт абсолютная случайность, полное недоразумение и вообще не понятно, откуда он взялся; б) новый конфликт – это уже так привычно, и он вполне закономерен; в) а разве могло быть как-то иначе, этот конфликт совершенно естественен и был просто неизбежен;

– восприятие проблемы, лежащей в основе конфликта, как касающейся частного вопроса или затрагивающей всю палитру, все содержание взаимодействия:

а) данная проблема касается сугубо частного, отдельного вопроса взаимодействия и никак не влияет на общие отношения сторон; б) проблема настоящего конфликта уже давно вызревала, так как затрагивает ряд взаимосвязанных с ней спорных вопросов; в) данная проблема лишь верхушка айсберга из противоречий, которые существуют во взаимодействии и в отношениях субъектов конфликта;

– восприятие себя и оппонента в данном конфликте с точки зрения степени признания вины за возникшую проблему: а) в возникновении данного конфликта я сам во многом виноват, в первую очередь мне самому следовало бы быть более внимательным, уступчивым, не перетягивать одеяло на себя; б) согласен, что обе стороны виноваты, однако надо признать, что если уж я и виноват в какой-то там степени, то это ничто по сравнению с виной моего оппонента, в этой ситуации я вообще агнец по сравнению с ним; в) конфликт в очередной раз возник по инициативе и из за безапелляционной позиции моего оппонента, во всем случившемся в первую очередь виноват именно и только он, я просто жертва этого безумца, скряги, негодяя;

– восприятие возможности разрешения конфликта с точки зрения быстроты, легкости, объема затрачиваемых усилий: а) конфликт безусловно будет разрешен, причем быстро, без привлечения кого-либо со стороны; б) данный конфликт непрост, потребует многих усилий и немалого времени для различных согласований, но решить его в принципе можно, однако это во многом будет зависеть от того, как поведет себя оппонент, насколько будет корректен, признает ли, что был не прав, согласится ли, что должен отказаться от своих претензий и т.д.; в) этот конфликт не будет разрешен никогда, так как не может быть разрешен в принципе, ибо с «этим человеком» непросто ни о чем договориться невозможно, а и не нужно, так как бестолку, вредно и себе и окружающим дороже;

– восприятие возможности (необходимости) продолжения взаимодействия с оппонентом в ходе процедуры разрешения конфликта и по его завершении с точки зрения личностного принятия друг друга, интенсивности, направленности на решение проблемы: а) конфликт нашим отношениям не помеха, взаимодействовать будем как и раньше и даже еще плотнее и интенсивнее, пока не разрешим ситуацию; б) как дальше и по какому кругу вопросов я буду взаимодействовать с оппонентом, я пока не знаю, все будет зависеть от того, сможем ли мы преодолеть наши разногласия, будет ли он вести себя правильно и насколько «дорого» и «больно» мне все это станет. Пока же я буду держаться от него подальше, у меня сейчас нет желания, сил и возможности вести с ним диалог. Пусть вначале осознает, что он виновник проблемы, пусть покажет, что наши отношения ему небезразличны и что он готов признать, что был неправ; в) продолжать взаимодействовать с ним и выстраивать какие-либо отношения – себе дороже и себя не уважать. Каким я был глупцом, что вел с этим неблагодарным существом какие-то дела, и если он позволит себе выговорить мне что-либо, я ему все скажу, я всем покажу, какое это ничтожество и человеческая мразь.

Указанные выше сигналы конфликта и индивидуально-личностные установки субъектов конфликтной ситуации (безотносительно от степени их осознания каждой из конфликтующей сторон) значительно предопределяют выбор стратегий поведения в конфликте, уровень его стрессогенности, могут быть успешно использованы при изучении и описании конфликта в любой социальной ситуации, а также при принятии решения о процедуре разрешения конфликта и определении возможностей и объема усилий, требуемых для примирения сторон.

А.Г. Понятовская (Россия)

A.G. Ponjatovskaja (Russia)

БЕДНОСТЬ В РОССИИ: ПУТИ УМЕНЬШЕНИЯ

POVERTY IN RUSSIA: REDUCTION WAYS

The social support systems always a everywhere follow the main principle: it is necessary to take care of those who are unable to take care of themselves. Charity was originally one of the main functions of religions organizations. However, it has taken much time in order this principle has been perceived by the states. Nowadays, these is a trans-adaptation formation period of social policy and it's to new socio-economic, demographic realities in many countries, including Russia.

Социальная защита населения является неотъемлемой функцией любого социально ориентированного государства. Страны бывшего социалистического лагеря, включая СССР, имели соответствующую тогдашнему общественно-экономическому строю систему социальной защиты. Реформирование экономики в этих странах на основе либерализации всех сторон общественной жизни привело к обострению ситуации в социальной сфере и, прежде всего, по линии социальной защиты населения. Наряду с резким спадом общественного производства, существенным сокращением материально-финансовых ресурсов, направляемых на социальные нужды, это было обусловлено и неподготовленностью государств к проведению обоснованной социальной политики в условиях переходного периода.

Современный период развития общества характеризуется резким увеличением социальных проблем и усилением роли широкой общественности в поиске путей их решения. Изменяются социокультурные нормы общения и взаимодействия, трансформируются или отмирают устаревшие образцы, рождаются новые модели.

Переходный период в России сопровождается усилением неравенства в распределении доходов, поляризацией групп населения по их уровню, ростом числа бедных. Соотношение доходов 10% наиболее и наименее обеспеченного населения в России составляло в 1996 г. 12,6 раз, а доля населения России с доходом ниже прожиточного минимума была равна 22%. Степень бедности, определяемая долей бедных в общей численности населения, является важной характеристикой благосостояния населения и уровня эффективности государственной социальной политики.

Вставшие перед страной проблемы реформирования экономики обусловливают и необходимость реформирования с учетом сложившейся ситуации систем социальной защиты в направлении решения ранее практически не существовавших проблем.

Проблемы уровня жизни населения стран с переходной экономикой (богатства, бедности, распределения доходов) в настоящее время выступают наиболее важными социальными проблемами, своевременное разрешение которых не только способствует выживанию населения, но и более полному его включению в проводимые реформы, что позволяет уже самому процессу перехода придать социальную направленность и тем самым определить его конечные цели, – создание современных цивилизованных условий жизни для основной массы населения.

Бедностью можно назвать состояние материальной необеспеченности, когда гражданин (семья) не могут собственными силами обеспечивать общественно признанный стандарт потребления.

Пути снижения бедности – это целый **комплекс действий государства, имеющий отношение к различным сферам жизни**: занятость, доходы, образование, здоровье, быт, безопасность, правоспособность и пр. **Центром их является политика доходов в следующих направлениях:**

– повышение минимальной оплаты труда, определяющей минимальную цену труда, вначале до нормы, установленной в Трудовом кодексе РФ (прожиточного минимума), а затем до европейской нормы (60% от средней зарплаты); государственное регулирование роста минимума от роста средней;

– ликвидация существенного отставания в оплате труда интеллигенции, работников образования, здравоохранения, науки, сфер, где формируется человеческий капитал страны;

– расширение налоговых льгот для низкооплачиваемых; семей, имеющих детей, которые сейчас составляют большинство бедных, отмена налога с минимальной заработной платы, льготный налоговый режим для организаций, оказывающих социальные услуги;

– всесторонняя поддержка (правовая, экономическая, образовательная, инфраструктурная) малого бизнеса, личного подсобного хозяйства, ремесла, надомного труда, в том числе безработных, семей с маленькими детьми, пенсионеров, инвалидов;

– увеличение страховых пособий на детей хотя бы до уровня прожиточного минимума, полная оплата отпуска по беременности и родам, установление пособия по уходу за ребенком в зависимости от утраты заработка матери, увеличение пособия на рождение – до стоимости корзины новорожденного, введение страхового пособия на ребенка за счет работодателя (по европейскому опыту Франции, Италии и других стран), ограничение платы в учреждениях по социализации детей;

– повышение трудовой пенсии не ниже, чем до прожиточного минимума, пересмотр минимальной потребительской корзины пенсионера с учетом платности услуг (лечение, лекарства, проезд, жилье, уход и т.п.), увеличение дотаций на жилье путем корректировки стандарта бедности, дающего на нее право, изменение механизма индексации пенсий в связи уменьшением коэффициента возмещения пенсией заработной платы и снижени-

ем официального показателя инфляции;

– стимулирование социального участия бизнеса, льготы по налогам при осуществлении социальных программ на предприятиях в пользу работников и их семей, социальных договоров с местным самоуправлением.

Нетрудно заметить, что **предлагаемые меры решают не только вопросы бедности, но и другие национальные проблемы:** гендерное обеспечение равных прав и возможностей (феминная бедность, преимущественно низкие заработки в отраслях с женским составом, потеря заработка в связи с рождением ребенка), демографический кризис и депопуляция населения (снижение рождаемости, детская бедность и безнадзорность, снижение смертности бедных пожилых), улучшение качества населения (преодоление бедности образованных людей) и т.п. **Большая часть этих мер** связана с расходами бюджета и фондов социального страхования, особо важными для женщин («гендерный бюджет»), которые **позволяют, помимо всех прочих задач, решать проблемы усиления равенства мужчин и женщин.**

Но **главное – подобные меры ориентированы на то, чтобы не попасть в «ловушку бедности», крайне опасную для социальной политики, когда население выбирает поведение с установкой не на трудовую активность, в которой так нуждается страна, а получение пособия. Мировой опыт, даже богатых стран, свидетельствует о бесперспективности такого пути [1:167].**

В современном российском обществе одной из самых болевых точек продолжает оставаться совмещение женщинами профессиональной и материнской ролей – конфликт «работающей матери». Это ведет и к росту социального сиротства, беспризорности, нестабильной демографической обстановке и многим другим социальным проблемам.

Правительством Российской Федерации разрабатываются и реализуются государственные меры по преодолению бедности, предусматривающие снижение ее уровня в среднесрочном периоде, предупреждение ее возрастания и распространения, в том числе с использованием различных механизмов и подходов к конкретным социально-экономическим группам населения.

В целях уточнения методологии определения прожиточного минимума как критерия бедности в соответствии с законодательством в условиях реформирования социальной сферы осуществляется актуализация потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения с учетом практики экспертизы региональных потребительских корзин.

В основу реформ в сфере социальной поддержки населения положен принцип адресной направленности социальной помощи на основе проверки нуждаемости, сутью которой является сосредоточение государственных ресурсов на удовлетворении потребностей тех, кто наиболее в них нуждается.

Государственная социальная помощь должна оказываться только малообеспеченным семьям, чей совокупный доход ниже величины прожиточного минимума, и находящимся в тяжелой жизненной ситуации. В связи с этим требуют совершенствования процедуры обязательной проверки нуждаемости ее получателей, а также обязательности использования всех возможностей для самостоятельного преодоления тяжелой жизненной ситуации. Предусматривается постепенное введение контрактной системы, предусматривающей встречные обязательства клиента при получении помощи (трудоустройство, участие в общественных работах, в программах социально-психологической реабилитации и др.).

В последние годы увеличилась численность граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в комплексных мерах социальной поддерж-

ки (инвалиды, военнослужащие, принимавшие участие в боевых действиях, лица без определенного места жительства, граждане старшего поколения, безнадзорные и беспризорные дети) [2:64].

Целью государственной политики в отношении указанных категорий социально уязвимых граждан является создание условий для реализации и обеспечения им равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации и действующим законодательством. В частности, необходимо принятие мер по повышению социального статуса и уровня материального обеспечения военнослужащих, членов их семей, ветеранов Вооруженных сил Российской Федерации, созданию государственной системы медико-социальной и медико-психологической реабилитации участников боевых действий, жертв вооруженных конфликтов и чрезвычайных ситуаций.

Предполагается дальнейшее развитие программно-целевых и конкурсных механизмов финансирования деятельности по предоставлению населению социальных услуг с целью обеспечения равного доступа к государственному финансированию для государственных и негосударственных организаций, предоставляющих социальные услуги.

Разрабатываются общие требования к деятельности государственных, муниципальных, частных и иных учреждений, предоставляющих различные виды социальных услуг, на основе государственных стандартов социального обслуживания и системы оценки качества выполнения социальных программ; использовать наряду с государственным финансированием частные благотворительные средства; развивать самоокупаемость социальных услуг в сферах, где для этого существуют необходимые предпосылки [3:15].

В целях обеспечения эффективного управления процессами в социальной сфере будет продолжена работа

по комплексной информатизации социальной сферы, которая позволяет создать единую систему сбора, хранения и представления информации, характеризующей состояние социальной сферы Российской Федерации.

- Основными социальными проблемами в условиях кризиса остаются: высокий уровень бедности и дифференциация денежных доходов населения;
- неблагоприятная демографическая ситуация, характеризующаяся низким уровнем рождаемости, ожидаемой средней продолжительностью жизни, что приводит к демографическому старению, а также естественной убыли населения;
- широкое распространение льгот и компенсационных выплат без учета нуждаемости получателей;
- недофинансирование организаций социально-культурной сферы;
- острый дефицит бюджетных средств;
- недостаточность условий для самообеспечения трудоспособного населения;
- затратность функционирования всех социальных отраслей;
- высокий уровень государственных социальных гарантий, не подкрепленных реальным финансированием;
- несовершенство методики расчетов и использования показателя прожиточного минимума;
- сохранение неоправданных различий в формировании заработной платы по отраслям [4].

Библиографический список

1. *Гонтмахер, Е. Эволюция системы социальной поддержки населения / Е. Гонтмахер, В. Трубин // Общество и экономика. – 2000. – № 9-10.*
2. *Карелова, Г. Социальная защита: вчера, сегодня, завтра / Г. Карелова // Человек и труд. – 2001. – № 6.*

3. *Лескин, В., Шевцов А. Становление института социальных стандартов: федеральный, региональный и муниципальный аспекты / В. Лескин, А. Шевцов // Российский экономический журнал. – 2001. – № 3.*
4. *http://www.nasledie.ru/fin/6_3/6_3_4/8.html*

С.Н. Фоломеев (Россия) **S.N. Folomeev (Russia)**

ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА: РОССИЯ МЕЖДУ МОДЕРНИЗАЦИЕЙ И ФИЛОСОФИЕЙ НЕВЕЖЕСТВА

THE CHOICE PROBLEM : THE RUSSIAN FEDERATION BETWEEN THE MODERNIZATION AND PHILOSOPHY OF IGNORANCE

In article, leaning on the analysis of the Russian state system development, dominant tendencies of the society development are being examined, and stimulating motives which were in our country history with nonnumerous modernizations are being investigated, cooperation of the society and authorities in realization of planned decisions, the effectiveness of the changes, and also factors, which are lead to the building in economical and political life and interfere to develop country on the democratic way.

Данная проблема является весьма актуальной для современного российского общества. Таковой она, по-существу, стала с момента образования российского государства. Толковые словари трактуют невежество как отсутствие знаний, некультурность. В данной статье под философией невежества автор понимает политику власти в отношении подданных (граждан), направленную на поддержание в обществе атмосферы безусловной преданности правителю и его политике, вне зависимости от того, соответствует ли она их интересам, варьирующуюся в зависимости от времени, ситуации, формы правления, расклада политических сил, культуры общества и т.д., в диапазоне от жестоких репрессий до идеологического и информационного оболванивания населения, прямого подкупа избирателей и психологического давления на них.

Под модернизацией в социологии понимается процесс, посредством которого общество совершает пере-

ход от традиционных или доиндустриальных социальных и экономических структур к структурам, характерным для индустриального общества.

Философия формирования невежества в российском обществе восходит своими корнями как минимум к истокам российского государства (конец I тысячелетия н.э.). Именно в эту эпоху постепенно отмирал институт рабства в государствах западной и центральной Европы в силу его экономической неэффективности, замещаясь формированием товарно-денежных отношений в условиях становления и развития феодального общества. В связи с меняющимися экономическими отношениями философия формирования невежества в обществе не уходила совсем из политической практики власти, оставаясь важной составной частью господства власть предержащих над подданными. По мере развития феодализма и его трансформации в капиталистическое общество философия невежества видоизменялась и все более вытеснялась философией гуманизма и просвещения, органично сочетавшейся с ростками нового капиталистического общества, вызревавшими в недрах феодализма. Однако такие тенденции, более характерные для стран Европы и Соединенных Штатов Америки, не соответствовали политическим и экономическим традициям взаимоотношений власти и общества в российском государстве. Если на Западе институт рабства все более уступал свои позиции товарно-денежным отношениям, трансформируя в сторону прогрессивного развития и политические институты государства, то в России крепостничество, несмотря на его экономически неэффективные формы, продолжало укрепляться, выражая политическую волю господствующего класса, тормозя поступательное развитие страны. Этот процесс нашел отражение в развитии и укреплении абсолютизма в России, достигший своего апогея в годы царствования Петра I. Экономические отношения полностью соответствовали формам правления

в российском государстве. Попытки ограничить развитие крепостничества и его самых неприглядных форм, предпринимавшиеся отдельными представителями господствующего класса (Екатерина II, А.Н. Радищев, Александр I, декабристы и т.д.), наталкивались на мощное сопротивление дворянства. Периодически вспыхивавшие бунты, восстания и даже крестьянские войны жестоко подавлялись и лишь на короткое время ослабляли невыносимый рабский гнет. Примечательно, что даже в борьбу народа против социального угнетения очень часто вплетались вопросы восстановления справедливости по отношению к членам царствующей династии. Так Е.И. Пугачев не случайно выступил как Петр III – чудесно спасшийся царь. Среди простого народа ходили упорные слухи, что дворяне хотели погубить царя за то, что он намеревался дать свободу крепостным и облегчить положение других податных сословий. Обретение свободы необходимо было «узаконить» – получить её из рук царя, имеющего право на освобождение подданных. Вопреки логике и здравому смыслу невежественные массы ждали освобождения от своего главного угнетателя, выражавшего интересы господствующего класса. В соответствии с дошедшими до нас практически неизменными политическими традициями, замешанными на философии невежества, царь (вождь, генеральный секретарь, президент и т.д.) не несет ответственности за негативные процессы, протекающие в стране. Вся вина и ответственность падают либо на конкретных чиновников, либо на правительство, а белый фрак властителя остается безупречно белоснежным. Непонимание этой, казалось бы, очевидной для каждого, взаимосвязи дало возможность открыто «приватизировать» В.В. Путина конгломератом чиновников, использовать его рейтинг, созданный ими же, для дальнейшей реализации своих узкокорыстных интересов. Народу же в соответствии с изменившимися условиями, но неизменными политически-

ми традициями, было предложено свершившуюся за его спиной сделку одобрить.

Философия невежества, насаждаемая в обществе господствующим классом и предназначенная «подлым людям», не могла не затронуть и сам правящий класс. Если раньше для части дворянства не пустым звуком были понятия о чести, достоинстве, служении родине, то нынешнее российское чиновничество в значительной степени характеризуется иными чертами – лесть, подхалимство, угодничество, чинопочитание, хамство, дилетантизм и т.д. Именно они в значительной степени определяют карьерный рост и расположение начальства. Как показывают социологические исследования, в среде чиновничества существуют две стратегии достижения профессионального успеха: 1) эффективная профессиональная деятельность (17% опрошенных); эффективное общение и взаимодействие, использование и продвижение по службе неофициальной системы взаимоотношений (22% обследованных). 82% обследованных чиновников г. Москвы считают умение нравиться начальству одним из средств карьерного роста; 70% уверены, что карьеру обеспечит покровительство начальников. Лица с такой ориентацией могут выполнять социально-положительные функции, если их число не превышает 15-20% от общего числа работающих в системе [1:258]. Названные черты господствующего класса скорее характеризуют феодальное общество эпохи восточной деспотии, нежели капиталистическое общество, стремящееся к демократии. После 1917 г. произошла смена элиты и ее трансформация. Та трансляция философии невежества на простой народ дала свои плоды – новая советская элита, получив властные атрибуты, не могла так быстро изменить свой менталитет, и философия Шариковых стала достоянием как правящего класса, так и всего общества.

Если базис и надстройка в России в 1917 г. (по Марксу) претерпели революционные изменения, то основан-

ные на философии невежества сознание и мораль общества видоизменялись крайне медленно. Следует подчеркнуть, что продолжая традиции предшествующего времени, стремившаяся к захвату власти тем или иным путем подавляющая часть леворадикальной контрэлиты со времен Н.Г. Чернышевского и до 1917 г. не питала иллюзий в отношении самосознания простого народа, справедливо считая его стадом, которое послушно пойдет за своим вожаком. По существу философия невежества, традиционно транслировавшаяся на общество властью, осталась неизменной, изменив лишь свое идейное наполнение.

Определенную роль в формировании невежества, как это ни парадоксально, играло образование. Если в царское время образование для простого народа не выходило за пределы элементарных знаний и понимания провозглашенной графом С.С. Уваровым триады «православие, самодержавие, народность», то система образования советского периода сделала шаг вперед по сравнению с предшествовавшим периодом, ликвидировала неграмотность подавляющей части населения страны, в рамках дозволенного порой успешно решала научные проблемы. Но она же вместе с подконтрольными КПСС СМИ осуществляла трансляцию идеологических догм на граждан СССР, продолжая сложившуюся веками политическую традицию формирования из индивидов людей-винтиков.

Однако складывавшаяся десятилетиями в СССР философия духовного рабства, подвергшаяся серьезным испытаниям в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, стала разрушаться под влиянием сопоставления собственного социального опыта людей и дозированной информации о деяниях сталинского режима, представленной Н.С. Хрущевым на XX съезде КПСС, грозившей расколоть общество и поссорившей его со многими лидерами социалистических стран. Данный рискованный ход 1-й секретарь ЦК КПСС и часть партийно-хозяйственной бюрократии предприняли не для разру-

шения сложившейся командно-административной системы, переживавшей кризис, а для ее укрепления и легитимизации в глазах трудящихся, пострадавших от режима и устранения тех «неудобств», которые несла чиновникам созданная И.В. Сталиным система НКВД-МГБ. Убив сразу двух зайцев (получив поддержку значительных слоев общества, остальные – недовольные и индифферентные, как им и было предписано, молчали, освободившись от пристальной опеки органов), командно-бюрократическая система продолжила с некоторыми коррективами (поправки на «оттепель») трансляцию философии невежества на общество, выпалывая идеологические сорняки, жестко подавляя отдельные социальные протесты (Новочеркасск 1962 г., недовольство налогами в деревне и т.д.), сосредоточив внимание граждан на конфронтации с Западом и строительстве социалистического общества. Вне предписанных властью регуляторов социальная жизнь была невозможна.

Брежневский период характеризовался еще большим умственным оболваниванием населения, изъятием из оборота не прошедших цензуру произведений искусства, кино, литературы, воспеванием социалистических ценностей и устремлений, восхвалением «достижений» сталинского периода и реабилитацией И.В. Сталина. Все внимание советских людей официальная пропаганда сосредоточила на проблемах «холодной войны» и противодействии США, поддержке мирового революционного движения и антиимпериалистических требований стран третьего мира. Чем меньше достижений и больше провалов было во внутренней политике государства, тем большее внимание в официальной пропаганде уделялось внешней политике. Суть маневра власти заключалась в том, чтобы отвлечь внимание людей от нерешенных и нерешаемых проблем, вытеснив их из сознания граждан и подменив животрепещущие для них вопросы идеологическим угаром. Не очень веря в возмож-

ность построения коммунизма в сроки, обозначенные Программой КПСС, народ занял конформистские позиции, не выступал против курса партии, ценя достигнутое относительное благополучие и стабильность, памятуя о сложных временах в истории страны. Отказ власти от анализа тревожных тенденций, безусловная лояльность населения режиму и его лидерам, нежелание общества размышлять, куда идет страна, наложились на стагнацию экономики, падение доходов от продажи нефти за рубежом, на рост гонки вооружений, падение производительности труда и т.д. Попытки власти изменить ситуацию, ужесточив контроль над всеми сферами жизни общества в андроповский период, эффекта не возымели.

Перестроечный период и постперестроечная эпоха ознаменовались появлением надежд на изменения к лучшему и их крахом. Очередной период «оттепели» сменился наступившими «заморозками», отказом от немногих демократических достижений, укреплением вертикали власти и попранием прав человека.

Общество заплатило за это страшную цену: у нас нет эффективной политической элиты и контрэлиты; у нас практически нет профессионально подготовленных рабочих, развивающейся промышленности и независимых профсоюзов; разрушив крестьянство мы не сформировали фермерство как социальную группу, не обеспечили продовольственную безопасность страны; в стране, по-существу, отсутствуют рыночные отношения, конкуренция производителей, свобода предпринимательской деятельности; у нас нет современной профессиональной армии и профессиональной бюрократии; не внедряются эффективные методы управления; у нас нет реального разделения властей, их независимости друг от друга, рычагов против сползания власти к деспотизму; у нас нет института общественного мнения и его реального влияния на политику правительства; у нас нет равенства граждан перед законом и правового государ-

ства; у нас нет демократического избирательного законодательства, равного доступа политических партий и организаций к СМИ, в силу чего выборы превратились в фарс и т.д. Стабильность наблюдается только в отраслях, связанных с добычей, переработкой и транспортировкой за границу углеводородов, за счет высокой цены на которые и держится власть.

Однако данная ситуация не имеет никакого отношения к «мудрой политике» власти и отражает лишь конъюнктуру рынка на данный момент. Административная и пенсионная реформы, реформа среднего и высшего образования, реформирование сферы ЖКХ и медицинского обслуживания и т.д. провалены. В этом признались и сами их организаторы. Деньги, выделенные на их реализацию, потрачены непродуктивно или разворованы. Никто за это не ответил. На смену проваленным начинаниям выдвигаются новые оглушительные финансовоемкие проекты. Их назначение понятно – продемонстрировать ритуальные телодвижения власти по реформированию общества, отвлечь его внимание от нереализованных проектов, дилетантского руководства их осуществлением и исчезнувших средств, выделенных на их реализацию. Ни одно из ушедших в отставку правительств за последние почти два десятилетия лет не сделало попытки отчитаться в своей деятельности хотя бы перед лояльным парламентом, не говоря уже о народе, который вправе знать, как работали его слуги над преумножением национального достояния и повышением благосостояния граждан. Еще одним и главным итогом «реформирования» страны явилось положение личности в обществе, ее возможность реализовать себя. Результат неутешителен – 70% населения страны (в том числе и ее интеллектуальный потенциал) живут у черты, либо за чертой бедности, не имея шансов на улучшение своего положения.

Другой, не менее значимой тенденцией в развитии российской государственности, реже проявляющейся и

менее влияющей на развитие страны и общества, является стремление к модернизации. Как показывает российская история, эта тенденция почти всегда выступала как ответная реакция на чрезвычайные обстоятельства, либо непосредственно угрожавшие России потерей суверенитета (гражданская война и военная интервенция – НЭП, индустриализация, коллективизация и т.д.), либо показавшие её чрезвычайную политическую и экономическую отсталость от других развитых стран, также грозившие ей потерей национальной самостоятельности и изоляцией от решения значимых для неё внешнеполитических вопросов (отсталость допетровской Руси; крепостное право и последствия Крымской войны – реформы Петра I; реформы 60-70- гг. XIX в.).

Как отмечают исследователи, « своевременными реформами Петр превратил Россию из пассивного объекта в активный субъект европейской политики, в великую континентальную державу с мощной армией и боеспособным флотом, в страну, где началось бурное развитие светской культуры и науки… Но даже в стремлении европеизировать свою страну Петр не был до конца последовательным. Нередко он ограничивался заимствованием формы, оставляя в неизменности, а то и консервируя в новых формах сущность извечного порядка вещей в России. В то время как Западная Европа быстрыми темпами эволюционировала от абсолютизма к представительной демократии, Россия, управляемая Петром, за четверть века превратилась в жестко централизованное, абсолютистское государство, где подавляющая масса населения по-прежнему не имела ни собственности, ни даже элементарной личной свободы. Петра заботили прежде всего интересы российского самодержавия, которое он совершено искренне отождествлял с национальными интересами России… Следует признать, что петровские реформы во многом носили поверхностный характер, затронув лишь верхний слой российского об-

щества и оставив в неприкосновенности вековые устои, по которым жила подавляющая масса русских. Именно при Петре возник тот идейный разрыв между наскоро европеизированной верхушкой и всем остальным обществом, придерживавшимся старых ценностей и мыслившим привычными категориями» [2:90,93].

К сожалению, наследники Петра I во многом бесцельно и бездумно разбазарили созданное им, и следующая попытка модернизации страны пришлась уже на царствование Александра II. Освобождение крепостных крестьян, судебная реформа, организация земского самоуправления, военная реформа, реформа образования и т.д. при всей их непоследовательности превратили страну в динамичное, быстро развивающееся государство. П.П. Черкасов и Д.В. Чернышевский считают, что « в эпоху великих реформ 1856-1866 гг. просвещенная бюрократия в правящих кругах ещё нашла в себе силы заключить союз с либеральной интеллигенцией, обеспечивший успех преобразований. Но лидерство в этом союзе уже принадлежало не власти, а её контрагентам, формировавшим общественное мнение и в своих проектах предварявшим правительственные решения… Изменение социального облика русской интеллигенции, пополняемой получившими высшее образование разночинцами, подорвало базу общественного союза с государством… «Красный террор» революционеров расколол реформистский блок, воспрепятствовал созданию представительного правления в России и в конце концов привел к гибели царя-реформатора. Поляризация социальных сил резко ограничила возможности дальнейшего эволюционного развития страны и закрепила тенденцию к росту политической напряженности в незавершенной конструкции новой России» [2:325,336,337]. Трудно согласиться с умозаключениями исследователей о том, что в разрыве «союза власти и образованного общества» виновата разночинная интеллигенция. Власть стреми-

лась реализовать нужные России, но, тем не менее, половинчатые, компромиссные реформы, отвечавшие в большинстве своем интересам самодержавия, помещиков и связанной с ними буржуазии. Разночинная же интеллигенция высказывалась за более глубокие буржуазные преобразования, чем те, что проводило самодержавие, выступала за буржуазную конституцию и её свободы. Узость социальной базы реформ, их компромиссный характер, отсутствие поддержки других слоев населения и возможности влияния на принимаемые решения обусловили стремление радикалов оказать давление на власть. Все это в конечном итоге и привело к свертыванию проводимых преобразований.

Перед сталинской модернизацией 20-30-х гг. XX в. стояла задача преодоления технической отсталости СССР от развитых капиталистических стран, потенциально угрожавших её национальной безопасности. Осуществлявшаяся волюнтаристскими методами, опиравшаяся на государственную сверхэксплуатацию всего населения и его идеологическое оболванивание, определившая главным источником её финансирования ограбление сельского хозяйства, сталинская модернизация, несмотря на срыв намеченных опережающих темпов развития и невыполнение заданий пятилетних планов, тем не менее в кратчайшие сроки, ценой огромных потерь и издержек, чудовищного нарушения прав граждан подвела индустриальную базу под развитие народного хозяйства страны, ухудшив и без того нелегкое положение трудящихся, ещё более укрепив режим личной власти И.В. Сталина.

Призыв Президента РФ Д.А. Медведева к необходимости проведения модернизации страны в определенной степени совпадает с обстоятельствами предшествующих попыток модернизаций России: он прозвучал не только в условиях продолжающегося системного кризиса, охватившего страну после развала СССР, но и в си-

туации масштабного мирового экономического кризиса, последовавшего сразу же после восьмилетия «тучных» путинских лет. То, что Россия с её отсталой и монокультурной экономикой тяжелее других стран «двадцатки» переживает кризис, ещё раз говорит в пользу того, что модернизация необходима. К кому обращён призыв Президента РФ Д.А. Медведева? К россиянам, находящимся в кабале у государства и частных лиц, не защищенных существующими законами, подавляющая часть которых лишена права иметь и высказывать своё мнение относительно процессов, идущих в стране, влиять на политику правительства? К мелкому и среднему бизнесу, интеллигенции, потенциально составляющим основу среднего класса, опору модернизации, брошенных государством на произвол судьбы, но постоянно упоминаемых власть предержащими в популистских заявлениях, когда речь идет о финансовоёмких проектах, якобы осуществляемых с целью поддержки вышеназванных социальных групп? К неимоверно расплодившемуся чиновничеству, совместно с представителями силовых структур ставших новым господствующим классом, видящим свою главную цель в сохранении и приумножении благоприятных условий для коррупции и злоупотреблений властью? Может быть его призыв обращён к узкому, но влиятельному слою олигархов, распоряжающихся национальными природными богатствами и, прежде всего, углеводородами, цена которых на мировых рынках и собственное положение «при дворе» вполне устраивают последних? Так, где же социальная база и механизм реализации озвученной властью модернизации? Или это очередной отвлекающий маневр, один из тех, которые власть предпринимает ради предупреждения социального взрыва? Данная модернизация предполагается как комплексное преобразование государства и общества, включая и его политическую сферу? Ни на один из указанных вопросов власть не дает ответа.

Названы лишь главные вехи и тенденции развития российского общества и государства. Они неутешительны, закономерны и являются следствием господства над обществом деспотической власти на всем протяжении существования российского государства (включая и кратковременные периоды «оттепелей»), трансляции на общество философии невежества, сформировавшей у подданных (граждан) поведенческую философию раба, послушного орудия в руках господствующего класса. Бациллы философии невежества, которые транслирует на общество власть, ведут к дегенеративным процессам и в господствующем классе. После октября 1917 г. был прерван отбор лучших представителей различных слоёв общества, формировавший её элиту, прекратилась её селекция. В подавляющем большинстве она стала формироваться из представителей социальных низов, не обладающих глубокими и всесторонними знаниями, опытом управления, не связанных в своей деятельности моральными принципами и т.д. Условия тоталитарного режима не предусматривали отбора лучших из лучших, нужны были покорные и исполнительные. Следует ли удивляться тому, что в постперестроечную эпоху у руля оказались далеко не лучшие представители контрэлиты, частично рекрутированные из бывшей номенклатуры и криминальной среды. Они оказались не в состоянии осознать всю глубину и значимость проходивших общественных процессов, свою ответственность перед обществом за неумелое руководство и даже преступные действия. Освободившая себя от необходимости искать эффективные методы управления обществом, от поиска решений выражающих интересы различных общественных слоев, политическая элита преследует только собственные интересы, используя выгоды и привилегии, которые дает им власть, попирая существующие законы. С одной стороны – рабство, невежество, покорность, с другой – полное попрание интересов личности, вседозволенность

и безнаказанность формируют атмосферу застоя, неуверенности и даже обреченности, апатии, переходящей на определенном этапе в жажду отмщения, ведущей к социальным беспорядкам и революциям, результатом коих является опять-таки не освобождение личности, а произвол над нею, разрушение производительных сил страны. Выход из создавшейся ситуации – развитие личности, удовлетворение ее интересов и потребностей, поиск гармонии в отношениях общественных групп и развитие демократических процессов в обществе.

Библиографический список

1. *Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / под ред. д-ра филос. наук. Е. И. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.*
2. *Черкасов, П. П. История императорской России. От Пера Великого до Николая II: монография / П. П. Черкасов, Д. В. Чернышевский. – М.: Междунар. отношения, 1994.*

О.Н. Посвятенко (Россия) O.N. Posvyatenko (Russia)

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА С ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ И НЕОБХОДИМОСТЬ РАДИКАЛЬНОГО ПЕРЕСМОТРА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ ЕЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ

EDUCATIONAL WORK AMONG THE TSARIST RUSSIA MILITARY MEN AND THE NECESSITY OF A RADICAL REVISION OF ITS CONCEPTUAL FOUNDATIONS BY THE SOVIET POWER

The accumulated historical experience, including the pre-revolutionary, Soviet, post-Soviet historiographies, as well as Russian History abroad, let to conclude: a historical tradition of educational work among the military men developed in the Russian empire armed forces. Naturally there are no armies in the world, which would not have done educational work among its officers and soldiers. And there is one more fundamental fact: the history of our Homeland is the history of the Power at war.

Научно доказано, что традиция – универсальная форма фиксации, закрепления и избирательного сохранения тех или иных элементов социокультурного опыта, а также универсальный механизм его передачи, обеспечивающий устойчивую историко-генетическую преемственность в социокультурных процессах. Традиция служит важным фактором регуляции жизнедеятельности людей, составляет основу воспитания. Она складывается на основе тех форм деятельности, которые неоднократно подтвердили свою общественную значимость и личностную пользу. С изменением социальной ситуации развития той или иной общности традиция может разрушаться, трансформироваться и замещаться новой [1].

Накопленный исторический опыт, обобщенный в дореволюционной [2], советской [3], постсоветской историографии, а также и в исторической науке русского зарубежья [4], позволяет заключить: в вооруженных силах Российской империи сложилась историческая традиция проведения воспитательной работы с военнослужащими. Все закономерно: нет в мире армий, учит военная история, в которых бы не проводилась воспитательная работа с личным составом. Но здесь следует присовокупить еще одно принципиальное обстоятельство: история нашего Отечества – история воюющей державы. Генезис и эволюция российской государственности непосредственно связаны с войной. В такой ситуации властные структуры предметно занимались укреплением вооруженных сил.

Одним из таких магистральных направлений здесь стала (особенно с момента создания регулярных вооруженных сил в период военных реформ Петра I) воспитательная работа, которая имела целью позитивное воздействие на процесс укрепления морального духа армии. Отечественная военная история дает огромное количество свидетельств беспримерного героизма наших далеких и не столь далеких предков, а также и современников, на ниве вооруженной защиты Отечества [5]. Следовательно, россиянам было органически присуще чувство патриотизма как высшего проявления любви к Родине [6]. Сформировалась идеологема святости дела защиты Родины от врагов, и она стала на многие столетия одной из существенных доминант в менталитете россиян. Представляется принципиальной такая констатация: историческая традиция целенаправленной воспитательной работы в армии нашей страны до 1917 г. функционировала и как самостоятельная, и как органическая часть боевых традиций отечественных вооруженных сил – верность военной присяге и воинскому долгу; преданность Родине, мужество и героизм при ее за-

щите; войсковое товарищество; уважение командиров и начальников и их защита в бою и др. И все традиции имеют глубокие исторические корни. Они, зародившись в Древнерусском государстве, прошли сложный эволюционный путь [7].

Петр I, создав регулярную русскую армию, заложил основы воспитательной работы в ней. Она была направлена на «внушение страха Божьего», формирование у военнослужащих высоких морально-боевых и психологических качеств, способных обеспечить успех в бою; патриотического отношения к выполнению святого воинского долга по защите Родины, верности трону, присяге и идеалам церкви. Самое пристально внимание в данной связи уделялось всемерному укреплению воинской дисциплины. Утверждалась теория и практика опоры в воспитательной работе на обеспечение сознательного выполнения военнослужащими воинского долга по защите Отечества. Но все это уживалось с муштрой и телесными наказаниями. После же смерти Петра Великого солдат перестает быть «государственным человеком», его подвергают унижениям и жестоким наказаниям уже не по суду, а по прихотям начальства. Среди мер воспитательного характера полное преобладание получают методы физического наказания и, особенно (вопреки петровским запретам) за нерадивость и непонятливость в обучении.

Петровская эпоха знаменательна и тем, что в России появляется такой институт, как офицерский корпус в классическом понимании данного термина. С этого времени он стал объектом обучения и воспитания силами органов государственной власти и военного управления. Общее направление нравственного воспитания офицерства основывалось на «любви к Богу, на благоговении к постановлениям Святой Его Церкви, на сыновней преданности Престолу, на бескорыстной любви к Отечеству, на душевном сознании долга семейного и обще-

ственного, военного и гражданского, и на современном состоянии наук в просвещенном мире». Однако в обучении и воспитании будущих офицеров появились негативные тенденции, обусловленные пренебрежительным отношением военных властей к науке. Первый начальник военной академии, а впоследствии военный министр – полуграмотный генерал Сухозонет говорил: «Наука в военном деле не более, как пуговица к мундиру ... без науки побеждать возможно». Это заявление вполне соответствовало установкам императора Николая I, который любил повторять: «Мне не нужно ученых голов, мне нужны верноподданные»… Отчетливо проявилось стремление господствующих кругов насаждать в офицерской среде дух покорности и раболепия. Так, Николай I подчеркивал, что отличительными признаками офицера являются «кротость, согласие и беспрекословное повиновение властям...» [8]. Подобные противоречия во многом обусловливались тем, что Российская империя обрекала себя в условиях консервации крепостного права на хроническую отсталость. Отсюда и такие изъяны в военно-профессиональном облике офицерского корпуса, как малограмотность, культ кулачной расправы как универсального средства обучения и воспитания подчиненных. И такие офицеры внесли весомый вклад в позорное поражение политического режима самодержавия в Крымской войне (1853 – 1856 гг.).

Во второй половине XIX в. – начале XX в. историческая традиция воспитательной работы в армии императорской России эволюционировала под воздействием следующих исторических феноменов: либеральные реформы Александра II и, в особенности, военная реформа Д.А. Милютина; рост революционного движения и политика контрреформ; Русско-турецкая война (1877 – 1878 гг.) и Русско-японская война (194 – 1905 гг.); Первая русская революция (1905 – 1907 гг.); военная реформа (1905 – 1912 гг.). Неизгладимый отпечаток нало-

жило на рассматриваемую традицию то, что Российская империя входила в полосу общенационального кризиса, начавшегося в годы Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.) и логично приведшего к революции 1917 г.

Нельзя не отметить и роль в укреплении исторической традиции воспитательной в царской армии Русской православной церкви. Она во многом была детерминирована особенным отношением православия к воинской профессии: ни одно сословие российского общества не было окружено таким почетом, как военные, именующиеся «христолюбивыми воинами»; официальная церковная идеология сравнивала их с христианскими подвижниками, сравнивая армейский быт с монашеским [9]. Другая предпосылка активного участия РПЦ в воспитательной работе в армии – значительное число верующих в Российской империи (в 1878 г. – 69% населения). В этот период в губерниях России насчитывалось 30721 православных приходов. Из них: 516 соборов и 30205 церквей [10]. К концу XIX в. просматривается устойчивая тенденция к увеличению числа верующих и количества православных приходов. РПЦ была тем институтом, который обеспечивал формирование духовно-нравственной мотивации воинского служения. Религиозный дух буквально пронизывал всю жизнь русского воинства. В приписных свидетельствах указание о вероисповедании делало излишним указание о национальности военнослужащего [11].

В содержании воспитательной работы, проводимой РПЦ в армии, можно выделить формирование нравственного облика воина, беззаветно преданного Престолу и Отечеству. В массу военнослужащих внедрялась идея самоотречения, готовности не щадить своей жизни ради ближнего и святой веры. Подчеркивалась преемственность профессии защитника Отечества от древнерусских богатырей (богатырство на Руси было одним из видов церковного служения и состояло, прежде всего, в защи-

те религиозных ценностей) [12]. В таком же патетическом духе самодержавие юридически закрепляло патриотические ценности в качестве основных нравственных ориентиров: «Защита престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного» [13].

Если вести речь об объекте воспитательной работы в армии, то необходимо подчеркнуть следующее принципиальное обстоятельство. В коллективном портрете русского солдата конца XIX – начала XX в., имелись следующие черты: терпимость к «иноплеменным и иноверным, свойственная русскому человеку более, нежели другим»; солдатская смекалка; быстрая адаптация к суровым условиям армейского быта, к самым сложным и трудным обстоятельствам походной и боевой жизни. Можно сделать вывод, что русский солдат «был храбр, сметлив, чрезвычайно вынослив, крайне неприхотлив и вполне дисциплинирован... Покуда волны революции не смели и саму дисциплину, и саму армию». Но такой солдат черпался из призывного контингента, отличавшегося исключительно низким уровнем грамотности. Во второй половине XIX в. только 10% могли считаться грамотными (умели читать и писать) [14]. Накануне Первой мировой войны Российская империя замыкала по уровню грамотности список европейских государств [15].

Следует подчеркнуть то, что отношения офицеров с солдатами складывались сложно и неоднозначно. Нельзя сбрасывать со счетов того факта, что на практике передовые офицеры пытались воспитывать у военнослужащих стремление к сознательному соблюдению норм военной присяги и воинской дисциплины. По справедливой оценке В.И. Ленина, офицерство было лишено тесной связи с солдатами и не пользовалось у них доверием. Этому способствовало то, что в войсках по-прежнему были широко распространенными такие явления, как рукоприкладство по отношению к нижним чинам, коим так страстно возмущался такой крупный военный педа-

гог, как генерал М.И. Драгомиров, грубость и хамство командования по отношению к обер-офицерам [2]. Нельзя здесь не учитывать и того, что военно-учебные заведения Российской империи не уделяли должного внимания такой проблеме, как подготовка будущих офицеров в качестве субъектов воспитательной работы. Их не вооружали элементарными военно-педагогическими знаниями, навыками, умениями. Как это ни парадоксально, но юнкерам не преподавалась такая важная дисциплина, как военная психология и педагогика. В итоге, они не получали элементарных навыков работы с людьми, на что обращали внимание передовые офицеры того времени.

Все это не способствовало тому, чтобы историческая традиция воспитательной работы в армии раскрывала на полную мощь свой позитивный потенциал. Но самый серьезный удар по ней нанесло то, что в годы Первой мировой войны началось разложение армии, которое отличалось небывалым масштабом: к началу 1917 г. из 10.800.000 человек около 1 500 000 дезертировало. То есть более 10% (!) списочного состава. А в ходе революции 1917 г. разложение армии приняло обвальный характер: армия все больше теряла боеспособность, превращалась в толпу людей при оружии.

Таким образом, имелись рассмотренные выше факторы, детерминировавшие историческую необходимость политического воспитания военнослужащих Красной армии в хронологических рамках, указанных выше. Все они находились в диалектическом единстве. Перед советской властью и правившей в нашей стране компартией рельефно вырисовалась теоретическая задача – разработка концептуальных основ политического воспитания военнослужащих Красной армии.

Главный их разработчик – основатель Советского государства и признанный лидер РКП (б) в исследуемом периоде – В.И. Ленин. Внесли также здесь свой вклад и другие крупные руководители РКП (б) и Советского го-

сударства – Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, М.В. Фрунзе, а также военачальники и военно-политические работники – М.Н. Тухачевский, С.И. Гусев и др. Анализ концептуальных основ политического воспитания военнослужащих Красной армии представляется целесообразным предварить следующим замечаниями методологического характера.

Во-первых, до революции 1917 г. В.И. Ленин хорошо изучил теоретическое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса, позиционировал себя их преемником, творчески развивая многие положения своих учителей. Более того, он не просто изучил наследие К. Маркса и Ф. Энгельса, но и выступал бескомпромиссным борцом против «извращений марксизма» [16]. Но у В.И. Ленина сложилось четкое конфронтационное сознание в плане противостояния буржуазной и коммунистической идеологий [17]. Отсюда и вытекают жесткие сущность и содержание классового подхода к оценке событий и явлений. Они эволюционируют (причем исключительно быстро) в культ классовой ненависти.

Во-вторых, В.И. Ленин еще до 1917 г. уяснил значимость целевого политического воздействия на массы. Он писал: «Только агитация в состоянии показать в широком масштабе действительное настроение масс, только агитация создает тесное взаимодействие между партией и всем рабочим классом» [18]. В.И. Ленин был также вооружен и пониманием значимости политического влияния именно на личный состав армии. Он полагал, что необходимо обратить самое серьезное внимание на пропаганду и агитацию среди солдат и офицеров, на создание «военных организаций», входящих в нашу партию». Здесь он исходил из своего же положения, выдвинутого им в 1905 г.: «Армия не может и не должна быть нейтральной. Не втягивать армию в политику – это лозунг лицемерных слуг буржуазии и царизма, которые на деле всегда втягивали армию в реакционную политику» [19].

В-третьих, ленинский прагматизм нашел свое отражение и в оценке необходимости усиления влияния на красноармейскую массу в плане политического воспитания ее в условиях эскалации Гражданской войны. Чем глубже замышлялись преобразования в процессе формирования новой государственности, тем более жесткой становилась необходимость убедить в этом «новые и новые миллионы и десятки миллионов».

Аксиоматично то, что осознание значимости проблемы – необходимый, но только первый шаг к ее разрешению. В.И. Ленину, его соратникам из высшего руководства Советского государства пришлось вырабатывать концептуальные основы политического воспитания военнослужащих Красной армии не в академических аудиториях, а в годы Гражданской войны, которой свойственна перманентная эскалация и неимоверная жестокость. Это была война братоубийственная, во многом не имеющая аналогов в истории мировых цивилизаций. Она принесла огромные потери нашему Отечеству. Последствия Гражданской войны имеют долгосрочный характер. Поэтому вышеупомянутые разрабатываемые концептуальные основы отличалось оригинальностью.

Анализ показывает, что В.И. Ленин разрабатывал концептуальные основы политического воспитания военнослужащих Красной армии в комплексе с разработкой других крупных проблем: военное строительство как составная часть формирования новой российской государственности и, в особенности, теоретическое обоснование значимости партийно-политической работы в Красной армии и выработка основ ее организации; дальнейшее развитие теории мировой революции; диалектика патриотизма и интернационализма; общие проблемы просветительной деятельности в стране; теоретическое обоснование усиления значимости крепости морального духа соединений и частей и, особенно, крепкой воинской дисциплины и правопорядка для дости-

жения победы над противником в Гражданской войне и первые мирные годы, и обозначение контуров практической деятельности в данной сфере; обоснование новой экономической политики и концепции дальнейшего построения социализма.

Анализ источников и литературы позволяет выделить главные составляющие концептуальных основ политического воспитания военнослужащих Красной армии в первые годы советской власти:

1. Особое акцентирование внимания на необходимости формирования у красноармейцев классового сознания. «Работа военного обучения и воспитания Красной Армии, – говорилось в Программе РКП (б), принятой VIII съездом, – совершается на основе классового сплочения и социалистического просвещения». И одно из магистральных направлений здесь – внедрение настойчивой систематической агитации. Причем В.И. Ленин предлагал терпеливо, по-товарищески разъяснять сущность происходящих политических событий, взывать к чувствам, учиться подходить к самым неразвитым красноармейцам, чтобы самым понятным языком объяснить положение Советской Республики, помочь им в трудную минуту устранить всякое колебание. Под влиянием таких установок I Всероссийский съезд политработников Красной армии (декабрь 1919 г.) в специальной резолюции «О принципах политико-просветительной работы в армии» записал: «Все области политико-просветительных работ путем ли слова или художественных образов должны явиться углублением политической агитации».

2. Обоснована необходимость развертывания воспитательной работы, наряду с агитацией и политической пропаганды, призванной вооружить красноармейцев углубленными политическим знаниями. Не случайно на совещании представителей IX Всероссийской партийной конференции (сентябрь 1920 г.) в докладе С.А. Анучкина, выступившего по поручению ПУРа РККА, под-

черкивалась необходимость стройной системы агитации и пропаганды. Данная работа «должна быть едина для всех частей и учреждений Красной армии и флота, в смысле внутреннего содержания этой работы и ее методики». Причем следовало переходить от простых форм к более сложным.

3. Утверждение единства политической и культурно-просветительной работы с акцентом на том, что культурно-просветительная работа носит исключительно политический характер (данная позиция была выработана на I Всероссийском съезде политработников в декабре 1919 г.).

4. Выделение в сфере политического воспитания военнослужащих РККА культурно-просветительной работы, призванной специфическими эмоциональными средствами воздействовать на умы и сердца красноармейцев в духе воспитания у них классовой политической сознательности. Вся культурно-просветительная работа должна носить исключительно целенаправленный классовый характер. В процессе ее проведения следовало воспитывать красноармейцев как сознательных борцов за дело рабочих и крестьян, развивать у них чувство гражданского долга, товарищества, дисциплины, понимания политики советской власти. Культурно-просветительная работа призвана помогать бойцам и командирам повышать грамотность, научиться разумно и с пользой проводить свободное время. Так, в «Схеме организации культурно-просветительного дела в красноармейских частях, находящихся на фронте», утвержденной Всероссийским бюро военных комиссаров 12 декабря 1918 г., подчеркивалась необходимость «пропитать всю клубную организацию революционным коммунистическим духом, и тогда всякий пришедший сюда за знаниями, отдыхом или развлечением неощутимо для самого себя будет пропитываться светлым и бодрым мировоззрением».

5. Выдвинуто требование обеспечения непрерывности, оперативности и гибкости в сфере политического воспитания военнослужащих учета происходящих событий, сложившейся обстановки и умения своевременной смены вектора просветительного воздействия. Так, в 1919 г. В.И. Ленин писал, что необходимо «не ограничиваться обычными приемами агитации…, а развивать агитацию группами… среди красноармейцев». А в проанализированной выше резолюции I Всероссийского съезда политработников Красной армии «О принципах политико-просветительной работы в армии» отмечалось, что все области политико-просветительной работы должны быть строго приспособленными к боевым задачам Красной Армии».

Библиографический список

1. *Более подробно см., напр.: Человек и культурно-историческая традиция. – Тверь, 1991; Традиции и исторический процесс. – М., 1994; Eisenstadt, S. N. Tradition, Change, and Modernitry / S. N. Eisenstadt. – N.Y. ets., 1973; и др.*
2. *См., напр.: Драгомиров, М. И. Одиннадцать лет. Сборник оригинальных и переводных статей. М. И. Драгомирова за 1895-1905 гг. : в 2 кн. / М. И. Драгомиров. – СПб., 1904; Головин, Н. Н. Высшая военная школа / Н. Н. Головин. – СПб., 1908.*
3. *См., напр.: Русская военно-теоретическая мысль XIX – начала XX века / под ред. Л. Г. Бескровного. – М.: Воениздат, 1960; Зайончковский, П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX вв., 1881 – 1903 / П. А. Зайончковский. – М., 1973; и др.*
4. *См., напр.: Керсновский, А. А. История русской армии : в 4 т. / А. А. Керсновский. – М., 1994; Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооружённой силы. – М.: ВУ, 1997; и др.*

5. См., напр.: Былины / под ред. В. И. Чечерова. – М., 1957; Воинские повести Древней Руси / под ред. В. П. Андреевой - Перетц. – М.; Л., 1949; Керсновский, А. А. История русской армии : в 4 т. / А. А. Керсновский. – М., 1992 – 1994.
6. Хрестоматия по русской военной истории. – М., 1947; Воскресни Русь: О патриотизме, достоинстве русского человека и православном понимании войны / ред.-сост. А. Добросоцких. – М., 2000; и др.
7. Боле подробно см., напр.: О долге и чести воинской в Российской армии : собрание материалов, документов и статей. – М., 1991; Боевые традиции Вооруженных Сил. Символы воинской чести / под ред. А. В. Воронина. – М., 2001; Гражданином быть обязан: Об истории Российского государства и его Вооруженных Силах, традициях, морально-психологических и правовых основах военной службы / под ред. С. Н. Эрлика, В. Н. Иванова, В. В. Марущенко. – М., 1999; Духовное наследие российской армии: история и современность; и др.
8. Цит. по: Савельев, А. И. Исторический очерк инженерного управления в России за время царствования императора Николая I / А. И. Савельев. – СПб., 1896. – С. 228.
9. См.: Соколов, И. Почему русские воины именуются христолюбивыми / И. Соколов // Вестн. воен. духовенства. – 1904. – № 21. – С. 651.
10. См.: На пути к свободе совести. – М., 1989. – С. 136.
11. См.: Устав о воинской повинности. – СПб., 1904. – С. 99.
12. Иоанн. Торжество Православия / отец Иоанн // Наш современник. – 1993. – № 4. – С. 9.
13. Свод основных законов Российской империи. – СПб., 1906. – Разд. 1. – Ст. 70.
14. Котков, В. М. Культурно-просветительная деятельность государства в Русской Армии (вторая половина XIX – начало XX в.) / В. М. Котков // http://www.pobeda.ru/jml /content/vieu/146/21/, свободный. – Загл. с экрана.
15. См.: Рашин, А. Г. Население России за 100 лет / А. Г. Рашин. – М., 1956. – С. 295.

16. Например, еще в 1910 г., осуждая теорию о том, что необходимо создать «чистую пролетарскую культуру», он писал, что фразами о пролетарской культуре прикрывают борьбу с марксизмом» (Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Т. 19. – С. 251).

17. В советский период истории нашего Отечества стали в данной связи хрестоматийными, лозунговыми мысли В.И. Ленина о том, что середины здесь быть не должно, ибо «всякое умаление социалистической идеологии есть превышение буржуазной» (см.: Ленин, В. И. Что делать? / В. И. Ленин. – М., 1976. – С. 2).

18. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Т. 17. – С. 283.

19. Там же. – Т. 6. – С. 129.

И.В. Захарова (Россия) **I.V. Zakharova (Russia)**

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЫНКА УСЛУГ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

PROBLEMS AND PROSPECTS MARKET SERVICES ADDITIONAL EDUCATION

Education in Russia is financed mainly from the budgets of all levels. In a situation of financial crisis budget deficits could cause cutbacks of reduction funding in education. This is especially true for those educational services, which are already in place mechanisms for the commercial self-financing. Markets of additional education (AE) in all regions of Russia have the commercial and noncommercial segments. The article presents the results of monitoring the market of AE the Ulyanovsk. Identified trends are characteristic of most regions of our country and may be of interest to specialists, who study the management of the public sector.

Образование является социальным благом смешенного типа, то есть удовлетворяет и общественные, и индивидуальные потребности. Финансирование образования в России происходит, главным образом, из бюджетов всех уровней. Это связано со значимостью человеческих ресурсов для инновационного развития страны, а также с низкой платёжеспособностью населения. Основа финансирования отечественного образования – это региональные бюджеты, которые приняты на 2010 г. с дефицитом (исключения – Самарская область и Ямало-Ненецкий АО). В бюджет Волгоградской области заложен дефицит 28%, Татарстана – 24,2%, Пермского края – 22,6%, даже Москва будет иметь дефицит бюджета 12,6%, а дефицит суммарного бюджета регионов-доноров (без Ленинградской и Тюменской областей) в 2010 г. составит 11,1% [6]. В этой ситуации есть риск сокращения расходов на социальную сферу, в том чис-

ле на образование. Можно ожидать, что в первую очередь сокращение бюджетных ассигнований коснётся тех сегментов рынка образования, где сформировались коммерческие отношения. Таким является и сегмент услуг дополнительного образования (ДО). Для его развития в сегодняшних условиях необходимо *сочетание административного регулирования и маркетингового управления* [2:41-42].

Мониторинг рынка дополнительного образования

В отраслях экономики, где сформированы коммерческие отношения, потребительские предпочтения характеризует само движение цен на товары или услуги: при увеличении спроса цены имеют тенденцию к повышению, а спад интереса потребителей отражается на снижении цен. В общественном секторе выявление предпочтений потребителей возможно только косвенным путём, через анализ *общественного выбора*. Это делает необходимым маркетинговый анализ потребительских предпочтений, чтобы своевременно модифицировать предлагаемые социальные услуги.

Нами проведён мониторинг потребительских предпочтений на рынке ДО г. Ульяновска (октябрь-декабрь 2009 г.). Инфраструктура ДО г. Ульяновска – это 9 спортивных школ, 4 центра детского технического творчества, 3 детских центра экологической направленности, 7 учреждений творческой направленности, 4 организации профессиональной направленности. Мониторинг включал интервью с руководителями учреждений ДО (27 чел.), анкетирование школьников, которые занимаются в этих учреждениях (853 чел.), и телефонный опрос родителей кружковцев (1503 чел.). В состав выборки были включены дети, которые занимаются в системе ДО различное количество времени (первый год, от 1 до 3 лет, более 3 лет), представители всех учреждений ДО г. Ульяновска. Опрос родителей проводился на осно-

ве индивидуальных данных, предоставленных образовательными учреждениями.

До исследования было невозможно рассчитать объём выборки относительно генеральной совокупности, поскольку состав детей, занимающихся в учреждениях ДО, не постоянный. Содержание этого типа образовательных услуг не предполагает обязательств со стороны их потребителей, и любой коллектив имеет «ядро» из детей, которые занимаются регулярно, долю тех, кто приходит на занятия от случая к случаю, и долю тех, кто формально числится в списках учреждения ДО, но перестал его посещать. Бюджетное финансирование учреждений ДО не учитывает фактическое количество занимающихся детей. На рынке услуг ДО нельзя применить принцип нормативного бюджетного финансирования – «деньги следуют за учеником». Это затрудняет обоснование достаточного бюджетного финансирования данного сегмента рынка образовательных услуг.

Одной из задач мониторинга было выявить возможности оказания учреждениями ДО услуг на коммерческой основе. Опрос показал, что у учреждений ДО г. Ульяновска минимум таких возможностей (табл. 1). Только 72,24% родителей готовы оплачивать занятия детей в учреждениях ДО, 24,5% согласны на оплату услуг ДО в пределах 500 р. в месяц, 13,8% – от 100 до 300 р., 12,6% – до 1000 р., 5,9% – менее 100 р. в месяц.

Таблица 1

Готовность родителей оплачивать услуги ДО

Ответы родителей	Σ	%
Всего ответов	1321	100
Готовы оплачивать услуги ДО	911	72,24
Не готовы оплачивать услуги ДО	350	27,76

За какие услуги ДО родители готовы платить:		
– спорт, здоровье	69	5,5
– школьные предметы	204	16,2
– подготовительные курсы в ВУЗ	99	7,8
– профессиональное образование	36	2,8
– ПК	8	0,6
– иностранный язык	101	8
– музыка	42	3,3
– танцы	104	8,2
Какую сумму ежемесячной оплаты услуг ДО родители считают приемлемой:		
– менее 100 р.	62	4,9
– 100 – 300 р.	174	13,8
– до 500 р.	314	24,9
– до 1000 р.	159	12,6
– до 2000 р.	55	4,4
– до 5000 р.	21	1,7
– любая сумма	26	2,1

Большинство родителей отождествляют дополнительное образование с углублённым изучением школьных предметов, с подготовительными курсами в вуз, с репетиторством. Такие услуги, связанные с будущей профессиональной подготовкой, готовы оплачивать 26,8% родителей. Для сравнения: оплачивать обучение иностранным языкам готовы 8% родителей; занятия хореографией – 8,2%; занятия спортом – 5,5%; занятия ребёнка музыкой – 3,3%; обучение работе на ПК – 0,6%. В программе мониторинга была выдвинута гипотеза, что если занятия ребёнка в учреждении ДО близки его предполагаемой профессии, родители скорее готовы оплачивать эти занятия. Но перекрёстный анализ данных показал, что готовность платить за ДО связана только с покупательской способностью семьи.

Экономическая систуация в регионе

Ульяновск относится к территориям с невысоким уровнем жизни. В последние годы доходы ульяновцев растут, хотя и отстают от темпов инфляции. Так, среднемесячная зарплата в 2008 г. была 10 631 р. (127% по от-

ношению к 2007 г.), в 2009 г. – 11 383 р. Среднемесячные доходы населения в 2008 г. были 9502 р., в 2009 г. – 9743 р. Но реально располагаемые доходы в минувшем году составили 94,5% от 2008 г. Данные тенденции показывают невысокую платёжеспособность ульяновцев как потребителей социальных услуг, в том числе услуг ДО.

Вместе с тем, развитие инфраструктуры ДО в г.Ульяновске необходимо, предпосылкой чему являются позитивные демографические тенденции. После длительного демографического спада в 2008 г. число родившихся в расчёте на 1000 чел. увеличилось на 10,8%, а миграционная убыль сократилась на 30,9%. За 10 месяцев 2009 г. в сравнении с аналогичным периодом 2008 г. число родившихся больше на 4,9% (10 399 чел.).

Учреждения ДО не имеют возможности расширять деятельность ни за счёт коммерческих услуг, ни за счёт общественных пожертвований (попечительские советы в большинстве из них отсутствуют). Возможности бюджетного финансирования системы ДО г. Ульяновска снижаются, что связано с кризисными тенденциями в экономике региона.

В 2009 г. индекс промышленного производства в Ульяновской области составил 69,1% (в целом по РФ – 86,7%), хотя производство пищевых продуктов было 101,4% от минувшего года (в РФ – 98,2%), а индекс продукции сельского хозяйства – 101,7%. Темп роста инвестиций – 95,4%, или 33,3 млрд. р. Оборот розничной торговли за десять месяцев 2009 г. был 72387,2 млн. р., или 90,7% от этого же периода 2008 г. В структуре расходов потребителей покупка товаров и оплата услуг составляет 79%, а 51,4% оборота розничной торговли – это продовольствие. Индекс потребительских цен на конец 2009 г. по сравнению с декабрём 2008 г. – 106,6%. Цены на продовольственные товары выросли на 3,1%, на непродовольственные товары – на 8,2%, платные услуги подорожали на 11,2% [5]. Эти проявления кризи-

са подталкивают учреждения ДО к самостоятельной рыночной активности.

Пути развития системы дополнительного образования

Управление образованием в нашей стране исторически осуществляется административными органами. После принятия в 1992 г. ФЗ «Об образовании» развиваются коммерческие образовательные услуги, а административное управление сочетается с рыночным регулированием. Поэтому в образовании рационально применять *маркетинговый менеджмент* – процесс планирования и осуществления программ, предназначенных для влияния на поведение целевой аудитории путём инициирования и поддержания выгодных обменов с целью удовлетворения индивидуальных и организационных потребностей [3:73], и добавим – удовлетворение общественных потребностей, поскольку это социально значимые услуги.

Маркетинговое управление образованием должно строиться по принципам, учитывающим специфику этого социального сектора экономики [1:19]. В сегменте *коммерческих услуг* системы ДО территории наиболее значимы: принцип сочетания экономической эффективности и социальной справедливости и принцип сбалансированности личных, общественных и государственных интересов. Чтобы учреждение ДО работало с положительным финансовым результатом, его коммерческое предложение должно точно соответствовать трём параметрам внешней среды: содержание потребительских запросов, платёжеспособность потребителей данных услуг, конкурентоспособность цены на предлагаемые услуги относительно других субъектов рынка. Такой баланс обеспечивают инструменты классического маркетинга, применяемые во всех сферах общественного производства. Для *некоммерческого сегмента* системы ДО более значимы:

принцип взаимосвязи субсидиарности и индивидуальной ответственности организации и принцип государственной и общественной поддержки субъектов, которые не способны самостоятельно финансировать своё участие в процессах на рынке образования. Это касается и организаций, чья деятельность имеет социальную значимость, но не может приносить дохода, и потребителей, не способных оплачивать услуги образования.

Как было обосновано выше, система ДО имеет мало возможностей для расширения коммерческих услуг. Наиболее распространёнными формами некоммерческого маркетинга в этой сфере являются *периодические публикации* об учреждениях ДО в прессе и связи с другими СМИ, публичные мероприятия (концерты, показательные выступления, выставки работ кружковцев), *контакты с предприятиями и организациями*, чей профиль близок к содержанию деятельности учреждения ДО.

Некоммерческие организации всего мира используют *фандрейзинг* – методику поиска источников финансирования, которая объединяет два процесса – привлечения и аккумулирования внешних средств. Фандрейзинг может осуществляться двумя путями – проектным и оперативным. В первом случае привлекается спонсорская помощь под конкретные программы или проекты. Это считается более предпочтительным и для самой организации, и для её спонсоров, так как есть чёткие цели финансирования и возможны коммерческие выгоды от него. Оперативный фандрейзинг предполагает аккумулирование привлечённых средств в текущем бюджете и их расходовании на заработную плату, на покрытие коммунальных и материальных расходов, что снижает заинтересованность вкладчиков [4:89-90]. Чем больше социальное влияние организации, тем больше у неё возможности для получения спонсорской помощи, грантов, субсидий.

Перечисленные методы некоммерческого маркетинга позволяют организации улучшить свои конкурент-

ные позиции на рынке. Вместе с тем, и сотрудничество учреждений ДО может иметь финансовый результат, поскольку они составляют единую систему ДО территории, объединены общим административным управлением, имеют общие стандарты деятельности и непосредственные личные контакты, между ними возможен *бартерный менеджмент* – обмен услугами на некоммерческой основе. Во всех регионах России можно выделить пять типов учреждений ДО, которые могут обмениваться традиционными для себя услугами:

– учреждения ДО творческого направления – услуги художников, дизайнеров, услуги музыкантов для презентаций;

– учреждения ДО технического направления – оформление и обслуживание сайтов учреждений ДО;

– учреждения ДО экологического направления – услуги фотографии, изготовление печатной продукции на имеющемся оборудовании;

– спортивно-оздоровительные учреждения – услуги доставки рекламных материалов;

– учреждения ДО профессионального направления – изготовление и монтаж промо-оборудования (стенды, подставки, полки).

Возможности развития дополнительного образования

Содержание деятельности и специфика оснащения учреждений ДО накладывают ряд ограничений на возможности их рыночной активности. Наименьшие возможности развития инфраструктуры у спортивных школ: они предполагают узкий профиль работы (боевые искусства, гимнастика, лыжный спорт, лёгкая атлетика), эта работа требует специального оснащения, помещения и оборудование рассчитаны на ограниченное число спортсменов. Кроме того, для большинства учреждений ДО характерно, что дети занимаются одновременно

в нескольких кружках, а при занятии спортом это фактически невозможно. Небольшие возможности расширения ассортимента образовательных услуг у учреждений экологической и технической направленности. Последние, к тому же, требуют дорогостоящего оборудования и особо высокой профессиональной подготовки педагогов. Для этой группы учреждений ДО расширение услуг прямо связано с привлечением инвестиций, грантов или спонсорской помощи. Наибольшие возможности адаптировать ассортимент предлагаемых услуг под нужды потребителей – у учреждений ДО творческой направленности. Они чутко реагируют на изменение запросов: например, сокращается число желающих заниматься бальными танцами, но растёт увлечение восточными танцами, занятия макраме уступают место «школам моделей» и «школам визажистов». Для данных учреждений не нужны большие средства на оборудование, а занятия на коммерческой основе приемлемы для потребителей. Перспективный сегмент – учреждения ДО профессиональной направленности. Они имеют хорошую материальную базу, тесный контакт и со школами, и с профессиональными образовательными учреждениями. Это обеспечивает их и постоянным контингентом потребителей, и поддержкой спонсоров.

Рыночное развитие учреждения ДО зависит и от субъективных факторов. Руководители, участвовавшие в мониторинге, указали на три основные формы маркетинговых коммуникаций своих учреждений: реклама – 69,2% ответов, индивидуальная работа в школах – 61,5%, публичные мероприятия – 53,8% (участие в публичных мероприятиях можно рассматривать как промо-акции учреждений ДО). Только один руководитель назвал средством формирования потребительского спроса сайт ОУ. Мониторинг показал, что только 5 из 27 учреждений ведут активную маркетинговую деятельность. Треть учреждений имеют средний уровень маркетинговой активно-

сти, 37% – эпизодическую активность. Мало руководителей стремятся к самостоятельности. 53,8% утверждают, что для расширения деятельности им необходимо дополнительное оснащение, 46,1% – дополнительное финансирование из бюджета, 34,6% – расширение площадей, 19,2% – дополнительные ставки. Из 26 руководителей только один указал, что развитие зависит от педагогов ОУ, и один – от помощи спонсоров. Эти данные характеризуют субъективные факторы рыночного поведения учреждений ДО г.Ульяновска, возможно, в других регионах картина иная. Но бесспорным является факт, что развитие системы образования в современной экономической ситуации должно сочетать принципы административного регулирования и маркетингового менеджмента.

Именно с таким дуалистичным управлением связаны возможности развития социальных отраслей экономики.

Библиографический список

1. *Жильцов, Е. Н. Экономика социальных отраслей сферы услуг : учебное пособие / Е. Н. Жильцов, В. Н. Казаков. – М.: Эконом. факультет МГУ; ТЭИС, 2007. – 288 с.*
2. *Захарова, И. В. Маркетинг образовательных услуг / И. В. Захарова. – Ульяновск: УлГТУ, 2008. – 172 с.*
3. *Котлер, Ф. Стратегический маркетинг некоммерческих организаций / Ф. Котлер, А. Р. Андреасен. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 854 с.*
4. *Шекова, Е. Л. Экономика и менеджмент некоммерческих организаций / Е. Л. Шекова. – СПб.: Лань, 2004. – 192 с.*
5. *Результаты социально-экономического развития Ульяновской области [Электронный ресурс] // http://www.econom73.ru/deps/ser/36/101/175.html.*
6. *Рудницкий, Л. В России останется только два региона-донора [Электронный ресурс] // http://news.km.ru/v_rossii_ostanetsya_tolko_dva_re 02.12.2009.*

Э.И. Скоблева (Россия) **E.I. Skobleva (Russia)**

СТРАТЕГИЯ КАК МЕХАНИЗМ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

STRATEGY AS THE MECHANISM OF MODERNIZATION OF HIGHER EDUCATION

Modernization of the higher vocational education should be presented within the limits of the long-term strategy which realization will allow to successfully integrate the Russian higher school into world educational space, having kept thus national specificity. In article is presented the comparative analysis of the basic schools of thought which are taking up the problems of formation of strategy; the optimum choice of models of strategy on makro - meso- and microlevels will provide success of the purposes of modernization.

Экономическая стратегия вошла в число распространенных терминов в 50-60-е гг. XX в., когда вопросы перспективного планирования и задачи адекватного реагирования на изменения внешней среды приобрели особенно важное значение для успешной деятельности [2:9-12].

Хотя сегодня терминология стратегического планирования достигла определенного уровня стабильности, существуют некоторые отличия в ее понимании и толковании. Рассматривая стратегию как базовую категорию стратегического планирования, целесообразно разграничивать стратегию организации в целом и стратегию принятия решений. С другой стороны, И. Ансофф определяет стратегию как «…набор правил для принятия решений, которыми организация руководствуется в своей деятельности» [1:68], объединяя таким образом концепции стратегии организации и стратегии принятия решений. П. Лоранж под стратегическим планировани-

ем подразумевает набор действий и решений, предпринятых руководством, которые ведут к разработке специфических стратегий, предназначенных для достижения целей [8:2].

Разработка и реализация стратегии модернизации системы ВПО предполагает участие всех субъектов при определенной согласованности и взаимодополнении их деятельности.

Если общегосударственная стратегия (Концепция – 2020) формируется на макроуровне, то на мезоуровне должны работать региональные стратегии, микроуровень – есть выработка стратегии конкретного образовательного учреждения.

Несмотря на то, что структура стратегии в целом типична, способы стратегирования, применяемые на макроуровне, мезоуровне и микроуровне, отличаются.

Какого-то одного единственно верного способа создания стратегии не существует [4:41]. В настоящее время есть десять основных школ, занимающихся проблемой формирования стратегии [4], и их сравнительный анализ позволяет нам определить, какие стратегии возможно использовать на макро-, мезо- и микроуровнях в процессе реформирования системы ВПО.

1. *Школа дизайна* – формирование стратегии как процесс осмысления (середина 60-х гг. XX в). Основатель – К. Эндрюс. Условия данной модели:

– индивид (руководитель) способен обработать всю относящуюся к формированию стратегии информацию;

– стратег должен обладать полным, детальным, глубоким знанием текущей ситуации;

– ситуация в процессе реализации стратегии должна оставаться стабильной и предсказуемой.

Именно в рамках данной школы была предложена разработка SWOT-анализа для процесса стратегирования. Однако проблема заключается в том, что в результате проведенных исследований выяснилось, что ни

одна компания, пользовавшаяся схемой SWOT-анализа при разработке стратегии, не воспользовалась ею на последующих стадиях стратегического процесса [7:46].

Вместе с тем стратегия как таковая стала рассматриваться как фундаментальное соответствие между внешними возможностями и внутренним потенциалом.

2. *Школа планирования* – построение стратегии как формального процесса (середина 60-х гг. XX в). Основатель – И. Ансофф, П. Лоранж. Основные положения школы планирования:

– стратегия есть результат контролируемого, осознанного процесса формального планирования, разбиваемого на отдельные шаги, каждый из которых сопровождается аналитической работой и поиском ответов на ряд вопросов; этапы схематически изображаются в виде контрольных таблиц и поддерживаются соответствующими методами. Каждый элемент плана может быть конкретизирован и выделен, затем происходит работа над всеми компонентами, которые потом вновь собираются в одно целое, и получается правильная стратегия. Стратегия является чертежом, содержащим конкретные цели, бюджеты, программы и планы деятельности.

– ответственность за принципиальную сторону планирования ложится на высшее руководство, ответственность за практические шаги – на лиц, осуществляющих реализацию стратегии;

– для стратегии обязательны практические приложения.

Одной из характерных особенностей данной школы является требование разработки сценариев – различных вариантов развития событий. При неточности критериев выбора определенного сценария школа планирования предполагает развитие и реализацию стратегии только в условиях стабильности, предсказуемости и контролируемости, а это зачастую не соответствует экономическим реалиям.

3. *Школа позиционирования* – построение стратегии как аналитический процесс (80-е гг. XX в.). Основатель – М. Портер. Идеи данной школы базируются на предположениях школ дизайна и планирования. Однако есть принципиальное отличие: если первые две школы предполагают возможность рассмотрения множества сценариев развития и, соответственно, не ограничивают число стратегий, то школа позиционирования утверждает, что для каждой отрасли[1] есть лишь определенное число стратегий, которые могут принести желаемые результаты. Следование им позволяет компании занять выгодные рыночные позиции, которые сами по себе обеспечат защиту от атак конкурентов. Такие ключевые стратегии получили название генерических. Их три: лидерство по издержкам, дифференцирование и фокусирование, или уменьшение масштаба.

Как и в двух других школах, формирование стратегии рассматривается как аналитический, контролируемый, сознательный процесс, в результате которого появляются хорошо продуманные, детально разработанные еще до начала формальной реализации стратегии.

Приверженцы школы позиционирования поддерживали идею о том, что стратегия предваряет структуру организации, но добавили еще одну форму «структуры» – отраслевую. Отраслевая структура формирует стратегическую позицию компании, которая, в свою очередь, воздействует на ее организационную структуру. В школе позиционирования внимание к экономике превалирует над политическими вопросами.

В рамках школы позиционирования Бостонской консультационной группой (БКГ), которую создал Брюс Хендерсон, предлагаются концепции матрицы рост рынка/доля рынка и кривой опыта. Весь процесс может быть сведен к формуле, позволяющей, опираясь на ограни-

[1] М. Портер делает акцент не на поведении фирм, как это было в ранних школах, а рассматривает *отраслевое* стратегирование.

ченный перечень условий, выбирать единственно верную позицию.

С точки зрения Г. Минцберга, такой подход напоминает конвейер. Но успех деятельности, по его мнению, определяется не благодаря следованию общепринятым шаблонам, а вопреки им, и в первую очередь – благодаря *созданию* категорий [4:101].

4. *Школа предпринимательства* – построение стратегии как процесс предвидения (80-е гг. XX в.). Представители - Г. Минцберг, Г. Стивенсон, Д. Гамперт.

Центральное понятие школы предпринимательства – видение: мысленное представление стратегии, рожденное или отображенное в сознании руководителя организации. Видение не есть четкий план, выраженный в словах цифрах, но отличается большей гибкостью, эта стратегия одновременно и предначертанная, и развивающаяся [4:108].

Мировоззренческая позиция руководителя заменяет зафиксированный на бумаге план и решения принимаются властным способом. Анализ 100 интервью, проведенных с руководителями американских компаний, позволил сделать следующие выводы [5:152]. Из числа опрошенных:

41% вообще не имели никакого плана;

26% имели заметки, отдаленно напоминающие план;

5% представили инвесторам финансовые прогнозы;

28% разработали развернутый план.

Однако «предпринимательская» стратегия связана с чрезмерным риском по причине зависимости от личности руководителя. В процессе построения и развития компании необходим цельный архитектурный подход, а свойства предпринимательства обеспечат гибкость и динамизм [6:22-23].

5. *Когнитивная школа (школа познания)* – построение стратегии как ментальный процесс (80-е гг. XX в.). Представители – С. Макридакис, А. Дюгейм, Э. Хафф. Необхо-

димой предпосылкой стратегического познания является существование ментальных структур, с помощью которых организуется знание. Для обозначения этих структур используется термин «фрейм» (схема, сценарий, план, интеллектуальная модель, карта). Стратегии зарождаются как перспективы в указанных формах, предписывающие способы получения информации из внешней среды. Когнитивная школа – развивающаяся школа, и ее предмет исследования – формирование стратегии.

6. *Школа обучения* – построение стратегии как обучающийся процесс (80-е гг. XX в.). Основатели – Ч. Линдблом, Дж. Куинн. Данная стратегия возникает и развивается спонтанно, что открывает дорогу к стратегическому обучению, поскольку признается право на эксперимент.

Сложный и непредсказуемый характер внешней среды часто в совокупности с необходимостью постоянно обновлять знания, учитываемые в стратегии, препятствует осуществлению взвешенного контроля. Следовательно, выработка стратегии должна обрести форму обучения. Процедура обучения носит развивающий характер через поведение, которое способствует ретроспективному мышлению, направленному на осмысление предпринимавшихся действий. Стратегический менеджмент включает в себя мастерство распознавания трудноуловимых взаимосвязей между мыслями и действиями, контролем и обучением, стабильностью и переменами. Стратегия – переосмысленная схема действий из прошлого [4:174].

Однако упор на обучении, на интерпретации опыта может в итоге привести к стратегическому дрейфу. Эффективность же управления заключается в том, чтобы реализовывать действенные стратегии. Это означает, что бесконечно расширять стратегическую перспективу нельзя, однако не стоит фиксировать ее, так чтобы не оставалось возможности вносить изменения.

7. *Школа власти* – построение стратегии как переговорный процесс (70-е гг. XX в.). Основатели – А. Макмиллан, Дж. Сарразин, Э. Петтигрю. Формирование стратегии определяется властными и политическими силами, но возникающие таким образом стратегии носят спонтанный характер и не перспективны. Эта школа может отражать реальность, но не дает надежного способа формирования стратегии. Вместе с тем анализ процесса формирования стратегии вне политических и властных его измерений является далеко не полным [4:216].

8. *Школа культуры* – построение стратегии как коллективный процесс (80-е гг. XX в.). Представители – С. Фельдман, М. Ферсироту, Ф. Ригера. Формирование стратегии есть процесс социального взаимодействия, основанный на общих убеждениях и понимании. Основной характеристикой стратегии выступает культурная предначертанность. Идеология и традиции способствуют скорее не стратегическим изменениям, а формированию и сохранению некой уже существующей стратегии.

9. *Школа внешней среды* – построение стратегии как реактивный процесс (70-е гг. XX в.). Основатели – Д. Миллер, М. Ханнан, Дж. Фриман. Внешнее окружение, проявляющееся как набор сил общего характера, является главным элементом процесса создания стратегии. Необходимо либо адекватно реагировать на эти силы, либо уйти.

10. *Школа конфигурации* – построение стратегии как процесс трансформации (70-е гг. XX в.). Основатели – П. Хандвалл, Д. Миллер. В рамках данной школы устойчивая структура и устойчивый внешний контекст рассматриваются как конфигурация, а процесс разработки стратегии – как трансформация. Чередование периодов конфигурации и трансформации со временем выстраивается в схематическую последовательность – концепцию жизненных циклов организации. Таким образом, основная цель стратегического менеджмента состоит в

поддержании стабильности организации на относительно длительных отрезках времени. Или, по крайней мере, тех изменений, которые вписываются в ее стратегию. Соответственно процесс построения стратегии сводится к разработке концепций или формальному планированию, к систематическому анализу или видению руководства, к скооперированному обучению или конкурентной политике, к сосредоточенности на индивидуальном обучении, коллективной специализации или ограничивается реакциями на воздействие внешней среды. Однако его обязательным условием выступает своевременность предпринимаемых действий и их адекватность контексту. Таким образом, вышеперечисленные школы построения стратегий сами по себе представляют определенные конфигурации. Результирующие стратегии принимают форму планов, схем, позиций, перспектив, но, опять же – каждая в свое время и в соответствии с ситуацией.

Таким образом, первые три школы можно охарактеризовать как прескриптивные (предписывающие), остальные семь – как дескриптивные.

Создание стратегии подразумевает комбинирование различных подходов разных школ, и наиболее серьезные ошибки встречаются тогда, когда воспринимается и развивается единственная точка зрения, единственный тип стратегии.

Общая концепция реформирования системы высшего профессионального образования в свете представленных выше школ стратегий и исследования институционального пространства ВПО может выглядеть следующим образом.

Возможности использования комплекса стратегических подходов представлены в рамках школы конфигурации. Положения этой школы могут стать основой для *выработки общегосударственной стратегии реформирования системы ВПО*.

Всесторонние перемены, наблюдаемые в сфере ВПО, с одной стороны, объективны и обусловлены внешними факторами, с другой стороны, – управляемые, и представляют собой трансформацию стратегии и структуры, варьирующуюся от высококонцептуальных до абсолютно конкретных, от формальных до неформальных.

Во-первых, необходимо различать два основных измерения перемен – это сама *система ВПО*, которая подвержена трансформации, и *стратегия реформирования ВПО*, которая также имеет определенную структуру, подвержена влиянию и допускает отклонения от заданных императивов и горизонтов по причине нестабильности внешней среды.

В процессе трансформации системы ВПО необходимо отслеживать параллельно темп стратегии и осуществлять мониторинг стратегии.

Стратегия и система ВПО будут меняться от высококонцептуальных до конкретных. Из измерений стратегии наиболее концептуальной является *видение* (или стратегическая перспектива, которая формально может быть выражена как цель и миссия стратегии); из измерений организации – *культура*, которая представляет собой специфику и традиции реформируемой системы. Для сохранения идентичности реформируемой системы образования, необходимо, чтобы выработанная стратегическая перспектива (видение) принимала в расчет ее специфику.

Далее, определяя *уровни* системы ВПО и *позиции* реформирования системы ВПО, важно учитывать, что реформируемая система образования меняется как элемент мировой образовательной системы, трансформируются ее национальные особенности, региональная специфика, меняется статус вузов. На данном уровне трансформаций на позиции реформирования может оказывать влияние внешняя среда (мировые вызовы системе российского образования, реализация Болонского процесса),

объективные социально-экономические факторы (периоды стабильности и кризисные явления в экономике, необходимость региональной системе ВПО соответствовать структуре экономики региона, трансформация видового статуса вузов), а также политическое давление, лоббирование интересов (так или иначе элементы стратегии будут отвечать интересам заинтересованных групп).

Более конкретным измерением перемен являются *программы* (направления) реформирования ВПО в соответствии с существующими и реформируемыми институциональными средами ВПО (*система*). На данном этапе существует возможность планирования направлений реформирования с учетом использования опыта модернизации. Именно здесь происходит осуществление дифференцированных задач стратегии относительно реформируемой системы ВПО.

И наиболее конкретное измерение перемен – это изменение кадрового обеспечения системы ВПО (*кадры*), произошедшее под влиянием разнонаправленных трансформаций, и изменение, в этой связи, структуры предоставляемых *образовательных услуг*.

Каждый последующий этап более конкретных изменений возможен и обязателен, если трансформации подвержены составляющие предыдущего, более абстрактного этапа.

Данная структура трансформаций является формальной. Отследить неформальные трансформации сложно, и их интенсивность будет зависеть от динамики и эффективности реализации стратегии реформирования системы ВПО: чем более стратегия будет дрейфовать, тем интенсивнее будут складываться неформальные отношения. Одновременно можно говорить о том, что и сама стратегическая позиция может отличаться разной степенью формальности: чем неформальнее она будет представлена, например, как развивающаяся, тем меньшее воздействие она окажет на систему ВПО.

Таким образом, общегосударственная стратегия развития высшего образования может быть представлена в рамках модели школы конфигурации, которая объединяет в себе элементы прескриптивных и дескриптивных школ стратегий.

В то время как общегосударственная стратегия предполагает выработку комплексного механизма развития высшего образования, развитие имеющихся или появление новых субъектов образования, образовательных учреждений, финансовых технологий и т.п., региональное стратегирование означает формирование благоприятного инновационного и инвестиционного климата, условий для появления и развития новых институтов, а также формирование регионального субъекта как инициатора развития региональной системы высшего профессионального образования.

На наш взгляд, *выработка региональных стратегий развития высшего образования* может опираться на разработки прескриптивных школ, в частности, на исследования школы планирования и, отчасти, школы позиционирования.

Региональные стратегии высшего образования могут сопровождаться SWOT-анализом (исследование и выявление силы, слабости, возможностей и угроз региональных систем высшего образования), после чего могут быть определены стратегические альтернативы. Затем эти альтернативы оцениваются и выбирается единственная «лучшая» стратегия. В этой модели конечный продукт уникален для конкретного региона и проявляется в форме подробной «полной» стратегии, которая должна быть реализована на практике. Это означат, что региональная стратегия развития высшего образования должна отвечать структуре экономики конкретного региона, отражать конкурентные преимущества региона.

Вместе с тем, согласно школе позиционирования, отраслевая (общегосударственная) структура реформи-

рования ВПО формирует стратегическую позицию региона, что в комплексе определяет организационную структуру системы ВПО в целом и вузов, в частности.

Процесс выработки целей на макро- и мезо- уровнях осуществляется в режиме прямой и обратной связи. Сначала «снизу вверх», от частных целей к общим, что происходит в процессе формирования общегосударственной стратегии, затем «сверху вниз», от общих к частным, что имеет место на этапе исполнения принятой к реализации стратегии. Общегосударственные стратегические цели проецируются на проблемы и специфику развития ВПО региона и разворачиваются им в собственную систему целей, структура которой едина и субординирована по уровням.

К постановке целей на уровне регионального стратегирования выдвигаются следующие требования:

– полная субъектная и объектная, факторная и ресурсная определенность;

– взаимная непротиворечивость общегосударственных и региональных целей, ценностной ориентации;

– соответствие целей образовательному потенциалу региона и интересам субъектов модернизации.

Параметрами согласования на данном этапе являются приоритеты, ориентиры и императивы достижения сформулированных целей, которые определяют допустимую широту коридора миссии, траекторию, последовательность и скорость осуществления региональной стратегии модернизации ВПО.

Согласно утверждениям представителей школы позиционирования стратегия предваряет структуру организации. Стратегия отрасли ВПО задает такие изменения в организационной структуре сферы образования, которые определяют статус вузов и, следовательно, возможности и ограничения *выработки стратегий на микроуровне*. На наш взгляд, механизм формирования стратегии модернизации вуза не может быть определен самим

вузом. Так, во многих странах государственные органы сохраняют прерогативу в определении миссии (профиля) вуза и стратегии ее реализации [3:32]. Это объясняется тем, что именно государство несет бремя ответственности за эффективное расходование бюджетных средств, политику по подготовке кадров для национальной экономики и общий уровень образования в стране.

Для системы ВПО характерно следующее: 1) организационная структура системы ВПО может рассматриваться как дивизиональная, где основной координационный механизм – это стандартизация выпуска (образовательных услуг), а ключевой проектный параметр – система контроля над исполнением; 2) как рыночная структура система ВПО тяготеет к определению ее как естественной монополии, что предполагает использование механизмов государственного регулирования; 3) высшее учебное заведение есть некоммерческая организация, что исключает постановку цели максимизации прибыли из возможных направлений ее деятельности. В той связи выработка вузом собственной стратегии ограничена и определена стратегиями более высокого уровня. Вместе с тем законодательно утвержденный принцип автономии вузов предполагает поиск ими дополнительных источников финансирования, способов привлечения абитуриентов. В этом направлении могут быть разработаны локальные стратегии, однако это будут стратегии развития (выживания), но не самостоятельные стратегии реформирования вуза. Такого рода стратегии относительно независимы от общей концепции модернизации ВПО и являются отдельным предметом исследования.

Таким образом, даже при условии реализации единого направления модернизации системы ВПО способы формирования стратегии на макро-, мезо- и микроуровнях существенно различаются. Схемы, которые могут работать в условиях региональных («простых») систем,

но не могут рассматриваться как механизм общегосударственного стратегирования.

Вместе с тем, региональные стратегии могут стать системообразующей конструкцией общей стратегии развития высшего образования, так же и выработанная общегосударственная концепция развития образования должна являться основой для формирования региональных стратегий.

Библиографический список

1. *Ансофф, И. Стратегическое управление / И. Ансофф. – М.: Экономика, 1989.*
2. *Голубков, Е. П. О некоторых понятиях и терминологии маркетинга / Е. П. Голубков // Маркетинг в России и за рубежом. – 2003. – № 5(37).*
3. *Железов, Б. В. Осмысление опыта реформ управления высшим образованием в ЕС / Б. В. Желещов // Вестник международных организаций. – 2008. – № 2 (17).*
4. *Минцберг, Г. Школы стратегий. Стратегическое сафари: экскурсия по дебрям стратегий менеджмента / Г. Минцберг, Б. Альстэнд, Дж. Лэмпел. – СПб.: Питер, 2000.*
5. *Bhide, A. How Entrepreneurs Craft Strategies That Work / A. Bhide // Harvard Business Review. – 1994. –March-April.*
6. *Collins, J. C., Porras J.I. Built to Last: Successful Habits of Visionary Companies / J. C. Collins, J. I. Porras. – N. Y.: Harper Business, 1994.*
7. *Hill, T. SWOT Analysis: It's Time for Product Recall / T. Hill, R. Westbrook // Long-Range Planning. – 30. 1.1997.*
8. *Lorange, P. Corporate Planning: An Executive Viewpoint, Englewood Cliffs / P. Lorange. – N.J.: Prentice-Hall, 1980.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- **Банзл Джон** – основатель и президент международного института одновременной политики (SIMPOL) */Лондон, Великобритания/*
- **Бирюков** Андрей Владимирович **–** ректор Самарского института – Высшая школа приватизации и предпринимательства */Самара, Россия/*
- **Бобрышов** Сергей Викторович - доктор педагогических наук, доцент Ставропольского государственного педагогического института */Ставрополь, Россия/*
- **Буровская** Елена Викторовна - доцент Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева */Красноярск, Россия/*
- **Вареник** Виктория Николаевна - старший преподаватель Днепропетровского университета экономики и права */ Днепропетровск, Украина/*
- **Гайкин** Виктор Алексеевич - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН */Владивосток, Россия/*
- **Горохов** Сергей - студент Института права Самарского государственного экономического университета */Самара, Россия/*
- **Дмитриева** Элеонора Яковлевна – кандидат философских наук, доцент Поволжской государственной социально-гуманитарной академии */Самара, Россия/*
- **Дмитриева** Наталья Аркадьевна **-** преподаватель

иностранного языка ФГОУ СПО «Поволжский Государственный колледж» */Самара, Россия/*

- **Ермолаев** Константин Николаевич **-** профессор Самарского института «Высшая школа приватизации и предпринимательства» */Самара, Россия/*
- **Желнина** Евгения Валерьевна – доцент Тольяттинского государственного университета */Тольятти, Россия/*
- **Захарова** Инна Владимировна – доцент Ульяновского государственного технического университета */Ульяновск, Россия/*
- **Иванов** Николай Юрьевич - старший преподаватель Якутского государственного инженерно-технического института */Якутск, Россия/*
- **Ивашкин** Сергей Николаевич - кандидат культурологии, главный библиотекарь-методист Федерального института развития образования */Москва, Россия/*
- **Инкижекова** Мария Сергеевна - доцент Уральского государственного горного университета */Екатеринбург, Россия/*
- **Ионесов** Владимир Иванович – руководитель Центра международного образования и проектов Самарского института «Высшая школа приватизации и предпринимательства», президент Самарского международного культурологического общества */Самара, Россия/*
- **Калашникова** Елена Борисовна **–** доцент Самарского государственного экономического университета и Самарского института «Высшая школа приватизации и предпринимательства» */Самара, Россия/*
- **Кошкина** Марина Витальевна – вице-президент Самарского института – Высшая школа приватизации и предпринимательства */Москва, Россия/*
- **Мазаева** Тамара Адамовна - доктор философских наук, профессор Чеченского государственного университета */Грозный, Россия/*
- **Малышев** Владислав Борисович – доцент Самарско-

го государственного технического университета */Самара, Россия/*

- **Найдёнова** Татьяна Анатольевна – кандидат экономических наук, старший преподаватель Сыктывкарского государственного университета */Сыктывкар, Россия/*
- **Овруцкий** Александр Владимирович – доцент Южного федерального университета */Ростов-на-Дону, Россия/*
- **Панов** Сергей Владимирович – доцент Федерального института развития образования */Москва, Россия/*
- **Перайка** Анна - руководитель международного online проекта «Синдром жертвы и культура», лектор кафедры культурных исследований факультета философии университета г.Риека */Риека, Хорватия/*
- **Пестовская** Зоя Станиславовна - старший преподаватель Днепропетровского университета экономики и права */ Днепропетровск, Украина/*
- **Понятовская** Анжелика Геннадьевна – преподаватель Омского государственного технического университета */ Омск, Россия/*
- **Посвятенко** Оксана Николаевна - декан экономического факультета Самарского института «Высшая школа приватизации и предпринимательства» */Самара, Россия/*
- **Сарак** Алдеа Лаура – профессор Университета г.Константа */Константа, Румыния/*
- **Скоблева** Элла Ивановна – доцент Астраханского государственного университета */Астрахань, Россия/*
- **Стрингер** Дэвид А. – президент Международной общественной организации «Универсальный альянс» *(Фоуэй, Великобритания)*
- **Тимофеенко** Людмила Петровна – преподаватель Днепропетровского университета экономики и права */Днепропетровск, Украина/*
- **Тимошин** Николай Иванович **–** профессор Самарской государственной академии культуры и искусств */Самара, Россия/*

- **Тонкошкурова** Екатерина А. –преподаватель Самарского государственного технического университета */Самара, Россия/*
- **Уадлоу** Рене – редактор международного журнала «Транснациональные перспективы», директор исследовательского института университета Женевы по проблемам развития, представитель ООН по общественным организациям */Женева, Швейцария/*
- **Узилевский** Геннадий Яковлевич - доктор филологических наук, профессор Орловской региональной академии государственной службы */Орёл,Россия/*
- **Утина Елена -** студентка Института права Самарского государственного экономического университета */Самара, Россия/*
- **Фоломеев** Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент Самарского государственного университета */Самара, Россия/*
- **Швецова** Ирина Николаевна – доцент Сыктывкарского государственного университета */Сыктывкар, Россия/*
- **Шошин** Сергей Владимирович – доцент Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского */Саратов, Россия/*

LIST OF CONTRIBUTORS

♦ **Biriukov,** Andrey V. **–** Principle of Samara Institute – "Higher School of Privatization and Enterprise" */Samara, Russia/*

♦ **Bobryshov,** Sergey V. - Associate Professor, Stavrapol State Pedagogical University */Stavropol. Russia/*

♦ **Bunzl,** John – President of International Simultaneous Policy Organisation */London, UK/*

♦ **Burovskaya,** Elena V. – Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University */Krasnoyarsk, Russia/*

♦ **Dmitrieva,** Eleonora Ya. – Associate Professor, Povolzhie's State Social-Humanitarian Academy */Samara, Russia/*

♦ **Dmitrieva,** Natalia A. – Lecturer, Povolzhie's StateCollege */Samara, Russia/*

♦ **Ermolaev,** Konstantin N. – Professor, Samara Institute – "Higher School of Privatization and Enterprise" */Samara, Russia/*

♦ **Folomeev,** Sergei N. - Associate Professor, Samara State University */Samara, Russia/*

♦ **Gaikin,** Viktor A. – Senior Scientific Researcher, Institute History, Archaeology and Ethnography of Peoples of Far East, Far East Branch of Russian Academy of Sciences */Vladivostok, Russia/*

♦ **Gorokhov,** Sergey **–** Student, Institute of Law at Samara State Economical University */Samara, Russia/*

♦ **Inkizhekova,** Mariya S. – Associate Professor Ural State Mountain University */Ekaterinburg, Russia/*

♦ **Ionesov,** Vladimir I. – Chair, Centre of International Education and Projects, Samara Institute – "Higher School of

Privatization and Enterprise", President of Samara Society for Cultural Studies */Samara, Russia/*

♦ **Ivanov,** Nikolay Yu. – Senior Lecturer, Yakutsk State Engineering- Technical Institute */Yakutsk, Russia/*

♦ **Ivashkin,** Sergey N. – Head Librarian-Methodist, Federal Institute of Development and Education */Moscow, Russia/*

♦ **Kalashnikova,** Elena B. – Associate Professor, Samara State Economical University and Samara Institute – "Higher School of Privatization and Enterprise" */Samara, Russia/*

♦ **Koshkina,** Marina V. – Vice-President, Samara Institute – "Higher School of Privatization and Enterprise" */Moscow, Russia/*

♦ **Malyshev,** Vladislav B. – Associate Professor, Samara State Technical University */Samara, Russia/*

♦ **Mazaeva,** Tamara A. – Professor, Chechen State University */Grozny, Russia/*

♦ **Naidyonova,** Tatyana A. - Senior Lecturer, Syktyvkar State University */Syktyvkar, Russia/*

♦ **Ovrutsky,** Alexander V. - Associate Professor, Southern Federal University */Rostov-na-Donu, Russia/*

♦ **Panov,** Sergey V. **–** Associate Professor, Federal Institute of Development and Education */Moscow, Russia/*

♦ **Peraica,** Ana – Leader of Online Project Victims' Symptom (PTSD and Culture), Lector of Visual Culture, Media Arts and Propaganda Systems in Arts at the Department of Cultural Studies, Faculty of Philosophy at the University of Rijek*a /Rijeka, Croatia/*

♦ **Pestovskaya,** Zoya Stanislavovna - Senior Lecturer, Dnepropetrovsk University Economics and Law */Dnepropetrovsk, Ukraine/*

♦ **Ponyatovskaya,** Angelika G. - Lecturer, Omsk State Technical University */Omsk, Russia/*

♦ **Posvaytenko,** Oksana N. – Dean of Economical Faculty, Samara Institute – «High School of Privatization and Enterprise» */Samara, Russia/*

♦ **Sarac,** Aldea Laura - Professor, Şaguna University of Constanţa */Bucharest, Romania/*

♦ **Shoshin,** Sergei V. – Associate Professor, Saratov State University */Saratov, Russia/*

♦ **Shvetsova,** Irina N. – Associate Professor, Syktyvkar State University */Syktyvkar, Russia/*

♦ **Skobleva,** Ella I. – Associate Professor, Astrakhan State University */Astrakhan, Russia/*

♦ **Srtringer**, David **–** Chair of "Universal Alliance" International Organisation */Fowey, UK/*

♦ **Timofeenko,** Lyudmila P. – Lecturer, Dnepropetrovsk University Economics and Law */Dnepropetrovsk, Ukraine/*

♦ **Timoshin,** Nikolai I. – Professor, Samara state academy of Culture and Arts */Samara, Russia/*

♦ **Tonkoshkurova**, Ekaterina A. – Lecturer, Samara State Technical University */Samara, Russia/*

♦ **Utina,** Elena **--** Student, Institute of Law at Samara State Economical University */Samara, Russia/*

♦ **Uzilevsky,** Gennady Ya. – Professor, Orel Regional Academy of Governmental Service */Orel, Russia/*

♦ **Varenik,** Viktoria N. - Senior Lecturer, Dnepropetrovsk University Economics and Law */Dnepropetrovsk, Ukraine/*

♦ **Wadlow,** Rene - Editor, Transnational Perspectives, a Journal of World Politics and Social Issues */Geneva, Switzerland/*

♦ **Zakharova,** Inna V. **-** Associate Professor, Uliyanovsk State Technical University **/***Uliyanovsk, Russia/*

♦ **Zhelnina,** Evgeniya V. – Associate Professor, Togliatti State University */Togliatti, Russia/*

Научное издание

СЕМИОТИКА КРИЗИСА:
ИМПЕРАТИВЫ СОЦИАЛЬНОГО ВЫЖИВАНИЯ, ОБНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Материалы Международной научной конференции

Верстка и дизайн обложки - Л.Немцев

Отпечатано в типографии ООО «Издательство ВЕК#21»
443001, г. Самара, ул. Ленинская, 199-1
Тел./факс: 8(846) 337-80-60
Издательская лицензия - ИД 03840 от 25 января 2004 г.
Подписано в печать 10 апреля 2010 г.
Гарнитура - Verdana
Бумага офсетная, печать офсетная, формат 60x84 1/16
Усл. печ. листов - 30,25
Тираж - 1000 экз.
Заказ №182